ЛЕОНИД МЛЕЧИН

ОСОБАЯ ПАПКА

ЗАЧЕМ СТАЛИН СОЗДАЛ ИЗРАИЛЬ?

...ради чего он это сделал? Какие тайные интересы связывал с Ближним Востоком? Что принесло нашей стране сближение с арабским миром?..

ОСОБАЯ ПАПКА

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

ЗАЧЕМ СТАЛИН СОЗДАЛ ИЗРАИЛЬ?

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2005

ББК 67.401.212
М 72

Оформление художника *П. Волкова*

Млечин Л.
М 72 Зачем Сталин создал Израиль? — М.: Эксмо, Яуза, 2005. — 480 с., ил.

ISBN 5-699-08094-5

Еврейское государство было создано не Соединенными Штатами, а Советским Союзом. Израиль бы никогда не появился, если бы этого не захотел Сталин, в ту пору — лучший друг сионистов. Израиль бы не выжил, если бы Сталин не снабдил его оружием и солдатами в ту пору, когда американские политики менее всего желали появления еврейского государства.

Но ради чего он это сделал? Какие тайные интересы связывал с Ближним Востоком? Почему так быстро переменился к Израилю? И главный вопрос: что принесло нашей стране сближение с арабским миром? Рассекреченные документы Министерства иностранных дел позволяют понять скрытые мотивы советской дипломатии на Ближнем Востоке.

ББК 67.401.212

© Л. Млечин, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005
© ООО «Издательство «Яуза», 2005

ISBN 5-699-08094-5

ОТ АВТОРА

Все, кто по моей просьбе читал рукопись этой книги и кому я обязан ценными замечаниями, советовали придумать иное название: «Ведь это же не совсем точно. Не Сталин создал Израиль. Такова была воля большинства государств, входивших в Организацию Объединенных Наций».

Но я уверен: если бы не Сталин, еврейское государство в Палестине вряд ли бы появилось. А его решение определило не только судьбу современного Ближнего Востока, но и повлияло на политическую историю Советского Союза и Соединенных Штатов.

Доказательством этой точки зрения служат сотни рассекреченных документов из архива внешней политики России. Они собраны в два двухтомных сборника. Один — «Советско-израильские отношения. 1941—1953» — подготовлен министерством иностранных дел России, другой — «Ближневосточный конфликт. 1947—1956» — Международным фондом «Демократия».

Теперь появилась возможность сопоставить мидовские справки, шифротелеграммы послов, записи бесед министров иностранных дел, докладные записки в ЦК с мемуарами политиков и дипломатов, со свидетельст-

вами очевидцев и участников тех драматических событий. И можно наконец ответить на главный вопрос — зачем Сталину понадобился Израиль? Какие планы он строил относительно Ближнего Востока? Почему потом советская линия на Ближнем Востоке так радикально изменилась и что все это принесло нашей стране?

Это книга не об Израиле, это книга о советской политике на Ближнем Востоке.

История — это что-то неприятное, происходившее с другими людьми... Если так думать, ни за что не поймешь, почему наши недавние друзья — арабы, во всяком случае некоторые из них, как сообщили российские спецслужбы, вместе с чеченскими боевиками захватывают школы и убивают детей в российских городах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СИОНИСТЫ СТАНОВЯТСЯ ДРУЗЬЯМИ МОСКВЫ

Каким образом Иван Михайлович Майский все еще оставался послом в Англии, было загадкой. И прежде всего для резидента наркомата госбезопасности, который имел возможность познакомиться с анкетой посла. Резидент, в чьи обязанности входило присматривать за дипломатами, должно быть, не раз задавался вопросом: почему товарищ Сталин терпит этого Майского на столь ответственном посту?

В профессиональных качествах посла сомнений не возникало — прекрасно знает Англию, говорит на нескольких иностранных языках, широко образован, знаком со всеми, кто определяет британскую политику... Но анкета! Его политическое прошлое!

Мало того, что Иван Майский был некогда меньшевиком, хотя и этого достаточно, чтобы пойти по пятьдесят восьмой статье прямехонько на Колыму. Но и это не главное: в Гражданскую войну он просто был на стороне врагов советской власти.

Настоящая фамилия Майского — Ляховецкий. В девятьсот втором году его исключили из Санкт-Петербургского университета за участие в социал-демократических кружках и выслали в Сибирь. Он присоединил-

ся к меньшевикам, участвовал в первой русской революции. В девятьсот шестом году его вновь арестовали и вновь выслали в Сибирь. В девятьсот восьмом он уехал за границу.

Время на чужбине Иван Михайлович провел с пользой. В двенадцатом году окончил экономический факультет Мюнхенского университета. Потом перебрался в Лондон. Здесь он познакомился с Максимом Максимовичем Литвиновым, будущим наркомом иностранных дел.

В Лондоне Литвинов ведал финансовыми делами партии. Он стал ее кассиром, причем очень скупым. Потом он занялся куда более увлекательным, зато и более опасным делом — транспортировкой оружия в Россию. Хорошее отношение Литвинова спасло Майскому жизнь.

После революции Иван Михайлович остался с меньшевиками, был избран в состав ЦК. Он принял участие в последней попытке сохранить на территории России демократическое устройство.

Некоторое количество членов разогнанного большевиками Учредительного собрания собралось в Самаре. Вначале их было всего пять человек, в основном депутаты от Самарской губернии, но они прилагали все усилия, чтобы собрать в городе всех депутатов Учредительного собрания и возобновить работу единственного законно избранного органа власти. Им удалось доставить в Самару около ста депутатов.

Они исходили из того, что правление большевиков приведет либо к восстановлению монархии, либо к немецкой оккупации всей России, и решили установить настоящее демократическое, республиканское правление.

Они образовали Комитет членов Учредительного

собрания, который вошел в историю как Самарский Комуч.

В августе восемнадцатого года в Самару приехал Майский.

«Витрины магазинов были полны всевозможными товарами, являя резкий контраст с товарной пустотой, зиявшей в то время в московских магазинах. Вся картина города носила хорошо знакомый, привычный, «старый» характер, еще не нарушенный горячим дыханием социалистической революции. И это невольно ласкало наш глаз, глаз противников советского режима.

Высшего пункта наше настроение достигло, когда мы пришли на рынок. Эти горы белого хлеба, свободно продававшегося в ларях и на телегах, это изобилие мяса, битой птицы, овощей, масла, сала и всяких иных продовольственных прелестей нас совершенно ошеломило. После Москвы самарский рынок казался какой-то сказкой из «Тысячи и одной ночи». Причем цены на продукты были сравнительно умеренны».

Иван Михайлович стал управляющим ведомством труда (фактически министром) в самарском Комитете членов Учредительного собрания.

Самое удивительное, что Майскому это сошло с рук! В двадцать первом году он, оценив реальность, присоединился к большевикам. В двадцать втором заместитель наркома Литвинов поставил его заведовать отделом печати наркоминдела.

В мае двадцать пятого года Литвинов отправил Майского в Лондон советником полномочного представительства по делам печати. Летом двадцать седьмого Англия разорвала отношения с Советским Союзом, дипломатам пришлось вернуться домой. Майский два года был советником в полпредстве в Японии, еще три года — полпредом в Финляндии.

В октябре тридцать второго года он вновь прибыл в Лондон уже в роли полпреда и оставался на этом посту больше десяти лет. В сорок первом году Сталин сделал его кандидатом в члены ЦК партии.

Все эти годы Майского именовали полпредом — эта должность дипломатического представителя РСФСР была установлена декретом Совнаркома четвертого июня восемнадцатого года. Указом президиума Верховного Совета СССР от девятого мая сорок первого года был введен ранг «чрезвычайного и полномочного посла». Теперь к Майскому обращались так же, как и ко всем другим послам, аккредитованным в Лондоне.

МАЙСКИЙ И ВЕЙЦМАН

И вот к Ивану Михайловичу Майскому третьего февраля сорок первого года пришел необычный гость — Хаим Вейцман. Вообще говоря, он был ученым-химиком с мировым именем. Но к советскому послу он обратился в ином качестве.

В двадцатом году Вейцмана избрали главой Всемирной сионистской организации.

Вейцман появился на свет в небольшом городке на границе Белоруссии, Литвы и Польши как подданный Российской империи. Он не забыл русский язык. Советским дипломатам он с удовольствием рассказывал, как во время Генуэзской конференции весной двадцать второго года его приняли за Ленина.

«На днях, — писал Майский в Москву, — *у меня был неожиданный гость: известный лидер сионизма доктор Вейцман. Высокий, немолодой, элегантно одетый джентльмен с бледно-желтым отливом кожи и большой лысиной... Прекрасно говорит по-русски, хотя выехал из России сорок пять лет назад.*

Пришел Вейцман по такому делу: Палестине сейчас некуда вывозить свои апельсины, не возьмет ли их СССР в обмен на меха? Меха можно было бы хорошо сбывать через еврейские фирмы в Америке.

Я ответил Вейцману, что с ходу ничего не могу сказать определенного, но обещал навести справки. В порядке предварительном, однако, заметил, что палестинским евреям не следует обольщаться особыми надеждами: фрукты мы, как общее правило, из-за границы не ввозим. Так оно и оказалось. Москва отнеслась к предложению Вейцмана отрицательно, о чем я его сегодня уведомил письмом.

Однако в связи с разговором об апельсинах Вейцман коснулся вообще палестинских дел. Больше того: он повел речь о положении и перспективах мирового еврейства. Настроен Вейцман крайне пессимистически.

Всего, по его расчетам, сейчас имеется на свете евреев около семнадцати миллионов. Из них десять-одиннадцать миллионов находятся в сравнительно сносных условиях: по крайней мере им не угрожает физическое истребление. Это евреи, проживающие в США, Британской империи и СССР...

— О чем я не могу думать без ужаса, — так это судьба тех шести-семи миллионов евреев, которые живут в Центральной и Юго-Восточной Европе: в Германии, Австрии, Чехословакии, на Балканах и особенно в Польше. Что с ними будет? Куда они пойдут?

Вейцман глубоко вздохнул и прибавил:

— Если войну выиграет Германия, все они просто погибнут. Впрочем, я не верю в победу Германии. Но если войну даже выиграет Англия, что тогда?

И тут Вейцман стал излагать свои опасения.

Англичане не любят евреев, особенно их не любят английские колониальные администраторы. Это особенно

заметно в Палестине, где живут и евреи, и арабы. Британские «высокие комиссары» безусловно предпочитают арабов евреям.

Английский колониальный администратор обычно проходит школу в таких британских владениях, как Нигерия, Судан, Родезия. Все просто, несложно, спокойно. Никаких серьезных проблем, и никаких претензий со стороны управляемых. Это нравится английскому администратору, и он к этому привыкает. А в Палестине?

Здесь, — оживляясь, продолжал Вейцман, — на такой программе далеко не уедешь. Здесь есть большие и сложные проблемы. Правда, палестинские арабы являются привычными для администратора подопытными кроликами, но зато евреи его приводят в отчаяние. Они всем недовольны, они ставят вопросы, они требуют ответов, подчас нелегких ответов. Администратор начинает сердиться...

Это окончательно настраивает администратора против евреев, и он начинает хвалить арабов. То ли дело с ними! Ничего не хотят и ничем не беспокоят...»

Майский отправил в Москву подробный и эмоциональный (не характерный для дипломата) отчет о беседе.

Неудивительно, что у советского посла остались наилучшие воспоминания о визите Вейцмана. Президент Всемирной сионистской организации производил сильнейшее впечатление на своих собеседников. В определенной степени еврейское государство появилось на свет благодаря прирожденному умению Вейцмана убеждать.

Принято считать, что Израиль был создан западными державами после Второй мировой войны. В какой-то степени это можно считать компенсацией за убийство нацистами шести миллионов евреев. Кроме того,

многие западные политики, набожные христиане, руководствовались романтически-религиозными представлениями — описанное в Библии возвращение евреев в Палестину должно совершиться. Нельзя сбрасывать со счетов и внутриполитические соображения — избирателей-евреев в Соединенных Штатах было достаточно много, чтобы повлиять на исход президентских выборов.

Во время войны об уничтожении евреев практически не писали. А рассказы о концлагерях воспринимались как слишком большое преувеличение: такого не может быть.

Когда в тридцатые годы бежавшие из нацистской Германии люди пытались объяснить происходящее там американским бизнесменам, те не понимали, чего от них хотят:

— В Германии все неплохо. Улицы чистые, на улицах спокойно. Закон и порядок. Никаких забастовок, никаких профсоюзов, от которых одни неприятности. Никаких агитаторов.

В сорок третьем году, в разгар войны, беженец из Германии попал к члену Верховного суда Соединенных Штатов Феликсу Франкфуртеру. Он хотел рассказать видному американцу о концлагерях, об уничтожении евреев. Выслушав его, Франкфуртер, сам еврей, скептически покачал головой:

— Я вижу, что вы считаете все это правдой. Но я просто не могу в это поверить.

Конечно, западный мир ужаснулся в сорок пятом, когда стали известны масштабы гитлеровских преступлений. Многие европейцы и американцы искренне симпатизировали и сочувствовали евреям, которые после разгрома нацистской Германии не знали, куда им деваться.

Европейские евреи, немецкие, польские, румын-

ские, не могли и не хотели возвращаться туда, откуда их изгнали, и жить среди тех, кто убивал их родных и близких, кто отправлял их в концлагеря и грабил их дома, кто радовался их несчастью...

Но создание еврейского государства зависело не от настроений либеральной общественности. Судьбу Палестины и палестинских евреев решали американские и британские политики, абсолютное большинство которых возражало против появления Израиля. Еврейское государство не появилось бы, если бы не Сталин...

ДЕКЛАРАЦИЯ БАЛЬФУРА

Пожалуй, вся эта история началась с того, что пятого декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года премьер-министром Великобритании стал Дэвид Ллойд-Джордж, решительный человек с репутацией борца за справедливость, а министром иностранных дел — потомственный дипломат лорд Артур Джеймс Бальфур.

Бальфур был философом по натуре, спортсменом, обожавшим теннис и гольф, человеком очень жестким. От своего отца он унаследовал состояние, которое сделало его одним из самых богатых людей в стране, от матери, происходившей из знаменитого аристократического рода, — традицию служения империи. Женщина, в которую он был влюблен, умерла от тифа. Он никогда не женился, хозяйство вела его сестра, посвятившая жизнь брату.

Свою политическую карьеру Бальфур начинал в роли секретаря при своем дяде лорде Солсбери, который в конце девятнадцатого века тоже был министром иностранных дел. Своего рода семейная профессия... В начале двадцатого века Бальфур сменил дядю на посту

лидера консервативной партии и три года был премьер-министром. Во время Первой мировой он согласился войти в коалиционное правительство Ллойд-Джорджа сначала в роли первого лорда адмиралтейства (военно-морского министра), затем министра иностранных дел. Семейные амбиции были чужды Бальфуру, он вполне удовлетворялся ролью второго человека, поэтому они хорошо ладили с Ллойд-Джорджем.

В шестнадцатом году Антанта уже брала верх над центральными державами. Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария терпели поражение.

Британские войска под командованием лорда Эдмунда Алленби громили турок, под властью которых находилась Палестина и вообще значительная часть Ближнего Востока. В войсках Алленби сражались солдаты Еврейского легиона — добровольцы-евреи, съехавшиеся из разных стран. Британские власти разрешили сформировать из евреев четыре батальона королевских стрелков (38-й, 39-й, 40-й и 41-й).

Тридцать первого октября семнадцатого года на заседании британского кабинета министров обсуждалось будущее Палестины. Уже было решено, что Оттоманская империя лишится всех своих завоеваний. Судьбу находившихся под ее управлением народов и территорий решали победители.

Правительство его величества постановило, что после войны Палестина станет британским протекторатом и еврейский народ получит там право начать новую историческую жизнь.

Министру иностранных дел лорду Бальфуру поручили уведомить об этом решении британских сионистов — евреев, считавших, что они должны вернуться в Палестину, откуда их когда-то изгнали.

Знаменитая декларация Бальфура от второго нояб-

ря семнадцатого года — это письмо министра иностранных дел Великобритании Артура Джеймса Бальфура, адресованное лорду Уолтеру Ротшильду, президенту Сионистской федерации Великобритании.

В письме Бальфура, одобренном после долгого и бурного обсуждения британским правительством, говорилось:

«Я очень рад уведомить Вас о полном одобрении правительством Его Величества целей еврейского сионистского движения, представленных на рассмотрение кабинета министров.

Правительство Его Величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и сделает все от него зависящее, чтобы облегчить достижение этой цели...»

Самая известная британская газета «Таймс» вышла под шапкой «Палестина — для евреев. Правительство поддерживает».

Сообщение о декларации Бальфура британские газеты поместили восьмого ноября — одновременно с корреспонденциями из России, в которых речь шла о большевистском перевороте.

Формула «национальный очаг» была подобрана с дипломатической осторожностью. Что же это такое — обещание помочь евреям создать собственное государство или всего лишь намерение обеспечить им некую автономию в Палестине?

Толковать формулу «национальный очаг» можно было по-разному — в зависимости от собственного желания и настроения. А настроения британского правительства менялись в зависимости от политической ситуации.

В девятнадцатом году британский парламентарий Невилл Чемберлен, будущий премьер-министр, полно-

стью поддерживал устремления сионистов. Он говорил с пафосом:

— Великая ответственность ляжет на сионистов, которые вскоре с радостью в сердце отправятся на свою древнюю родину. Они должны будут создать новую цивилизацию в древней Палестине, заброшенной и столь плохо управляемой.

Для Ллойд-Джорджа, глубоко религиозного человека, возвращение евреев в Палестину было исполнением воли бога, поскольку премьер-министр весьма почитал Библию.

— Я знаю историю евреев лучше, чем историю моего народа, — говорил Ллойд-Джордж. — Я могу перечислить всех царей израильских. Но я едва ли вспомню дюжину английских королей.

Он обещал, что сделает все, чтобы Палестина стала государством евреев.

— Именно малые народы избраны для великих дел, — говорил Ллойд-Джордж.

Премьер-министр пережил страшную трагедию — погибла его любимая дочь. Это еще больше настроило Ллойд-Джорджа на религиозный лад.

Для лорда Бальфура Библия тоже была живой реальностью. Он был захвачен идеей возвращения евреев на родину, говорил, что христианский мир в неоплатном долгу перед еврейским народом, изгнанным из Палестины. Британские политики, верующие христиане, считали несправедливым, что библейский народ лишен родины. Они хотели восстановить справедливость: евреи должны иметь свое государство.

Накануне Первой мировой войны лорд Бальфур долго беседовал с Хаимом Вейцманом, предлагая ему создать еврейское государство в Африке, на территории нынешней Уганды. Там были незаселенные терри-

тории, и британские власти рады были бы появлению там трудолюбивых еврейских поселенцев.

К Вейцману в британском правительстве относились с уважением и благодарностью за его научные труды, имевшие большое значение для военной промышленности. Ллойд-Джордж повторял, что Англия в долгу перед Вейцманом.

— А если бы я предложил британцам устроить столицу в Париже вместо Лондона, — вопросом на вопрос ответил Вейцман, — вы бы согласились?

— Но у нас уже есть Лондон, — с высоты своего положения ответил лорд Бальфур.

— Это так, — согласился Вейцман. — Но у нас был Иерусалим, когда Лондон был еще болотом. И две тысячи лет, находясь в изгнании, евреи повторяли с неумирающей надеждой: «В будущем году — в Иерусалиме!»

Бальфур задумался над словами Вейцмана, потом поинтересовался:

— Многие ли евреи думают так же, как вы?

— Я верю, — убежденно ответил Вейцман, — что выражаю мнение миллионов евреев, которых вы никогда не увидите и которые не имеют возможности самостоятельно говорить за себя...

Недаром говорили, что Вейцман обладает удивительным даром убеждения. После этой беседы лорд Бальфур превратился в сторонника идеи еврейского государства в Палестине.

Иногда утверждают, что англичане и палестинские евреи не имели права делить чужую землю и отнимать Палестину у арабов, что Израиль — чужеродное тело в сердце арабского мира... В реальности Палестина принадлежала тогда Оттоманской империи. Державы-победительницы считали, что итогом Первой мировой

войны должно стать предоставление независимости народам, томившимся под чужим игом. Это произошло и в Европе, и на Ближнем Востоке.

Оттоманская империя распалась, и благодаря этому появились такие арабские страны, как Ирак, Сирия, Ливан...

Например, Ирак англичане создали из трех провинций бывшей Оттоманской империи. Причем турки властвовали над территорией современного Ирака больше трехсот лет, но никто не сомневался, что иракцы имеют право на свое государство. Ни сирийцы, ни иракцы, ни ливанцы не возражали против того, что европейские державы таким образом распорядились их судьбами.

Другое дело, что победители делили обширное наследство Оттоманской империи в соответствии с некими историческими реалиями. Границы проводились весьма примерно, что породило в дальнейшем серьезные конфликты между соседями.

Решения, принимавшиеся державами-победительницами, конечно же, не были идеальными. Поэтому, скажем, сирийцы получили свое государство, а курды, более многочисленный народ, чем палестинские арабы, — нет.

В рамках глобального переустройства всего региона восстановление еврейского государства в Палестине воспринималось как естественное дело.

Изгнанные из Палестины евреи упрямо стремились вернуться. Еврейские общины всегда существовали на палестинской земле. В Иерусалиме евреи жили на протяжении всех столетий — с одним перерывом, когда город захватили крестоносцы.

За сто лет до появления Израиля, в тысяча восемьсот сорок четвертом году, в Иерусалиме жили семь ты-

сяч евреев, три тысячи христиан и пять тысяч мусульман. К концу девятнадцатого века Иерусалим населяли двадцать восемь тысяч евреев и семнадцать тысяч мусульман и христиан. В момент провозглашения Израиля в Иерусалиме жили сто тысяч евреев, сорок тысяч мусульман и двадцать пять тысяч христиан...

Разумеется, британскими политиками руководил и политический расчет. Они надеялись, что еврейское государство станет надежным союзником на Ближнем Востоке. Задача состояла в том, чтобы обеспечить надежность морских путей в Индию, которая тогда принадлежала Англии. Для этого необходим был прямой контроль над Египтом и Палестиной. Ллойд-Джордж высказывался тогда очень откровенно: *«Палестинские арабы, которые могли быть во многом полезными, во время войны оказались жалкими трусами. Они сражались вместе с турками против нас»*.

Франция и Италия поддержали идею самостоятельного еврейского государства и присоединились к декларации британского правительства в восемнадцатом году.

Американский президент Вудро Вильсон в девятнадцатом году предложил передать Соединенным Штатам мандат на Палестину. Он приехал в Париж на конференцию, которая должна была определить условия подписания мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, потерпевшими поражение в войне. Вильсон стал первым американским президентом, отправившимся за границу, за что многие сограждане его осудили: они считали, что глава исполнительной власти должен заниматься делами собственной страны.

Президент Вильсон, идеалист и глубоко верующий человек, вообще был принципиальным сторонником восстановления этнической справедливости и самооп-

ределения наций. Он настоял на том, чтобы после Первой мировой многие народы Европы получили возможность создать собственное государство. Так появились и сохранились на политической карте мира Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия)...

Американский президент не сомневался, что еврейский народ тоже заслужил право на восстановление собственного государства. Третьего марта девятнадцатого года Вудро Вильсон заявил: *«Союзные нации — при полнейшем совпадении с мнением нашего правительства и народа — согласились о том, что в Палестине будут заложены основы еврейского содружества»*.

К сожалению, Вудро Вильсон был очень больным человеком. В октябре девятнадцатого года его разбил удар, и всю левую сторону тела парализовало. Он не успел добиться многого из того, что считал правильным по моральным соображениям.

Болезнь сразила его в пик политической карьеры. На Парижской мирной конференции Вильсон предстал перед человечеством в роли главного миротворца, к которому все прислушиваются. Он не хотел признавать, что он болен, отказывался ехать в больницу. Охрана Вильсона и его вторая жена Эдит делали вид, что с президентом все в порядке. Американцы и не подозревали, что президент умирает. Доступ к нему имели только его жена, секретарь и врач. Ни вице-президент, ни кабинет министров, ни конгресс не могли узнать, каково здоровье Вильсона. Когда государственный секретарь Роберт Лансинг потребовал созвать кабинет, Вильсон пришел в бешенство и потребовал отставки Лансинга...

В апреле двадцатого года на международной конференции в Сан-Ремо вырабатывались условия мирного

договора с Турцией и решалась судьба Ближнего и Среднего Востока. На право управления регионом в равной степени претендовали Англия и Франция. Британский премьер Ллойд-Джордж взял верх над французским премьер-министром и министром иностранных дел Александром Мильераном, который согласился с тем, что Палестина и Ирак будут управляться из Лондона. В том же году бывший социалист Мильеран был избран президентом Франции.

Двадцать пятого апреля в Сан-Ремо Верховный Союзный Совет предоставил Великобритании мандат на Палестину — в первую очередь с целью претворения в жизнь декларации Бальфура. Эти положения были включены в мирный договор с Турцией, подписанный десятого мая в Севре (рядом с Парижем). Некоторые положения Севрского договора были позднее отменены, но только в части, касавшейся территории собственно Турции.

С этого момента обещание создать «национальный очаг для еврейского народа» стало международно признанной обязанностью Англии. В результате длительной процедуры второго июня двадцать второго года пятьдесят одна страна, входившая в Лигу Наций (предшественницу ООН), утвердили этот мандат.

Тридцатого июня конгресс Соединенных Штатов Америки, которые не вступили в Лигу Наций, принял резолюцию, в которой говорилось: *«Соединенные Штаты благожелательно относятся к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа»*.

Подмандатную территорию нельзя приравнивать к колонии. Права Великобритании по управлению Палестиной были ограниченны — в том числе и во времени. Получение мандата возлагало серьезную ответственность на страну, взявшуюся управлять той или иной территорией.

В международном мандате на управление Палестиной отмечалась «историческая связь еврейского народа с Палестиной». Британским властям предписывалось «создать такие политические, административные и экономические условия, которые наилучшим образом обеспечат создание еврейского национального очага». Имелось в виду, что евреи, которые захотят этого, смогут приехать в Палестину и начать там новую жизнь. Британская администрация — в соответствии с мандатом — должна была «обеспечить наиболее благоприятные условия для еврейской иммиграции».

Будущий премьер-министр Уинстон Черчилль подчеркнул, выступая в палате общин в тридцать девятом году, что обещание это относилось и к «евреям вне Палестины, к той широкой массе несчастных, разбросанных, преследуемых, неприкаянных евреев, чьим неизменным, непобедимым чаянием является устройство национального очага».

Иначе говоря, после Первой мировой войны не только абсолютное большинство европейских стран и Соединенные Штаты, но и Лига Наций безоговорочно поддержали идею возрождения еврейской государственности в Палестине.

Хотя уже тогда английские политики заложили основы будущего территориального конфликта. Голанские высоты были переданы Сирии, находившейся под французским управлением, а территории к востоку от реки Иордан — Трансиордании, там евреям было запрещено селиться.

Первым британским верховным комиссаром Палестины был назначен сэр Герберт Сэмюэль, бывший депутат палаты общин и главный почтмейстер (сейчас бы его назвали министром связи). Он приступил к исполнению обязанностей первого июля двадцатого года.

При назначении учитывалось еврейское происхождение Сэмюэля — британское правительство подчеркивало свое желание исполнить обещанное в декларации Бальфура и помочь евреям.

Когда после Первой мировой в Палестину пришли англичане, евреи встретили их как освободителей. Закончилось османское владычество, продолжавшееся четыреста лет. Но большинство английских офицеров предпочитали иметь дело с арабами и не понимали, чего от них хотят евреи.

Очень скоро политика Англии в Палестине изменилась. Евреев там было мало, арабов много. Англия предпочла сделать ставку на арабов. Герберта Сэмюэля сменил фельдмаршал лорд Плюмер. Вернувшийся в Лондон Сэмюэль возглавил фракцию партии либералов в палате общин, а после того, как его за заслуги перед родиной произвели в виконты, перешел в палату лордов. Он умер, немного не дожив до девяноста трех лет.

МНЕНИЕ ДЗЕРЖИНСКОГО

В Советской России равнодушно наблюдали за событиями в далекой Палестине. Активные сионисты покинули Россию до революции или вскоре после нее.

Сионистские настроения были широко распространены среди российского еврейства (подробнее см. книгу известного историка Геннадия Васильевича Костырченко «Тайная политика Сталина»).

Если бы не раздел Польши, евреев в России вовсе бы не было. Но, прихватив немалую часть польского королевства, императрица Екатерина II обрела и еврейских подданных. Им было обещано равенство в правах, но они его так и не увидели.

Евреи в силу давних религиозных предрассудков

воспринимались как нежелательный элемент. Ведь только в двадцатом веке Второй Ватиканский собор убрал из церковных текстов упоминания о вине еврейского народа за распятие Иисуса Христа. Двадцать восьмого октября шестьдесят пятого года католическая церковь приняла декларацию, осуждающую все проявления антисемитизма и подчеркивающую, что ни древние, ни современные евреи не несут ответственности за смерть Христа. И только в восемьдесят седьмом году папа римский Иоанн Павел II впервые посетил римскую синагогу и, беседуя с главным раввином Рима, назвал иудеев «старшими братьями христиан»...

Долгое время евреи жили в своих местечках в Российской империи совершенно обособленно. Российскую власть это тоже не устраивало. Правительственный указ от восемьсот сорок пятого года предписал евреям отказаться от традиционной одежды и одеваться как все. Обучение русскому языку уменьшило изоляцию еврейских местечек. Разрушение традиционной еврейской общины вело к вовлечению евреев в общую жизнь России. Они стали учить русский язык и получать образование.

Но устроить свою жизнь евреям было трудно — государственная служба была для них закрыта, военная карьера невозможна. Земледелие исключено — им не разрешали покупать землю. Работать в промышленности было нельзя, поскольку запрещалось селиться в крупных городах, где были заводы.

Оставались медицина, наука, культура, но не может же целый народ этим заниматься! Основная масса евреев существовала в беспросветной нищете, перебивалась ремесленничеством, кустарничеством, мелкой торговлей, отсюда и пошло представление о евреях как о торгашах, которые ни к чему другому не пригодны.

Образованная еврейская молодежь, видя, что русский крестьянин находится в столь же безысходной нужде, из лучших побуждений стала присоединяться к народническому движению, заниматься просветительской деятельностью. Если до этого евреев упрекали в том, что они живут замкнуто, не хотят интересоваться делами всей страны, то тут уже посыпались обвинения в излишней политической активности.

Еврейские национальные организации возражали против участия евреев в революционном движении. Они считали, что Россия все равно будет относиться к евреям как к чужим. К началу Первой мировой войны из России бежало больше полутора миллионов евреев. В основном они обосновались в Соединенных Штатах, немало содействуя процветанию Америки.

Сионистские организации хотели, чтобы еврейская молодежь готовилась к переезду в Палестину и не участвовала в революции и вообще не влезала в российские дела.

У нас часто говорят о «сионистах», видимо, плохо представляя себе значение этого термина.

Сионисты — люди, считающие, что все евреи должны вернуться на историческую родину, а не стараться ассимилироваться в странах, куда их привело изгнание. До момента возвращения в Палестину они должны избегать всякого участия в политической жизни страны, их приютившей.

Но многие молодые евреи рассматривали Россию как свою страну, полагали, что не имеют права оставаться в стороне, когда решается судьба родины. Так появилось целое поколение революционеров, борцов за общее дело, для которых еврейское происхождение не имело никакого значения. Они не делили людей по национальному или религиозному признаку.

Еврейскую массу, как и всю Россию, раздирали внутренние противоречия. Никакого единства в еврейской среде не было. Одни поддержали Октябрьскую революцию, другие бежали из страны, третьи ждали, когда наконец закончится эта смута.

Во время Гражданской войны евреи пережили страшную трагедию, в погромах гибли десятки тысяч людей. Триста тысяч еврейских детей остались сиротами. Это происходило в основном на Украине, где долгое время не было крепкой власти и где хозяйничали такие атаманы, как Нестор Махно и Николай Григорьев. Антисемитизм процветал на территориях, которые занимала Белая армия. Да и многие части Красной армии мало чем отличались от махновцев.

Но справедливо было бы сказать, что еврейские погромы были составной частью общероссийского погрома — Гражданской войны, жертвами которой стали почти миллион человек.

Основная масса евреев, которые после Октябрьской революции еще оставались в местечках, только проиграла от того, что власть перешла к большевикам. Вся их жизнь разрушилась. Они жили ремеслом и торговлей, которые теперь были запрещены. Их лишали избирательных и других прав. Вместе с православными храмами закрывались и синагоги. Еврейских религиозных деятелей сажали. Иудаизм жестоко преследовался.

Спасаясь от голода, в поисках работы еврейская молодежь хлынула в города. Появление большого количества евреев на заметных должностях после Октябрьской революции, особенно в партийном аппарате, в ВЧК, объяснялось тем, что большевиков вообще было мало. Должностей оказалось больше, чем кандидатов. Евреи-большевики были абсолютно преданы революции, надежны и лояльны к новой власти. Они бы-

ли ярыми сторонниками крепкого централизованного государства, это новая власть особенно ценила, когда страна распадалась на куски.

Многие годы полагают, что евреи-чекисты или евреи-комиссары вели себя особенно жестоко, и их жестокость объясняется просто: они не жалели ни России, ни русских.

В реальности евреи-большевики порвали всякие связи с еврейской средой, которая боялась революции. Они перестали говорить по-еврейски и вообще воспринимали себя как русские.

Хотя член политбюро Лев Давидович Троцкий на пленуме ЦК в октябре двадцать третьего года очень откровенно говорил, почему он отказывался от некоторых крупных должностей:

— Мой личный момент — мое еврейское происхождение. Владимир Ильич говорил двадцать пятого октября семнадцатого года, лежа на полу в Смольном: «Мы вас сделаем наркомом по внутренним делам, вы будете давить буржуазию и дворянство». Я возражал, и моя оппозиция была решительная.

Ленин презирал антисемитов, поэтому он вспылил:

— У нас великая международная революция, какое значение могут иметь такие пустяки?

— Революция-то великая, — ответил Троцкий, — но и дураков осталось еще немало.

— Да разве ж мы по дуракам равняемся?

— Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?

Назначению на пост наркома по военным делам Троцкий тоже сопротивлялся.

— И что же, — говорил он, — я был прав. Это сильно мешало. В моей личной жизни это не играло роли;

как политический момент это очень серьезно. Владимир Ильич считал это пунктиком. Владимир Ильич предлагал мне быть его замом в Совнаркоме. Я отказывался из тех же соображений...

Как и другие революционеры, люди типа Троцкого считали себя выше национальностей и ставили перед собой задачи всемирного характера. Выбирая себе друзей и врагов, они отнюдь не руководствовались этническими принципами. А что касается безумной, ничем не оправданной жестокости, то в Гражданской войне по этой части отличились решительно все.

Сталин еще в тринадцатом году сформулировал ленинскую позицию по национальному вопросу. Он дал определение нации — исторически сложившаяся общность, живущая на одной территории. Евреи при такой точке зрения нацией не являлись: у них не было своей территории. Общей у них оставалась только религия. Большевики считали, что решение еврейского вопроса — это ассимиляция. В России все евреи станут русскими — и проблема исчезнет.

В начале восемнадцатого года в составе наркомата по делам национальностей (наркомом был Сталин) образовали комиссариат по еврейским национальным делам. Его возглавил член коллегии наркомата Семен Маркович Диманштейн, принципиальный противник сионизма, большевик с дореволюционным стажем, — был приговорен Рижским военным судом к четырем годам каторги. Он перевел программу партии на идиш и иврит.

С июля восемнадцатого года в российских городах, где было много евреев, в местных организациях РКП(б) создавались еврейские секции. В октябре появилось центральное бюро еврейских коммунистических секций при ЦК партии, им руководил тот же Ди-

манштейн. Евсекции, подчинявшиеся подотделу национальностей отдела агитации и пропаганды ЦК, просуществовали десять с лишним лет и были ликвидированы в январе тридцатого года.

Что касается сионизма и положения в Палестине, то в Москве этим не интересовались. Еврейский вопрос будет решен в Советской России, а Палестиной пусть занимается Коминтерн.

Всякое напоминание о существовании в стране сионистов вызывало у руководителей страны удивление.

Тринадцатого февраля двадцать четвертого года Еврейское телеграфное агентство передало короткое сообщение из Москвы:

«Изгнание евреев из Москвы приостановлено. Благодаря жалобе, посланной на имя вице-президента Совета Народных Комиссаров Льва Каменева и других членов правительства, массовое изгнание так называемых «нежелательных» элементов (почти все евреи) из Москвы приостановлено.

Еврейская община в Москве и Еврейский общественный комитет помощи подали об этом меморандум правительству, на который последнее ответило заверением, что с сего времени каждое выселение в отдельности будет предварительно основательно обследовано».

Это сообщение прочитали в центральном бюро еврейских секций при ЦК, перевели на русский язык и ознакомили с ним высшее руководство страны (подробнее см. журнал «Источник», 1924, № 4).

Интерес к этой проблеме проявил председатель ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский. Это его подчиненные высылали из столицы «социально-паразитический элемент», то есть людей из прошлой жизни, непролетарского происхождения.

Феликс Эдмундович отправил возмущенную запис-

ку своему первому заместителю по ОГПУ и одновременно начальнику секретно-оперативного управления Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому:

«Я думаю, такой телеграммы так им спускать нельзя. Что это за Евр. Тел. Агентство?

Не считаете ли, что было бы полезно возобновить высылку накипи и дать в «Известиях» подробный отчет о высылаемых — за что, с подразделением на национальности и с образным описанием их проделок?

Что это за Еврейский Общественный Комитет? Как реагировать на эту мерзость? Может быть, передать весь материал Евсекции для использования против сионистов?..»

В аппарате госбезопасности сионистами ведало 4-е отделение секретного отдела, входившего в секретно-политическое управление. Кроме того, 4-е отделение занималось еще и кадетами, монархистами, черносотенцами и бывшими жандармами.

Начальником отделения был Яков Михайлович Генкин, начинавший до революции в Екатеринославе подмастерьем в слесарно-водопроводных мастерских. Потом он нашел место жестянщика-паяльщика на консервном заводе в Ставрополе. После революции он стал председателем Херсонского губкома, в девятнадцатом году ушел в подполье, когда Красная армия оставила город. В двадцатом его взяли в ВЧК. Через два года Генкина постигло несчастье. Во время командировки в Тамбов он заболел тифом, тяжелое осложнение закончилось ампутацией ноги. Но он продолжал служить в госбезопасности.

По просьбе председателя ОГПУ в 4-м отделении секретного отдела подобрали материалы о российских сионистах. Они произвели на Дзержинского неожиданное впечатление.

Своим заместителям Менжинскому и Ягоде он писал:

«Просмотрел сионистские материалы. Признаться, точно не пойму, зачем их преследовать по линии их сионистской принадлежности. Большая часть их нападок на нас — опирается на преследование их нами. Они преследуемые — в тысячу раз опаснее для нас, чем непреследуемые и развивающие свою сионистскую деятельность среди еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции. Их партийная работа поэтому для нас вовсе не опасна — рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с арестами их, долетят до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам немало.

Программа сионистов нам не опасна, наоборот, считаю полезной.

Я когда-то был ассимилятором. Но это «детская болезнь».

Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент, хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу.

Ругать евсекцию разрешить — то же и евсекции. Зато нещадно бить и наказывать спекулянтов (накипь) и всех нарушающих наш закон. Пойти-таки сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной».

Прежде Дзержинский выступал против требования большевиков о праве наций на самоопределение. Феликс Эдмундович был искренним интернационалистом и говорил: *«Национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой за социализм».*

Он был яростным противником даже польских националистов, которые мечтали о самостоятельном го-

сударстве. Выступая против отделения Польши от революционной России, Дзержинский утверждал: *«У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров»*.

Под влиянием Ленина он изменил свои взгляды и теперь считал неумным мешать тем евреям, которые мечтают о своем государстве в Палестине.

Через год Феликс Эдмундович вернулся к этой теме и написал еще одну записку Менжинскому:

«Правильно ли, что мы преследуем сионистов? Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, то есть работающие среди еврейства, нам не опасны. Наоборот — это не создает рекламы меньшевизму.

Надо пересмотреть нашу тактику. Она неправильна».

Через месяц секретный отдел представил Дзержинскому справку о репрессиях в отношении сионистов. Ее подписали Генкин и начальник секретного отдела ОГПУ Терентий Дмитриевич Дерибас, которого ждала большая карьера в госбезопасности и... расстрел.

Весной двадцать пятого в тюрьмах сидело тридцать четыре сиониста, еще пятнадцать были отправлены на три года в концлагеря. В ссылке находилось сто двадцать четыре человека.

«За границу, — докладывали председателю ОГПУ Дерибас и Генкин, — *выслано и разрешен выезд взамен ссылки всего 152 чел. В этом вопросе мы придерживаемся следующей тактики: наиболее активный элемент, члены ЦК, Губкомов, у кого найдены серьезные материалы в виде антисоветских листовок, воззваний, типографий, — в Палестину не выпускаем. Менее активный элемент в Палестину выпускается.*

Тактика эта основана на опыте борьбы с сионистами. Когда до конца 1924 г. мы преимущественно высылали в Палестину, это явилось серьезным стимулом для усиле-

ния нелегальной работы сионистов, так как каждый был уверен, что за свою антисоветскую деятельность он получит возможность поехать на общественный счет (сионистских и общественных организаций) в Палестину, а не расплачиваться за совершенное им преступление...»

Феликс Дзержинский остался при своем мнении. Прочитав справку, вновь адресовался к Менжинскому: *«Все-таки думаю, столь широкие преследования сионистов (особенно в приграничных областях) не приносят нам пользы ни в Польше, ни в Америке. Мне кажется, необходимо повлиять на сионистов, чтобы они отказались от своей контрреволюционной работы по отношению к Советской власти.*

Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в политбюро. Сионисты имеют большое влияние и в Польше, и в Америке. Зачем их иметь себе врагами?»

Через год, в июле двадцать шестого года, Дзержинский, тяжелый сердечник, скоропостижно скончался после выступления на пленуме ЦК. Отношение карательных органов к сионистам осталось прежним — их числили среди противников советской власти.

Еврейская коммунистическая рабочая партия «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона») рассматривалась на Лубянке как враждебная организация, хотя ничего антисоветского в ее деятельности невозможно было найти и запрещать ее было не за что. «Поалей-Цион» возникла в начале двадцатого столетия в Минске, потом ее организации появились в других странах, в том числе и в Палестине.

В девятнадцатом году партия раскололась, появилась еще и Еврейская коммунистическая партия «Поалей-Цион». В июне двадцать второго года исполком Коминтерна обратился к поалей-ционистам с призы-

вом отказаться от своей программы и вступить в Коминтерн. Новая партия прислушалась к мнению исполкома. В декабре двадцать второго она объявила о самороспуске и призвала всех членов партии вступить в РКП(б). Правда, часть руководителей партии не подчинились общему решению и пытались сохранить партию.

Четвертого декабря двадцать четвертого по записке ОГПУ было принято постановление Политбюро:

«Ввиду того, что ЕКП («Поалей-Цион») сама распадается, считать нецелесообразным ее ликвидацию мерами ГПУ, но и не допустить ее регистрации в НКВД».

А основная партия действовала еще несколько лет на законных основаниях. Она пыталась вступить в Коминтерн на правах самостоятельной секции, но безуспешно. Активистов «Поалей-Цион» постепенно арестовывали, хотя в партию входила еврейская молодежь абсолютно коммунистических, большевистских взглядов, преданная советской власти.

Двадцать четвертого мая двадцать восьмого года политбюро утвердило решение оргбюро ЦК, принятое тремя днями ранее:

«Согласиться с решением МК о необходимости ликвидации легально существующей партии ЕКРП («Поалей-Цион»)».

В ночь на двадцать шестое июня по всей стране были взяты все, кто еще принадлежал к партии. «Поалей-Цион» прекратила свое существование.

К лояльным евреям, как и ко всем национальным меньшинствам, в первые годы после революции власть относилась более чем доброжелательно. Советская Россия была первым государством, где боролись против антисемитизма и где антисемитов наказывали. Правда, продлилось это недолго.

Евреи создавали театры, газеты и школы, где говорили, писали и учили на идиш. Появились еврейские колхозы и еврейские национальные районы. В двадцать восьмом году приняли решение создать еврейскую область на Дальнем Востоке — Биробиджан. Еврейские общины других стран давали деньги на развитие Биробиджана. Туда перебралось некоторое количество евреев из других стран, вдохновленных идеей свободной жизни на своей земле. Поехали даже из Палестины, где среди евреев царили упадочнические настроения — англичане по существу отказались от своих обещаний.

На одном из заседаний политбюро в двадцать восьмом году постановили:

«Разрешить переселение из Палестины семидесяти пяти евреев-земледельцев, поручив народному комиссариату земледелия вести об этом переговоры с представителем ЦК коммунистической партии Палестины в благожелательном духе, с тем, однако, чтобы от нас на это не требовалось никаких ассигнований».

Евреи были готовы ехать хоть за тридевять земель, чтобы обрести возможность работать на земле и чувствовать себя полноценными людьми, которых окружающие воспринимают как равных.

Публицист Отто Геллер в книге «Падение Иерусалима», вышедшей в Вене в тридцать первом году, восторженно писал:

«Евреи уходят в тайгу. Если вы спросите у них о Палестине, они рассмеются. Мечты о Палестине давно успеют кануть в историю к тому времени, когда в Биробиджане появятся автомобили, железные дороги и теплоходы, когда задымят трубы гигантских заводов...

В будущем году в Иерусалиме?

История давно дала ответ на этот вопрос. Еврейские пролетарии, голодающие ремесленники Восточной

Европы ставят теперь иной вопрос: на следующий год — в социалистическом обществе! Что такое Иерусалим для еврейского пролетариата?

В будущем году в Иерусалиме?

В будущем году — в Крыму!

В будущем году — в Биробиджане!»

Но эксперимент не получился — место было выбрано неподходящее, мало пригодное для развития, да и евреев ничего не связывало с берегами Амура.

Советская разведка в какой-то момент заинтересовалась Палестиной: а нельзя ли и здесь поднять революцию?

В конце двадцать третьего года в Палестину по линии иностранного отдела (внешняя разведка) ОГПУ командировали знаменитого чекиста Якова Серебрянского. До революции он был эсером-максималистом и начал свою карьеру соучастием в убийстве начальника минской тюрьмы. Он получил орден Красного Знамени за похищение лидера русской военной эмиграции, бывшего генерала Белой армии Александра Кутепова в Париже. А потом возглавлял спецгруппу при наркоме внутренних дел — диверсии и террор за границей.

Яков Серебрянский пробыл в Палестине два года и, разочарованный, вернулся домой. Революция в Палестине, которая казалась сонным и неразвитым местечком, была отложена до лучших времен, вернее, до появления там достаточного количества революционного материала.

Ближний Восток входил в сферу интересов Восточного отдела ГПУ, которым руководил Ян Христофорович Петерс. Потом этим регионом ведал Стилиан Дмитриевич Триандофилов, служивший в ВЧК с двадцать первого года. После него восточным сектором иностранного отдела ОГПУ руководил Георгий Сергее-

вич Агабеков, первый советский разведчик, бежавший на Запад в тридцатом году.

Палестиной занимался Эфраим Соломонович Гольденштейн, врач по специальности. Он был резидентом в Анкаре и пытался работать в среде палестинских коммунистов. По словам Агабекова, в Москву приезжали сионисты, которые просили оружие для борьбы с англичанами. Но в ОГПУ решили, что они английские агенты, и переговоры прервались.

В центральном аппарате разведки палестинскими делами ведал Моисей Маркович Аксельрод, известный арабист. Он окончил юридический факультет Московского университета и арабское отделение института востоковедения, работал в Саудовской Аравии. Аксельрод рассказывал Агабекову: *«В Египте мы, получая копии донесений английского верховного комиссара в Каире, всегда в курсе тамошних событий. О Палестине мы имеем сведения из тех же английских источников, о Сирии черпаем данные из докладов французского военного атташе в Константинополе. В Сирии и Палестине только недавно взялись за организацию нашей агентуры. Блюмкин вот уже шесть месяцев как объезжает эти страны. Он уже кое-кого завербовал, но сведений от них пока не поступало»*.

В октябре двадцать восьмого года нелегальным резидентом иностранного отдела ОГПУ в Константинополь отправили Якова Григорьевича Блюмкина, того самого, который шестого июля восемнадцатого года убил германского посланника при правительстве Советской России графа Вильгельма Мирбаха.

Легальным резидентом в Константинополе, работавшим под крышей советского полпредства, был Яков Григорьевич Минский, много лет служивший в разведке. Через турецкую резидентуру прошел еще один из-

вестный боевик — Наум (Леонид) Исаакович Эйтингон, дослужившийся до генерал-майора и арестованный в пятьдесят первом году по обвинению «в принадлежности к сионистской организации в министерстве государственной безопасности». Но среди всех выделяют обычно Блюмкина как самую известную фигуру.

Шестого июля восемнадцатого года в два часа дня сотрудники ВЧК Яков Блюмкин и Николай Андреев (он был фотографом отдела по борьбе с контрреволюцией) прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат, на котором была подпись Дзержинского и печать ВЧК, и потребовали встречи с послом Мирбахом. Немецкий посол принял их в малой гостиной.

«Я беседовал с ним, смотрел ему в глаза, — рассказывал потом Блюмкин, — и говорил себе: я должен убить этого человека. В моем портфеле среди бумаг лежал браунинг. «Получите, — сказал я, — вот бумаги», — и выстрелил в упор. Раненый Мирбах побежал через большую гостиную, его секретарь рухнул за кресло. В большой гостиной Мирбах упал, и тогда я бросил гранату на мраморный пол...»

Это было сигналом к вооруженному восстанию левых социалистов-революционеров. Эсеры, которые были единственными политическими союзниками большевиков, возмущались подписанием мира с Германией.

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлинной. Ее приложил к мандату заместитель председателя ВЧК Вячеслав Александрович Александрович (настоящая фамилия — Дмитриевский, партийный псевдоним Пьер Оранж), левый эсер, которого уважали за порядочность и честность.

В ВЧК Вячеслав Александрович руководил отделом

«по борьбе с преступлениями по должности». Он был бескорыстным человеком, мечтал о мировой революции и всеобщем благе. Он был пружиной мятежа левых эсеров и убийства Мирбаха.

Дзержинский объяснял на допросе:

«Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года по категорическому требованию эсеров. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров».

В семнадцать лет после Февральской революции Яков Блюмкин присоединился к левым эсерам. Через год, в июне восемнадцатого года, его утвердили начальником отделения ВЧК по противодействию германскому шпионажу. Он начал очень активно действовать, но ему, как эсеру, не доверяли и меньше чем через месяц отделение ликвидировали. Блюмкин остался без работы.

Блюмкин так объяснил причины теракта: *«Я противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир...*

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений на этот акт толкают меня и другие побуждения. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и сепаратный мир с немцами.

Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей и социалист беру на себя свершение акта, являющегося этим протестом».

Подавив мятеж левых эсеров, Александровича и еще двенадцать человек под горячую руку расстреляли. Блюмкин и Андреев бежали на Украину. Андреев заболел сыпным тифом и умер. Блюмкин принимал участие в неудачной попытке убить гетмана Скоропадского. Революционный трибунал приговорил его к трем годам лишения свободы. Весной девятнадцатого он пришел с повинной в ВЧК. Девятнадцатого мая президиум ВЦИК реабилитировал Блюмкина.

Он служил на Южном фронте, учился в Военной академии РККА и работал в секретариате наркома по военным и морским делам Троцкого. В двадцать третьем его взяли в иностранный отдел ОГПУ. У него было множество друзей в литературных кругах, среди работников Коминтерна, которые им искренне восхищались.

«Я знал и любил Якова Григорьевича Блюмкина, — писал агент Коминтерна Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич). — *Высокий, костистый, мужественный, с гордым профилем древнеизраильского воина, он занимал тогда соседний с Чичериным ледяной номер в гостинице «Метрополь». Он готовился отправиться на Восток для выполнения тайных заданий».*

Вокруг его работы в Константинополе ходит множеством слухов, но резидентом внешней разведки Блюмкин пробыл всего год. Много сделать он не успел. По словам Агабекова, в Палестине у него был всего один агент — хозяин пекарни в Яффе.

Карьера Блюмкина закончилась, когда в Константинополе он тайно встретился с высланным из страны Троцким, согласился отвезти в Москву письма и повидать прежних сторонников Льва Давидовича.

Приехав в Москву после долгого отсутствия, он не понимал сути происшедших в стране перемен. Для не-

го Троцкий и его соратники были недавними руководителями партии, которые разошлись во мнениях с большинством, но не стали от этого врагами. За свою наивность Блюмкин был жестоко наказан. Он стал рассказывать близким людям о беседе с Троцким. В том числе — сотруднице иностранного отдела Елизавете Юльевне Горской. На следующий день она информировала начальство.

Во время следующей встречи с Горской на улице возле Казанского вокзала пятнадцатого октября двадцать девятого года Блюмкина арестовали. Сталин обошелся без суда.

Пятого ноября политбюро приняло решение:

«а). Поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать изменническую антисоветскую работу Блюмкина.

б). Блюмкина арестовать.

в). Поручить ОГПУ установить точно характер поведения Горской».

Встреча с Троцким была признана преступлением, куда более опасным, чем убийство германского посла...

Елизавете Горской эта история не повредила. Напротив, в ОГПУ высоко оценили ее поведение. Ее первый муж, чью фамилию она носила, служил в лондонской резидентуре. Во второй раз она вышла замуж тоже за сотрудника госбезопасности, Василия Михайловича Зарубина, дослужившегося до генеральских погон.

Заодно сменили руководство Восточным отделом внешней разведки. Тридцать первого октября освободили от должности Яна Петерса. Шестого ноября отдел возглавил Торичан Михайлович Дьяков. Меньше чем через год, десятого сентября тридцатого, Восточный отдел расформировали и влили в состав особого отдела ОГПУ с задачей контрразведывательной работы. Вся разведка сосредоточилась в иностранном отделе.

Пятого февраля тридцатого года политбюро приняло первое развернутое постановление о работе иностранного отдела ОГПУ, обозначив главные направления работы советской разведки. Ближний Восток в этом перечне отсутствовал.

Двадцать шестого мая тридцать четвертого года политбюро приняло подробное постановление о работе военной разведки. Работу на Ближнем Востоке тоже не включили в перечень главных направлений работы IV управления Красной армии.

Некоторые члены Хаганы (подпольные боевые отряды, из которых впоследствии родилась армия обороны Израиля) ездили в Москву и возвращались назад убежденными коммунистами. Но в целом организация не подпала под контроль Коминтерна, хотя многие палестинские евреи придерживались социалистических идей. Члены Хаганы либо работали в похожих на колхозы сельскохозяйственных кооперативах (кибуцах), либо состояли в левых профсоюзах (Гистадруте — Всеобщей федерации труда).

Кибуц — это поселение, основанное на коммунистическом принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Молодые евреи из России, Польши, Румынии обильно удобряли скудную палестинскую землю своим потом и кровью. Никогда еще люди не пытались построить счастливое общество на земле такой огромной ценой и с таким самопожертвованием.

В августе двадцать третьего года съездил в Москву и будущий первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион: делегация Гистадрута представляла палестинских трудящихся на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Сохранилось удостоверение, выданное ему исполкомом Объединенной еврейской трудовой федерации Палестины:

«Настоящим удостоверяем, что гг. Д. Бен-Гурион, главный секретарь Объединенной еврейской трудовой федерации Палестины, и Меер Рутберг, директор Центрального потребительского кооператива «Гамашбир», делегируются нами принять участие в Московской сельскохозяйственной выставке и действовать как представители Объединенной федерации, «Гамашбир», Рабочего Банка и других учреждений Федерации, вести переговоры с правительством и коммерческими учреждениями относительно возобновления торговых и коммерческих отношений между Палестиной и Россией и учредить в случае необходимости Русско-Палестинскую торговую компанию».

Бен-Гурион и его товарищи привезли в Москву консервированные фрукты, табак, бананы, оливковое масло, листовой табак, вино, миндаль, лимоны и апельсины (подробнее см. «Источник», 1993, № 1).

Делегация составила для иностранного отдела главного выставочного комитета справку по истории торговых отношений между Россией и Палестиной, в которой отмечала, что Палестина может стать для России выгодным рынком сбыта промышленных товаров и строительных материалов.

В политике Бен-Гурион был успешнее, чем в торговле. К заключению контрактов поездка не привела. Но политические впечатления оставила сильные.

Взгляды молодого Давида Бен-Гуриона представляли экзотическую смесь социализма и идеалистического сионизма.

«Необходимо не только организовать рабочий класс, но и воспитать его и закрепить в Палестине», — говорил будущий премьер-министр Израиля.

Он восхищался Лениным и верил, что коммунизм гарантирует евреев от антисемитизма. Ему еще пред-

стояло пережить горькое разочарование в советской политике относительно Израиля и евреев...

Даже в Коминтерне не особенно интересовались Палестиной, поскольку особой надежды на подъем там революционного движения никто не питал.

Пятого июля двадцатого года так называемое Малое бюро исполкома Коммунистического интернационала поручило Елене Дмитриевне Стасовой, недавнему секретарю ЦК партии, организовать Ближневосточное бюро. Малое бюро было руководящим органом Коминтерна, председателем которого был Григорий Евсеевич Зиновьев, член политбюро и один из самых близких к Ленину людей.

Ближневосточное бюро, не успев поработать, было упразднено Вторым конгрессом Коминтерна.

В январе двадцать первого года в центральном аппарате исполкома Коминтерна создали отдел Ближнего Востока. Потом преобразовали в Восточный сектор.

Заведовал сектором Георгий Иванович Сафаров, чьи познания в восточных делах очень ценили. Когда в начале тридцатых политбюро озаботилось подготовкой учебника новой истории «колониальных или полуколониальных народов» (сейчас бы сказали — народов Азии, Африки и Латинской Америки), то руководить бригадой поручили Карлу Радеку, в недавнем прошлом члену ЦК и исполкома Коминтерна.

Ознакомившись с трудами ученых, Радек написал в сентябре тридцать четвертого года письмо Сталину:

«Если Вы настаиваете на установленном сроке, то есть чтобы до июня будущего года книга была готова, то единственный выход, чтобы ее писали только два человека — Сафаров и я. Я знаю, что про Сафарова многие товарищи высказывают сомнения. Но я думаю, что эти сомнения более относятся к его склонности к тактическим

недолетам или перелетам. Что касается знакомства с литературой по истории Японии, Китая и Индии, он стоит выше всех других наших людей».

Георгий Сафаров был близок к Зиновьеву. В двадцать втором году он одновременно был назначен редактором «Ленинградской правды» и мало занимался коминтерновскими делами. После отстранения Зиновьева от власти Сафаров тоже потерял должность и был отправлен секретарем полпредства в Китай, затем в Турцию. В двадцать девятом его вернули в аппарат исполкома Коминтерна, где он работал до ареста в декабре тридцать четвертого.

В мае двадцать третьего Восточный отдел возглавил Радек, меньше чем через месяц, в начале марта двадцать четвертого года, его сменил недавний заместитель наркома по морским делам и полпред в Афганистане Федор Федорович Раскольников, который пользовался псевдонимом Ф. Петров.

В марте двадцать шестого года, в рамках очередной реорганизации, образовали секретариат для Ближнего и Дальнего Востока. В двадцать восьмом году Восточный лендерсекретариат, как теперь назывался региональный отдел, вместо Раскольникова возглавил Отто Вильгельмович Куусинен, чуть ли не единственный видный коминтерновец, которому суждено было уцелеть. Он оставался на руководящей работе и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. Известен тем, что приметил и выдвинул Юрия Владимировича Андропова.

Но коминтерновские востоковеды интересовались в основном Китаем, Японией, Индией. На Среднем Востоке — Ираном, Афганистаном и Турцией. За тем, что происходило на Ближнем Востоке, наблюдали — и не очень пристально — из Турции.

Еще восьмого августа двадцатого года в аппарате Коминтерна образовали секретный отдел (он же — отдел международной связи). Задача отдела — поддерживать нелегальные отношения с иностранными компартиями, передавать им указания, литературу, деньги, оружие и переправлять за рубеж партийных функционеров. При отделе существовала курьерская служба. Отдел снабжал своих людей фальшивыми паспортами, снимал для них конспиративные квартиры. По существу, это была еще одна спецслужба с большими возможностями и хорошим бюджетом. Отдел тесно сотрудничал с политической и военной разведками.

Пункт связи на Ближнем Востоке устроили в Константинополе. Заведовал отделом со второго мая двадцать первого года Иосиф (Осип) Аронович Пятницкий.

В девятнадцатом году была основана Социалистическая рабочая партия Палестины, через два года ее переименовали в коммунистическую. Возглавил нелегально существовавшую партию Иосиф Бергер, он действовал под фамилией Барзилай. Он родился в Кракове, в двадцатом году перебрался в Палестину, где нашел место рабочего на строительстве дороги.

Бергер несколько раз приезжал в Москву, в двадцать девятом году с ним беседовал сам Сталин. По указанию Москвы Бергер пытался проводить «арабизацию» партии. В тридцать втором году его отозвали в Москву. Он работал в Коминтерне. В тридцать пятом его арестовали. Приговорили к смертной казни, но не расстреляли.

Бергер (Барзилай) отсидел в советских лагерях двадцать один год. В пятьдесят шестом его реабилитировали. Ему разрешили уехать в Польшу, поскольку родился он в Кракове. Через год он попросил разрешения выехать в Израиль.

Двадцать второго июня пятьдесят седьмого года генеральный секретарь ЦК израильской компартии Микунис пришел к советскому послу в Тель-Авиве Абрамову с просьбой повлиять на поляков, чтобы они не выпускали Бергера.

«К Советскому Союзу, — втолковывал Микунис послу, — *Барзилай относится враждебно. Он требует, чтобы на открытии съезда компартии была почтена память погибших от рук советских фашистов. Приезд этого человека ничего, кроме вреда, не принесет»...*

Боевой работой в компартии занимался Иерахмиэль Лукачер, родившийся в Ташкенте. В Первую мировую он служил в турецкой армии. Его подпольная деятельность началась с того, что он в двадцать третьем году убил турецкого полицейского Туфик-бея, виновного в еврейском погроме. Он уехал в Германию, где присоединился к коммунистам. Вернувшись в Палестину, Лукачер вступил в компартию и создал курсы для подпольной военной школы еврейских поселенцев. В тридцать первом году его выслали в Советский Союз, и следы его затерялись.

В Палестине работали также Адольф Краус и Константин Вайс (Авигдор) вместе с группой евреев, приехавших из Советского Союза. Первоначальная задача состояла в том, чтобы создать группы сторонников Советского Союза. Одновременно они формировали — и вполне успешно — коммунистическое движение в соседнем Египте.

Авигдор некоторое время был руководителем египетской компартии. Впрочем, арабы-коммунисты считали евреев пришлыми людьми и скоро от них избавились. Некоторые египетские коммунисты стали впоследствии поклонниками Гитлера, поскольку он воевал против англичан и уничтожал евреев (см. книгу про-

фессора Г. Косача «Красный флаг над Ближним Востоком?»)

Евреи-коммунисты рассматривали трудящихся арабов как союзников по классовой борьбе. Но арабов классовые чувства не интересовали. Они участвовали в еврейских погромах на территории Палестины. Поэтому среди евреев, придерживавшихся левых взглядов, сформировался «пролетарский сионизм». Они продолжали верить в коммунизм, но видели, что могут рассчитывать только на самих себя.

Представители партии «Поалей-Цион» стремились к тесным отношениям с Коминтерном. Они приезжали на конгрессы Коминтерна, выступали. Но их позиция подвергалась жесткой критике — за то, что поалей-ционисты отделили борьбу еврейского пролетариата от борьбы арабского большинства. Коминтерн требовал решительно отказаться от сионизма и не признавал «Поалей-Цион» как организацию «социалистически ориентированного еврейского пролетариата всего мира».

В тезисах II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросу говорилось: *«Сионизм под видом создания еврейского государства в Палестине отдает в жертву английской эксплуатации арабское трудящееся население Палестины»*.

Зато арабское национальное движение признавалось прогрессивным, поскольку в основном состояло из крестьян (см. книгу Г. Косача «Красный флаг над Ближним Востоком?»)

Коммунисты выделились из «Поалей-Цион» и создали собственную партию. Генеральным секретарем ЦК Палестинской компартии стал Вольф Авербух. В Первую мировую он служил в русской армии. С двадцать второго года жил в Палестине.

Авербух — первый еврей-коммунист, который пытался сотрудничать с арабами. Первоначально в Палестинской компартии арабов не было, первого араба приняли в двадцать пятом году. Палестинские коммунисты сразу же призвали арабских рабочих действовать сообща.

«Еврейский рабочий, солдат революции, — говорилось в одной из листовок, — *протягивает вам руку как ваш союзник по борьбе против английских, еврейских и арабских финансистов. Его судьба и ваша едины...»*

Но попытки создать единый фронт арабского и еврейского рабочего класса не увенчались успехом.

«Арабские трудящиеся массы, — писал ставший одним из руководителей Палестинской компартии Махмуд аль-Атраш, — *не могли доверять людям, которых звали Хаим, Авраам и Ицхак. Они не могли идти вперед под их руководством, даже если эти люди и были лучшими борцами за национальную независимость. Для арабских масс они принадлежали к национальному меньшинству, которому империализм предоставил необъятные привилегии за счет арабских народов...»*

Махмуд аль-Атраш три года учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, после чего его ввели в состав ЦК Палестинской компартии.

А будущий генеральный секретарь компартии Ридван аль-Хелу и вовсе вступил в партию, чтобы сделать ее инструментом борьбы с сионизмом. Он с недоверием относился к евреям-коммунистам и настаивал на том, что руководить партией должны арабы. Такого же мнения придерживались в исполкоме Коминтерна в Москве. Евреев постепенно вытесняли из руководства Палестинской компартии.

Шестнадцатого октября двадцать девятого года по-

литсекретариат исполкома Коминтерна принял постановление «О повстанческом движении в Арабистане».

Антиеврейские волнения в Палестине, когда арабы убивали евреев, в Коминтерне оценили как начало буржуазно-демократической революции, как великое освободительное движение арабского народа.

От Палестинской компартии требовали ускоренной «арабизации» и сотрудничества с арабскими националистами. Указание было выполнено. Осенью тридцать пятого года ЦК Палестинской компартии принял обращение «За союз всех арабов и их друзей против империализма». ЦК предлагал развернуть борьбу «за ликвидацию сионизма, прекращение еврейской иммиграции и разоружение всех сионистов». Приезд в Палестину евреев рассматривался как империалистический заговор, цель которого — «создать в этом важном в стратегическом отношении районе мира реакционный антисоветский фронт».

Вслед за этим палестинские коммунисты-арабы установили контакты с иерусалимским муфтием Амином аль-Хусейни, который ненавидел евреев и со временем вступил в союз с Гитлером.

Совместная работа евреев и арабов внутри партии стала невозможной.

Еще один руководитель компартии Нахум Лещинский родился в Кривом Роге. Как и Бергер, он жил в Палестине с двадцать второго года. Лещинский перешел на работу в Восточный отдел исполкома Коминтерна. В двадцать девятом году он попросил восстановить его в советском гражданстве.

Вольфа Авербуха в тридцатом году британские власти выслали в Советскую Россию, где он и погиб в годы репрессий.

ФИЛБИ-СТАРШИЙ, ФИЛБИ-МЛАДШИЙ И ВАХХАБИТЫ

Многие занимавшиеся Палестиной английские политики, дипломаты, военные и разведчики были агрессивными противниками сионизма. Среди них заметное место занимал сэр Джон Филби-старший, отец знаменитого советского разведчика.

Джон Филби сыграл важную, хотя и мало кому известную роль в истории Ближнего Востока. Он был одним из создателей Саудовской Аравии.

Филби родился на Цейлоне (ныне Шри-Ланка), работал в британской колониальной администрации в Индии. Карьера у него не заладилась, и он с удовольствием принял предложение перебраться в Багдад. Он прибыл туда в разгар Первой мировой войны, в девятьсот пятнадцатом году.

В Багдаде Филби открыл для себя мир шпионажа. В паутине интриг он чувствовал себя как рыба в воде. Он хорошо владел арабским языком и часто переодевался в одежды бедуина. Как кто-то пошутил, его европейское происхождение выдавало только одно — его ноги были недостаточно грязными. Джон Филби, выдавая себя за араба, даже побывал в Баку на Первом съезде народов Востока в сентябре двадцатого года, где было две тысячи делегатов из тридцати стран.

Филби-старший был неординарной личностью.

Недруги рассказывали о его нетрадиционной сексуальной ориентации. Вернее, утверждали они, в постели мужчины интересовали его не меньше, чем женщины. Историки разведки пишут, что, если американские спецслужбы боялись гомосексуалистов как огня, не доверяли им, потому что их могут шантажировать, то британская разведка, напротив, охотно принимала таких людей. Это придавало британской разведке дух закрытого мужского клуба — только для своих.

Англичане и французы поделили арабский мир на сферы влияния. Филби это не понравилось. Он был сторонником предоставления арабам полной независимости. Еще большее недовольство у него вызвала декларация Бальфура: он считал, что Англии не стоит ссориться с арабами ради малочисленных палестинских евреев.

У англичан в Аравии был надежный союзник — хранитель святых мест в Мекке и Медине, куда стекаются паломники со всего мусульманского мира, шериф Хусейн ибн-Али. Он принадлежал к династии хашимитов. Хашимиты — потомки Хашима, происходившего из рода, к которому принадлежал пророк Мухаммед.

В Первую мировую войну Хусейн с помощью британской разведки поднял мятеж против турецкого владычества. В знак благодарности англичане разрешили ему в шестнадцатом году превратить провинцию Хиджаз, где когда-то зародился ислам, в самостоятельное королевство.

Пока шериф Хусейн сражался с турками в союзе с англичанами, против него выступил глава секты ваххабитов Ибн-Сауд Абд аль-Азизи, эмир Неджда.

Выполняя приказ, поступивший из Лондона, осенью семнадцатого года Филби отправился к Ибн-Сауду, чтобы призвать его к порядку. Но Филби не выполнил приказ. Он вступил в союз с Ибн-Саудом, и эта дружба имела серьезные политические последствия. Со временем Филби помог Ибн-Сауду стать королем Саудовской Аравии.

В двадцать первом году Филби был назначен резидентом британской разведки в Аммане, столице только что созданного эмирата Трансиордания. Эмиром был Абдаллах, сын шерифа Хусейна. Он сам создал себе небольшое государство, население которого составляло всего двести тридцать тысяч человек.

Филби помог лидеру ваххабитов Ибн-Сауду в борьбе против шерифа Хусейна, придерживавшегося куда более умеренных политических и религиозных взглядов. Ибн-Сауд, опираясь на бедуинские отряды, победил в этой борьбе. В двадцать пятом году его войска захватили Мекку и Медину. В двадцать седьмом Ибн-Сауд провозгласил себя королем государства «Хиджаз, Неджд и присоединенные области». С тридцать второго года — это королевство Саудовская Аравия, где вахабитский варинт ислама стал официальной религией.

Ваххабизм — это религиозно-политическое течение в суннитском исламе. Оно возникло в Аравии в середине восемнадцатого века на основе учения Мухаммеда абд аль-Ваххаба. Он говорил о том, что мусульмане отошли от принципов, установленных аллахом, польстившись на ненужные новшества. Необходимо очистить ислам, вернуться к его изначальным установлениям.

Ваххабиты, очень набожные люди, ощущают себя гонимым меньшинством. Уже ранних ваххабитов отличали крайний фанатизм в вопросах веры и экстремизм в борьбе со своими политическими противниками. Ваххабиты призвали к священной войне против мусульман, отступивших от принципов раннего ислама. Христиан и иудеев они считают поклонниками «ложных верований»; тот, кто не принимает ислам, является врагом аллаха и всех правоверных.

В наши дни ваххабизм проник на Северный Кавказ — когда российским мусульманам разрешили совершать хадж и они стали ездить в Саудовскую Аравию. Потом саудиты сами стали приезжать на Северный Кавказ. Они привозили с собой деньги на строительство мечетей и вооружили один из боевых отрядов, который участвовал в чеченской войне. Ваххабизм пре-

вратился в знамя радикалов на российском Северном Кавказе...

Филби-старший стал советником короля Ибн-Сауда по финансовым вопросам. В сорок пять лет он перешел в ислам, принял имя Абдалла, сделал себе обрезание и, по специальному распоряжению Ибн-Сауда, получил право иметь четырех жен. Очевидцы утверждают, что нравы при дворе короля вполне соответствовали вкусам Филби, получившего возможность вместе со своими новыми друзьями развлекаться в приятной компании наложниц.

На Ближнем Востоке Филби установил партнерские отношения с Алленом Даллесом, будущим директором ЦРУ.

Даллесы были одной из самых влиятельных семей в Америке. Дядя их по материнской линии, Роберт Лансинг, был государственным секретарем Соединенных Штатов и создал в госдепе первое разведывательное подразделение. Джон Фостер Даллес тоже стал государственным секретарем. Аллен Даллес многие годы руководил разведкой.

В тридцатые годы Аллен Даллес и Джон Филби сошлись во мнениях относительно ситуации в Палестине.

Филби и его коллеги-разведчики противились переселению евреев в Палестину. Как и другой британский арабист, Томас Эдвард Лоренс, известный больше как Лоренс Аравийский, он был сторонником создания самостоятельного арабского государства. Иначе говоря, британская разведка разошлась во взглядах с министерством иностранных дел. Филби считал Герберта Сэмюэля, верховного комиссара в Палестине, своим врагом. Британские агенты сыграли свою роль в антиеврейских выступлениях арабского населения.

Братья Даллесы не симпатизировали евреям. Когда их сестра влюбилась в еврея, они сделали все, чтобы разрушить их отношения. Они настолько преуспели, что ее любимый человек покончил с собой, а она превратилась в страстную поклонницу Гитлера...

Когда Филби руководил резидентурой британской разведки в Трансиордании, молодой Аллен Даллес начинал свою разведывательную карьеру в Константинополе. Утверждают, что именно Филби открыл перед ним запутанный мир арабской политики и что под его влиянием Даллес пришел к выводу, что от создания еврейского государства Соединенным Штатам никакого проку не будет. Это только помешает американским нефтяным компаниям вести дела с арабскими странами.

Доводы братьев Даллесов были услышаны в Вашингтоне, поэтому американская дипломатия до последнего возражала против появления Израиля на политической карте мира.

В двадцатые годы американская нефтяная компания «Галф ойл» начала разработки месторождений в Бахрейне, потом перешла на более богатые нефтяные поля Кувейта. А в Бахрейне обосновалась компания «Стандарт ойл оф Калифорния».

Джон Филби привел «Стандарт ойл оф Калифорния» в Саудовскую Аравию, объяснив королю Ибн-Сауду, что американские нефтяники наполнят королевскую казну. Для эксплуатации гигантских нефтяных полей Саудовской Аравии образовали «Арабо-американскую нефтяную компанию» («Арамко»).

Филби не забыл и о себе, американские нефтяники щедро вознаградили посредника, открывшего им путь к саудовским подземным кладовым. С тридцать третьего года Филби получал ежемесячную зарплату в тысячу

долларов от американской нефтяной компании, а когда через пять лет пошла нефть, ему вручили первый крупный бонус в двадцать пять тысяч долларов (по тем временам — очень большие деньги).

Джон Филби оказался в центре интриги вокруг поставок саудовской нефти Гитлеру. Ибн-Сауд обещал нацистским эмиссарам поставлять нефть через Испанию, когда там победит Франко и сбросит коммунистов в море.

Но об этом узнали в Москве — через сына Филби.

Ким Филби, уже завербованный советской разведкой, приехал в Испанию, в расположение войск Франко, в качестве военного корреспондента «Таймс». Франкисты приняли сына Джона Филби с уважением. От отца он и узнал о нефтяных переговорах. Но Сталин вовсе не хотел, чтобы Гитлер получал ближневосточную нефть. Поэтому было сделано все, чтобы предать факт переговоров саудитов и нацистов гласности и тем самым сорвать сделку.

Как только Джон Филби оказался в родной Англии, его арестовали по обвинению в контактах с врагом. Впрочем, старые связи в спецслужбах помогли ему через четыре месяца выйти на свободу.

Не подозревая, что тюрьмой он обязан сыну, Джон Филби помог Киму поступить в британскую разведку.

Окончательное решение зависело от заместителя начальника МИ-6, британской разведки, Валентайна Вивьена, который, как и Филби-старший, прежде работал в Индии. Он пригласил отца и сына Филби пообедать. Когда Ким вышел в туалет, Вивьен по-дружески осведомился у его отца:

— В Кембридже он действительно был с коммунистами?

— Школьные шалости, — отмахнулся Филби-старший. — Все в прошлом. Он стал другим человеком.

Валентайн Вивьен взял Кима Филби в разведку.

После смерти Ибн-Сауда королем Саудовской Аравии стал принц Сауд, который предпочитал наслаждаться жизнью больше, чем заниматься политикой. Джон Филби страшно на него обиделся. Кончилось это тем, что через полтора года после смерти его друга — короля, в апреле пятьдесят пятого, Филби изгнали из страны.

Его сын однажды посетил отца.

«Ни тогда, ни позже, — вспоминал Ким Филби, — *у меня не возникало ни малейшего желания последовать его примеру. Бескрайние просторы, чистое ночное небо и прочие прелести хороши лишь в небольших дозах. Провести жизнь в стране с величественной, но совсем не обаятельной природой и среди людей, лишенных и обаяния, и величественности, я считал неприемлемым. Невежество и надменность — плохая комбинация, а у жителей Саудовской Аравии и того, и другого предостаточно».*

Филби-отец обосновался в Бейруте. В августе пятьдесят шестого Ким Филби тоже появился в столице Ливана в роли корреспондента. Он потерял свой пост в разведке после бегства его друзей и соратников Гая Берджеса и Дональда Маклина в Советский Союз в пятьдесят первом году.

Возможно, впервые отец и сын были вместе. Филби-старший занял сторону Насера и писал в его поддержку статьи. Ким докладывал о ситуации на Ближнем Востоке в Москву.

Филби-старший помирился с саудитами и вернулся в Эр-Рияд, но приезжал в Бейрут повидать сына. Здесь он и скончался в сентябре шестидесятого года.

РУЗВЕЛЬТ И ТРУМЭН

Всемирная сионистская организация была образована первым сионистским конгрессом в Базеле в августе тысяча восемьсот девяносто седьмого года с одной целью — «создать еврейскому народу национальный очаг в Палестине».

Конгресс был созван по инициативе Теодора Герцля, австрийского юриста, журналиста и драматурга, написавшего за год до этого небольшую книгу под названием «Еврейское государство. Попытка современного решения еврейского вопроса». Герцль был тогда, возможно, единственным человеком на земле, который верил, что через полвека возникнет еврейское государство. Причем он считал, что это важно не только для евреев. Они покинут Европу, и исчезнет антисемитизм. Герцль не мог предположить, что возможен антисемитизм и без евреев: есть страны, где евреев уже нет, а антисемитизм процветает.

Вокруг первого конгресса сионистов сложилось множество мифов. Утверждают, что именно в Базеле евреи приняли план завоевания мира, описанный в печально знаменитой фальшивке «Протоколы сионских мудрецов». Интересующийся этим событием может легко удостовериться в лживости этого мифа — в Базеле присутствовало достаточное количество журналистов. Не было ни одного закрытого заседания, все проходило на публике, и каждый шаг, каждое слово участников конгресса описаны и запротоколированы.

Конгресс принял предложение просить турецкого султана предоставить евреям в Палестине автономию. Но миссия в Константинополь не увенчалась успехом. Султан ответил отказом.

Тогда сионисты стали искать европейское государство, способное поддержать идею возвращения евреев

в Палестину. Наибольший интерес проявила Великобритания, ощущавшая себя великой державой, имеющей право решать судьбы мира.

Впрочем, Всемирная сионистская организация пыталась привлечь внимание всех европейских политиков к необходимости решить еврейский вопрос — дав возможность евреям вернуться в Палестину. Сионисты собирали деньги для переселенцев, которые отправлялись в Палестину и основывали там сельскохозяйственные поселения.

Еврейское агентство для Палестины (Сохнут — так на иврите произносится слово «агентство») было исполнительным органом Всемирной сионистской организации. Ее президентом избрали Хаима Вейцмана. Агентство по существу стало правительством несуществующего еврейского государства. Штаб-квартира агентства разместилась в Палестине.

Поначалу некоторые арабские представители вполне доброжелательно отнеслись к декларации Бальфура.

Хусейн ибн-Али в Мекке приветствовал возвращение в Палестину евреев — «древнейших сынов этой земли, чьи арабские братья обретут благодаря им как материальные, так и духовные блага».

Один из сыновей Хусейна, эмир Фейсал, будущий король Ирака, в мае восемнадцатого года встретился с Вейцманом и сказал, что совершенно не возражает против планов сионистов: прежние столкновения между арабами и евреями были результатом турецких интриг. Разговаривали они вполне дружески.

В конце года они вновь встретились — на сей раз в Лондоне. Фейсал уверенно сказал, что никаких трений между арабами и евреями в Палестине не будет.

Третьего января девятнадцатого года Фейсал и Вейцман даже подписали соглашение. Эмир Фейсал

заявлял о своем согласии с декларацией Бальфура. Он не возражал против того, что Палестина станет еврейской: «Мы сердечно говорим евреям — «добро пожаловать домой».

Вейцман от имени Всемирной сионистской организации обещал помощь в развитии арабского государства, которым собирался управлять Фейсал. У него были обширные планы. Конгресс арабских националистов в марте двадцатого года провозгласил его королем Сирии. Он хотел, чтобы и евреи его поддержали.

Но Лига Наций вручила мандат на управление Сирией и Ливаном Франции. Французы начали с того, что прогнали Фейсала из Сирии. Англичане посадили его на иракский трон. Фейсал больше не нуждался в поддержке палестинских евреев и выступил против создания еврейского государства.

Популярность сионизма среди европейских евреев быстро возросла после мировой войны, потому что они стали первой жертвой распадающихся империй. В таких получивших самостоятельность странах, как Румыния и Польша, положение евреев после Первой мировой нисколько не улучшилось.

К ним относились как к нежелательным гражданам, поэтому так много польских евреев рвалось в Палестину. Еврейское население Палестины между двумя войнами удвоилось. Палестина превращалась в самое процветающее место на Ближнем Востоке.

Двадцать четвертого ноября тридцать восьмого года британский министр по делам колоний Малкольм Макдональд говорил в парламенте: *«Благодаря тому, что еврейский народ приносит с собой в Палестину современную систему охраны здоровья и другие преимущества, арабские мужчины и женщины, которые умерли бы при других условиях, сегодня живы, а их дети, которые*

никогда не вдохнули бы воздух, родились и выросли здоровыми».

Среди палестинских евреев шли споры, как наладить отношения с арабами. Будущий премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион очень серьезно относился к поиску компромисса с арабами. Перефразируя Достоевского, он говорил: *«Сионизм не имеет морального права нанести вред даже одному-единственному арабскому ребенку, даже если эта цена всех надежд сионистов».*

Первые сионисты романтически относились к арабам, считали их соплеменниками. Один из них писал об арабах: *«Они, правда, перестали вести общую с нами жизнь уже полторы тысячи лет назад, но остались костью от кости нашей и плотью от плоти нашей. Ясно, что между нами могут установиться только братские отношения. Братские не только в политическом смысле, поскольку история заставит нас вести общую жизнь в одном государстве, но и отношения братьев по расе, детей одной нации».*

Бен-Гурион искренне полагал, что палестинские арабы — это потомки древних евреев, вынужденных когда-то перейти в ислам: *«Нет никаких сомнений в том, что в их жилах течет много еврейской крови, крови тех евреев, которые в трудные времена предпочли отказаться от своей веры, лишь бы сохранить свою землю».*

До четырнадцатого года, до начала Первой мировой войны, между двумя общинами складывались нормальные отношения. Многие евреи, особенно в Иерусалиме, свободно говорили по-арабски. Еврейские и арабские дети играли вместе. Но палестинские евреи не особенно интересовались арабами, не учили арабский язык, не пытались понять своих соседей. Это была

большая ошибка. Палестинские евреи с большим опозданием оценили мощь арабского сопротивления любым чужакам-иноверцам.

Впрочем, возможно, еврейским поселенцам все равно не удалось бы переубедить арабов, среди которых уже в двадцатые годы появились профессиональные борцы с сионизмом. Они призывали вновь изгнать евреев из Палестины.

В двадцать втором году член одного кибуца опубликовал в небольшой газете свое видение будущего. Он представлял себе, каким станет его кибуц Эйн-Харод через сто лет — процветающим и счастливым. В центре кибуца появится монумент — «два человека, еврейский и арабский рабочий, держат флаг, на котором написано: свобода, равенство, братство».

Обнаруживший эту статью израильский публицист Амнон Рубинштейн с горечью заметил, что в кибуце Эйн-Харод действительно стоит мемориал — в память трех поколений одной семьи, павших в войнах с арабами...

В мае двадцать девятого года в Яффе вспыхнули серьезные арабские волнения: арабы нападали на евреев и убивали их. Тогда погибло около ста человек. Борьба с сионизмом, то есть с возвращением евреев в Палестину, стала стержнем арабского национального движения.

В Иерусалиме столкновения начались из-за права доступа к Стене Плача — это часть уцелевшей после разрушения Второго Храма стены.

Здесь когда-то стоял Великий Храм царя Соломона. Его разрушил царь Вавилонии Навуходоносор II. Он уничтожил Иудейское царство и увел евреев в плен. Когда они вернулись из вавилонского плена, то восстановили храм. И он вновь был разрушен римлянами.

Две тысячи лет евреи молились, обратясь в сторону Храмовой горы. На месте храма мусульмане воздвигли две мечети.

Евреи утверждали, что это самая почитаемая иудейская святыня, арабы доказывали, что это часть комплекса мусульманских святынь, включающих мечети Омара и Аль-Акса, и евреи имеют право находиться лишь в коридоре шириной три с половиной метра. Спор привел к тому, что двадцать третьего августа арабы взялись за оружие. В Хевроне погибло шестьдесят евреев. Это был поворотный пункт. Политическая борьба против евреев соединилась с религиозным фанатизмом.

Третья волна арабских волнений вспыхнула в апреле тридцать шестого года. Она стала следствием роста националистических настроений в арабском мире. Палестинские арабы требовали запретить еврейскую иммиграцию и продажу земли евреям.

Арабские волнения продолжались три года.

Любые попытки сионистов найти умеренных арабских лидеров и договориться об условиях сосуществования, заканчивались трагически. Тот, кто садился за стол переговоров с евреями, подписывал себе смертный приговор.

В сорок шестом году Фаузи Дервиш Хуссейни, двоюродный брат великого муфтия Иерусалима и руководитель группы «Молодая Палестина», сказал, что готов подписать с евреями договор о создании равноправного двунационального государства. Одиннадцатого ноября он подписал такой документ, а через двенадцать дней его убили арабские радикалы.

Получалось, что палестинские евреи строят свой дом прямо в жерле вулкана.

Постоянные атаки со стороны арабов привели к то-

му, что сионисты стали готовиться к отпору, хотя англичане запретили евреям создавать силы самообороны.

Радикальнее всех были настроены выходцы из России, молодые рабочие из партии «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона»). Они пережили погромы в России и были готовы к отпору. Они, в частности, считали, что нельзя нанимать арабских рабочих — евреи обязаны сами работать на земле. Арабы же истолковывали это как желание лишить их работы.

В малоразвитой Палестине не было иной ценности, кроме земли. Евреи могли купить только песчаные участки, болота или целину. Но и на этой земле еврейские поселенцы сумели вырастить апельсины.

Арабы лишались земли в Палестине не потому, что ее скупали евреи, а потому, что ее скупали крупные землевладельцы-арабы. То же самое происходило и в соседнем Египте. Кое-кто из них перепродавал потом землю с выгодой для себя евреям. Но ненависть нищих арабов обрушивалась именно на евреев. Арабы не хотели, чтобы приезжающие сюда евреи скупали земли. Они боялись, что останутся с пустыми руками и окажутся под властью евреев. Арабы не желали становиться меньшинством в Палестине.

А после прихода Гитлера к власти число желающих уехать в Палестину среди немецких и вообще европейских евреев быстро увеличилось. Стало ясно, как мало успели сионисты после Первой мировой: евреям нужно было бежать из Германии, а бежать было некуда. Ни одно государство не соглашалось принять евреев. Гитлеровские войска присоединяли к Третьему рейху одну страну за другой, и число беженцев росло.

По предложению американского президента Франклина Делано Рузвельта в июле тридцать восьмого года собралась международная конференция, чтобы помочь

еврейским беженцам из Германии. Представители разных стран один за другим объясняли, что политическая и экономическая ситуация не позволяет им принимать беженцев. Только представитель Доминиканской республики пригласил беженцев к себе, но это было так далеко...

Как ни странно, принимали беженцев-евреев только в Шанхае, китайские власти не возражали против приезда европейцев. Но в августе тридцать девятого года японские власти, оккупировавшие Китай, запретили въезд беженцев. Японцы не имели никакого представления о евреях, но сделали приятное стратегическому союзнику — нацистской Германии.

Ходят разговоры о том, что сионисты тайно договаривались с нацистами: пожалуйста, разжигайте антисемитизм, нам это только на руку — все евреи побегут в Палестину.

«Заявления о сотрудничестве сионистов с нацистами — это абсолютная чепуха, — пишет известный британский историк Уолтер Лакер. — *Ни один еврейский Молотов ни разу не сидел с нацистами за одним столом».*

Можно было, наверное, пойти и на сделку с дьяволом ради спасения людей. Но реальность состояла в том, что евреев никуда не пускали. Сионисты ничего не могли поделать.

Летом тридцать седьмого года появился доклад британской комиссии, которая пришла к выводу, что между арабами и евреями возник неразрешимый конфликт и они вместе не уживутся, поэтому Палестину нужно поделить.

Первоначально эту идею отвергли не только арабы, но и евреи. Но евреи первыми поняли, что это единственно возможное решение, и сняли свои возражения.

Королевская комиссия рекомендовала создать к западу от Иордана небольшое еврейское государство. Правительство Англии согласилось. Но, увидев, что арабы против, быстро отказалось от этой идеи. В тридцать восьмом году в Лондоне собрали представителей палестинских арабов и палестинских евреев, чтобы найти компромисс. Арабские представители отказались вести переговоры с евреями и даже не хотели сидеть с ними за одним столом.

В тридцать девятом году британское правительство приняло роковое решение: в течение ближайших пяти лет не больше семидесяти пяти тысяч евреев смогут приехать в Палестину. Это был смертный приговор европейскому еврейству, оставленному на растерзание немецких нацистов и их единомышленников в других странах. Пожелавших принять участие в уничтожении соседей-евреев было предостаточно.

В январе тридцать девятого года Саудовская Аравия установила дипломатические отношения с нацистской Германией. Ибн-Сауд говорил немецким дипломатам, что в глубине души «он ненавидит англичан».

Это не мешало ему поставлять нефть американцам. А когда победа союзников стала очевидной, в феврале сорок пятого Ибн-Сауд получил аудиенцию у президента Рузвельта. Встречу организовал американский посол и разведчик Уильям Эдди — еще недавно в чине полковника он служил резидентом управления стратегических операций в Танжере.

Рузвельт был тяжело больным человеком. В двадцать первом году он заболел полиомиелитом и был частично парализован. Во всяком случае, ходить он не мог, его возили в коляске. Но телевидения еще не существовало, и американцы ни о чем не подозревали. Для кинохроники его снимали сидящим либо в авто-

мобиле, либо за своим столом, сооружали для него специальные трибуны.

В тридцать третьем году в Рузвельта стреляли. Был убит находившийся рядом мэр Чикаго, а президента бог спас.

В годы войны он страдал от тяжелой гипертонии, больное сердце не могло в должной степени снабжать кислородом мозг. У помощников складывалось ощущение, что президент иногда плохо понимает, что ему говорят.

А американцев продолжали уверять, что Рузвельт, с медицинской точки зрения, находится в лучшем состоянии, чем большинство людей его возраста. Рузвельт однажды демонстративно произнес речь на улице под дождем, чтобы показать, насколько он крепок.

Рузвельт в отличие от своих дипломатов и разведчиков в принципе симпатизировал сионистам. Он заговорил с саудовским королем о том, что евреям нужно дать возможность переселиться в Палестину и спокойно там жить.

Ибн-Сауд ответил, что это невозможно. Саудовский король посоветовал разместить всех евреев в домах немцев, которые их убивали. Ибн-Сауд ненавидел евреев. Однажды в управлении нефтяной компании «Арамко» его угостили апельсинами. Он попробовал, а потом встревоженно спросил, не палестинские ли они, не выращены ли евреями? Его успокоили, сказав, что апельсины калифорнийские.

Резкая реакция короля произвела на Рузвельта сильное впечатление. Он сказал, что, поговорив с саудовским королем пять минут, узнал больше, чем за все прежние годы. Рузвельт не хотел лишаться саудовской нефти. Заканчивая встречу, американский президент сказал, что в таком случае он не станет помогать евреям в ущерб арабским интересам.

Рузвельт был политиком до мозга костей и обо всем на свете судил с точки зрения текущих интересов его президентства. Бороться за голоса американских евреев ему не было нужды — они и так его поддерживали. Судьба Ближнего Востока его мало интересовала. Он не хотел ни с кем ссориться, еврейским политикам говорил одно, арабским — другое. Но для себя решил, что не станет тратить силы на создание еврейского государства в Палестине.

Надежды сионистов получить поддержку Соединенных Штатов рухнули.

Первоначально Гитлер намеревался заставить всех немецких евреев покинуть Германию. Он опасался реакции Запада на откровенный антисемитизм. Но Запад молчал.

«Если мы откроем двери Палестины перед взрослыми мужчинами-евреями, покидающими неприятельскую территорию, — говорил один из сотрудников британского министерства иностранных дел, — *хлынет поток, который мы не сумеем удержать».*

Гитлер решил, что значительно лучше уничтожить этот народ целиком. Нацисты отличились тем, что создали индустрию для уничтожения целого народа. Они не были маньяками. Они рассматривали уничтожение евреев как повседневную рутинную работу, которую надо хорошо исполнить.

На Ближнем Востоке нацисты нашли союзников и единомышленников. Гитлер обещал арабским странам полную независимость, если они помогут ему в борьбе с англичанами.

С помощью денег, выделенных Гитлером и Муссолини, к власти в Багдаде пришел генерал Рашид Али аль-Гайлани, который в мае сорок первого поднял восстание против англичан.

Гитлер подписал секретный приказ № 30:

«Арабское освободительное движение на Среднем Востоке является нашим естественным союзником против Англии... Поэтому я решил подстегнуть такое развитие событий, поддержав Ирак».

Но британские войска быстро подавили мятеж.

Летом сорок второго немецкий экспедиционный корпус генерала Эрвина Роммеля успешно действовал против англичан в Северной Африке. Египетские националисты восторженно приветствовали продвижение частей вермахта. Молодые египетские офицеры, лидерами которых были будущие президенты страны Гамаль Абд-аль Насер и Анвар аль-Садат, пытались поднять восстание и вместе с немецкими войсками разгромить англичан.

Но немецкая армия, к их величайшему огорчению, была разгромлена. Оставшись без Гитлера, арабский мир продолжал войну против палестинских евреев самостоятельно.

В декабре сорок пятого года в Каире представители Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Сирии и Ливана приняли решение об экономическом бойкоте палестинской еврейской общины, запретив в своих странах продажу товаров, производимых евреями.

Уничтожить всех европейских евреев Гитлер не успел. Спасшиеся не знали, что им делать и куда деваться.

После войны в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии, Австрии и Италии скопилось больше двухсот тысяч евреев. Примерно сто семьдесят пять тысяч — после разгрома нацистов — вернулись было в Польшу, но вновь бежали оттуда. Они не хотели оставаться среди ненавидевших их людей особенно после того, как летом сорок шестого при погроме в польском городке Кельце местные жители — уже без помощи нацистов — убили сорок одного еврея.

Сразу после войны судьба европейских евреев волновала только их самих. Все страны приходили в себя после кровавой бойни, у всех были свои заботы.

Весной сорок пятого две сравнительно небольшие организации «Международный еврейский комитет действия» и «Международный союз эмигрантов и беженцев-антифашистов» обратились к великим державам с предложением поселить оставшихся в живых евреев на территории разгромленной Германии (подробнее см. «Новая и новейшая история», 2003, № 1).

Это был момент, когда державы-победительницы еще не решили, как поступить с Германией, и обсуждался вопрос о расчленении Третьего рейха на несколько небольших стран. В одной из частей бывшей Германии и предлагалось поселить всех европейских евреев.

Письмо было передано в советское посольство в Италии с просьбой передать наркому иностранных дел Вячеславу Михайловичу Молотову. В посольстве расценили идею как несерьезную, выдвинутую «неавторитетной организацией», но письмо все-таки переслали в Москву.

Его изучили в 1-м Европейском отделе и доложили заместителю наркома Владимиру Георгиевичу Деканозову, человеку из ближайшего окружения Берии. Деканозов сделал большую карьеру в госбезопасности, был секретарем ЦК Грузии, начальником республиканского госплана.

Перебравшись в Москву, Берия взял его с собой и сделал начальником политической разведки, но уже через полгода комиссара госбезопасности II ранга утвердили заместителем наркома иностранных дел. Перед войной Деканозов служил послом в нацистской Германии. Деканозов не стал знакомить с письмом Молотова и отправил его в архив.

В годы войны палестинские евреи были надежными союзниками англичан, сражались вместе с ними. Война кончилась — и, не сказав им «спасибо», британские власти опять относились к палестинским евреям как к подозрительным лицам.

После войны англичане установили квоту: в Палестину могут приезжать не более полутора тысяч евреев в месяц. Это вызвало возмущение — куда деваться чудом выжившим европейским евреям?

Следует отметить, что новый американский президент Гарри Трумэн вовсе не был сионистом. Он равнодушно относился к этим проблемам, хотя евреям симпатизировал. Он стал президентом в апреле сорок пятого, после смерти Рузвельта, и столкнулся со множеством новых и трудных для него проблем в международных отношениях.

Президент не имел высшего образования, потому что его отец разорился и мальчику пришлось зарабатывать себе на жизнь. Он начинал, работая на элеваторе. Участвовал в Первой мировой войне, после войны открыл магазин мужской одежды, но разорился и пошел на муниципальную службу. Он завоевал крепкие позиции в своем округе и в пятьдесят лет был избран в сенат от родного штата Миссури. В сороковом добился переизбрания и возглавил чрезвычайный комитет по осуществлению программы создания вооружений. Это сделало его популярным, и Рузвельт предложил ему место вице-президента.

После войны, в августе сорок пятого, Трумэн объяснил, что не намерен отправлять в Палестину американских солдат ради установления там мира. Но с отказом англичан пускать в Палестину чудом переживших войну и нацистские концлагеря евреев не мог согласиться.

Англичане доказывали американцам, что нельзя разрешать эмиграцию евреев в Палестину, поскольку это коммунистические заговорщики, которых туда отправляет Сталин. Это часть операции по коммунистическому проникновению на Ближний Восток... Забавно, что в Советском Союзе сионистов считали идеологическими противниками марксизма.

Американские дипломаты напоминали своему президенту, что важнее всего обеспечить бесперебойные поставки ближневосточной нефти. На это Трумэн ответил: «Не нефть, а справедливость важна для меня».

Трумэн гордился могуществом Америки и верил в то, что призвание Америки — служить светочем свободы и прогресса для всего человечества. Для него Евангелие и моральные нормы не были пустыми словами. Он выступал за равноправие цветных американцев, покончил с расовым делением в вооруженных силах, при нем началось движение за гражданские права.

Трумэна, которого невысоко оценивали при жизни, после смерти ставят на все более высокий пьедестал. Он был способен на трудные и непопулярные решения. Если что-то считал правильным, не позволял сбить себя с толку.

В одной из первых записок, полученных новым президентом от государственного департамента, говорилось, что он не должен позволять евреям создать собственное государство, потому что «в течение трех лет оно превратится в коммунистическую марионетку».

В американском ведомстве по иностранным делам сионистам оказывали весьма прохладный прием. По существу весь американский государственный аппарат — Белый дом, Пентагон и государственный департамент — действовал против сионистов.

«Постоянно приходилось сталкиваться со скрытой,

но упорной оппозицией сил, действовавших закулисно, — вспоминал Вейцман. — *В наших усилиях противодействовать влиянию этих сил мы проигрывали».*

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С СОВЕТСКИМИ ДИПЛОМАТАМИ

Когда другие великие державы отказали евреям в праве создать свое государство, интерес к Палестине, сионизму и судьбе евреев неожиданно возник у Сталина.

Вообще говоря, отношения между сионистским движением и московскими лидерами изменились уже после нападения Германии на Советский Союз в июне сорок первого. Появился общий враг, и необходимость одолеть Гитлера была важнее идеологических разногласий.

Во время войны Лондон стал одним из центров дипломатической активности, а советский посол Майский был в британской столице одной из важнейших фигур.

Второго сентября сорок первого года Вейцман вновь появился у советского посла.

Глава Всемирной сионистской организации сказал, что обращение советских евреев к мировому еврейству с призывом соединить усилия в борьбе с Гитлером произвело на него огромное впечатление. Он хотел бы отправить сочувственную телеграмму, но стоит ли это делать, учитывая отрицательное отношение советского правительства к сионизму?

Майский уверенно ответил: *«Не вижу оснований, почему бы вам не послать своей телеграммы».*

Использование советских евреев для психологического воздействия на мировое общественное мнение, прежде всего на американцев, было сталинской идеей. В конце сорок первого года в Москве приняли реше-

ние образовать Еврейский антифашистский комитет — наряду с всеславянским, женским, молодежным и комитетом советских ученых. Все эти организации были ориентированы на пропагандистскую работу за границей.

Евреи по всему миру собрали и передали Советскому Союзу сорок пять миллионов долларов, что в те годы было немалой суммой...

Вейцман вернулся из Соединенных Штатов и поделился с советским послом впечатлениями о настроениях американцев.

По его словам, писал Майский в Москву, *«за последние шесть-семь недель общественный интерес к войне среди американцев значительно упал, ибо средний американец рассуждает примерно так: русские хорошо дерутся, вместе с англичанами они как-нибудь изничтожат Гитлера, а нам, американцам, нет смысла слишком глубоко влезать в эти дела.*

Вейцман считает такие настроения преступно легкомысленными и думает, что американское еврейство, если оно будет надлежащим образом стимулировано, сможет в сильной степени им противодействовать. Вот почему он всецело приветствует инициативу советских евреев».

Телеграмма Майского о беседе с Вейцманом, скорее всего, укрепила Сталина в мысли о том, что американские евреи помогут заставить правительство Соединенных Штатов поскорее открыть второй фронт в Европе. И тут очень пригодятся советские евреи.

Вот с какой целью весной сорок третьего года в Соединенные Штаты отправилась делегация Еврейского антифашистского комитета: председатель комитета, художественный руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР Соломон Михай-

лович Михоэлс и известный поэт Исаак Соломонович Фефер, писавший на идиш — языке европейских евреев.

В директивах, составленных наркоматом иностранных дел и утвержденных в ЦК, им предписывалось «не высказываться по вопросу о еврейском государстве свободной Палестины, поскольку Палестина, как известно, является мандатной территорией Великобритании». Молотов не хотел ссориться с Англией из-за какой-то Палестины, которая в Москве никого из крупных чиновников еще не интересовала.

Будущий президент Израиля Вейцман тоже встретился с Михоэлсом и Фефером. Вейцман просил передать советскому правительству, что если в Палестине будет создано еврейское государство, то оно никогда никаких враждебных выступлений против Советского Союза не допустит...

Председатель правления Еврейского агентства для Палестины Давид Бен-Гурион тоже посетил в Лондоне Майского. Он пришел к советскому послу девятого октября сорок первого года, когда немецкие войска приближались к Москве и, казалось, некому их остановить.

Представляя себя, Бен-Гурион счел необходимым рассказать послу-коммунисту о своей профсоюзной деятельности и политических взглядах:

— Мы очень серьезно относимся к нашим социалистическим идеям и стремимся к достижению цели. Мы уже создали в Палестине элементы социалистического содружества.

Будущий глава израильского правительства поинтересовался у посла, чем палестинские евреи могут быть полезны сражающемуся Советскому Союзу?

— Вы едете в Америку, — ответил Майский. — Вы окажете нам большую услугу, если доведете до созна-

ния американцев проблему срочности оказания нам помощи. Нам нужны танки, пушки, самолеты — как можно больше, и, главное, как можно скорее.

Бен-Гурион ответил, что безусловно сделает все, что сможет.

На Ближнем Востоке палестинские евреи тоже пытались установить отношения с советскими дипломатами. Крупнейшее советское посольство находилось в Турции.

Сотрудник политического департамента (прообраз будущего министерства иностранных дел) правления Еврейского агентства для Палестины Эльяху Эпштейн сообщал своим руководителям:

«Мне удалось раздобыть лишь незначительную информацию о советском после и сотрудниках миссии. Дело в том, что они живут в полной изоляции на территории посольства, — там они работают, там едят, там и спят, выходя в город лишь в исключительных случаях.

Им строжайше запрещено принимать приглашения от местных жителей и иностранцев — исключение делается лишь для представителей турецких властей и для членов дипломатического корпуса, но и в этом случае посещать разрешается только официальные церемонии и приемы, проводимые в посольствах или в домах турецких государственных деятелей. Свободой передвижения пользуются только корреспонденты ТАСС...»

Обычные способы встречи с советскими дипломатами исключались, поэтому Эпштейн прибег к помощи англичан. В декабре сорок первого года он отправил советскому послу в Турции Сергею Александровичу Виноградову рекомендательное письмо от британского посольства в Анкаре.

В письме говорилось: *«Еврейское агентство официально признано правительством Его Величества в каче-*

стве консультативного органа по всем вопросам, связанным с созданием еврейского национального очага в Палестине, и занимается репатриацией».

Обращение британского посольства помогло Эпштейну встретиться с советским послом.

«Посол, — писал Эпштейн в своем отчете, — *попросил меня рассказать о социальном составе еврейского населения страны. Я был крайне изумлен и оскорблен, когда Виноградов с наивно-удивленной интонацией спросил: «А что, евреи в Палестине действительно работают?»*

Тут только я в полной мере осознал, какую промывку мозгов устроила враждебная коммунистическая пропаганда, представлявшая народам СССР еврейское население Палестины как чисто империалистическое и эксплуататорское движение...

Общее впечатление от беседы с послом и его секретарем можно суммировать одной фразой: полная неинформированность и большое желание узнать...

Встреча была очень полезной — установлен прямой контакт с советским дипломатом, так или иначе занимающимся проблемами Палестины».

Виноградов был заинтересован рассказом о жизни палестинских евреев. Через четыре дня Эпштейн получил приглашение на ужин к советскому послу и на просмотр документального фильма о войне.

Эпштейн побывал и у торгпреда А. Потапова, который сказал, что планируется посылка в Палестину сотрудника советской миссии, который занялся бы экономическими вопросами.

«По словам Потапова, — писал Эпштейн, — *особый интерес для русских представляет медицинская, химическая и фармацевтическая промышленность Палестины... Наконец, надо решить вопрос об открытии в Палестине представительства «Совкино» для продажи советских*

фильмов, поскольку, по словам Потапова, поступает все больше заказов от владельцев кинотеатров, особенно в Тель-Авиве...»

Надо отдать должное Эпштейну, который довольно быстро разобрался в ситуации:

«В заключение хочу отметить, что очень сомневаюсь, чтобы мы получили позитивный ответ от советских властей на просьбу об освобождении арестованных и сосланных сионистов и на предложение об отправке в СССР представителей Еврейского агентства для практического осуществления репатриации беженцев и родственников.

В ходе беседы с Виноградовым я понял, насколько незначительны возможности советского посла оказывать влияние на решение вопросов — неважно, крупных или мелких. Только прямое обращение к советским властям, возможно, помогло бы сдвинуть наши проблемы с мертвой точки.

В то же время вся информация, получаемая мной из осведомленных источников, свидетельствует о том, что... не произошло никаких изменений во внутренней политике СССР... Сталин усиливает контроль над умонастроениями внутри СССР...

Мы не должны тешить себя иллюзиями. Мне представляется ошибочным мнение, будто ситуация изменилась и мы имеем какие-то новые возможности в плане разрешения сионистской деятельности в СССР...»

«А у нас централизованная дипломатия, — говорил, уже находясь на пенсии, Молотов. — *Послы никакой самостоятельности не имели. И не могли иметь, потому что сложная обстановка, какую-нибудь инициативу проявить послам было невозможно. Послы были исполнителями определенных указаний...»*

Молотов считал, что только они со Сталиным занимаются дипломатией. Остальные должны просто ис-

полнять их указания, не отступая ни на шаг от инструкций. Еще при Литвинове посол, полпред мог спорить с наркомом, обращаться в ЦК, к Сталину в случае несогласия. При Молотове это уже стало невозможно.

Да и послы уже были такие, которым и в голову не приходило спорить с наркомом: что начальство приказало, то и правильно.

Все, что мог предпринять посол Виноградов, — информировать Москву о своих беседах на палестинские темы.

Его послание в Москве прочитал заведующий Средневосточным отделом НКИД Сергей Иванович Кавтарадзе, человек фантастической судьбы. В юности он познакомился со Сталиным. В двадцатые годы был наркомом юстиции Советской Грузии, работал в союзной прокуратуре в Москве.

Сергей Кавтарадзе разделял взгляды Троцкого. Его исключили из партии и отправили на поселение в Оренбургскую область, через год арестовали, и особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило его «как активного троцкиста» к трем годам лишения свободы. Отбыв срок, он вернулся в Москву. В октябре тридцать шестого его вновь арестовали. На сей раз «как участника грузинского антисоветского центра» отослали в Тбилиси. Его подельников грузинский НКВД расстрелял. Кавтарадзе сидел и ждал своей участи.

После смерти Сталина он рассказал, что дал показания, *«находясь под постоянным действием невыносимых методов психического и физического воздействия — угрозы расстрелом, инсценировки расстрела, физическое и нервное изнурение, граничащее с умопомешательством, например, мне казалось, что у меня сохнет голова и сокращается череп...»*

По какой-то причине он не попал ни в один рас-

стрельный список. А через два с лишним года, в феврале тридцать девятого, его внезапно этапировали в Москву. В середине декабря его доставили к наркому внутренних дел Берии. Лаврентий Павлович объявил, что его дело прекращено и он свободен.

Кавтарадзе не поверил Берии. Но их с женой освободили, им дали жилье и работу. Почему это произошло? До конца жизни Кавтарадзе не мог ответить на этот вопрос. Возможно, в хорошую минуту Сталин вспомнил о друге своей юности и повелел оставить его в живых.

Осенью сорокового года супругов неожиданно посетил Сталин. Эта фантастическая история стала легендой. Вождь поздно вечером постучал в дверь коммунальной квартиры, в которой обитали Сергей Иванович и Софья Абрамовна Кавтарадзе. Сталин любил такие жесты... За всю жизнь он сделал всего несколько таких поступков, но о них говорила вся страна.

Они просидели за столом полночи как ни в чем не бывало. После этого Кавтарадзе взяли на руководящую работу в наркомат иностранных дел.

Тридцать первого декабря сорок первого года Кавтарадзе доложил первому заместителю наркома Андрею Януарьевичу Вышинскому, что советский посол в Анкаре Виноградов принял «представителя Еврейского палестинского агентства по делам эмиграции и колонизации — Эпштейна Элиаса Менахема».

Советский посол счел заслуживающим внимания предложение палестинских евреев поставлять в Советский Союз медикаменты. Еврейское агентство было готово прислать бригаду врачей с походными госпиталями. Палестинские евреи хотели купить советские военные фильмы, поскольку в Палестине была создана Лига дружественных отношений с Советским Союзом,

и ее активисты уже провели неделю солидарности с советским народом.

Совсем иное отношение вызвала просьба разрешить советским гражданам, престарелым родственникам палестинских евреев, выехать в Палестину. Англичане обещали сто разрешений на въезд.

Кавтарадзе предлагал Вышинскому:

«1. Запросить мнение Наркомвнешторга по вопросу о торговле с Палестиной медикаментами...

2. Считать неприемлемым предложение Эпштейна о посылке в СССР бригады врачей из Палестины с походными госпиталями.

3. Считать нецелесообразным выезд престарелых евреев из СССР к своим родственникам в Палестину.

4. Не возражать против продажи торгпредством СССР в Турции Эпштейну боевых кинофильмов для показа в Палестине.

5. Запросить НКВД, имеются ли в его распоряжении какие-либо сведения об Эпштейне Элиасе Менахеме и обществе, которое он представляет».

Вышинский запросил мнение заведующего 2-м европейским отделом Федора Тарасовича Гусева. Тот согласился с Кавтарадзе, что не надо отказываться от медикаментов и медицинского оборудования.

Второго марта сорок второго года президент Всемирной сионистской организации Вейцман отправил послу Майскому меморандум о целях сионистов.

Советский посол проявил искренний интерес к судьбе Палестины, и Вейцман спешил донести до него точку зрения сионистов. Он писал Майскому, что настало время вернуть «еврейскую нацию на древнюю территорию»:

«Не существует такой страны на земном шаре, ко-

торая была бы готова принять от двух до трех миллионов евреев, организовать их компактные поселения в пределах своих стран — ни Соединенные Штаты, ни какой-либо британский доминион, ни одна из южноамериканских республик, ни, как мы понимаем, Советский Союз.

Есть ряд проектов, связанных с организацией поселений в тропических или арктических районах, вероятно, там можно было бы принять переселенцев, однако проблему этим не разрешить...»

Вейцман предлагал советскому правительству пересмотреть отношение к сионизму и сионистам: *«Нельзя позволить прошлым недоразумениям стать препятствием для развития новых отношений между СССР и сионизмом.*

Сионистские конгрессы совершенно естественно заявили протест против запрета их движения, еврейского языка в СССР, против отношения к сионистам как контрреволюционерам. Но они никогда не относились враждебно к советскому правительству, к СССР, где проживает почти треть мирового еврейства, к одной из великих стран, ответственных за мирное урегулирование...»

Вейцман писал Майскому, что в Палестине евреи, преодолевая привычку к городской жизни, возвращаются к земле, крестьянскому труду: *«Они строят дороги и мосты, работают каменотесами, сажают леса на холмах, осушают болота, управляют автомобилями и автобусами, делают станки, работают на электростанциях и добывают поташ в районе Мертвого моря, трудятся на железных дорогах...»*

Появление Вейцмана у Майского, беседы Эпштейна с советским послом в Турции заинтересовали руководство наркомата иностранных дел. Палестина, созда-

ние еврейского государства, — это была новая проблема, которой раньше не занимались.

Первые контакты не увенчались успехом.

Палестинская фирма «Шенфельд» заключила договор с советским торгпредством в Турции о продаже ей двадцати восьми фильмов и ста киножурналов, но англичане не выпустили хозяина фирмы из Палестины, и он не смог приехать в Анкару, чтобы подписать контракт.

Двадцать второго июня сорок второго года временный поверенный в делах СССР в Турции Михаил Алексеевич Костылев писал заведующему Средневосточным отделом НКИД Сергею Кавтарадзе:

«У палестинских торговых фирм и купцов имеется большое желание установить торговые связи с Советским Союзом. Полагаю, что этот факт имел бы для нас не столько торговое, сколько политическое значение.

Однако практическое осуществление этого возможно лишь в том случае, если мы будем иметь в Палестине советского человека хотя бы под видом постоянного представителя какой-либо торговой организации СССР. Мне кажется, что было бы целесообразно поставить этот вопрос перед руководством НКИД».

Михаил Костылев работал директором деревообделочного завода в Брянске, потом его перевели во внешнеторговую организацию «Экспортлес» в Москву. В тридцать седьмом взяли в наркомат иностранных дел. Костылев окончил курсы дипломатических работников и поехал в Турцию. Впоследствии был послом в Италии и Аргентине.

В августе сорок второго года два сотрудника советского посольства из Анкары приехали в Палестину — первый секретарь Сергей Сергеевич Михайлов и

пресс-атташе Николай Андреевич Петренко. Петренко окончил Ленинградский педагогический институт и заведовал сектором музейно-краеведческого отдела наркомата просвещения. В сорок первом его взяли на дипломатическую работу.

Они были осторожны в разговорах о сионизме, но увиденное в Палестине, успехи еврейской общины, построенные евреями университет и больница произвели на них впечатление.

Советские дипломаты встречались также и с арабами, но не поддержали их антисионистские разговоры.

Директор департамента печати и информации правления Еврейского агентства для Палестины И. Клинов с очевидным удовлетворением писал директору политического департамента агентства Моше Шертоку:

«Михайлов не проявил желание продолжать разговор в том же духе. Напротив, он говорил о том, что эта прекрасная земля предназначена для двух народов. Он видел большие достижения ишува (еврейского населения Палестины. — *Авт.*). *Он отметил, что и евреи, и арабы исторически связаны с этой землей, здесь хватит места для обоих народов».*

Будущий первый министр иностранных дел Израиля Моше Шерток начинал свою политическую карьеру помощником Виктора (Хаима) Арлозорова, который родился в Полтавской губернии и очень рано присоединился к сионистам.

Арлозоров был сильным оратором, хорошим организатором и не был догматиком, поэтому ему стали поручать дипломатические миссии. Он считался правой рукой Вейцмана и руководителем политического отдела Еврейского агентства. Если бы он дожил до провозглашения Израиля, то, несомненно, стал бы ми-

нистром иностранных дел. Он неустанно курсировал между Соединенными Штатами, Европой и Палестиной.

Арлозоров был дальновидным политиком. Если контакты с европейцами и американцами давали хоть какие-то основания для оптимизма, то отношения с арабами погружали его в отчаяние. Встречаясь с арабскими лидерами, он видел, что они просто не хотят договариваться.

Восьмого апреля тридцать третьего года он устроил в гостинице «Король Давид» неслыханный обед, на котором свел Вейцмана и руководителей еврейского агентства с трансиорданскими шейхами. Этот диалог был слишком опасен для радикально настроенных арабов, которые отрицали возможность договориться с евреями.

Шестнадцатого июня тридцать третьего года Арлозорова застрелили, когда он вечером вместе с женой гулял по набережной в Тель-Авиве. К нему подошли двое и спросили, который час, и посветили на него фонариком. Он не успел ответить, как прозвучал выстрел.

«Смотри, что со мной сделали», — прошептал умирающий Арлозоров мэру Тель-Авива, примчавшемуся в больницу.

Через несколько часов он скончался. Ему было всего тридцать четыре года. Это преступление так и не было раскрыто. В убийстве обвинили Абрахама Ставского, правого радикала. Но в конце концов суд его оправдал.

Арлозорова сменил Моше Шерток.

Еврейское агентство просило советское правительство отправить в Палестину польских евреев, в первую очередь детей. Речь шла о евреях, которые оказались на

советской территории после раздела Польши осенью тридцать девятого. Приняв вместе с вермахтом участие в разгроме Польши, Красная армия заняла территорию с населением в двенадцать миллионов человек.

Но наркомат иностранных дел отвечал, что указом президиума Верховного Совета СССР от двадцать девятого ноября тридцать девятого года вопрос о гражданстве решен. Все они теперь советские граждане и уезжать из страны не собираются.

Шерток в апреле сорок третьего года встретился с послом Майским. Тот был осторожен:

— Вы не можете требовать от меня немедленного ответа. Напишите мне памятную записку.

Но когда разговор окончился и посол провожал Шертока, то уже вполне сочувственно спросил:

— Как у вас идут дела?

— Все не так уж плохо, — дипломатично ответил Шерток.

— У вас есть армия? — Майский плохо представлял себе ситуацию на Ближнем Востоке.

— О какой армии вы говорите? — изумился Шерток.

— О еврейской армии!

— Нет, еврейской армии у нас нет.

— Почему?

— Из-за прежних политических процессов. В британской армии есть еврейские подразделения, но без специального статуса.

— А чего вы хотите?

— Мы требуем слияния этих подразделений в крупную еврейскую часть. Я встречался по этому поводу с британским военным министром.

— Ну и как, успешно?

— Британский военный министр сказал, что я не

могу требовать от него немедленного ответа, и попросил написать ему памятную записку, — с нескрываемой иронией ответил Шерток.

С тридцать девятого года палестинские евреи добровольно вступали в британскую армию. В конце сорок второго британское военное командование разрешило формировать еврейские полки. В сентябре сорок четвертого была сформирована Еврейская бригада из трех полков, численность — пять тысяч человек. Бригада сражалась в Италии. В июне сорок шестого года ее расформировали...

Пятнадцатого мая сорок третьего года сотрудники консульского отдела НКИД обратились к заместителю наркома Деканозову с предложением вновь поставить вопрос перед посольством Великобритании в Москве об открытии советского консульства в Палестине под предлогом, что там проживает около четырехсот советских граждан.

Но англичане не хотели видеть в Палестине, своей вотчине, советских дипломатов.

В Иерусалиме русское консульство было открыто в восемьсот пятьдесят восьмом году, через тридцать пять лет его преобразовали в генконсульство. Кроме того, существовали консульства в Хайфе и Яффе. Они закрылись в четырнадцатом году, когда Россия и Турция, вступившие в войну, разорвали дипломатические отношения.

Сионисты искали любой возможности установить связи с Москвой, которая впервые шла на контакт.

Двадцать седьмого мая сорок третьего года представитель Еврейского агентства для Палестины Наум Гольдман передал президенту Чехословакии в изгнании Эдуарду Бенешу «Памятную записку об отношениях между сионистским движением и Советской Россией».

Бенеш симпатизировал евреям. Сионисты видели в нем союзника и надеялись, что он поможет наладить отношения с советским руководством. В памятной записке говорилось:

«Советская Россия считала сионизм проводником британских интересов на Ближнем Востоке и, выражаясь языком коммунистов, представителем британского империализма в этом регионе. Высшим проявлением этого антагонизма стала позиция коммунистов в Палестине, как евреев, так и неевреев, которые во время волнений 1936—1938 годов открыто поддержали арабских террористов, действовавших против еврейского населения».

Теперь палестинские евреи рассчитывали на иное отношение со стороны советских властей: во время Второй мировой войны, говорилось в записке, *«лидеры арабских стран открыто или тайно занимают пронацистские или профашистские позиции».*

В сентябре сорок третьего года Вейцман еще раз беседовал с послом Майским.

За четыре месяца до этого, двадцать восьмого мая, появился указ президиума Верховного Совета о введении дипломатических рангов для работников наркомата иностранных дел, посольств и миссий за границей. Постановлением Совнаркома вводилась форменная одежда со знаками различия — вышитых золотом звезд на погонах.

Майский стал чрезвычайным и полномочным послом — ему полагался мундир с погонами без просвета (генеральскими!) с тремя вышитыми звездочками и металлической позолоченной эмблемой — двумя скрещенными пальмовыми ветками.

Посол Майский сказал Вейцману, что он «не может давать обязательства за свое правительство», но счита-

ет, что Москва поддержит сторонников создания еврейского государства в Палестине.

Майского смутили малые размеры Палестины — разве там можно будет разместить всех беженцев из Европы?

Вейцман развеял опасения Майского на этот счет. Объяснил, что, по самым скромным расчетам, в Палестину можно будет перевезти еще около двух миллионов евреев.

Майский ответил, что он очень рад это слышать. Но ему недолго оставалось занимать пост посла.

Сталин, раздраженный очередной отсрочкой в открытии второго фронта, решил демонстративно понизить уровень представительств: из Соединенных Штатов отозвал Литвинова, из Англии — Майского, а заменил их молодыми и не имевшими политического веса дипломатами. В Вашингтоне послом стал Андрей Андреевич Громыко, в Лондоне — Федор Тарасович Гусев. Это было маленькой местью Сталина Рузвельту и Черчиллю.

Гусева перед отъездом принял Сталин. Новому (и неопытному) послу в Англии было всего тридцать семь лет. Гусев честно сказал, что молод для такого поста.

Сталин развеял его сомнения:

— У нас нет других людей. Многие сейчас на фронте. Нам же нужно отозвать посла Майского, который слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие второго фронта в Европе.

Уинстон Черчилль был раздражен неравноценной заменой и долго не принимал нового посла. Когда британский премьер-министр прилетел в Москву в октябре сорок четвертого года, Сталин нашел способ повысить акции посла — за обедом провозгласил тост:

— За моего личного друга, товарища Гусева!

Сталинский жест изменил отношение англичан к Гусеву.

Иван Майский, направлясь на родину после окончания своей миссии в Лондоне, осенью сорок третьего года побывал в Палестине. Он проехал на машине по маршруту Каир—Иерусалим—Дамаск—Багдад—Тегеран.

В Иерусалиме Иван Михайлович сделал остановку. Он хотел осмотреть город и познакомиться с жизнью еврейских поселенцев.

«После войны, — сказал Майский Бен-Гуриону, — *еврейская проблема будет очень сложной. Придется ее решать. Мы должны выработать подходы, должны знать все. Нам говорят, что здесь, в Палестине, нет свободного места для новых иммигрантов, — мы хотим знать, правда ли это, хотим составить себе представление о возможностях этой страны».*

Четвертого октября на заседании правления Еврейского агентства Бен-Гурион рассказал, как он показал Майскому и его жене Иерусалим, а потом отвез в сельскохозяйственные поселения Кирьят-Анавим и Маале-Хахамиша. Майский был поражен увиденным.

«Можно сказать, что увиденное было для него открытием, — подвел итог Бен-Гурион. — *Я на такое даже не рассчитывал. Сейчас нам надо работать с максимальной отдачей, поскольку появилось еще одно государство, проявившее заинтересованность в этом вопросе».*

УМАНСКИЙ, ЛИТВИНОВ И ГРОМЫКО

К концу войны стала ясна мощь Соединенных Штатов, долгое время воздерживавшихся от активного участия в международных делах. Вашингтон и Нью-Йорк становились центрами мировой дипломатии.

Сразу после нападения нацистской Германии на Советский Союз, семнадцатого июля сорок первого года, член правления Еврейского агентства для Палестины Э. Нойман и заведующий отделом международных отношений Всемирного еврейского конгресса раввин М. Перцвейг побывали у советского посла в Соединенных Штатах Константина Александровича Уманского.

Уманский был ярким и необычным человеком. Много лет он работал корреспондентом ТАСС в Европе, а потом руководил отделом печати в наркомате иностранных дел. Он иногда переводил беседы Сталина с иностранными гостями, понравился вождю и получил его фотографию с надписью «Уманскому. Сталин». Такая награда была поважнее любого ордена. В тридцать шестом году Константина Уманского отправили в Америку полпредом.

Он очень любезно и с интересом встретил представителей сионистского движения.

«Первым был вопрос о разрешении некоторым евреям выехать из России в Палестину или в другие страны, — описывали гости беседу с советским послом. — *Мы предложили начать с обсуждения возможности выезда для тех евреев, которые приехали в Россию из мест, находящихся к западу от рубежа, который г-н Уманский назвал «линией Керзона».*

Линия Керзона — это линия восточной границы Польши, утвержденная государствами Антанты в девятнадцатом году. Иначе говоря, руководители Всемирного еврейского конгресса по-прежнему просили отпустить в Палестину польских евреев, среди которых было много сионистов.

«Г-н Уманский предложил, чтобы мы сначала представили список имен, который он будет рад передать своему правительству... В конце беседы, которая продол-

жалась почти час, г-н Уманский заметил, что будущее Палестины определится на предстоящей мирной конференции, на которой Советская Россия будет присутствовать и иметь право голоса. На это я ответил, что мы, конечно, были бы рады иметь на мирной конференции как можно больше друзей...»

Уманский, доброжелательно встретивший руководителей Всемирного еврейского конгресса, вскоре вернулся в Москву. Сталин и Молотов в нем разочаровались. Его утвердили членом коллегии наркомата иностранных дел, а в сорок третьем отправили послом в Мексику, что считалось второстепенным назначением.

В январе сорок пятого самолет, в котором он летел в Коста-Рику, потерпел аварию. Уманский с женой погибли. А за полтора года до этого столь же трагически ушла из жизни его дочь Нина — ее застрелил влюбленный в нее (и не желавший разлуки) сын наркома авиационной промышленности Алексея Ивановича Шахурина и застрелился сам...

Вместо Уманского послом в Америке стал бывший нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов, отправленный в отставку в мае тридцать девятого, когда Сталин взял курс на сближение с нацистской Германией.

Обычно после увольнения следовал арест. Литвинов ждал, что и его заберут. Но Сталин не разрешил тронуть Максима Максимовича — одна из странностей, которую трудно объяснить. Считается, что Сталин не хотел этого делать, чтобы не усиливать отрицательного отношения к Советскому Союзу, потому что Литвинов был известен в мире и авторитетен. Вряд ли это реальное объяснение. Исчезали куда более авторитетные политики. Видимо, все-таки было что-то личное в отношении Сталина к Литвинову.

Два с лишним года Литвинов оставался не у дел. Никто ему не звонил, никто, кроме самых близких друзей, не приходил. Может быть, иногда его и охватывало отчаяние, но бывший нарком, человек с характером, держал себя в руках.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, Литвинов вновь понадобился. Для всего мира он был символом антифашистской политики. Его стали приглашать в Кремль на встречи с иностранными дипломатами. Ему поручили выступать по радио, писать для английской и американской печати.

Девятого ноября сорок первого Максима Максимовича неожиданно назначили заместителем наркома и одновременно послом в Соединенных Штатах. Перед отъездом в Вашингтон Литвинова принял Сталин и сказал, что главное — заставить Америку помогать Советскому Союзу и вступить в войну.

«Когда наши дела стали катастрофически плохи и Сталин хватался за любую соломинку, он отправил Литвинова в Вашингтон», — вспоминал Анастас Иванович Микоян. Литвинов использовал симпатии к нему Рузвельта и других американских деятелей и, можно сказать, спас нас в тот тяжелейший момент, добившись распространения на Советский Союз закона о ленд-лизе и займа в миллиард долларов.

Максим Литвинов писал Молотову из Вашингтона, что Советскому Союзу следует установить близкие отношения с президентом Рузвельтом, который расположен к тесному сотрудничеству с Советским Союзом. Совет посла игнорировали.

Литвинов был, видимо, последним человеком на этом посту, который был достаточно по-мужски смел, чтобы высказывать начальству свои взгляды в лицо, даже понимая, что его ждет наказание.

В начале сорок третьего Литвинов говорил с обидой знакомому американскому журналисту: *«Я больше не могу быть мальчиком на побегушках. Любой сотрудник в моем посольстве может выполнять ту работу, которая поручена мне. Мне приходится только подчиняться приказам. Это невыносимо. Я возвращаюсь домой».*

Литвинов почти откровенно выражал несогласие с линией Молотова, и иностранные дипломаты это знали.

В начале апреля сорок третьего Литвинова отозвали в Москву. Прощаясь с ним, президент Рузвельт прямо спросил:

— Вы не вернетесь?

Максим Максимович сам не знал ответа на этот вопрос.

Несколько месяцев Литвинов числился послом, но понял, что в Вашингтон уже не вернется. В конце лета послом назначили Громыко. Литвинов сохранил пост заместителя наркома, но он был совершенно безвластен, даже не имел определенного круга обязанностей.

Послом в Соединенных Штатах стал человек, которому суждено было сыграть историческую роль в создании еврейского государства.

Андрей Андреевич Громыко, появившийся на свет в белорусской деревне Старые Громыки, начинал старшим научным сотрудником в Институте экономики Академии наук и преподавал политэкономию в Московском институте инженеров коммунального строительства.

В тридцать девятом году его вызвали в комиссию ЦК, которая набирала кадры для наркомата иностранных дел. Вакансий образовалось много. Прежних сотрудников, литвиновские кадры, или посадили, или уволили.

Комиссией руководили новый нарком Вячеслав

Михайлович Молотов и секретарь ЦК по кадрам Георгий Максимилианович Маленков. Им понравилось, что Громыко — партийный человек, из провинции, а читает по-английски. Знание иностранного языка было редкостью. Громыко взяли. А он еще сопротивлялся, не хотел идти в наркомат иностранных дел...

В наркомате его оформили ответственным референтом — это примерно соответствует нынешнему рангу советника. Но уже через несколько дней поставили заведовать американским отделом. Высокое назначение его нисколько не смутило. Отдел США не был ведущим, как сейчас, главными считались европейские подразделения. Тем не менее Громыко несказанно повезло. Репрессии расчистили ему стартовую площадку.

Через несколько месяцев Андрея Андреевича вызвали к Сталину, что было фантастической редкостью. Даже среди полпредов лишь немногие имели счастье лицезреть генерального секретаря. В кабинете вождя присутствовал Молотов. Он, собственно, и устроил эти смотрины — показывал Сталину понравившегося ему новичка.

— Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в наше полпредство в Америке в качестве советника, — сказал Сталин. — В каких вы отношениях с английским языком?

— Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, — доложил будущий министр, — хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

Вождь дал ему ценный совет:

— Когда приедете в Америку, почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на английском языке. И дикция у них

хорошая. Ведь недаром русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу совершенствования знаний иностранного языка.

В октябре тридцать девятого года Громыко отправился в Вашингтон, где старательно изучал не только английский язык, но и историю, экономику и политику Соединенных Штатов. Андрей Андреевич не терял времени даром и не позволял себе наслаждаться заграничной жизнью. Это помогло ему стать выдающимся дипломатом и сделать блистательную карьеру. Конечно, к этому следует добавить его особое везение.

Много позже Молотов рассказывал:

— Я Громыко поставил — очень молодой и неопытный дипломат, но честный. Мы знали, что этот не подведет...

Новому послу в Соединенных Штатах исполнилось всего тридцать четыре года. Это был выросший в глубокой провинции человек, преподаватель марксизма-ленинизма, то есть догматик и начетчик по профессии. Что-то из этих догм засело в нем навсегда, что-то он сумел преодолеть. Все-таки Андрей Андреевич попал в Америку сравнительно молодым, много читал, старательно занимался самообразованием.

Двадцать третьего сентября сорок третьего года представитель Еврейского агентства для Палестины в Вашингтоне Наум Гольдман пришел в посольство познакомится с новым послом.

— Советское правительство, — в обтекаемых дипломатических выражениях выразился Андрей Андреевич, — будет проявлять интерес к этим вопросам, и я буду очень рад вас видеть в любое время, когда у вас будет информация для меня.

Из беседы с Громыко Гольдман вынес такое впечатление: «Новый посол — моложавый, спокойный человек, очень осторожный, но симпатичный».

В сорок четвертом году Андрей Андреевич возглавил советскую делегацию в Думбартон-Оксе, где создавалась Организация Объединенных Наций. На конференции в Сан-Франциско в июне сорок пятого от имени Советского Союза он подписал Устав ООН. Этот символический акт навеки закрепил за ним место в истории дипломатии.

После создания Организации Объединенных Наций арабские страны тоже стали проявлять интерес к позиции Советского Союза в ближневосточных делах.

Одиннадцатого октября сорок четвертого года второй секретарь советской миссии в Египте Абдрахман Фисляхович Султанов отправил в Москву запись беседы с делегатом от палестинских арабов на конференции по созыву Панарабского конгресса Мусой аль-Алями.

Выпускник Института востоковедения Абдрахман Султанов в начале тридцатых работал в полпредстве в Саудовской Аравии, потом работал в Научно-исследовательском институте национально-колониальных проблем и Музее народов СССР. Во время войны его вновь взяли в наркомат иностранных дел.

Муса аль-Алями сказал советскому дипломату: *«Палестинские арабы возлагают большие надежды на позицию Советского Союза в палестинском вопросе на мирной конференции. Нам хорошо известно, что Советский Союз не является заинтересованной стороной в этом вопросе, не имеет империалистических целей в арабских странах и отрицательно относится к сионистскому движению».*

Арабский посланец, разумеется, не мог знать настроения Москвы, где заняли антиарабские и просионистские позиции. Это реализовывалось в практической работе дипломатов.

Двадцать пятого ноября сорок четвертого года новый заведующий Ближневосточным отделом НКИД Иван Васильевич Самыловский и посланник в Египте Алексей Дмитриевич Щиборин составили для заместителя наркома Деканозова записку: «О нашем отношении к панарабской федерации и созданию еврейского государства в Палестине».

Они отрицательно оценили планы арабов: *«Стремления арабов к объединению и созданию единой панарабской федерации подогреваются и поддерживаются англичанами в той мере, поскольку это отвечает их планам укрепления своего влияния на Ближнем Востоке и создания барьера против возможного проникновения туда влияния Советского Союза»*.

Дипломаты предлагали не поддерживать эти стремления, но и против публично не выступать. Высказываться в пользу создания еврейского государства дипломаты тоже не рекомендовали, чтобы столь откровенно не провоцировать негативную реакцию арабских стран.

Задачи советской дипломатии в регионе руководители отдела рекомендовали ограничить чисто техническими аспектами:

«Главное наше внимание в Палестине должно быть сосредоточено на вопросе о возвращении нам всего имущества — бывшего русского правительства, Духовной миссии и Палестинского общества».

ВВЯЗАТЬСЯ В ДРАКУ МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И АНГЛИЕЙ

После возвращения в Москву Майский был назначен заместителем наркома иностранных дел. Но, как и Литвинов, без определенного круга обязанностей.

В сорок четвертом году Сталин потребовал от нар-

комата иностранных дел анализа послевоенной ситуации в мире. Сформировали несколько комиссий. Возглавляли их заместители наркома Литвинов, Лозовский и Майский. Собрали лучших экспертов, работали несколько месяцев.

Все предложили по существу одно и то же: создать вокруг Советского Союза буфер безопасности, обезвредить Германию, не допустить создания в Европе военного блока, имеющего антисоветскую направленность, подписать с восточноевропейскими странами договоры о взаимопомощи.

Иван Майский передал наркому Молотову большую записку «О желательных основах будущего мира» (см. «Источник», 1995, № 4). Майский исходил из необходимости добиться гарантий безопасности для страны и длительного периода мира. Он исходил из того, что главная гарантия — превращение Европы в социалистическую, но это не может произойти в короткие сроки. Пока что важнее поддерживать хорошие отношения с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами и Англией.

Совет не был принят.

В наркомате Майский был отстранен от практической работы. В начале сорок пятого года ему поручили возглавить комиссию по возмещению ущерба, нанесенного гитлеровскими захватчиками. А в сорок шестом его убрали из министерства иностранных дел. Будущий заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов находился в кабинете Молотова, когда в телефонном разговоре со Сталиным решилась судьба Майского. Молотов задал один вопрос:

— Куда его девать?

Сталин поинтересовался, пишет ли что-нибудь Майский. Молотов вспомнил, что перу его заместителя

принадлежат работы о британском рабочем движении. Вопрос был решен. Вскоре Иван Михайлович приступил к работе в Институте истории Академии наук. В порядке компенсации его избрали академиком.

Незадолго до смерти Сталина, девятнадцатого февраля пятьдесят второго года, Майского арестовали. Его, в частности, обвиняли в связях с британской разведкой и в том, что он считал западных лидеров друзьями Советского Союза.

Вслед за ним арестовали троих его недавних подчиненных, бывших сотрудников советского посольства в Лондоне, среди них известного публициста Эрнста Генри (он же Семен Николаевич Ростовский, он же Леонид Аркадьевич Хентов, человек с фантастически интересной биографией, автор двух знаменитых в тридцатые годы книг — «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР»).

Эрнста Генри в феврале пятьдесят четвертого выпустили. Майский после смерти Сталина, как сказано в следственном деле, «от своих показаний отказался, заявив, что они вымышленные». Но его все равно не отпускали. В мае пятьдесят пятого года Майского судила военная коллегия Верховного суда, обвинение — измена родине.

В июле пятьдесят пятого его наконец освободили, и он вернулся в Институт истории Академии наук. Но мрачная тень нелепых обвинений висела над ним. В начале пятьдесят седьмого года обсуждался вопрос о новом издании «Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря». Нужен был главный редактор. Лучшей кандидатуры, чем академик Майский, предложить было трудно.

Но секретарь ЦК по идеологии Дмитрий Трофимович Шепилов отправил членам президиума ЦК запис-

ку, в которой назвал это нецелесообразным, «так как Майский И.М. признан виновным в злоупотреблении служебным положением в бытность свою послом СССР в Англии и осужден; в дальнейшем Майский реабилитирован не был, а лишь помилован в порядке частной амнистии».

Двадцать первого февраля пятьдесят седьмого вопрос обсуждался на заседании президиума ЦК. Новый министр иностранных дел Громыко попросил не вводить Майского в редколлегию и тем более не делать главным редактором. Он даже не член партии! Майского исключили после ареста и не восстановили.

Приняли решение — секретариату ЦК подобрать главного редактора и «вместе с т. Шверником рассмотреть вопрос о партийности Майского». Приговор Майскому отменили только в шестидесятом году.

Двадцать седьмого июля сорок пятого года комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства под председательством Литвинова закончила работу.

Максим Максимович сильно ошибся, предсказывая ход событий после войны. Он полагал, что главным противоречием станут англо-американские отношения и что Советскому Союзу следует вместе с Англией бороться против гегемонии Соединенных Штатов. В доклад включили и раздел «Палестинский вопрос», где объективно излагалась история вопроса, говорилось о непримиримости интересов евреев и арабов.

Комиссия Литвинова делала пессимистический вывод: *«Палестинский вопрос не может быть удовлетворительно разрешен без ущемления прав и желаний либо евреев, либо арабов, а может быть, и тех, и других».*

Работавшие под руководством Литвинова дипломаты предлагали «сделать заявку на предоставление Со-

ветскому Союзу временной опеки над Палестиной до более радикального разрешения проблемы». Впрочем, заранее было понятно, что англичане на это не пойдут. Тогда предлагалось выдвинуть другую идею — передать Палестину под коллективную опеку трех государств — Советского Союза, Соединенных Штатов и Англии.

Уловив настроения в Кремле, советские дипломаты стали настаивать на более активном участии в ближневосточных делах. Посланник в Ливане Даниил Семенович Солод докладывал заведующему Ближневосточным отделом наркомата Самыловскому:

«Мы можем и должны потребовать своего участия в решении этого вопроса, так как евреи в Европе находятся не только в англо-американской оккупационной зоне, но и в советской.

И кроме того, сама Палестина находится не только на британских имперских коммуникациях, но также и на советских линиях морской связи с различными портами нашей собственной страны».

Даниил Солод с сорок четвертого года был посланником в Ливане и по совместительству в Сирии. В пятьдесят первом году его вернули в Москву и назначили заместителем заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД. В пятьдесят третьем году он уехал посланником в Египет.

Советские дипломаты-ближневосточники рассматривали Палестину, вообще Ближний Восток как сферу столкновения интересов Соединенных Штатов и Англии. Причем американцы, считали они, намерены потеснить англичан с помощью идеи еврейского государства.

Молотов свято верил в межимпериалистические противоречия, доказывал: *«Только таким путем можно ослабить и самою Америку, борющуюся против нас».* В

сорок седьмом году он всерьез считал, что *«во всех развитых капиталистических странах дело созрело для установления социализма»*.

Помимо того, что Сталин и Молотов закоснели в догмах, был еще один важный фактор: к ним со всех сторон возвращались те идеи, которые они сами высказывали.

Посольства, разведка, аппарат ЦК заваливали их шифровками, справками и записками, которые развивали их собственные идеи. Им невольно казалось, что происходящее в мире только подтверждает то, что они думают. В реальности это было сознательное искажение информации и подгонка реальности под мнение высшего руководства.

Скажем, с осени сорок седьмого года и посольство, и резидентура разведки в Соединенных Штатах докладывали Сталину и Молотову о «фашизации» Америки и превращении ее «в центр мировой реакции и антисоветской деятельности».

Тем временем ситуация в Палестине зашла в тупик.

В октябре сорок третьего года британский премьер-министр Черчилль сказал Вейцману: *«После того как Гитлер будет разгромлен, евреи должны создать свое государство там, откуда они родом. Бальфур завещал это мне, и я не собираюсь от этого отказываться»*.

Через год во время новой встречи Черчилль повторил Вейцману: *«Было бы неплохо, если бы вы смогли получить всю Палестину. Я сторонник включения и пустыни Негев в состав еврейского государства»*.

Но Черчилль проиграл послевоенные выборы. В Лондоне появилось новое правительство.

Министр иностранных дел Эрнест Бевин не считал, что палестинским евреям нужно свое государство. Его упрямство, нежелание идти на компромиссы, в частно-

сти разрешить европейским евреям-беженцам найти приют в Палестине, странным образом помогло появлению на свет Израиля.

Тридцатого апреля сорок шестого года англо-американская комиссия предложила переселить в Палестину сто тысяч евреев-беженцев из Европы. Правда, о создании там еврейского и арабского государства не было и речи. Управление Палестиной предполагалось оставить в руках Англии.

Британское правительство отвергло выводы комиссии.

Четвертого июля новый американский президент Трумэн сам обратился к англичанам с предложением все-таки разрешить ста тысячам евреев приехать в Палестину.

Если бы Англия тогда согласилась принять еврейских беженцев, острота проблемы бы спала, американские политики переключились бы на другие дела. Но англичане обострили проблему и заставили другие страны, в первую очередь Соединенные Штаты, заняться Палестиной. Упрямство англичан и помогло создать Израиль.

Пятнадцатого мая сорок шестого года Ближневосточный отдел МИД составил для своего руководства записку по палестинскому вопросу.

Советские дипломаты исходили из того, что американцы и англичане пытаются *«не допустить вмешательства других стран в разрешение палестинского вопроса до полного освоения США и Англией Палестины»*.

Дипломаты сформулировали советскую позицию:

англо-американская комиссия не правомочна обсуждать и решать эту проблему без заинтересованных сторон;

британский мандат на Палестину должен быть от-

менен — он только мешает решению палестинского вопроса. Британские войска должны быть выведены;

над Палестиной следует установить опеку ООН, которая подготовит условия для создания независимой и демократической Палестины.

Заместитель наркома Деканозов переслал записку Молотову: *«Со своей стороны полагаю, что эти предложения в общем приемлемы. Прошу Ваших указаний»*.

Деканозов, чувствуя поддержку Берии, вел себя уверенно, смело решал любые вопросы, давал указания послам. Первому заместителю министра Вышинскому не могло нравиться, что Деканозов вмешивается в его епархию, но Андрей Януарьевич никогда не проявлял своего недовольства. Он боялся Деканозова, как и всех людей из чекистского ведомства.

Молотов не чувствовал себя уверенно в незнакомой проблематике. Он обратился к своим заместителям: «тт. Вышинскому, Лозовскому, Деканозову. Надо обсудить».

Палестинские евреи видели, что советское правительство никак не может сформулировать для себя позицию. И не знает, чью сторону занять.

Конечно, Москве хотелось поддержать тех, кто будет в ответ проводить просоветскую линию. Но главная задача состояла в том, чтобы заставить Англию уйти из Палестины. Эта позиция и побудила советское руководство выступить за создание еврейского государства, потому что палестинские евреи были настроены антианглийски и фактически вели войну против британцев.

Двадцать восьмого июня сорок шестого года заведующий арабской секцией политического департамента правления Еврейского агентства для Палестины Эльяху Сассон (будущий директор Ближневосточного департамента МИД Израиля и посланник в Турции)

отправил из Иерусалима письмо представителю Еврейского агентства в Вашингтоне Эпштейну со своим толкованием советской позиции:

«Советы не могут смириться с тем, что Великобритания пытается разрешить проблемы региона самостоятельно, исходя исключительно из собственных интересов, не подключая Россию хотя бы в той степени, в какой она подключает США.

Раздражение русских по этому поводу особенно отчетливо проявилось в момент объявления об отмене мандата на Трансиорданию, провозглашения ее независимым государством и подписания военного договора между Трансиорданией и Англией, позволяющего последней держать на трансиорданской территории и ее границах военные части в любом числе.

Это соглашение превращает Трансиорданию в английскую военную базу, контролирующую весь арабский регион и способную при определенных обстоятельствах служить для Великобритании «трамплином» для того, чтобы достичь границ России.

Но, не имея возможности воспрепятствовать заключению этого договора, Россия пытается сейчас сорвать его путем непрямого вмешательства в решение палестинской проблемы...»

Советский Союз поощрял любое сопротивление англичанам — действия евреев и арабов в Палестине, курдов и шиитов в Ираке, политической оппозиции в Египте, Ливане и Сирии. Москва ждала, когда Англия не выдержит и проблема будет вынесена на обсуждение международного форума с участием России. Тогда советское руководство получит возможность влиять на палестинскую проблему и другие проблемы арабского Востока.

«Мне кажется, что эта картина очень близка к истине, — продолжал Сассон. — *Если так — нам совер-*

шенно не следует опасаться вынесения палестинской проблемы на обсуждение Совета Безопасности или на Генассамблею ООН. Нам не только не следует опасаться, что русские займут враждебную нам позицию, но, напротив, — существуют серьезные основания полагать, что позиция СССР окажется дружественной.

Не потому, что они симпатизируют нам или ненавидят арабов, а исходя из необходимости свести политические счеты с англичанами. Если кто-то и проиграет — это будут в первую очередь арабы и Великобритания...»

Сионисты уже ощутили первые практические последствия симпатии к ним со стороны советского руководства.

После войны временное польское правительство подписало с советским правительством соглашение «О праве выхода из советского гражданства лиц польской и еврейской национальности и об их эвакуации в Польшу». Все граждане Польши, оказавшиеся после раздела страны осенью тридцать девятого на советской территории, теперь могли вернуться домой.

Большая часть польских евреев предпочли не оставаться в Советском Союзе, а поехали в Польшу. Но, быстро убедившись в том, что поляки им совсем не рады, они устремились в Палестину. Никто им не мешал.

Четвертого сентября сорок шестого года заместитель уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенант Голубев информировал заведующего 3-м Европейским отделом МИД Андрея Андреевича Смирнова:

«Сообщаю Вам для сведения, что по сообщению представителя по репатриации в Австрии полковника Старова из Польши через территорию Чехословакии и совет-

скую зону Австрии начался транзит евреев, направляющихся в Палестину. Всего должно проследовать в Палестину 200 000 евреев...

По имеющимся данным, транспорты направляются в американскую зону оккупации в Мюнхен, где якобы организован сборный пункт для дальнейшей отправки их в Палестину...»

Андрей Смирнов был известным дипломатом. Он работал в наркомате иностранных дел с тридцать шестого года, перед войной был советником в полпредстве в Германии, с сорок первого года — посол в Иране, куда были введены советские войска. Впереди его ждали крупные посты — он работал в аппарате ЦК, был послом в ФРГ и Австрии, заместителем министра иностранных дел.

О записке генерал-лейтенанта Голубева Смирнов информировал руководство министерства.

В принципе ситуация была неприятная. Недавние советские граждане бежали из страны при первой же возможности. Это удар по репутации социализма. Но Сталин перенес это спокойно. Приказа остановить эмиграцию в Израиль не последовало.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПРИХОДИТ НА ВЫРУЧКУ СИОНИСТАМ

Предложения англо-американской комиссии от тридцатого апреля сорок шестого года были решительно отвергнуты арабскими странами.

Двадцать седьмого июля новая комиссия экспертов представила другой план: поделить Палестину на четыре области, одна станет еврейской, одна арабской и две будут управляться непосредственно Англией. Все области будут сведены в единое государство под руководством центрального правительства, которым будет руководить английский верховный комиссар.

Советские дипломаты тут же отвергли эту идею и опять предложили идею опеки ООН над Палестиной.

Единственное, что мешало новому союзу между сионистами и советским руководством, — это высказывания о положении евреев в Советском Союзе. Одни руководители сионистского движения считали, что придется закрыть глаза на ситуацию внутри Советского Союза. Поддержка Москвы важнее. Другие категорически возражали против политики двойных стандартов.

Директор Института еврейских исследований при Всемирном еврейском конгрессе Яков Робинсон девятнадцатого ноября сорок шестого года говорил на заседании Американского чрезвычайного сионистского совета: *«С сорок первого года в наших отношениях с Советским Союзом начался новый период. Мы начали их хвалить несмотря на то, что нам было хорошо известно, молча проходя мимо наиболее ужасных вещей. Для этого были основания, пока продолжалась война. Победа над нацистской Германией была важнее. Но выражение Черчилля «железный занавес» приобретает буквальный смысл. Евреи в Соединенных Штатах не имеют и малейшего представления о том, что происходит в Советском Союзе. Почему считается, что в Советском Союзе решен еврейский вопрос? Антисемитизм там сегодня в большой моде...»*

Пятого марта сорок шестого года бывший премьер-министр Черчилль произнес в городе Фултоне свою знаменитую речь. Он говорил о «железном занавесе», который разделил Европу на страны, где есть свобода, и на страны, где свободы нет. Слова Черчилля о «железном занавесе» были точной формулой. Европа раскололась.

Но на самом деле понятие «железный занавес» Чер-

чилль впервые использовал в письме президенту Трумэну годом раньше, двенадцатого мая сорок пятого года:

«Железный занавес опустился над их фронтом. Мы не знаем, что за ним происходит»...

Палестинские евреи добились своего. Британские власти капитулировали.

Четырнадцатого февраля сорок седьмого года министр иностранных дел Бевин объявил о решении английского правительства передать вопрос о Палестине в ООН ввиду того, что английские предложения были отвергнуты арабами. Это был жест отчаяния.

Советских дипломатов отказ Англии от Палестины устраивал. Они вполне благожелательно относились к еврейским подпольным боевым группам, которые сражались с англичанами.

Советский посланник в Ливане Солод писал заведующему Ближневосточным отделом МИД Самыловскому девятнадцатого февраля сорок седьмого года:

«Англичане настолько увлеклись игрой в борьбу с еврейскими террористами, что, помимо сплошных облав, устраиваемых английской армией в Тель-Авиве, и частичных облав во всех городах Палестины, они поотгораживали в Иерусалиме, Хайфе целые кварталы колючей проволокой. Все это выглядит настолько смешно, что палестинцы в шутку называют эти отгороженные кварталы «Бевин-городками».

Суровая зима сопровождалась в Англии самым серьезным в истории страны топливным кризисом. Промышленность практически остановилась, англичане отчаянно мерзли. Британское правительство, как никогда, желало хороших отношений с арабскими странами — экспортерами нефти.

Шестого марта сорок седьмого года советник МИД

Борис Ефимович Штейн передал первому заместителю министра Вышинскому записку по палестинскому вопросу: *«До настоящего времени СССР не сформулировал своей позиции по вопросу о Палестине. В связи с предстоящим обсуждением палестинской проблемы Объединенными Нациями такая формулировка точки зрения СССР является необходимой».*

Штейн работал в наркомате иностранных дел с двадцатого года. Перед войной он был полпредом в Финляндии и в Италии. Потом его отправили преподавать в Высшую дипломатическую школу и в Высшую партшколу при ЦК. Он защитил диссертацию, стал профессором. Евреев постепенно убирали с дипломатической работы, но до поры до времени МИД привлекал Штейна как консультанта.

Штейн считал, что идею опеки над Палестиной придется отвергнуть: *«Возможность установления опеки над Палестиной наталкивается на то обстоятельство, что население этой страны (как евреи, так и арабы) является достаточно зрелым для полной назависимости. Ни арабы, ни евреи не соглашаются на какую бы то ни было опеку и требуют полной независимости.*

Передача Великобританией вопроса о Палестине на обсуждение Объединенных Наций представляет для СССР впервые возможность не только высказать свою точку зрения по вопросу о Палестине, но и принять эффективное участие в судьбе Палестины.

Советский Союз не может не поддержать требования о полной независимости Палестины как государства...»

В марте сорок седьмого Владимира Деканозова убрали из министерства иностранных дел.

Карьере Деканозова повредило увлечение слабым полом. Рассказывают, что одна из тех, на кого он поло-

жил глаз, устроила скандал. Его перевели в Главное управление советского имущества за границей (им руководил другой соратник Берии — бывший министр госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов). Но и там он не задержался. Его с понижением назначили членом коллегии Комитета по радиовещанию...

Ближневосточные дела передали первому заместителю министра Вышинскому.

Андрей Януарьевич Вышинский остался в истории сначала как судья, а затем обвинитель на печально знаменитых московских процессах тридцатых годов. Но прокурором СССР Вышинский был всего четыре года, столько же лет он занимал пост министра иностранных дел. А в общей сложности он проработал в министерстве иностранных дел четырнадцать лет, больше, чем в прокуратуре.

Еще летом тридцать девятого года его освободили от прокурорских обязанностей и утвердили заместителем главы правительства по делам культуры и просвещения. А в сороковом году он стал еще и заместителем наркома иностранных дел.

Молотов и Вышинский ненавидели друг друга. Сталина это устраивало. Молотов вынужден был мириться с замом, которого терпеть не мог.

Вячеслав Михайлович при всяком удобном случае отчитывал Андрея Януарьевича, повторяя: «Вам бы только речи произносить!»

Но Вышинский давал ему отпор.

На дипломатическом поприще он расцвел. На публике появлялся исключительно в дипломатическом мундире стального цвета. Смотрелся хорошо и похож был на настоящего генерала.

Вышинский был, наверное, самым образованным подручным Сталина, знал европейские языки — поль-

ский и французский свободно, немецкий и английский вполне прилично, и изящно объяснялся с иностранцами, которых следовало очаровать. Не лишенный обаяния и остроумный, он нравился некоторым иностранным дипломатам, но в основном тем, кто ничего не понимал в советской жизни.

Второго апреля сорок седьмого года правительство Великобритании попросило генерального секретаря ООН поставить вопрос о Палестине в повестку дня очередной сессии Генеральной Ассамблеи или собрать спецсессию, чтобы образовать комиссию по палестинскому вопросу.

Правительства арабских стран — Египта, Ирака, Сирии, Ливана и Саудовской Аравии — выступили со встречной инициативой. Они попросили поставить на спецсессии ООН вопрос о прекращении британского мандата над Палестиной и провозглашении ее независимости.

В апреле сорок седьмого года в Ближневосточном отделе МИД разрабатывали советскую позицию. Главным пунктом было прекращение британского мандата в Палестине и вывод британских войск. Остальное формулировалось менее конкретно.

Двадцать восьмого апреля сорок седьмого года специальная сессия ООН по Палестине открылась в Нью-Йорке. Предложение арабских стран о немедленном провозглашении независимости Палестины было отклонено.

Поскольку британские политики, что называется, умыли руки, судьба Палестины зависела от двух великих держав — Соединенных Штатов и Советского Союза.

Американский президент Трумэн не мог ничего сделать. Влиятельные фигуры в его администрации бы-

ли категорически против еврейского государства. Это был момент, когда политическое будущее самого Трумэна рисовалось в мрачных тонах — по опросам общественного мнения, он неминуемо проигрывал будущие выборы. Его влияние упало даже в собственной администрации. Ему было не до палестинских евреев: как решит ООН, так будет.

Иначе говоря, решающее слово оставалось за Сталиным.

К полнейшему изумлению сионистов, Советский Союз пришел к ним на выручку. Да еще как! Не просто выразил симпатию, а потребовал создания в Палестине еврейского государства.

Эта миссия была поручена Андрею Громыко, которого в апреле сорок шестого Сталин освободил от должности посла в Вашингтоне и утвердил постоянным представителем в ООН, а для повышения статуса сделал заместителем министра иностранных дел. В тот момент пост представителя в ООН представлялся Сталину значительно важнее, чем должность посла.

Андрей Андреевич быстро и квалифицированно исполнял указания Москвы, не знал усталости, и Молотов не мог на него нарадоваться.

Из всех советских дипломатов он выделял именно Громыко. Андрей Андреевич по характеру был похож на Вячеслава Михайловича, да еще и прошел его школу, усвоил молотовский дипломатический стиль — сухой, жесткий, неуступчивый.

Обычно Громыко поручалось говорить «нет». На сей раз, выполняя указание Москвы, со всей своей жесткостью Андрей Андреевич сказал «да»! И идея создания еврейского государства обрела черты реальности.

Четырнадцатого мая сорок седьмого года Громыко

выступил на специальной сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу о Палестине. Его речь была единственным значительным политическим заявлением на сессии, которая должна была исполнить чисто техническую роль — утвердить комиссию по Палестине.

Сказав о том, что Англия не справилась с мандатом, Громыко заговорил о том, что *«с вопросом о Палестине и ее будущем государственном устройстве связаны чаяния значительной части еврейского народа»*.

Громыко обосновал право евреев на создание своего государства в Палестине: *«Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию... Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяется приблизительно в шесть миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережили войну.*

Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понес еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжелом положении, в котором очутились большие массы еврейского населения после войны.

Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств существования. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища. Большая часть из них находится в лагерях перемещенных лиц и все продолжают терпеть большие лишения...

Позволительно спросить: могут ли Объединенные Нации, учитывая такое тяжелое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и от

своих очагов?.. Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь...

То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления...»

Громыко перечислил четыре варианта решения вопроса: можно образовать единое государство с равными правами евреев и арабов; можно разделить Палестину на два государства; можно создать арабское государство, в котором евреи будут меньшинством, и можно создать еврейское государство, в котором арабы станут меньшинством.

Советский представитель высказался за «создание независимого двуединого демократического арабо-еврейского государства». Но тут же заметил, что если невозможно обеспечить мирное сосуществование арабов и евреев, тогда нужно создавать два независимых государства.

Речь Громыко была приятнейшим сюрпризом для сионистов. Он не только говорил о страданиях еврейского народа, но и о том, что евреи заслужили свое государство.

Арабы были изумлены. Они не считали Москву серьезным игроком в ближневосточных делах, им было вполне достаточно столкнуть Англию и Россию. Теперь они увидели, что им придется учитывать и мнение России.

Секретарь вашингтонского офиса Американской еврейской конференции Д. Уол пятнадцатого мая

сорок седьмого года писал председателю американской секции правления Еврейского агентства для Палестины:

«Я проделал значительную работу как с советским посольством, так и с советской делегацией в Нью-Йорке. Я должен Вам сообщить, что посольство в Вашингтоне выражало крайнюю заинтересованность в получении любой возможной помощи и предложений для своей делегации при ООН...

Во время всех моих бесед в посольстве и с советской делегацией я не почувствовал неприятия чаяний еврейского народа. К моему и, надеюсь, Вашему большому удовлетворению, советская делегация поддержала нас сверх всяких ожиданий в сравнении с тем, на что мы привыкли рассчитывать от любой великой державы...

Вопреки сообщениям прессы между арабскими и советской делегациями существовали серьезнейшие противоречия. На самом деле гораздо больше совпадений имеется в позиции советской делегации и устремлениях Еврейского агентства...»

Советская политика в отношении Палестины приходила во все большее противоречие с политикой по отношению к собственным евреям. Сталин намеревался подарить палестинским евреям свое государство, но запрещал советским евреям даже то, что позволялось советским дипломатам — слова сочувствия сионистам.

Внутри страны даже моральная поддержка сионизма приравнивалась к тяжкому преступлению.

Как раз в те дни, когда в Нью-Йорке обсуждалась речь Громыко в пользу сионизма, двадцать седьмого мая сорок седьмого года министр госбезопасности Украины генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко доложил первому секретарю ЦК компартии республики:

«Среди еврейской интеллигенции заметно активизировали свою националистическую деятельность сионистские элементы...

В кругах этой еврейской интеллигенции возводится антисоветская клевета на руководителей ВКП(б) и Советского государства, которыми якобы не созданы необходимые условия для национального существования евреев в СССР, и что по окончании Отечественной войны так называемый еврейский вопрос, по их мнению, принял острую форму.

В связи с этим высказываются пожелания о создании самостоятельного еврейского государства и организации эмиграции еврейской молодежи в Палестину...»

Первым секретарем ЦК компартии Украины был в тот момент Лазарь Моисеевич Каганович. Он никогда не отрекался от своего еврейского происхождения, покровительствовал еврейскому театру в Москве. Но не забывал повторять, что всю жизнь боролся с сионистами.

Пятнадцатого мая решением Генеральной Ассамблеи ООН была создана Специальная комиссия из представителей одиннадцати государств для изучения положения в Палестине и выработки рекомендаций.

Через три с половиной месяца, первого сентября, Специальная комиссия представила в ООН доклад. Большинство членов комиссии пришли к выводу о необходимости создать два самостоятельных государства, а Иерусалим передать под опеку ООН.

Меньшинство (представители Югославии, Индии и Ирана) предложили создать федеративное государство, состоящее из еврейского и арабского штатов со столицей в Иерусалиме: *«Евреи привнесут на эту землю социальный динамизм и научные методы Запада, а арабы, в свою очередь, добавят к этому индивидуализм и интуи-*

тивное понимание жизни. Палестина останется единой землей, на которой могут найти воплощение семитские идеалы».

Одиннадцатого сентября сорок седьмого года первый секретарь советского посольства в Соединенных Штатах Михаил Сергеевич Вавилов пригласил на завтрак представителя Еврейского агентства для Палестины в Вашингтоне Эпштейна.

Вавилов был металлургом, в тридцать девятом он окончил аспирантуру при Всесоюзном алюминиево-магниевом исследовательском институте в Ленинграде и по партийному набору был отправлен в наркомат иностранных дел. Он работал в Афганистане, был вице-консулом в Лос-Анджелесе и генеральным консулом в Сан-Франциско.

Во время завтрака обсуждалась работа Специальной комиссии ООН, решавшая судьбу Палестины. Вавилов задал Эпштейну прямой вопрос, более всего интересовавший Москву:

— Какими вы видите отношения между будущим еврейским государством в Палестине и Советским Союзом?

Тот ответил:

— По географическим, экономическим и политическим причинам установление удовлетворительных отношений с Советским Союзом должно, очевидно, быть делом первоочередной заботы еврейского государства. Относительная близость Советского Союза к Палестине, возможности взаимовыгодного экономического обмена должны неизбежно привести еврейское государство к стремлению установить отношения дружбы и взаимопонимания с Советским Союзом. О дружеских чувствах, которые палестинские евреи питают к русским, и говорить не приходится...

Это советский дипломат и рассчитывал услышать.

Теперь мы располагаем рассекреченными документами из архива министерства иностранных дел, в которых советская позиция высказана совершенно откровенно, без дипломатических экивоков.

Ввиду важности происходившего в Нью-Йорк отправился первый заместитель министра Вышинский. Громыко это не порадовало. Они друг друга терпеть не могли. Занимая пост посла, а затем представителя при ООН, Громыко привык к относительной самостоятельности; его злили барские замашки Вышинского. Андрея Януарьевича раздражала природная медлительность Громыко.

Тридцатого сентября сорок седьмого года министр иностранных дел Молотов телеграфировал шифром Вышинскому:

«Вы должны иметь в виду, что когда предлагалось в известной Вам директиве для Громыко в качестве первого варианта разрешения палестинского вопроса создание двуединого государства, то это делалось нами по тактическим соображениям.

Мы не можем брать на себя инициативу в создании еврейского государства, но нашу позицию лучше выражает второй вариант упомянутой нашей директивы о самостоятельном еврейском государстве.

Поскольку после обследования большинство комиссии высказалось за создание отдельного еврейского государства, Вам следует поддержать мнение этого большинства, которое соответствует нашей основной установке по этому вопросу.

Получение подтвердите».

Директивы для делегации в ООН утверждал лично Сталин. Вождь по тактическим соображениям велел Громыко высказать идею единого арабо-еврейского го-

сударства, а в реальности он хотел видеть в Палестине только Израиль.

Пятнадцатого октября сорок седьмого года Вышинский телеграфировал Молотову из Нью-Йорка:

«Наше заявление по Палестине было встречено евреями весьма одобрительно. Арабы разочарованы, хотя они после выступления Громыко на чрезвычайной сессии очень мало надеялись на возможность изменения нашей позиции».

Ориентация на поддержку евреев была однозначной. Вышинскому и Громыко было приказано согласовывать свою позицию с сионистами и голосовать в их пользу.

Шестнадцатого октября Молотов телеграфировал Вышинскому в Нью-Йорк новые указания вождя:

«Мы не видим оснований для возражений против колумбийского предложения. С политической точки зрения представляется целесообразным поддержать это предложение, поскольку оно предусматривает, наряду с решением вопроса иммиграции в Палестину ста пятидесяти тысяч евреев, решение общей проблемы бедствующих европейских евреев.

Необходимо, однако, выяснить мнение самих евреев. Если колумбийское предложение их устраивает, Вам не следует возражать против этого предложения.

О последующем информируйте».

Двадцать шестого октября директор политического департамента правления Еврейского агентства для Палестины Моше Шерток навестил советского временного поверенного в делах Семена Константиновича Царапкина.

Семен Царапкин три года руководил американским отделом в наркомате иностранных дел, потом приехал советником-посланником в посольство.

Проницательный Моше Шерток записал: *«В ходе беседы с российской стороны не высказывалось готовности или тем более обещания принять именно нашу точку зрения, но вместе с тем было продемонстрировано желание ознакомиться с нашей позицией и понять ее. Беседа шла так, как будто они хотели получить от нас нечто вроде инструктажа...»*

Шерток не знал, что мнение сионистов действительно крайне важно для советских дипломатов. Так распорядился Сталин. Вождь находился в отпуске. После войны Сталин ежегодно проводил на юге три-четыре месяца. В Москву возвращался обыкновенно к двадцать первому декабря, к дню рождения.

Но и в отпуске Сталин внимательно следил за происходящим в Организации Объединенных Наций. Шифротелеграммы шли к нему сплошным потоком.

Двадцать шестого октября Молотов отправил Сталину подробную записку:

«Вышинский сообщает, что первый подкомитет Палестинского комитета приступил к выработке плана устройства Палестины в переходный период на базе единогласно принятых рекомендаций и доклада большинства Специального комитета».

План включал в себя отмену британского мандата на управление Палестиной, вывод оттуда британских войск, установление границ еврейского и арабского государств и их провозглашение.

Молотов обращался к вождю за санкцией:

«Вышинский указывает, что вышеизложенные положения в основном совпадают с мнением представителей Еврейского агентства.

Предлагаю с предложениями Вышинского согласиться».

На сохранившейся в архиве записке написано:

«Тов. Поскребышев сообщил по ВЧ, что т. Сталин согласен. Подцероб».

Александр Николаевич Поскребышев почти три десятилетия был бессменным помощником вождя.

Борис Федорович Подцероб был помощником Молотова, в сорок девятом году стал генеральным секретарем МИД, в пятьдесят втором — заместителем министра иностранных дел.

ГРОМЫКО ПРОИЗНОСИТ СВОЮ ЗНАМЕНИТУЮ РЕЧЬ

Чем более открыто Советский Союз поддерживал сионистов, тем отчаяннее американская администрация сопротивлялась идее создания еврейского государства в Палестине.

Самыми влиятельными противниками сионистов были в Вашингтоне два человека, от которых, собственно, и зависела позиция Соединенных Штатов: Государственный секретарь Джордж Маршалл и министр обороны Джеймс Форрестол. Они опасались, что арабские страны качнутся в сторону России и Америка останется без ближневосточной нефти.

Джордж Кэтлетт Маршалл всю жизнь провел на военной службе. После нападения японцев на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор президент Рузвельт сделал его своим военным советником. Именно Маршалл рекомендовал Трумэну применить атомную бомбу против японцев в сорок пятом. Маршалла Сталин распорядился наградить полководческим орденом Суворова, вручил награду посол Громыко.

После войны Маршалл ушел в отставку, и Трумэн назначил его государственным секретарем. Маршалл, герой войны, был автором знаменитого плана подъема европейской экономики.

Единомышленником Маршалла стал его первый за-

меститель и будущий сменщик Дин Ачесон. Он был человеком с характером и с принципами, от которых не отступал. Во время Второй мировой войны Ачесон был сторонником налаживания отношений с Советским Союзом. Он предлагал поделиться секретами атомной энергии с Советским Союзом, считая, что в противном случае Москва потеряет доверие к Америке и Англии.

Но затем Ачесон изменил свою позицию. С сентября сорок пятого он был заместителем государственного секретаря по политическим вопросам. На него больше всего подействовала попытка Сталина заставить Турцию передать Советскому Союзу контроль над Босфорским проливом.

Ачесон провел разговор с президентом Трумэном, убеждая его в том, что Соединенные Штаты должны жестко противостоять Сталину. Ачесон и стал архитектором политики сдерживания. Маршалл часто отсутствовал в Вашингтоне, и повседневной работой американских дипломатов руководил Ачесон. Он не столько думал о нефти, сколько о необходимости помешать Сталину устроить себе плацдарм на Ближнем Востоке.

Сторонники тесных отношений с арабскими странами задавали тон и в американской разведке.

Руководителем разведывательно-информационного управления государственного департамента был недавний посол в Саудовской Аравии Уильям Эдди. Его симпатии к арабскому миру несложно объяснить, если знать, что, уйдя впоследствии в отставку, он получил высокооплачиваемое место консультанта в Арабо-американской нефтяной компании «Арамко».

Главным экспертом по Ближнему Востоку в ЦРУ считался Кермит Рузвельт, внук покойного президента Теодора Рузвельта. После ухода с государственной службы он тоже получил место вице-президента в нефтяной компании «Галф ойл».

Американцы были поражены внезапным интересом Советского Союза к Ближнему Востоку и откровенной поддержкой сионизма.

Второго ноября сорок седьмого года политический советник представительства Еврейского агентства для Палестины в Нью-Иорке Л. Гелбер встретился с директором отдела ООН государственного департамента Дином Раском.

«Г-н Раск принял меня в гостиничном номере госсекретаря Маршалла, — писал в отчете Гербер. — *Во время войны г-н Раск был полковником, до марта сорок седьмого года работал по гражданской линии помощником по политическим вопросам министра обороны и стал, предположительно, одной из новых фигур, переведенных в государственный департамент госсекретарем из числа бывших сослуживцев по армии.*

Было бы логично полагать, что г-н Раск не является обычным главой департамента. Он тот, кто пользуется доверием и говорит от имени самого генерала Маршалла. И если это так, то некоторым нижеследующим высказываниям г-на Раска следовало бы придать самое большое значение.

Для нашей собственной пользы, по его мнению, мы должны избегать любого проявления привязки к России. Вызывает удивление выступление России в пользу раздела Палестины своей новизной в просионистской политике.

Сейчас за кулисами ведутся разговоры о том, что еврейские перемещенные лица собираются в Констанце на Черном море и отплывают в Палестину из русской зоны. Это обстоятельство мы сами можем понимать как выражение гуманного отношения со стороны СССР, однако другие могут его интерпретировать как маневр великой державы, в котором перемещенные лица играют роль пе-

шек и цель которого — вызвать беспокойство англо-американской группировки.

Г-н Раск посоветовал нам присмотреться к эффекту, который окажет на Соединенные Штаты и западный мир любая особая связь, которую будут усматривать между сионистами и Советским Союзом».

Гелбер спросил Раска, почему, с его точки зрения, Россия стала больше симпатизировать палестинским евреям. Раск ответил, что, с его точки зрения, главная задача русских — торпедировать план Маршалла, для этого они хотят заручиться поддержкой евреев Европы и Америки.

Раск, который сделал большую карьеру и стал при Джоне Кеннеди государственным секретарем, ошибался.

Так что же заставило Сталина сделать все, что было в его силах, для создания Израиля?

Голда Меир, которая была первым послом Израиля в Москве, а потом министром иностранных дел и главой правительства, писала:

«Теперь я не сомневаюсь, что для Советов основным было изгнание Англии с Ближнего Востока. Но осенью сорок седьмого года, когда происходили дебаты в Объединенных Нациях, мне казалось, что советский блок поддерживает нас еще и потому, что русские сами оплатили свою победу страшной ценой и потому, глубоко сочувствуя евреям, так тяжко пострадавшим от нацистов, понимают, что они заслужили свое государство».

Интересовала ли Сталина судьба евреев, ставших в двадцатом столетии жертвой геноцида? На этот вопрос ответить легче всего: конечно же, нет. Как не интересовала его и судьба и других народов.

Сталин давно перестал ощущать свою принадлеж-

ность к грузинскому народу. Он хотел быть русским, считал себя русским. И маленький Вася Сталин с удивлением сказал сестре: «А ты знаешь, что наш папа раньше был грузином...»

Профессор-литературовед Леонид Иванович Тимофеев, который всю войну вел подробные дневники, лишь недавно опубликованные, записал тринадцатого декабря сорок четвертого года: *«Говорят, что в последней анкете Сталин указал, что он по национальности русский»*.

На самом деле Сталин давным-давно не заполнял анкет. Те немногие, кто по долгу службы их видел, — молчали в тряпочку. Но характерно, что об этом говорили. Тема национальности волновала.

Тот же профессор Тимофеев записывал в дневнике:

«Вчера был Евнин. Хотел его устроить в институт школ. Сначала все шло хорошо, но, узнав о его национальности, его кандидатуру отключили без разговоров и категорически. Интересно: я думал, что это схлынуло...

В университете то же, что с Евниным: отклонили прием в аспирантуру евреев, при этом так бестактно, что об этом говорил весь университет...

Любопытный штрих. Еголин (сотрудник аппарата ЦК партии. — *Авт.*) *спрашивал, нет ли у меня людей для ЦК. Я посоветовал ему Щирину, но он сказал, что она не подходит, так как она еврейка. Антисемитизм вырос так, что по Москве ходит слух о какой-то девочке, заколотой евреями на пасху...*

В Госиздате меня спрашивали о том, кому поручить составление сборников, но с обязательным условием: только русских авторов: говорят, что усиленно снимают с постов евреев и заменяют их русскими...

Антисемитизм все развивается: рекомендовано не давать в вузах каких-либо курсов по русской литературе

евреям. У нас — под угрозой сокращения два доцента, имеющих несчастье заниматься русской литературой...

На заседании в Госиздате, где обсуждалось, кто будет работать в восстанавливаемой Литературной энциклопедии, Чагин сказал, что надо выдвигать людей «нашей национальности»...

До революции антисемитизм был строго локализован в официальной среде, обведенной круговой чертой общественного осуждения. Теперь же он — наоборот — идет сверху в среду единую и обязанную не обсуждать, а постигать распоряжения начальства, как говорил еще Щедрин. То есть даже евреи должны поддерживать и проводить эту политику».

После войны антисемитские настроения распространились еще шире.

Когда в Нью-Йорке решалась судьба Израиля и Сталин приказал Молотову, Вышинскому и Громыко поддержать сионистов, в Советском Союзе антисемитизм уже в полной мере стал практической политикой аппарата партии и государства. И борьба за создание Израиля сопровождалась чисткой аппарата от евреев.

Но Сталин не видел тут никакого противоречия.

Деятельное участие в создании еврейского государства в Палестине было не только способом насолить англичанам и уменьшить их влияние на Ближнем Востоке, хотя это само по себе было приятно.

Советский Союз вышел из войны победителем, и это предусматривало не только территориальные приобретения, но и распространение влияния по всему миру.

— *Моя задача заключалась в том, чтобы расширить пределы отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей,* — самодовольно вспоминал Молотов.

Максим Литвинов говорил одному американскому

журналисту летом сорок шестого: *«Россия вернулась к прежней концепции безопасности, основанной на расширении границ. Чем больше территории вы имеете, тем крепче ваша безопасность. Если Запад уступит советским требованиям, это приведет к тому, что Запад спустя то или иное время столкнется с новой серией требований.*

По словам Эренбурга, Максим Максимович о Сталине отзывался сдержанно, ценил его ум и только один раз, говоря о внешней политике, вздохнул: «Не знает Запада... Будь нашими противниками несколько шахов или шейхов, он бы их перехитрил...»

Примерно в то же время секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов говорил: *«Мы обороняемся, а ведь есть указание о том, что мы, основываясь на итогах войны, когда мы стали очень сильной державой, должны проводить свою самостоятельную активную внешнюю политику везде и повсюду. И послам дано такое указание о том, чтобы они не занимались пресмыканием, а смелее вели себя».*

Член ЦК и начальник Совинформбюро Соломон Абрамович Лозовский внушал армейским пропагандистам: *«Битие определяет сознание — и то, что мы набили морду, это усвоено многими, и они начинают представлять себе, что Советский Союз представляет силу, а силу всегда уважают; любят или не любят — это другой вопрос, но всегда уважают».*

После войны Сталин заинтересовался регионами, на которые прежде не обращал внимания. Когда обсуждалась судьба итальянских колоний в Африке, Молотов на встрече с американцами потребовал передать Советскому Союзу право опеки над одной из них — Триполитанией, нынешней Ливией.

Молотов вспоминал: *«Сталин говорит: «Давай, на-*

жимай!» Мне было поручено поставить вопрос, чтобы этот район нам отвести. Оставить тех, кто там живет, но под нашим контролем».

Американцы не согласились, и Сталин остался без Ливии. Тогда Молотов пошутил:

— Если вы не хотите уступить нам одну из итальянских колоний, мы удовлетворились бы бельгийским Конго.

В Конго находились разведанные запасы урана. Первая атомная бомба уже была взорвана, и уран стал ценнее золота.

Сталин хотел получить контроль над черноморскими проливами, пытался создать советскую республику на территории Ирана и китайского Синьцзяня. Он создал советские военно-морские базы в Финляндии и Китае. На что-то подобное вождь рассчитывал и в Палестине. Если не создать там социалистическую республику, то по крайней мере получить надежного союзника и военные базы.

После разгрома гитлеровской Германии, после того, как под советский контроль попала Восточная Европа, все казалось возможным. Если новые правительства в Польше, Чехословакии или Болгарии действуют в полном соответствии с указаниями из Москвы, то почему же не рассчитывать на такое же поведение руководителей будущего еврейского государства?

Способен ли был Сталин вмешаться в дела на Ближнем Востоке, перебросить свои войска на территорию Израиля, как этого боялись американские дипломаты и разведчики?

Вот пример из соседнего региона.

«Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию, — рассказывал Хрущев. — *Помню, однажды мне доложил министр госбезопасности Украины, что произ-*

водится секретная отправка большого количества людей на Балканы из Одессы. Их отправляли каким-то кораблем, наверное, в Болгарию.

Люди, которые были причастны к организации их отправки, докладывали мне, что образованы воинские соединения, и хотя те уезжают в гражданских костюмах, но в чемоданах у них лежат военная форма и оружие.

Мне сообщили, что готовится некий удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать. Более того, от самого-то Сталина я вообще не слышал об этом, а докладывали мне исполнители его воли, которые занимались организацией отправки и посадкой тех людей на корабли. Настроение у них было агрессивное: «Дадут им наши! Вот они уже отправляются и вскоре начнут действовать».

В их словах не было никакого сожаления о происходящем».

Израиль находился дальше от советских границ, чем Югославия. Советские флот и авиация не могли обеспечить стремительную десантную операцию на Ближнем Востоке. К ней нужно было готовиться, в первую очередь готовить, так сказать, принимающую сторону.

Тридцатого мая сорок седьмого года постановлением правительства был учрежден Комитет информации при Совете министров (Комитет № 4), который должен был вести и политическую, и военную, и научно-техническую разведку. Возглавил комитет — по совместительству — министр иностранных дел Вячеслав Молотов.

Разведке было поручено обеспечить руководство страны надежной информацией о происходящем в Палестине. Это возлагалось на полковника Андрея Макаровича Отрощенко, руководившего ближневосточным

направлением политической разведки. Перед войной он был резидентом в Тегеране. В тридцать восьмом его арестовали. Ему повезло, Ежова на посту наркома внутренних дел сменил Берия. Кое-кого выпустили, среди них Отрощенко. Его даже вернули в кадры и во время войны вновь отправили в Тегеран.

Перед начальником управления нелегальной разведки Коротковым поставили другую задачу — вербовать агентуру среди евреев, уезжающих в Палестину.

Первым резидентом Комитета информации отправили в Израиль Владимира Ивановича Вертипороха, очень высокого, статного, с усами. Внешность играла важную роль в его карьере, увенчавшейся генеральским званием. В пятьдесят третьем году Берия, которому понравилась его бравая внешность, именно по этой причине назначил Вертипороха начальником восточного отдела разведки.

Выпускник московского химико-технологического института мясной промышленности, Вертипорох сразу же попал в аппарат НКВД. Служба началась на Дальнем Востоке — занимался оперативно-чекистским обслуживанием предприятий рыбной промышленности. В сорок втором году его отправили в Иран, в город Мешхед, в зону, занятую советскими войсками.

В Израиль Вертипорох приехал в конце сорок восьмого года, там выучил английский. Разведчики, не владевшие ни ивритом, ни арабским, могли контактировать только с выходцами из России, это объективно ограничивало их оперативные возможности. Правда, были и обстоятельства, облегчавшие работу, — в молодом государстве несерьезно относились к тайнам и секретам, многое говорилось и делалось открыто и гласно.

В воспоминаниях Павла Анатольевича Судоплатова

говорится, что разведка *«получила указание забросить наших агентов в Палестину через Румынию. Они должны были создать в Палестине нелегальную агентурную сеть, которую можно было бы использовать в боевых и диверсионных операциях против англичан»*. Генерал-лейтенант Судоплатов с сорок шестого года руководил в министерстве госбезопасности отделом «ДР» — служба террора и диверсий.

Судоплатов писал, что выделил для этой операции троих офицеров: Гарбуза, Семенова (настоящее имя Александр Таубман) и Колесникова.

«Семенов и Колесников, — утверждал Судоплатов, — *обосновались в Хайфе и создали две агентурные сети, но участия в диверсиях против англичан не принимали. Колесников сумел организовать доставку из Румынии в Палестину стрелкового оружия и противотанковых ракет, захваченных у немцев. Гарбуз оставался в Румынии, отбирая там кандидатов для будущего переселения в Израиль»*.

Люди Судоплатова занимались специфической деятельностью — готовили оперативные возможности для террора и диверсий против западных стран на случай войны. Помогали ли они при этом палестинским евреям — осталось неизвестным. Советские документы на сей счет не рассекречены. В израильских материалах нет и намека на это, хотя если бы советские спецслужбы в чем-то участвовали, в прошедшие десятилетия Израиль охотно бы предал это гласности.

Мемуары Павла Анатольевича Судоплатова крайне любопытны, читаются, как авантюрный роман, но рассматривать их как стопроцентно надежный источник невозможно.

Упомянутый им Иосиф Михайлович Гарбуз, полковник в отставке, уволенный из госбезопасности осе-

нью пятьдесят второго, скончался в августе две тысячи четвертого года.

Таубман вошел в историю спецслужб как человек, организовавший убийство немецкого коммуниста Рудольфа Клемента, одного из верных сторонников Троцкого. В тридцать восьмом году, накануне учредительной конференции IV Интернационала, созданного Троцким, по указанию из Москвы Таубман заманил Клемента на конспиративную квартиру, где его зарезали. Тело бросили в Сену. Прежде чем полиция нашла и опознала труп, Таубман уже вернулся в Москву. Ему сменили фамилию, и он продолжал служить в госбезопасности под фамилией Семенов.

Полковник Юрий Антонович Колесников (в некоторых источниках значится его настоящее имя — Иона Тойвович Гольдштейн), родившийся в Бессарабии, в войну провел в тылу противника около трех лет, командуя разведывательно-диверсионным отрядом. Уйдя из органов госбезопасности, занялся литературным трудом, сотрудничал в Антисионистском комитете советской общественности. В войну его дважды представляли к званию Героя Советского Союза, но только в девяносто шестом году Колесникову вручили Золотую звезду Героя России. Рассказывать о своей работе в Румынии и Палестине Колесников наотрез отказывался, таинственно говорил, что пишет мемуары — «там все будет».

Конечно, советские разведчики в Палестину поехали и работали там под прикрытием разных советских учреждений. Но, судя по всему, ограничились традиционной ролью — добычей информации и вербовкой агентуры.

Палестинские евреи, придерживавшиеся левых взглядов, выходцы из Восточной Европы, охотно шли

на контакт с советскими представителями, отвечали на любые вопросы, рассказывали все, что знали. Делали это искренне, с удовольствием.

Советских разведчиков больше всего интересовали военные. Они интересовались руководством подпольной военной организации Хагана, преобразованной затем в армию обороны Израиля, и Пальмаха (сокращение от «Плуготмахац» — «Ударные роты»). Это были боевые отряды, созданные во время Второй мировой войны для борьбы с немцами и их союзниками. Евреи-военные симпатизировали Советскому Союзу, не считали зазорным делиться с советскими людьми информацией, даже считавшейся секретной.

Обилие источников информации создавало у сотрудников резидентуры обманчивое ощущение своего могущества. Они считали, что могут тайно управлять Израилем, а через него влиять на американскую еврейскую общину. Это были иллюзии, советские люди не понимали политическую систему Израиля. Не радикально настроенные военные, а вполне умеренные политики руководили страной и определяли курс Израиля. Среди находившихся у власти политиков советской агентуры не было.

Двадцать шестого ноября сорок седьмого года Генеральная Ассамблея ООН приступила к обсуждению вопроса о Палестине.

В тот же день рано утром президент Трумэн и ключевые министры получили аналитическую записку ЦРУ. В ней говорилось, что в Палестине воцарился хаос, в котором «Советы ищут любую возможность укрепить свои позиции».

Американская разведка предупреждала свое правительство, что появление еврейского государства, с одной стороны, может лишить Америку необходимой ей

нефти, а с другой, откроет дверь для советского проникновения на Ближний Восток.

Министр обороны Форрестол встретился с председателем демократической партии, показал ему секретную записку ЦРУ и попросил воздействовать на президента Трумэна, объяснить ему, что против Америки поднимутся не только арабы, но и весь мусульманский мир.

Но именно в тот день надежда палестинских евреев на собственное государство только укрепилась.

На сессии Генеральной Ассамблеи Громыко произнес свою знаменитую речь в защиту права евреев на свое государство, куда более сильную и аргументированную, чем прежняя. В основном речь была написана в Москве, Громыко добавил в нее новые краски.

Андрей Андреевич говорил, что возможны два варианта решения вопроса о будущем Палестины. Первый — создание единого арабско-еврейского государства. Если этот вариант нереален, поскольку арабы и евреи заявляют, что не могут жить вместе, тогда Палестину надо разделить на два независимых демократических государства — арабское и еврейское.

Сейчас очевидно, что создание единого государства в настоящее время невозможно. Значит, остается второй вариант. Возражают против этого только арабские государства.

Пожалуй, никто лучше Громыко не обосновывал права евреев на свое государство в Палестине:

— Представители арабских стран указывают на то, что будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени. Кроме того, мы не

можем упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны. Нелишне напомнить и сейчас о том, что в результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи как народ претерпели больше, чем какой-либо другой народ. Вы знаете, что в Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев.

Арабские делегации выражали недовольство такой позицией Советского Союза. Громыко им ответил:

— По нашему глубокому убеждению, раздел Палестины на два самостоятельных государства соответствует коренным интересам не только евреев, но и арабов.

По словам Громыко, раздел Палестины «будет иметь большое историческое значение»:

— Такое решение будет идти навстречу законным требованиям еврейского народа, сотни тысяч представителей которого, как вы знаете, все еще являются бездомными, не имеющими своих очагов, нашедшими лишь временный приют в специальных лагерях на территориях некоторых западноевропейских государств.

Громыко обрушился на британское правительство, которое заявило, что готово уйти из Палестины и обеспечить условия для создания двух государств только в том случае, если арабы и евреи придут к согласию:

— Обсуждение вопроса о Палестине на данной сессии показывает, что арабы и евреи не могут договориться. Поэтому выдвигать такое условия — это почти равносильно тому, чтобы еще до вынесения Генеральной Ассамблеей соответствующего решения похоронить его.

Громыко по существу поддержал вооруженную

борьбу еврейских подпольных группировок против британских властей:

— Существующие теперь в Палестине порядки ненавидят как евреи, так и арабы. В чем выражается отношение, в частности, евреев к этим порядкам — вы все знаете.

Громыко ответил и тем арабским делегациям, которые настаивали на том, что ООН вообще не вправе решать судьбу Палестины:

— Генеральная Ассамблея, как и в целом Организация Объединенных Наций, не только имеет право рассматривать этот вопрос, но при сложившейся ситуации в Палестине она обязана принять соответствующее решение. По мнению советской делегации, подгототовленный Комиссией ad hoc план решения вопроса о Палестине, согласно которому практическое осуществление мероприятий по проведению его в жизнь должно лежать на Совете Безопасности, полностью соответствует интересам поддержания и укрепления международного мира и интересам укрепления сотрудничества между государствами. Именно поэтому советская делегация поддерживает рекомендацию о разделе Палестины.

Речь Громыко имела определяющее значение для судьбы Израиля. Ее напечатали еврейские газеты по всему миру. Она повлияла и на американцев. Президент Трумэн принял окончательное решение. Раз уж Сталин твердо решил дать евреям свое государство, глупо было бы Соединенным Штатам сопротивляться!..

Американский президент тайно встретился с Вейцманом. Трумэн высоко оценивал главу Всемирной сионистской организации: *«Вейцман был замечательным человеком, одним из самых мудрых людей, которых я когда-либо встречал, настоящий лидер, единственный в своем роде...»*

Президент прямо заговорил о том, что беспокоило

его сотрудников, — Советский Союз использует еврейское государство для проникновения в регион.

— Этого не произойдет, — ответил Вейцман. — Если бы Советы хотели использовать еврейскую эмиграцию для распространения своих идей, они давно могли это сделать. Но к нам приезжают люди, которые бегут от коммунизма. Преуспевающие крестьяне и квалифицированные рабочие стремятся к высокому уровню жизни, невозможному при коммунизме. Коммунизм может распространяться только в неграмотных и обедневших слоях общества.

Трумэн, несмотря на разноречивость мнений в американской администрации, согласился на раздел Палестины. Более того, он потребовал от государственного департамента обеспечить, чтобы и латиноамериканские страны голосовали либо за раздел Палестины, либо воздержались.

Президент знал, что его собственные дипломаты с ним не согласны и бойкотируют его линию. Трумэн проявил упорство. Он каждый день звонил в государственный департамент, интересуясь, как исполняется его указание.

Впрочем, говорят, что голоса латиноамериканских стран обеспечил Нельсон Рокфеллер, который прежде был заместителем госсекретаря по Латинской Америке. Трумэн его уволил, потому что Рокфеллер поддерживал всех местных диктаторов.

Почему Рокфеллер вдруг решил помочь палестинским евреям? Одни говорят, что из чувства вины — он вел тайный бизнес с нацистской Германией. Другие уверяют, что Рокфеллер боялся разоблачения и взял с руководителей сионистского движения обещание никогда не поднимать этого вопроса.

Так или иначе, за три дня Рокфеллер обзвонил всех, кого он знал в Латинской Америке. А знал он

всех, кто принимал решения в каждой из стран. Видимо, он был очень убедителен.

В результате Бразилия и Гаити, собиравшиеся голосовать «против», проголосовали «за». Никарагуа, Боливия и Эквадор, намеревавшиеся воздержаться, тоже проголосовали «за». Аргентина, Колумбия и Сальвадор, возражавшие против раздела Палестины, воздержались при голосовании.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 — «О создании на территории британского мандата в Палестине двух независимых государств» — была принята в субботу, двадцать девятого ноября сорок седьмого года.

Евреям нужно было собрать две трети голосов в пользу создания двух государств.

Позиция Сталина имела тем большее значение, что он располагал в ООН не одним, а пятью голосами.

Когда обсуждался вопрос о создании Организации Объединенных Наций, Сталин попытался ввести все советские республики в будущую ООН и тем самым укрепить там свои позиции.

Для этого в январе сорок четвертого года на пленуме ЦК был одобрен закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Иностранных Дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат».

В феврале поменяли конституцию, и союзные республики получили право вступать в отношения с другими государствами, заключать с ними соглашения и даже обмениваться посольствами и консульствами.

Двадцать восьмого августа сорок четвертого года на совещании с американскими и британскими дипломатами посол в Соединенных Штатах Громыко заявил, что в «числе первоначальных участников Организации

должны быть все союзные советские социалистические республики».

Англичане и американцы были изумлены. Президент Рузвельт на это ответил, что в таком случае надо принять в ООН и все сорок восемь американских штатов. Но в Вашингтоне старались скрыть эти разногласия. Американцы были обеспокоены тем, что спор на эту тему получит огласку и в Германии решат, что между союзниками разлад, а это затянет войну.

Рузвельт первого сентября написал личное письмо Сталину, отметив, что это требование ставит под угрозу создание ООН. Сталин ответил Рузвельту, что для Советского Союза это принципиально важный вопрос, тем более что, например, Украина и Белоруссия «по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства».

Американцы поначалу сочли предложение Сталина «капризным жестом или неудачной шуткой». На самом деле это был стиль нахрапистой дипломатии: а почему бы и не попробовать, а вдруг удастся? И частично удалось.

В феврале сорок пятого года в Ялту приехали Черчилль и Рузвельт. Обсуждалось послевоенное устройство мира. Молотов предложил компромиссную формулу. Москва снимает требование о принятии всех шестнадцати республик, но просит принять три: Украину, Белоруссию и Литву. В самом крайнем случае — две. В секретном протоколе Крымской конференции Соединенные Штаты и Великобритания согласились поддержать принятие в будущую всемирную организацию Украины и Белоруссии.

Мир не знал об этой секретной договоренности. Рузвельту и Черчиллю еще предстояло убедить собственных подчиненных и общественность своих стран.

Но Сталин и Молотов весной сорок пятого года распорядились отправить делегации Белоруссии и Украины в Сан-Франциско на учредительную конференцию. Американцы этого не ожидали и пытались этому помешать. Они говорили, что обе республики можно будет принять в ООН уже после того, как сама организация будет учреждена.

Но Громыко, подчиняясь инструкциям из Москвы, занял жесткую позицию. Без его участия работа конференции бы просто замерла. Угрозы и ультиматумы сработали. Двадцать седьмого апреля сорок пятого года было принято решение допустить Украину и Белоруссию в число первоначальных членов Организации Объединенных Наций.

Таким образом, Сталин имел в ООН не один голос, а три — Советского Союза, Украины и Белоруссии. Кроме того, Чехословакия и Польша голосовали так, как велела Москва. Пять сталинских голосов имели решающее значение. Если бы Сталин проголосовал против, Израиль бы не появился. «За» проголосовали тридцать три страны, «против» — тринадцать. Несколько стран, в том числе Англия, воздержались.

Решение было принято.

«Хотя Франция формально не участвовала в создании Израиля, — писал генерал Шарль де Голль, — *она горячо одобрила его возникновение. Величие дела, состоявшего в том, чтобы собрать еврейский народ и предоставить ему право располагать самим собой на земле, отмеченной его сказочной историей и принадлежавшей ему девятнадцать веков назад, не могло не захватить меня.*

С человеческой точки зрения я считал правильным, чтобы этот народ получил свой национальный очаг, и я видел в этом своего рода компенсацию за все те страдания, которые еврейский народ испытывал на протяжении

веков, худшими из которых были массовые истребления, предпринятые гитлеровской Германией...»

Сотни тысяч палестинских евреев, обезумевших от счастья, вышли на улицы, охваченные энтузиазмом.

На следующий день, тридцатого ноября, в Палестине начались волнения среди арабов, возмущенных решением ООН. Повсюду нападали на евреев, семь человек погибли.

В Сирии сформировали Арабскую освободительную армию для захвата Палестины. Уже в феврале сорок восьмого года арабские войска преследовали евреев по всей Палестине. Им не под силу было захватить и уничтожить отчаянно сопротивлявшиеся еврейские поселения, но связи между ними были разрушены. Еврейские спасательные отряды не могли пробиться к осажденным поселениям.

Англичане ничего не делали, чтобы прекратить насилие. Они словно хотели продемонстрировать миру, что напрасно ООН приняла дурацкую идею раздела Палестины. Но с наступлением весны еврейские отряды самообороны стали сражаться ожесточеннее и брать верх над арабскими армиями.

Четвертого декабря сорок седьмого года Громыко получил благодарственное письмо:

«Ваше Превосходительство,

Еврейское агентство для Палестины желает выразить свою глубокую благодарность правительству Союза Советских Социалистических Республик за поддержку резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей Объединенных Наций в поддержку образования еврейского государства.

Принятием этой рекомендации отмечен поворотный пункт в истории еврейского народа. После двух тысячелетий отсутствия национального очага евреям теперь

предоставлена возможность вступить в семью наций и сделать свой заметный вклад в международную жизнь...

Еврейский народ всегда будет благодарен Вашему правительству, которое на этой сессии Генеральной Ассамблеи помогло ему в достижении национального освобождения.

Были бы весьма признательны, если бы Вы передали содержание этого письма вашему правительству.

Имею честь, сэр, быть искренне Ваш
Абба Хиллел Силвер, председатель
американской секции Еврейского
агентства для Палестины».

ОРУЖИЕ ДЛЯ ЕВРЕЕВ

Арабские страны были невероятно возмущены советской позицией. Арабские компартии, которые привыкли бороться против «сионизма — агентуры британского и американского империализма», просто растерялись, видя, что советская позиция изменилась до неузнаваемости.

Пятого ноября сорок седьмого года временный поверенный в делах СССР в Ираке Абдрахман Фисляхович Султанов писал в Ближневосточный отдел МИД: *«Арабские круги были уверены в том, что Советский Союз не согласится на проект создания сионистского государства...»*

Султанов предупреждал министерство о последствиях: в такой ситуации англичанам легче будет «сколотить антисоветский мусульманский блок из стран Арабской лиги, Турции, Ирана и Пакистана».

В Москве к заместителю министра иностранных дел Гусеву (бывшему послу в Англии) напросился на прием посланник Египта Биндари-паша.

Египетский дипломат заявил, что пришел «как друг Советского Союза», и выразил недоумение тем, что советский представитель проголосовал за раздел Палестины. По мнению египетского посланника, надо было проголосовать за вывод британских войск и ликвидацию мандата, а «вопрос будущего Палестины предоставить самому населению». Биндари-паша заявил, что позиция Советского Союза привела к росту антисоветских настроений в Египте.

Демарш египетского дипломата остался незамеченным. Сталина реакция арабских стран не интересовала. Он просто не принимал их в расчет.

Египтом управлял король Фарук, Иорданией — король Абдаллах, Ираком — король Фейсал. Все они были верными вассалами Великобритании. На Ближнем Востоке Сталин мог опереться только на силу, враждебную англичанам. А кто больше палестинских евреев ненавидел тогда британцев?

Восемнадцатого декабря сорок седьмого года временный поверенный в делах СССР в США Сергей Царапкин записал беседу с представителем Еврейского агентства для Палестины Эпштейном.

Тот пришел, чтобы проинформировать советского дипломата о ситуации на Ближнем Востоке, и передал ему конфиденциальную сводку, полученную из Иерусалима. Эпштейн был чрезвычайно откровенен с советским дипломатом, видя в нем союзника.

«Эпштейн сказал, что сейчас они озабочены получением оружия, — информировал Москву Царапкин. — *Правда, у них есть в Палестине свои фабрики, на которых могут изготовлять гранаты и минометы, но все это делается пока кустарным способом, и сейчас они нелегально возят оружие главным образом из США, а также из некоторых европейских стран и из одной латиноамериканской страны».*

Эпштейн сказал, что еврейское государство по примеру Швейцарии будет придерживаться нейтралитета во внешней политике:

«Еврейское государство появилось в результате позиции главным образом США и СССР. В США имеется около пяти миллионов евреев, в СССР — три миллиона. Новое еврейское государство не хочет держать ориентацию на какую-либо определенную страну, поэтому наиболее правильным внешнеполитическим курсом был бы нейтралитет и ориентация на ООН».

Эпштейн отметил, что, конечно, еврейское государство будет находиться в большой экономической зависимости от Соединенных Штатов, ибо в настоящее время только там они могут закупать для себя оружие, оборудование и другие предметы снабжения.

При этом Эпштейн заметил, что к СССР с просьбой о поставке им оружия и оборудования они сейчас обращаться не думают, чтобы не давать повода для инсинуаций, так как евреев и без того обвиняют в том, что они якобы заключили какие-то секретные соглашения с советским правительством.

Тем временем становилось ясно, что арабские страны не позволят решению ООН вступить в силу и попытаются уничтожить палестинских евреев. Арабские властители своих намерений не скрывали.

Двадцать третьего декабря сорок седьмого года советский посланник в Ливане Солод записал беседу с премьер-министром страны Риадом Сольхом:

«Сольх рассказал, что арабские страны окончательно договорились ни при каких условиях не соглашаться на раздел Палестины и создание в ней еврейского государства, всеми силами сопротивляться против раздела и вести борьбу всеми средствами, сколько бы она ни продолжалась.

Он повторил уже сказанные мне однажды президентом Сирии Шукри аль-Куатли слова о том, что если понадобится, то арабы будут бороться за сохранение Палестины в течение двухсот лет, как это было во время крестовых походов...

Арабские страны не согласятся на раздел Палестины и образование еврейского государства еще и потому, что раздел означает фактическое присоединение арабской части Палестины к Трансиордании. Следовательно, это укрепит позиции короля Абдаллаха и за ним стоящих.

Таким образом, Риад Сольх косвенно подтвердил, что инициатором и главным вдохновителем борьбы арабских стран против раздела Палестины является Сирия...»

Сможет ли Организация Объединенных Наций настоять на своем и реализовать решение о разделе Палестины — вот что волновало палестинских евреев. И способна ли ООН обеспечить там безопасность?

В последних числах декабря сорок седьмого года директор политического департамента правления Еврейского агентства для Палестины Моше Шерток пришел за советом и разъяснениями к заместителю генерального секретаря ООН Аркадию Александровичу Соболеву. По распределению обязанностей Соболев в секретариате ООН руководил департаментом по политическим вопросам и делам Совета Безопасности.

Шерток поинтересовался, обсуждается ли возможность отправки в Палестину международных сил, которые возьмут на себя обеспечение там безопасности после ухода англичан.

Соболев объяснил, что если речь идет только о демонстрации силы и решимости ООН, то Соединенные Штаты имеют флот и авиацию в Средиземном море, и Советский Союз может довольно быстро перебросить туда две авиаэскадрильи. Но если понадобятся сухо-

путные части, способные вести боевые операции, то на это придется затратить как минимум месяц.

Но палестинские евреи понимали, что и месяца не продержатся, если не смогут себя защитить.

Шерток поинтересовался, какие меры могут быть приняты против стран, которые в нарушение решения ООН оказывают военную помощь палестинским арабам.

— Мы предпримем дипломатические шаги, — пояснил Соболев. — Совет Безопасности может призвать эти страны прекратить такие действия и даже угрожать санкциями. Но решение о практическом формате таких шагов может быть принято только после того, как станет известен масштаб их действий. Необходимо понимать, что это медленный процесс.

Пожалуй, впервые стало ясно бессилие ООН в делах, требующих реальных действий. Палестинские евреи поняли, что могут рассчитывать только на себя. Мировое сообщество их не защитит. Они погибнут раньше, чем в аппарате ООН подготовят нужную резолюцию.

Тридцатого декабря сорок седьмого года Громыко выступал на обеде, устроенном американским комитетом еврейских писателей, художников и ученых в честь правительства СССР.

Громыко по существу повторил свою речь на Генеральной Ассамблее, добавив:

— Решение о разделе Палестины является при данных обстоятельствах единственно возможным и практически осуществимым решением. Едва ли кто-либо будет оспаривать тот факт, что отношения между арабами и евреями в Палестине испортились настолько, что они не хотят жить в пределах одного государства, о чем прямо и открыто заявляли.

Правда, мы слышали на Генеральной Ассамблее за-

явления и том, что арабы готовы на создание единого арабско-еврейского государства, но при условии, что еврейское население будет в меньшинстве и что, следовательно, решающей силой в таком новом государстве была бы одна национальность — арабы. Однако нетрудно понять, что такое решение вопроса, исключающее предоставление равных прав для обоих населяющих Палестину народов, не могло бы дать должного решения вопроса о ее будущем, так как оно прежде всего не привело бы к урегулированию отношений между арабами и евреями. Более того, оно явилось бы источником новых трений и осложнений в отношениях между этими народами...

Громыко вновь подтвердил:

— Было бы в высшей степени несправедливо не считаться с законными стремлениями еврейского народа к созданию своего собственного государства. Отрицание за евреями права иметь такое государство невозможно было бы оправдать, особенно учитывая все то, что пережили евреи за Вторую мировую войну. Такой выход находит также и историческое оправдание, ибо еврейское население, как и арабское, имеет глубокие исторические корни в Палестине...

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи от двадцать девятого ноября была сформирована Комиссия ООН по Палестине. В нее вошли представители Боливии, Дании, Панамы, Филиппин и Чехословакии. Задача комиссии состояла в том, чтобы помочь евреям и арабам создать административный аппарат к моменту ухода британских войск.

Пятого января сорок восьмого года руководители Ближневосточного отдела МИД докладывали заместителю министра Валериану Александровичу Зорину, что египетский посланник ведет в Москве беседы, пытаясь выяснить, *«крепко ли стоит Советское Правительство*

на своих позициях по палестинскому вопросу и нельзя ли арабским странам выторговать у СССР уступок в этом вопросе путем угрозы разгромить все прогрессивные и, в частности, коммунистические организации в арабских странах».

Давление не возымело действия. Сталин твердо был намерен создать еврейское государство.

Арабские страны от угроз быстро перешли к антисоветским действиям.

Тридцатого ноября сорок седьмого года в Дамаске прошла организованная властями демонстрация протеста против решения ООН о разделе Палестины. Сирийцы напали на помещение Сирийского общества культурных связей с Советским Союзом и уничтожили выставку, присланную из Москвы.

Сирийские власти после долгих проволочек нехотя обещали расследовать инцидент.

Советский посланник в Ливане и Сирии Солод после беседы с Джамилем Мардам-беем, премьер-министром Сирии и министром иностранных дел, сообщил в Москву, что *«нет никаких оснований верить министру иностранных дел Сирии, что «расследование» даст какие-либо результаты, ибо агитацию за нападение на помещение общества вели его собственные люди».*

Руководители Еврейского агентства жаловались советским дипломатам на то, что Чехословакия продает оружие арабским правительствам. Пражские руководители зарабатывали деньги, распродавая доставшуюся им после войны немецкую военную технику. Заработала и собственная военная промышленность.

Советские дипломаты считали такую политику Чехословакии неверной.

Двадцать второго января сорок восьмого года заместитель министра иностранных дел Зорин отправил записку министру Молотову:

«По сообщению поверенного в делах СССР в Чехословакии т. Бодрова, чехословацкое правительство продало сирийскому правительству оружие (минометы, мины, патроны).

В то же время чехи отказались продать оружие Еврейскому агентству в Палестине, которое обратилось с этой просьбой в ноябре 1947 года...

Принимая во внимание позицию, занятую нами в палестинском вопросе, полагал бы возможным поручить т. Бодрову при случае обратить внимание Готвальда на тот факт, что продажа чехословацким правительством оружия арабам в нынешних условиях, когда положение в Палестине обостряется с каждым днем, может быть использована англо-американцами против Советского Союза и стран новой демократии.

Проект соответствующей телеграммы в Прагу прилагается».

Зорин сам еще недавно был послом в Чехословакии и хорошо представлял ситуацию в стране.

Клемент Готвальд возглавлял правительство Чехословакии, в сорок восьмом он станет президентом страны.

Михаил Федорович Бодров был советником посольства в Чехословакии, затем послом в Болгарии, а в пятьдесят восьмом году он станет послом в Израиле.

Молотов двадцать седьмого января написал на записке: «Воздержаться».

Такие деликатные вопросы, как нелегальные поставки оружия, не решались обычными дипломатическими путями.

В конце января сорок восьмого года советское представительство в ООН докладывало в Москву, что *«лондонское правительство готовит свою агентуру в арабских странах к захвату Палестины после того, как оттуда будут выведены английские войска. Вот почему*

искусственно разжигается национальная и религиозная вражда, организуются и поощряются военные столкновения».

По мнению советских дипломатов, Англия желала передать всю Палестину Трансиордании, чтобы разместить на ее территории свои военные базы. Сталин требовал не допустить этого. Самым надежным средством было как можно скорее создать еврейское государство, которое откажет англичанам в базах.

Двадцать шестого января сорок восьмого года Эпштейн пожаловался в Нью-Йорке Царапкину, что решение Соединенных Штатов ввести эмбарго на ввоз военных материалов в Палестину стало ударом для евреев. Арабы покупают оружие у Англии через Ирак и Трансиорданию. А палестинским евреям купить оружие не у кого.

«Следует учесть, — говорил Эпштейн, — *что в госдепартаменте вообще сильны проарабские и антиеврейские настроения. К тому же на госдепартамент оказывается сильное давление со стороны американских нефтяных монополий, имеющих концессии и другие интересы в арабских странах».*

Госсекретарь Маршалл, министр обороны Форрестол и директор недавно созданного Центрального разведывательного управления контр-адмирал Роско Хилленкойтер не хотели снабжать оружием палестинских евреев. Они говорили, что вожди сионистов слишком прокоммунистически настроены, поэтому нельзя доверять будущим руководителям Израиля, прежде всего Бен-Гуриону, известному своей приверженностью к социализму.

В июле сорок седьмого года конгресс Соединенных Штатов принял закон о национальной безопасности, в соответствии с которым появились Совет национальной безопасности, единое министерство обороны, объ-

единенный комитет начальников штабов и Центральное разведывательное управление.

В законе говорилось, что директор ЦРУ назначается с согласия сената. Им может быть как офицер, состоящий на действительной военной службе, так и гражданское лицо.

В пятьдесят третьем году приняли поправку к закону относительно должности заместителя директора. Устанавливалось правило, запрещающее назначать на оба поста военнослужащих. Если директором ЦРУ был гражданский, то заместителем ему подбирали военного, и наоборот.

Закон запретил наделять ЦРУ «правами полицейской службы, правом вызова в суд и контролем за соблюдением закона, а также функциями по обеспечению внутренней безопасности». Иначе говоря, задача ЦРУ — заниматься внешней разведкой, работать за рубежом. Оперативная работа на американской территории — только против иностранных объектов.

Директором ЦРУ стал контр-адмирал Роско Хилленкойтер, его заместителем бригадный генерал Эдвин Райт.

Американские разведчики были крайне обеспокоены возможностью появления советских войск на Ближнем Востоке, считая, что за этим последует подготовка революции в регионе. Возможно, ссылки на мнимые коммунистические настроения лидеров палестинских евреев были лишь прикрытием.

Адмирал Хилленкойтер во время войны служил в разведывательном отделе Тихоокеанского флота, перед назначением в ЦРУ был военно-морским атташе в Париже. Как разведчик он счел своим долгом познакомиться с работами Маркса, Ленина и Сталина и не упускал случая щегольнуть цитатой классиков марксизма-ленинизма.

Джеймс Винсент Форрестол до войны очень успешно занимался бизнесом, у него были крупные интересы в сфере добычи ближневосточной нефти, поэтому он был яростным сторонником тесного сотрудничества с арабами. Появление еврейского государства его никак не устраивало. В сороковом году он стал специальным помощником президента Рузвельта, затем заместителем военно-морского министра. Форрестол постоянно доказывал, что нельзя ссориться с нефтедобывающими странами, поскольку без них Америка существовать не может. А без еврейского государства американцы уж как-нибудь обойдутся...

Трумэн не заметил, что его министр обороны постепенно утрачивает контакт с реальностью. Закончилось это самоубийством Форрестола. Но пока он не выбросился из окна, военная политика Соединенных Штатов определялась постепенно сходившим с ума маньяком. Он попался на удочку своих разведчиков, которые докладывали министру, что «коммунистические агенты усиливают свою активность в странах Ближнего Востока, включая нефтедобывающие, от которых зависит свободный мир».

Форрестол доказывал, что ближневосточная нефть важнее всего остального и задача американской внешней политики — обеспечить вооруженные силы нефтью.

— Вы просто не понимаете, что сорок миллионов арабов, — убеждал министр своих собеседников, — столкнут четыреста тысяч евреев в море. И все. Лучше подумайте о нефти — мы должны быть на стороне нефти.

Форрестол вырос в антисемитском окружении. Когда он занимался бизнесом, крупные компании и юридические фирмы не брали на работу евреев. С этими представлениями он пришел на государственную служ-

бу. В военно-морском министерстве, которое он возглавлял, евреи-моряки не имели шанса на продвижение.

Его единомышленниками были не только богатые руководители нефтяных компаний, но и руководители государственного департамента — Ачесон и сотрудники, ведавшие ближневосточными делами.

К ним присоединился и государственный секретарь Маршалл. Он боялся, что война между евреями и арабами сорвет его грандиозный план восстановления европейской экономики. Восемьдесят процентов нефти Европа получала с Ближнего Востока. Война могла прервать поставки. Без нефти «план Маршалла» бы не осуществился.

Боязнь нефтяного шантажа была надуманной. Да, саудовский король Ибн-Сауд сказал американским нефтяникам: *«В определенных обстоятельствах мне, возможно, придется применить санкции против ваших компаний. Не по своей воле, а потому что я не смогу противостоять давлению арабского общественного мнения»*.

Но эксперты прикинули, что на самом деле легко смогут обойтись без саудовской нефти, если другие производители, например Иран, увеличат добычу. Да и король явно блефовал. Деньги, которые он получал от «Арамко», были единственным источником его доходов, а поддержка Соединенных Штатов — единственной гарантией независимости Саудовской Аравии.

Короли Ирака и Иордании, происходившие из династии Хашимитов, дети свергнутого им Хусейна, ненавидели Ибн-Сауда. Если бы он лишился американского покровительства, хашимиты бы его свергли... Поэтому король, хотя и ненавидел англичан с американцами, всячески их обихаживал. В январе сорок восьмого его навестил видный британский политик Энтони Иден, будущий премьер-министр. Король преподнес

ему меч в золотых ножнах с инкрустацией из жемчуга. Когда Иден вернулся домой, таможенники не знали, как быть с таким дорогим подарком, но все-таки разрешили Идену ввести меч беспошлинно — как подарок главы иностранного государства.

Влиятельные политики и правительственные чиновники призывали Трумэна не предпринимать никаких практических шагов для создания в Палестине двух государств: идея умрет сама по себе.

Трумэн долго отказывался от встречи с Вейцманом. Девятнадцатого марта он все-таки его принял — так же тайно, как и в прошлый раз. Разговор был неофициальный и очень эмоциональный. Трумэн пообещал исполнять решение ООН.

В тот же день американский представитель в Совете Безопасности Уоррен Остин фактически бросил вызов своему президенту. Он заявил, что решение о разделе Палестины невыполнимо, поэтому Соединенные Штаты меняют свою политику. Для начала нужно ввести в Палестине международное управление, навести порядок, а потом уже что-то решать...

Трумэн с изумлением узнал об этом на следующий день из утренних газет. Он записал на календаре:

«Оказывается, государственный департамент пересмотрел мою политику. И я узнаю об этом из газет! Что за чертовщина? Теперь я предстал в роли лжеца, которому нельзя верить. В государственном департаменте всегда были люди, которым хотелось перерезать мне горло. Наконец, им это удалось...»

В эту критическую минуту на помощь сионистам вновь пришел Сталин.

Девятого апреля сорок восьмого года министр иностранных дел Молотов отправил Сталину записку:

«Представляю на утверждение проект директивы т. Громыко к сессии Генеральной Ассамблеи».

Вот какую позицию Громыко должен был занять в вопросе о Палестине:

«Отстаивать резолюцию Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины...

Подвергнуть критике американское предложение об опеке над Палестиной...»

Сталин утвердил предложение Молотова. Вождь твердо требовал, чтобы еврейское государство все-таки появилось.

Антисионистские действия американских политиков только усиливали желание советских руководителей использовать будущее еврейское государство в антизападной игре.

Советские дипломаты сражались рука об руку с сионистами. В Нью-Йорке Царапкин отверг предложение учредить опеку ООН над Палестиной:

— Никто не может оспаривать высокий уровень культурного, социального, политического и экономического развития еврейского народа. Такой народ опекать нельзя. Этот народ имеет все права на свое независимое государство.

Двадцатого апреля сорок восьмого года Громыко выступал на заседании первого комитета второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Советский представитель упрекнул Соединенные Штаты за то, что они озабочены нефтью, а не судьбами народов.

Громыко решительно выступил против предложения Соединенных Штатов установить опеку над Палестиной и повторил:

— Делегация Советского Союза считает, что решение о разделе Палестины является правильным решением и что Организация Объединенных Наций должна принять эффективные меры для проведения его в жизнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ И ПОЛНЫЙ РАЗРЫВ

Тринадцатого апреля сорок восьмого года Ближневосточный отдел министерства иностранных дел составил для начальства справку «О положении в Палестине после решения ООН о разделе страны».

Советские дипломаты очень сочувственно писали о евреях, которые вынуждены вооружаться, чтобы обороняться от арабов. Совсем иначе говорилось об арабах:

«Основные арабские феодально-буржуазные организации — Высший арабский комитет и Арабское бюро, инспирируемые англичанами, — выступили против создания еврейского государства и раздела Палестины...

Вооруженные выступления против евреев развернулись с новой силой в декабре 1947 года и продолжаются до настоящего времени. Предатели и квислинги со всего мира начали стекаться в Палестину и приняли участие в борьбе на стороне арабов, среди них подонки Андерса, боснийские мусульмане из лагерей перемещенных лиц в Германии, военнопленные немцы, бежавшие из лагерей в Египте, «добровольцы» из франкистской Испании.

Страны Арабской лиги, выполняя решения совета Лиги, засылают в Палестину вооруженные отряды арабов. Первый отряд проник из Сирии в Палестину 9 января

1948 года. Он состоял из сирийских, иракских и ливанских добровольцев, которые, напав на два еврейских поселения, вынуждены были отойти обратно в Сирию...

С января до марта 1948 года перешли палестинскую границу многочисленные отряды арабов, которые передвигались на автомобилях и имели на вооружении минометы и автоматические ружья... Вооружение арабы получают из арабских стран, которые снабжает Англия...

Трансиорданский Арабский легион является той силой внутри Палестины, при помощи которой Абдаллах намеревается захватить страну после окончания 15 мая английского мандата...

На границе арабского города Яффа и еврейского — Тель-Авив уже четыре месяца идут непрерывные уличные бои, перестрелка снайперов и взаимные набеги. Движение по дорогам может происходить лишь при условии сильной вооруженной охраны. Еврейские колонны машин между Иерусалимом и Тель-Авивом подвергаются нападению и разграблению. Арабы ведут планомерное наступление на разбросанные в южной пустыне Негев еврейские поселения...

Арабы в последнее время перешли к систематическим и планомерным операциям против разбросанных по всей стране еврейских колоний. Колонии, расположенные на юге страны, в Негеве, и на севере, в Галилее, отрезаны от основного еврейского населения прибрежной полосы, и оборона их, а тем более, осуществление связи между ними является почти непосильной задачей для полулегальной еврейской милиции.

Кроме того, евреи лишены помощи в людях извне, несут большие потери убитыми и ранеными, что пагубно отразится на сопротивлении этой маленькой (всего 640 тысяч человек) общины...»

Несколько десятилетий эти документы советского

министерства иностранных дел были секретом и хранились за семью замками. Они противоречат той версии арабо-израильского конфликта, которую приняли в Москве позже, когда Израиль стали считать врагом.

Соседние арабские властители твердо решили, что еврейское государство не появится на карте Ближнего Востока. При этом они совершенно не собирались создавать государство палестинских арабов, судьба которых их совершенно не интересовала. Трансиордания и Египет намеревались поделить Палестину. Египтяне были озабочены тем, чтобы иорданский король Абдаллах не ухватил слишком большой кусок.

Тридцатого апреля советский посланник в Ливане и Сирии Даниил Солод информировал Москву о беседе с министром иностранных дел Ливана Хамидом Франжье. Клан Франжье был одним из самых влиятельных в Ливане. Министр сообщил посланнику, что арабские страны согласились с предложением короля Трансиордании Абдаллаха занять Палестину.

«На мой вопрос, — писал Солод, — *идет ли речь о всей Палестине или только об ее арабской части, Франжье ответил, что арабская часть Палестины и так останется арабской, поэтому занимать ее нет никакой необходимости, речь идет именно о всей Палестине...*

Франжье пояснил, что Трансиордания не является членом ООН, поэтому она не связана никакими обязательствами в отношении этой организации...»

Король Абдаллах предлагал создать Великую Сирию в составе Сирии, Ливана, Трансиордании и Палестины под его управлением. Король был довольно популярен среди арабских масс, что возбудило к нему ненависть правителей соседних стран, которые боялись утратить свои троны.

Арабские властители только и ждали, когда окончится британский мандат на Палестину, чтобы ввести свои войска. А пока что уничтожение палестинских евреев было поручено специально сформированным для этого армиям.

Арабской освободительной армией командовал сириец Фаузи аль-Каукчи. Во время Второй мировой войны он командовал арабскими частями в составе вермахта. Немцы произвели его в майоры. После разгрома нацистской Германии Фаузи избежал наказания и бежал на Ближний Восток, чтобы заняться прежним делом — уничтожением евреев.

Некоторое количество немецких военных преступников тоже бежали на Ближний Восток. Немцам здесь не очень нравилось, они предпочитали более цивилизованную Латинскую Америку. Но принимали их в арабских странах хорошо, англичанам не выдавали, предлагали работу по специальности.

Гестаповца Алоиза Бруннера, занимавшегося депортацией евреев из Словакии и Греции, называли «вторым Эйхманом». Считается, что он укрылся в Сирии. Его выследили, нашли дом, где он жил. Он потерял три пальца на руке, когда вскрывал посылку, полученную в Дамаске, видимо, от Моссада. Сирийские власти отвечали, что такой человек им неизвестен.

Упоминавшиеся в документах советского министерства иностранных дел боснийские мусульмане — это бывшие солдаты добровольческой дивизии войск СС, которую сформировали немцы с помощью великого муфтия Иерусалима Амина аль-Хуссейни. Осенью сорок первого немцы доставили его в Берлин. Его принял Гитлер, затем рейхсфюрер СС Гиммлер. Всю войну муфтий провел в Берлине, призывая немцев неустанно уничтожать евреев. После войны вернулся на Ближ-

ний Восток, чтобы продолжить любимое дело без нацистов.

«Подонки Андерса», о которых также писали советские дипломаты, — это солдаты бывшей польской армии с длинной и запутанной историей.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз в Москве изменили отношение к полякам, которые вновь стали союзниками. Летом сорок первого по соглашению с польским правительством в изгнании на территории Советского Союза сформировали польскую армию под командованием генерала Владислава Андерса. Но воевать вместе с Красной армией, которая недавно их громила, армия Андерса не захотела. Польское правительство вывело ее на Ближний Восток.

После Второй мировой войны солдаты Андерса не захотели возвращаться на родину, где к власти пришли коммунисты, вербовались в другие армии наемниками.

К великому муфтию после решения ООН о разделе Палестины пришел и молодой египетский офицер Гамаль Абд-аль Насер.

— Вам нужны офицеры, — сказал Насер, — чтобы командовать в сражениях и обучать добровольцев. Многие офицеры египетской армии охотно вступят в вашу армию. Они в вашем распоряжении в любой момент.

Артиллерия, которой командовал полковник Ахмед Абд-аль Азиз, открыла огонь по еврейским поселениям к югу от Иерусалима. Другой египетский офицер, подполковник авиации Хасан Ибрагим, будущий член Революционного совета и министр в правительстве Насера, выехал в Дамаск. Он пришел к бывшему офицеру вермахта Фаузи аль-Каукчи и предложил выработать план совместных действий. Договорились, что египетские самолеты нанесут удар по палестинским евреям и приземлятся на сирийских аэродромах.

АВИАМОСТ ЧЕХОСЛОВАКИЯ — ПАЛЕСТИНА

Пятого декабря сорок седьмого года, через несколько дней после того, как Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание двух новых государств в Палестине, Соединенные Штаты запретили продажу оружия на Ближний Восток. Государственный департамент объявил, что не будет выдавать паспорта лицам, намеревающимся служить в неамериканских вооруженных силах. Это тоже было направлено против американских евреев, которые хотели помочь Израилю.

Британские спецслужбы следили за известными сионистами. Об американцах, помогавших Израилю, британская разведка сообщала ФБР. По просьбе англичан американская контрразведка брала их под контроль.

Где бы ни появлялась Голда Меир, которая призывала американских евреев помочь Израилю, повсюду ее сопровождали агенты ФБР. Она собрала довольно много денег — пятьдесят миллионов долларов, которые собирались пустить на вооружение еще не существующей армии Израиля.

Но британские и американские спецслужбы мешали закупкам оружия, предназначавшегося для палестинских евреев.

Англия отказалась присоединиться к эмбарго на поставки оружия, сославшись на крупные контракты с арабскими странами, которые нельзя разорвать. Так что арабский мир продолжал получать оружие в огромных количествах.

Палестинские евреи обратились к советским представителям. Пятого февраля сорок восьмого года будущий министр иностранных дел Израиля Моше Шерток беседовал с Громыко. Он просил советское руководство вмешаться, чтобы, во-первых, прекратить прода-

жу чехословацкого оружия арабам и, во-вторых, воздействовать на Югославию, которая отказалась продавать оружие палестинским евреям.

К тому времени Сталин уже отдал приказ вооружить палестинских евреев, чтобы они смогли создать свое государство. Поэтому Громыко без дипломатии, деловито поинтересовался, есть ли у евреев возможность обеспечить разгрузку оружия, если оно будет им продано.

Шерток немедленно телеграфировал Бен-Гуриону, может ли он твердо сказать Громыко, что евреи берут на себя выгрузку? Положительный ответ был получен.

Руководители Чехословакии традиционно симпатизировали палестинским евреям. Первый президент страны Томаш Масарик всячески поддерживал сионистов. Он говорил:

— Нельзя ожидать, чтобы государства вели себя как джентльмены.

Но сам Томаш Масарик старался вести себя безукоризненно. Его сын, Ян Масарик, после войны стал министром иностранных дел в Праге. Он помогал отправке беженцев-евреев в Палестину. Десятого марта сорок восьмого года Масарик погиб при странных обстоятельствах — выпал из окна своей служебной квартиры и разбился насмерть.

Официальная версия — самоубийство, душевный разлад и неспособность справиться со своими проблемами.

В самой Чехословакии и на Западе говорили, что министра выбросили из окна сотрудники советской госбезопасности, которые вели себя в Праге по-хозяйски и держали чехословацких политиков под контролем...

Масарик-младший всей душой стремился к тесно-

му сотрудничеству с Москвой. Но он мешал чехословацким коммунистам, которые брали власть в стране. Просто отправить его в отставку было трудно из-за его международного авторитета и громкого имени. Его отец Томаш Масарик, основатель Чехословацкой республики, был даже одним из кандидатов на Нобелевскую премию мира.

После освобождения страны от немецких войск в Чехословакию — в отличие от других восточноевропейских стран — вернулись прежние лидеры: президент Эдуард Бенеш и министр иностранных дел Ян Масарик.

Бенеш и Масарик умудрялись ладить и с западными державами, и с Советским Союзом. В Праге было сформировано коалиционное правительство, которое возглавил коммунист Готвальд. Казалось, под боком у Кремля может существовать многопартийная демократия. Но это продолжалось недолго.

Правительство Чехословакии решило участвовать в плане Маршалла, предложенном американцами для восстановления Европы. Но Сталин объяснил Масарику, что если чехи дорожат дружбой с Советским Союзом, им следует отказаться от плана Маршалла. Прага подчинилась.

Сталину больше не нужны были ни Бенеш, ни Масарик. Кроме того, компартия в Чехословакии теряла поддержку. В Москве было решено исправить положение.

Повод представился.

Министры-некоммунисты потребовали обсудить деятельность министерства внутренних дел и особенно управления государственной безопасности, которое контролировалось коммунистами и советниками из Москвы.

Коммунисты не захотели никому давать отчет о деятельности органов госбезопасности. Тогда двадцатого февраля сорок восьмого года министры-некоммунисты подали в отставку. Они полагали, что Готвальд — как это принято в демократической стране — вынужден будет провести новые выборы. Наивные!

Коммунисты вывели своих сторонников на улицы и начали формировать отряды рабочей милиции. Готвальд решил сформировать чисто коммунистическое правительство.

Президент Бенеш сопротивлялся. Готвальд пригрозил поднять рабочую милицию и пригласить советские танки. Двадцать седьмого февраля Бенеш сдался. Вся власть в стране перешла к коммунистам. Это был государственный переворот.

Десятого марта министра иностранных дел Яна Масарика нашли мертвым под окнами его квартиры.

Советский Союз выиграл Чехословакию, но получил холодную войну, которую ему суждено было проиграть, несмотря на все жертвы, принесенные в этой войне.

Переворот в Праге породил страх, что нечто подобное произойдет и в других странах. Для американского президента Трумэна это был пример наступления коммунизма по всему миру. Через два месяца, в апреле сорок восьмого, европейские страны объединились в Брюссельский пакт — оборонительный союз, цель которого — противостоять попыткам свергнуть демократические правительства.

Ответом на события в Праге стало создание НАТО как мощного военного блока, увеличение военных расходов Соединенных Штатов, перевооружение Западной Германии. Все это заставило уже Советский Союз принимать ответные меры, которые легли непосильным бременем на социалистическую экономику...

Чехословакия традиционно продавала оружие тем, кому нельзя было — по соображениям высокой политики, — напрямую передавать советские вооружения.

С сорок седьмого года Чехословакия снабжала оружием греческих партизан. После Второй мировой в Греции разгорелась гражданская война. Сталин поддержал греческих партизан в надежде, что они создадут в стране революционную ситуацию и компартия возьмет власть. Он даже обсуждал возможность признания созданного партизанами Временного демократического правительства Греции во главе с генералом Маркосом Вафиадисом. Но, к счастью, не решился это сделать...

Через несколько лет после описываемых событий, в декабре пятьдесят восьмого года, Прага попросила у Москвы совета: никому не известные кубинские партизаны во главе с Фиделем Кастро просят продать им оружие через подставную коста-риканскую фирму.

Разрешение было дано: правда, продавали только остатки трофейного, немецкого, оружия и то, что чехи делали сами.

Через год, в сентябре пятьдесят девятого, Польша сообщила в Москву, что новые кубинские власти через польского посла в Швейцарии просят продать им уже более серьезное оружие. Для этого они готовы использовать контролируемую ими австрийскую фирму.

Министерство иностранных дел и международный отдел ЦК КПСС были против: кто такой этот Фидель Кастро и зачем из-за него злить американцев? Но Хрущев распорядился оружие отправить. Он словно чувствовал, что победа партизан на Кубе открывает перед ним новые возможности...

Сторонником Израиля был и новый министр иностранных дел Чехословакии Владо Клементис. Воен-

ными поставками в Палестину занимались руководитель международного отдела и секретарь ЦК компартии Чехословакии Бедржих Геминдер, который прежде жил в Москве и заведовал в Коминтерне отделом печати, и Бедржих Райцин, который тоже был эмигрантом в Москве и служил в Чехословацком корпусе генерала Свободы. Райцин первоначально руководил отделом контрразведки генштаба, затем его сделали заместителем министра национальной обороны.

В пятьдесят втором году все трое станут жертвами антисемитского «дела Сланского» (Владо Клементис не был евреем, им «разбавили»).

Один из чехословацких аэродромов выделили для отправки оружия и снаряжения израильтянам. Через Чехословакию Израиль получил артиллерию и минометы, немецкие истребители «мессершмит». В основном это было немецкое трофейное оружие, что снимало вопрос о том, кто поставляет палестинским евреям оружие.

Американский военный атташе в Ливане майор Стивен Мид сообщил в Вашингтон о том, что какие-то самолеты по ночам садятся на небольшом аэродроме в долине Бекаа. Американский атташе выяснил, что самолеты доставляют оружие еврейским боевым формированиям в Палестине.

Американский военный атташе в Праге информировал свое начальство, что в чехословацкой армии — с очевидного согласия советского правительства — ведется вербовка добровольцев для еврейского государства.

Директор ЦРУ адмирал Хилленкойтер доложил президенту Трумэну, что оружие на Ближний Восток нелегально доставляется из Чехословакии — причем американскими самолетами.

Государственный секретарь Маршалл сообщил аме-

риканскому послу в Праге, что намерен выразить официальный протест чехословацким властям. Посол скептически ответил своему начальнику, что протест ни к чему не приведет. Прага остро нуждается в валюте, а продажа оружия приносит чехам хорошие деньги.

Летали по маршруту Чехословакия—Палестина бывшие военные летчики, ветераны Второй мировой. Большинство были американцами. Потом они объясняли, что же заставляло их рисковать жизнью: *«Мы должны были пролететь две с половиной тысячи километров, а горючего в баках помещалось на две тысячи. Подвешивали дополнительный бак, от этого груженная под завязку машина становилась очень тяжелой. Ты летел, твердо зная одно — сесть можно только там, куда летишь. Если сядешь в Греции, отберут самолет и груз. Сядешь в любой арабской стране — просто убьют. Но когда ты приземляешься в Израиле, тебя ждут плохо одетые и небритые люди, которые немедленно начинают разгружать твой самолет. У них нет оружия, но оно им нужно, чтобы выжить. Ночью в гостинице ты вспоминаешь, кого напоминают эти люди, которые так плохо выглядят, — евреев, которых отправляли в концлагеря. Но эти не позволят себя убить. Им надо помочь. Поэтому утром ты готов лететь вновь, хотя понимаешь, что каждый полет может оказаться последним...»*

Посольство Соединенных Штатов в Чехословакии пригрозило лишить американского гражданства тех, кто занимается нелегальной доставкой оружия в Палестину.

Они нарушили принятый в сороковом году закон, запрещавший гражданам США служить в вооруженных силах иностранных государств, если это «не санкционировано законами Соединенных Штатов». Нарушение закона каралось штрафом до двух тысяч долларов

или тюремным заключением на срок до трех лет. Седьмого августа сорок седьмого года государственный департамент выпустил циркуляр, в соответствии с которым американские граждане, поступающие на службу в вооруженные силы иностранного государства, «утрачивают гражданство США на весь период службы», их паспорт аннулируется.

Американский военный атташе в Праге предложил министерству обороны предупредить экипажи этих самолетов, что если самолеты и экипажи не вернутся немедленно на родину, то они будут сбиты истребителями-перехватчиками. Это предложение в Вашингтоне отвергли.

Директор ЦРУ доложил президенту Трумэну, что поставки оружия из Чехословакии значительно возросли: *«Чехословакия стала основной базой для операций разветвленной подпольной организации, занятой тайной переброской по воздуху военных материалов в Палестину».*

Правительство Соединенных Штатов направило официальный протест правительству Чехословакии и информировало Организацию Объединенных Наций о незаконных поставках оружия на Ближний Восток. Государственный департамент заявил, что американцы, которые участвуют в этом незаконном бизнесе, должны сдать свои американские паспорта.

Правительство Чехословакии ответило, что все американцы, о которых шла речь в ноте, давно покинули территорию страны. Но американская военная разведка быстро выяснила, что переброска оружия идет теперь с небольшого аэродрома неподалеку от Братиславы. На этом аэродроме советские и чехословацкие инструкторы учили израильтян летному делу. На обратном пути из Палестины летчики захватывали апельсины для чехословацких детей.

Израильские военные закупали по дешевке старые английские истребители «Спитфайры» и трофейные немецкие «Ме-109». В районе Брно их разбирали на части и отправляли в Израиль.

Летчики-добровольцы нелегально приезжали в Чехословакию. На аэродроме в Ческе-Будеёвице они знакомились с самолетами, которые предстояло пилотировать, и отправлялись в Израиль.

На территории Чехословакии обучали не только будущих израильских летчиков. Там же, в Ческе-Будеёвице, готовили танкистов и десантников. Полторы тысячи пехотинцев армии обороны Израиля учили в Оломоуце, еще две тысячи — в Микулове. Из них сформировали часть, которая первоначально называлась «Бригадой имени Готвальда», бригаду перебросили в Палестину через Италию. Медицинский персонал учили в Вельке-Штребне. Радистов и телеграфистов — в Либереце. Электромехаников — в Пардубице. Советские инструкторы читали молодым израильтянам лекции на политические темы.

Закупками военного имущества в Чехословакии занимался, в частности, недавний сержант и командир пулеметного отделения в британской армии Исраэль Таль, будущий генерал и командующий бронетанковыми войсками армии обороны Израиля.

Летному делу учился в Чехословакии и будущий командующий военно-воздушными силами генерал Мордехай Ход. Его дед когда-то уехал из России в Палестину. Во время шестидневной войны его летчики уничтожили египетскую авиацию прямо на аэродромах.

«Кто знает, — вспоминала Голда Меир, — *устояли бы мы, если бы не оружие и боеприпасы, которые мы смогли закупить в Чехословакии и транспортировать через Югославию и другие балканские страны в те черные*

дни начала войны, пока положение не переменилось в июне сорок восьмого года?

В первые шесть недель войны мы очень полагались на снаряды, пулеметы и пули, которые Хагане удалось закупить в Восточной Европе — тогда как даже Америка объявила эмбарго на отправку оружия на Ближний Восток...

Несмотря на то что Советский Союз впоследствии так яростно обратился против нас, советское признание Израиля имело для нас огромное значение. Это означало, что впервые после Второй мировой войны две величайшие державы пришли к согласию в вопросе о поддержке еврейского государства, и мы, хоть и находились в смертельной опасности, по крайней мере знали, что мы не одни.

Из этого сознания — да и из суровой необходимости — мы почерпнули ту если не материальную, то нравственную силу, которая и привела нас к победе».

Оружие из Чехословакии подоспело вовремя. Двадцать девятого марта сорок восьмого года палестинские евреи распаковали и собрали первые четыре трофейных истребителя «мессершмит» Bf-109.

В этот день египетская военная колонна, включавшая танки, была всего в нескольких десятках километров от Тель-Авива. Заговорили об эвакуации города. Если бы Тель-Авив был потерян, дело было бы проиграно. Войск, способных прикрыть город, в распоряжении Бен-Гуриона не было. Он отправил все, что у него было, — эти четыре самолета. Из боя вернулся один. Но увидев, что у евреев появилась авиация, египтяне остановились. Они не решились взять город, оставшийся беззащитным.

Чехословакия обеспечила палестинских евреев оружием и боеприпасами. А боевой дух еврейских солдат

был очень высок. Они знали, что могут или победить, или умереть. Отступать или бежать им было некуда.

Получив оружие, еврейские боевые формирования дали отпор арабам. Созданная усилиями великого муфтия Арабская армия освобождения терпела поражение, отряды еврейской самообороны заняли стратегически важные города Хайфа и Яффа.

Западные державы подготовили в Совете Безопасности ООН проект заявления «о проникновении вооружений морским и сухопутным путем в Палестину». Заявление было направлено против евреев и еврейской иммиграции.

Советский представитель Громыко, не имея возможности связаться с Москвой, немедленно выразил протест. Согласие запросил постфактум. Молотов телеграммой сообщил, что политбюро одобряет его линию.

Но в Москве следили за тем, чтобы приличия соблюдались.

Уже после создания Израиля, двадцать второго мая сорок восьмого года, министр иностранных дел Шерток телеграфировал специальному представителю Израиля в Соединенных Штатах Эльяху Эпштейну: запросите государственный департамент, могут ли они срочно отправить в Израиль истребительно-бомбардировочную авиацию, зенитную и противотанковую артиллерию?

Ответ американцев, разумеется, был отрицательным.

Шерток инструктировал своего представителя:

«Также обратитесь незамедлительно в советское посольство с просьбой срочно связаться с Москвой по вопросу о такой же помощи».

В Москве Ближневосточным отделом МИД руководил Иван Николаевич Бакулин. Он был дипломатом молотовского призыва. Его взяли в наркомат иност-

ранных дел в тридцать девятом году, во время войны он был начальником отдела кадров НКИД, потом уехал послом в Афганистан.

Пятого июня Бакулин, выполняя линию партии, доложил своему куратору — заместителю министра Валериану Зорину:

«В связи с сообщением т. Громыко о просьбах представителей государства Израиль оказать помощь правительству Израиля полагал бы возможным:

1. Дать понять чехам и югославам, в доверительном порядке через наших послов в Праге и Белграде, о желательности оказания содействия представителям государства Израиль в закупке последними и отправке в Палестину артиллерии и самолетов, учитывая, что, несмотря на решение Совета Безопасности о запрещении ввоза вооружения в арабские страны, последние имеют полную возможность получить оружие в необходимом количестве с английских складов и баз в Трансиордании, Ираке и Египте.

2. Воздержаться от выдачи разрешений на поездку в СССР представителям правительства Израиля из Чехословакии с целью ведения переговоров о закупке в СССР самолетов, поскольку такие переговоры могла бы вести миссия Израиля, на организацию которой советским правительством дано согласие».

Зорин поправил недипломатичного подчиненного: «Мы не можем так неосторожно действовать. Ведь мы голосовали за прекращение огня в Палестине. Нам следует воздержаться от шагов, которые могут быть использованы против нас».

Поставки оружия продолжались, но тайно, через третьи руки, чтобы Советский Союз нельзя было обвинить в нарушении решений Организации Объединенных Наций.

ЕГИПЕТСКАЯ АРМИЯ АТАКУЕТ ИЗРАИЛЬ

Американские дипломаты в Иерусалиме, где находилось консульство, видело, что скоро разразится война. Американцы закупили электрогенераторы, вдоволь запаслись бензином и питьевой водой.

В марте арабские террористы захватили машину одного из американских дипломатов. Но находившийся вместе с дипломатом араб-переводчик уговорил похитителей отпустить их. Террористом оказался и араб — водитель машины генконсула. Он начинил автомобиль взрывчаткой и с развевающимся американским флажком въехал во двор штаб-квартиры Еврейского агентства. Водитель убежал, а машина взорвалась, несколько человек погибли.

Через несколько дней неизвестные похитили главного шифровальщика американского консульства Джорджа Паро. Сутки его допрашивали, требуя рассказать все, что ему известно о подготовке взрыва. Потом его отвезли в полицейский участок.

Эта история не улучшила отношения палестинских евреев к американской дипломатии.

Президенту Трумэну надоел саботаж его ближневосточной политики. Он сместил чиновника, занимавшегося в государственном департаменте палестинскими делами, и назначил на его место человека, симпатизировавшего сионистам.

Двенадцатого мая, когда оставалось всего два дня до окончания британского мандата в Палестине, Трумэн провел последнее совещание в Белом доме.

Его советник Кларк Клиффорд озвучил намерение президента признать еврейское государство, как только оно будет провозглашено. Пока Клиффорд говорил, лицо государственного секретаря Маршалла багровело.

Глядя на президента, Маршалл сказал:

— Если вы это сделаете, то на выборах в ноябре я проголосую против вас.

Такого Трумэн еще не слышал в Белом доме. Он мог сколько угодно менять чиновников в государственном департаменте, но поссориться накануне выборов с одним из самых популярных в стране людей было бы катастрофой.

Трумэн сказал, что еще подумает, и попросил всех оставить его одного. На самом деле президент принял решение — как бы ни была опасна оппозиция Маршалла, он не позволит накануне выборов соперникам-республиканцам выставить его негодяем, который мешает палестинским евреям создавать свое государство.

Государственный секретарь Маршалл сделал все, что он мог. На следующий день, тринадцатого мая, он представил президенту обширный доклад о положении в Палестине со своим выводом: *«Еврейское государство не сможет продержаться сколько-нибудь долго в окружении враждебного арабского мира»*.

Маршалл грозно предупредил будущего министра иностранных дел Израиля Шертока, что, если на еврейское государство нападут арабские армии, на помощь Соединенных Штатов рассчитывать не следует. Он советовал палестинским евреям не спешить с провозглашением своего государства, чтобы не подвергать себя риску быть уничтоженными.

Вернувшись в Тель-Авив, Шерток передал Бен-Гуриону слова американского госсекретаря и неуверенно заметил, что, может быть, в такой ситуации с провозглашением еврейского государства следует повременить.

Но Бен-Гурион считал, что евреи ждали этого момента две тысячи лет — никто не может обвинить их в недостатке терпения. Но сейчас терять время глупо.

В пятницу, четырнадцатого мая сорок восьмого года, в четыре часа дня в здании музея на бульваре Ротшильда в Тель-Авиве было провозглашено Государство Израиль.

Бен-Гурион зачитал декларацию независимости, в которой говорилось:

«Насильственно изгнанный со своей родины, еврейский народ остался верен ей... Преисполненные сознания этой исторической связи, евреи из поколения в поколение предпринимали попытки вновь обосноваться на своей древней родине. Последние десятилетия ознаменовались массовым возвращением на родную землю. Эти люди стали ее защитниками, их трудом расцвела пустыня, они возродили древний язык, построили города и поселки, создали динамичное развивающееся общество... На этом основании мы, представители еврейского населения, в день истечения британского мандата в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Генеральной Ассамблеи ООН провозглашаем создание еврейского государства — Государства Израиль...»

Бен-Гурион сразу же обратился к палестинским арабам и арабским государствам:

— Призываем сынов арабского народа, проживающих в Государстве Израиль, блюсти мир и участвовать в строительстве государства на основе полного гражданского равноправия... Протягивая руку мира всем соседним государствам и их народам, призываем их к сотрудничеству с еврейским народом...

Члены Национального совета подписали декларацию независимости и спели национальный гимн — Ха-Тикву:

Пока не угаснет в сердце огонь
Нашей еврейской мятежной души,
Будем к Востоку идти мы вперед,
Взор устремив на Сион.

Не забыть надежды нам своей,
Что две тысячи лет в себе несем.
Будем мы снова народом свободным
На родине нашей,
В стране Сиона, Иерусалима.

Вся процедура заняла пятнадцать минут.

Оглядываясь назад, нельзя не сказать, что история Ближнего Востока пошла бы иначе, если бы соседние арабские страны не решили сразу же задушить еврейское государство. Сколько войн и каких жертв можно было бы избежать, если бы арабские властители проявили меньше себялюбия, спокойно встретили появление ничем им не угрожавшего Израиля и позволили палестинским арабам создать свое государство.

Но в двадцатом веке арабские властители на все предложения отвечали «нет» — и действовали себе во вред.

Если бы в девятнадцатом году они не возражали против декларации лорда Бальфура, то небольшое еврейское население Палестины получило бы всего лишь крохотную автономию. Евреи вынуждены были бы удовольствоваться положением национального меньшинства в арабском государстве, как христиане-марониты в Ливане.

Если бы перед Второй мировой войной арабы согласились с британским предложением создать в Палестине крохотное еврейское государство и крупное арабское, Израиль, получивший бы считаные квадратные километры, был бы вообще незаметен.

В сорок седьмом году палестинским евреям пришлось выбирать между реальной возможностью создать государство на очень небольшой территории и продолжением безнадежной борьбы за всю Палестину. Размышления были недолгими, и Израиль появился на

политической карте. Разумные люди, не склонные к фанатизму, не могли сделать иного выбора.

Палестинские арабы, выбирая между возможностью создать свое государство на той территории, которую определила им ООН, и борьбой за завоевание всей Палестины, выбрали второе.

То, чего добиваются палестинцы столько лет, ради чего они погубили множество жизней — своих и чужих, — палестинское государство могло появиться в мае сорок восьмого года. И не евреи помешали им; только что появившийся на свет Израиль не претендовал ни на один лишний квадратный метр земли сверх того, что было обозначено решением ООН. Но арабские страны просто не позволили палестинским арабам создать свое государство. Это даже не обсуждалось, ничего не было сделано для провозглашения арабского государства. Так началась трагедия Ближнего Востока.

Через несколько часов после появления Израиля министр иностранных дел Египта уведомил председателя Совета Безопасности ООН, что египетская армия пересекла границы Палестины, чтобы навести там порядок. В субботу утром арабские самолеты бомбили в Тель-Авиве электростанцию и аэропорт. Погибли сорок четыре мирных жителя.

Арабские армии, ожидавшие легкой победы, наткнулись на ожесточенное сопротивление. Египетские войска были окружены на южном фронте в районе Фалуджи. Полтора месяца египтяне не могли вырваться из окружения. Египетские офицеры сразу же занялись поиском виновных и пришли к выводу, что их предали: послали в бой с негодным оружием, не снабдили достаточным количеством боеприпасов.

В составе египетской армии сражался будущий президент страны Гамаль Абд-аль Насер.

«Я вспоминаю дни, которые провел в окопах, — писал потом Насер. — *Я часто думал: Вот мы сидим в этой земляной норе, окруженные врагами. Как обманули нас, втянув в войну, к которой мы не были готовы! Как играют нашей судьбой честолюбцы, стяжатели и интриганы! Это из-за них мы лежим здесь, безоружные, под огнем.*

Мы воевали в Палестине, но душой были в Египте. То, что происходит сейчас в Палестине, всего лишь миниатюрная копия того, что происходит в Египте. Наша родина испытывает такие же трудности и так же опустошена врагами. Ее так же обманули и вынудили сражаться без всякой подготовки».

Кто же эти загадочные враги, которые послали египетскую армию в Палестину, так и осталось загадкой...

Пока еврейские боевые отряды отражали наступление египетской армии, Шерток, назначенный министром иностранных дел Израиля, от имени временного правительства пятнадцатого мая отправил телеграмму советскому министру иностранных дел Молотову:

«Имею честь проинформировать Вас и просить Вас сообщить Вашему правительству о том, что Национальный совет еврейского государства, состоящий из членов выбранных представителей еврейских организаций Палестины, вчера, 14 мая, провел заседание после окончания британского мандата и на основании резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1947 года провозгласил образование независимого еврейского государства в Палестине, которое будет называться Государство Израиль...

Национальный совет призвал арабских жителей Государства Израиль возвратиться на путь мира и сыграть свою роль в его развитии с помощью полного и равного гражданства и должного представительства в его орга-

нах управления, временных и постоянных. Совет также предложил мир всем соседним государствам и их народам...

От имени Временного правительства Израиля я настоящим прошу официального признания Государства Израиль и его Временного правительства со стороны правительства Союза Советских Социалистических Республик...

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить чувства глубокой благодарности и понимания еврейского народа Палестины, которые разделяются евреями во всем мире, за твердую позицию, занятую делегацией СССР в ООН в поддержку образования независимого суверенного еврейского государства в Палестине; за последовательное продвижение ею этой идеи, несмотря на все трудности; за ее выражение подлинной симпатии в связи со страданиями еврейского народа в Европе от рук нацистских мучителей и за поддержку принципа, заключавшегося в том, что евреи Палестины являются нацией, заслуживающей суверенитет и независимость».

Решение признать еврейское государство было принято Сталиным. Восемнадцатого мая Молотов ответил Шертоку телеграммой:

«Настоящим сообщаю, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик приняло решение об официальном признании Государства Израиль и его Временного правительства...»

Первыми Израиль, как и решил президент Трумэн, признали Соединенные Штаты. Это произошло буквально через десять минут после провозглашения еврейского государства. В Вашингтоне уже была полночь. Но американцы признали Израиль «де-факто», это предполагало более низкий уровень дипломатических отношений. «Де-юре» Соединенные Штаты при-

знали Израиль только тридцать первого января сорок девятого года. Американцы ждали выборов, потому что ЦРУ предсказывало победу левым и приход к власти просоветского правительства.

Быстрое признание еврейского государства дорого обошлось американским дипломатам. Через несколько дней неизвестные застрелили охранника консульства и радиста военно-морского атташата. Двадцатого мая снайпер стрелял в консула и вице-консула, но не попал. Буквально через десять минут снайпер застрелил генерального консула Томаса Вассона на аллее позади здания консульства.

Вассон возвращался с заседания комиссии ООН по перемирию. На нем был бронежилет, но пуля попала в плечо и рикошетом от бронежилета вошла в грудь. Его отвезли в больницу, где он умер на следующий день.

Отношение американской бюрократии к палестинским евреям не улучшилось.

«Появление в Палестине выходцев из Европы, — писал исполняющий обязанности госсекретаря Роберт Ловетт министру оборону Форрестолу, — *предоставляет Советскому Союзу уникальную возможность для проникновения в этот стратегически важный район. Наши военные атташе в Израиле должны быть специально проинструктированы относительно наблюдения за советскими действиями; они также должны во всех тонкостях знать советскую тактику».*

К американским военным в Израиле отнеслись сдержанно. Военно-воздушного атташе полковника Арчибальда, располагавшего собственным самолетом, предупредили, что в случае отклонения от установленного курса по самолету будет открыть огонь. Израильтяне не шутили: в марте сорок девятого самолет Арчи-

бальда обстреляли. Ему пришлось снизиться и совершить посадку.

Американские военные атташе, разведчики по специальности, жаловались в свое министерство:

«Соединенные Штаты получили данные об организации вооруженных сил практически всех стран, кроме Израиля, Советского Союза и нескольких его сателлитов.

Израиль отказал нам даже в такой мелкой услуге, как просьба предоставить информацию о знаках различия, эмблемах формирований его армии или дать общие сведения о расположении основных войсковых частей».

От американских дипломатов и разведчиков требовали информации о советском военном проникновении в Палестину. Сразу после провозглашения Израиля государственный депарамент получил сведения о том, что на подмогу евреям прибыли восемь тысяч бывших солдат и офицеров Советской армии.

Американский генеральный консул в Иерусалиме Томас Вассон, которому поручили проверить цифру, телеграфировал в Вашингтон: «Это слухи, болтовня, чистейший вздор».

Советский Союз первым признал еврейское государство в полном объеме, «де-юре», поэтому советского посла встретили в Израиле с особым почетом.

Американское посольство отправило в Вашингтон подробный отчет о прибытии советских дипломатов, с разочарованием отметив, что, несмотря на поздний час, приветствовать советского посла собралась большая толпа. Единственное, что утешило американцев, — недовольство усталых официанток в гостинице, где советские дипломаты в три часа ночи потребовали полный обед из пяти блюд.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДРУЖБА МЕЖДУ СССР И ИЗРАИЛЕМ!»

Шестнадцатого мая молодой московский поэт-фронтовик Давид Самойлов записал в дневнике:

«Возникло государство Израиль. В этом есть свое величие, которому вряд ли сочувствует все остальное человечество. Говорит ли во мне голос крови? Где-то лепечет одними губами...

Если это государство уцелеет, может быть, нас станут немного больше уважать, но и считать иностранцами везде, где мы проросли уже тысячелетними корнями».

Двадцатого мая появилась новая запись в дневнике:

«Израиль сражается превосходно. Но что поделает горстка людей с равнодушием мира!

Никто не понимает, насколько скучнее станет на нашей планете без этого кипучего и упрямого племени».

Тридцатого мая Еврейский антифашистский комитет отправил первому президенту Израиля Вейцману приветствие (над текстом долго работали, его предварительно читали и одобрили в ЦК), в котором, в частности, говорилось:

«Впервые на протяжении всей его богатой и полной страданий истории у еврейского народа появился настоящий защитник его прав и интересов — Советский Союз, друг и защитник всех народов».

Множество советских евреев ощутили солидарность с Израилем и были готовы помочь молодому государству. Офицеры-евреи и ветераны войны, недавно снявшие погоны, изъявляли готовность отправиться в Палестину, чтобы помочь Израилю.

Дважды Герой Советского Союза танкист Давид Абрамович Драгунский предлагал сформировать дивизию и перебросить ее в Палестину. Молодой герой войны не предполагал тогда, что со временем преста-

релого генерал-полковника Драгунского попросят возглавить Антисионистский комитет советской общественности с задачей «разоблачать агрессивную политику Израиля и преступления международного сионизма»...

Евреи-фронтовики чувствовали себя уверенно. По числу награжденных боевыми наградами среди народов Советского Союза евреи находились на третьем месте — после русских и украинцев. Причем советские евреи искренне считали, что советское руководство поддерживает Израиль, следовательно они действуют в русле советской официальной политики.

Еще до провозглашения Израиля, в середине апреля сорок восьмого года, адвокат из Выборга Э. Г. Лемберг, в войну гвардии инженер-капитан Красной армии, награжденный орденами, отправил заместителю министра иностранных дел Вышинскому письмо, озаглавленное так: «О необходимости направления значительного кадра евреев СССР в Палестину».

Этот документ сохранился в архиве министерства.

Бывший офицер-орденоносец предлагал в течение года перебросить в Палестину пятьдесят тысяч советских евреев, которые должны «быть готовы к защите Советского Союза на палестинском участке фронта».

Вышинский переправил доклад советнику МИД Борису Ефимовичу Штейну, доктору исторических наук, бывшему полпреду в Италии. Тот через три дня передал в секретариат Вышинского отрицательное заключение.

Опытный Штейн написал, что незначительный удельный вес еврейской Палестины на Ближнем Востоке не помешает Англии и Соединенным Штатам превратить ближневосточные страны в антисоветский плацдарм. Кроме того, полагал Штейн, в силу классо-

вой природы сионисты будут поддерживать не Советский Союз, а Соединенные Штаты.

Не думавшие о классовой борьбе советские евреи были воодушевлены созданием Израиля и искренне хотели ему помочь. Они откровенно говорили и писали об этом.

Неладное заподозрили только очень опытные функционеры. Восемнадцатого мая сорок восьмого года заместитель ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета Григорий Маркович Хейфец поспешил доложить в ЦК ВКП(б):

«В связи с событиями в Палестине в Еврейский антифашистский комитет обращаются по телефону и лично, поступают заявления об отправке в Палестину в качестве добровольцев «для участия в борьбе с агрессором и фашистами»...

Имеются заявления от служащих министерства вооружений и от офицеров Советской Армии. Заявители мотивируют свои просьбы желанием помочь еврейскому народу в борьбе с английским агрессором... В ЕАК поступили также заявления об организации сбора средств на покупку вооружения...»

Заместитель ответственного секретаря пребывал в растерянности и просил указаний Центрального комитета.

Хейфец служил в органах госбезопасности с двадцать второго года. Всю войну он проработал в резидентуре внешней разведки в Сан-Франциско. В сорок седьмом его вернули в Москву и назначили заместителем ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета с поручением докладывать обо всем в министерство госбезопасности.

Функционеры ЕАК сразу поняли, что от них ждут подтверждения «советского патриотизма» и противодействия идеям эмиграции в Палестину: Израиль пред-

назначен для евреев из других стран, для евреев, лишенных социалистической родины.

Хейфец составлял списки евреев, которые приходили в антифашистский комитет и просили отправить их добровольцами в Палестину — воевать на стороне Израиля против арабских реакционеров. Списки он передавал в министерство госбезопасности для «принятия мер».

Самого Хейфеца эта бдительность не уберегла от ареста в пятьдесят первом году. Но бывшему чекисту хотя бы сохранили жизнь. Его не расстреляли вместе с другими активистами Еврейского антифашистского комитета, а приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы...

Двадцать четвертого мая сорок восьмого года в Москве устроили вечер памяти Соломона Михоэлса.

Обстоятельства трагической смерти художественного руководителя Государственного еврейского театра и председателя Еврейского антифашистского комитета не были тогда известны. Только потом выяснится, что его убили чекисты по секретному распоряжению Сталина. Инсценировали наезд — дескать, Михоэлс и его спутник, находившиеся в Минске, попали под грузовик. Но инсценировка была грубой, в нее не поверили. Пошли слухи, что Михоэлса убили. Но указаний сверху не было, поэтому похоронили его с почетом.

Выступал известный писатель Илья Григорьевич Эренбург:

— На сегодняшнем вечере, посвященном памяти большого актера и большого человека Соломона Михайловича Михоэлса, я хочу еще раз напомнить — бессмертная жажда: это сухие губы народа, который издавна мечтал о справедливости, который, запертый в душных гетто, добивался правды, за других пел и для других бунтовал.

Сейчас, когда мы вспоминаем большого советского трагика Соломона Михоэлса, где-то далеко рвутся бомбы и снаряды: то евреи молодого государства защищают свои города и села от английских наемников. Справедливость еще раз столкнулась с жадностью. Кровь людей льется из-за нефти. Я никогда не разделял идеи сионизма, но сейчас речь идет не о идеях, а о живых людях.

Я убежден, что в старом квартале Иерусалима, в катакомбах, где сейчас идут бои, образ большого советского гражданина, большого художника, большого человека, вдохновляет людей на подвиги...

Советская печать клеймила арабских реакционеров, которые пытаются задушить еврейское государство.

Когда Эренбург произносил свою речь, министр Шерток запросил коллегу Молотова: согласен ли он на то, чтобы Израиль *«незамедлительно учредил свою миссию в Москве в составе посланника или поверенного в делах и генерального консула, и на то, чтобы одновременно была учреждена в Тель-Авиве советская миссия такого же ранга»*.

На следующий день, после того как текст ответа утвердил Сталин, Молотов телеграфировал в Тель-Авив согласие.

Первым послом в Израиле назначили Павла Ивановича Ершова. У него был опыт работы на Востоке. С сорок четвертого года он служил советником в советском посольстве в Турции.

А в ООН советские дипломаты продолжали сражаться против арабских стран и Англии, которые пытались урезать «суверенные права Израиля», и всячески защищали еврейское государство.

На заседании Совета Безопасности советский представитель потребовал немедленно вывести с террито-

рии Палестины иностранные вооруженные формирования, то есть арабские армии, пытавшиеся уничтожить в зародыше еврейское государство.

Организация Объединенных Наций отправила в Палестину три сотни военных наблюдателей, которые фиксировали постоянные нарушения перемирия в Иерусалиме со стороны арабов.

Единственным союзником, оказывавшим Израилю практическую помощь, был Советский Союз. К нему и обращались израильские руководители в критической ситуации.

Девятого июня сорок восьмого года министр Шерток телеграфировал своему представителю в Соединенных Штатах Эпштейну:

«Пожалуйста, обратитесь к представителям СССР по Вашему усмотрению в Нью-Йорке или Вашингтоне с запросом о возможности визита специальной миссии в Москву для обсуждения вопроса о закупках оружия и продовольствия. Ее предварительный состав — Намир, Бен-Арон, Перлсон.

Специальная миссия ожидает решения о вылете. В случае согласия вышеназванные лица обратятся за визами по прибытии в Прагу или Варшаву.

Дело чрезвычайно срочное. Телеграфируйте об исполнении, информируйте Голду Мейерсон».

Шестнадцатого июня Шерток отправил Эпштейну отчаянную телеграмму:

«Ввиду критической ситуации с горючим направляем специального эмиссара в Румынию для переговоров о покупке бензина. Танкер должен прибыть во время перемирия. В этой связи попросите советской поддержки нашего обращения к румынскому правительству».

Двадцать третьего июня министр иностранных дел Шерток телеграммой попросил Эпштейна встретиться

с Громыко и обсудить, *«как продать самолеты, другое тяжелое вооружение с последующей его доставкой после окончания перемирия (если это произойдет). Укажите, что условия перемирия не запрещают приобретения оружия за границей»*.

Тем временем Громыко завершал свою работу в Соединенных Штатах и готовился к возвращению домой.

Он проработал за океаном девять лет. Теперь Молотов хотел иметь его рядом, в Москве, и назначил еще одним первым заместителем министра. Молотов покровительствовал Громыко, а Вышинский столь же откровенно не любил быстро растущего соперника, который к тому же был на четверть века моложе.

Андрей Андреевич слишком долго отсутствовал в Москве, не нажил опыта сложных чиновничьих интриг, доносов и подсиживаний. Его тезка Вышинский чувствовал себя в этом мире как рыба в воде.

Громыко в роли постоянного представителя при ООН сменил Яков Александрович Малик.

Малика тоже произвели в заместители министра иностранных дел. Малику было всего сорок лет, не много для дипломата столь высокого ранга. Всю войну он провел в Японии. Единственный из послов союзных держав он видел, как сгорел Токио в результате американских бомбардировок весны сорок пятого. Пережил атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки.

Двадцать третьего июля сорок восьмого года представитель Израиля при ООН Абба Эбан телеграфировал министру иностранных дел Шертоку:

«Сегодня состоялась первая продолжительная, очень сердечная беседа с Маликом. Он оценил наши военные успехи, рассуждал о воздействии неудач на арабские режимы. Одобрил нашу заявку на то, чтобы стать членом ООН, однако советует тщательно подготовиться, счи-

тает, что все зависит от степени американской поддержки. Надеется на скорое учреждение миссии Голды Мейерсон».

Поражение арабских армий расценили в Москве как поражение Англии и были этому несказанно рады; считали, что позиции Англии подорваны на всем Ближнем Востоке.

Эбан родился в Южной Африке, а учился в Лондоне. Щедро одаренный лингвистическими способностями, он выучил не только классические языки — древнегреческий и латынь, но и многие ближневосточные — арабский, фарси, иврит и арамейский. В двадцать три года ему поручили преподавать восточные языки в Кембридже.

Во время Второй мировой войны он вступил в британскую армию. Служил в Каире, где встретил будущую жену. А ее сестра вышла замуж за будущего начальника генерального штаба армии обороны Израиля Хаима Герцога.

В сорок втором году командование отправило майора Эбана в Иерусалим отбирать евреев-добровольцев для отрядов специального назначения. В сорок седьмом началась его дипломатическая деятельность, его включили в состав делегации Еврейского агентства на сессию Генеральной Ассамблеи. В мае сорок восьмого он произнес свою первую речь в ООН — против Соединенных Штатов. Он отверг аргументы американской делегации, возражавшей против раздела Палестины.

Он слыл в ООН умелым оратором не только благодаря прекрасному знанию английского языка. Он умел быть убедительным. После обсуждения в Совете Безопасности акции возмездия против террористов, закончившегося осуждением Израиля, Эбан прилетел в Иерусалим. Он был возмущен акцией израильских военных и,

Для Ллойд-Джорджа, глубоко религиозного человека, возвращение евреев в Палестину было исполнением воли бога, поскольку премьер-министр весьма почитал Библию.

Британский премьер-министр пережил страшную трагедию — погибла его любимая дочь. Это еще больше настроило Ллойд-Джорджа на религиозный лад.

Лорд Артур Джеймс Бальфур, набожный человек, был захвачен идеей возвращения евреев на родину, говорил, что христианский мир в неоплатном долгу перед еврейским народом, изгнанным из Палестины.

Будущий посол в Англии Иван Михайлович Майский (Ляховецкий) в юном возрасте присоединился к социал-демократам, был арестован, уехал за границу и оказался в Лондоне.

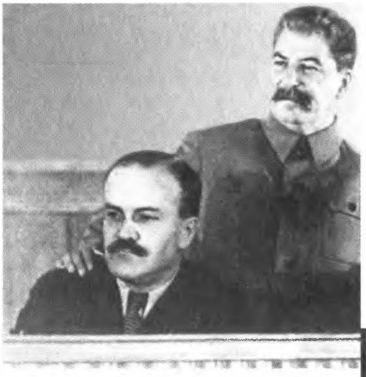
Иван Майский был советским послом в Англии больше десяти лет. В те годы это был важнейший дипломатический пост. Поэтому именно к Майскому пришел глава Всемирной сионистской организации Хаим Вейцман, он же известный химик.

Советским дипломатам Хаим Вейцман с удовольствием рассказывал, как во время Генуэзской конференции весной двадцать второго года его приняли за Ленина.

Первым послом Израиля в Советском Союзе стала Голда Меир. Она родилась до революции в Киеве, ее дед тридцать лет прослужил в царской армии, отец был столяром. Она была сильным политиком, но не очень умелым дипломатом.

После работы в Москве Голда Меир стала министром, а затем и главой израильского правительства. Она обладала редким даром видеть мир в черно-белом свете, без всяких полутонов, которые только мешают принимать быстрые и решительные меры.

Для всего мира министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов был вторым после Сталина человеком, его очевидным наследником.



Когда-то Сталин и Молотов дружили. Но со временем отношение Сталина к Молотову резко изменилось. Вячеславу Михайловичу отныне отводилась роль не соратника, а, как и всем, подручного вождя.

Сталин методично сокрушал авторитет Молотова, считавшегося вторым человеком в стране. Объектом дискредитации вождь избрал жену Молотова – Полину Семеновну Жемчужину (Карповскую), которая сама некоторое время была министром.

На конференции в Сан-Франциско в июне сорок пятого от имени Советского Союза Андрей Андреевич Громыко подписал Устав ООН. Этот символический акт навеки закрепил за ним место в истории дипломатии.

Постоянный представитель в ООН Андрей Громыко двадцать шестого ноября сорок седьмого года произнес на Генеральной Ассамблее ООН свою знаменитую речь в защиту права евреев на свое государство.

Эмир Фейсал, будущий король Ирака, не возражал против того, что Палестина станет еврейской: “Мы сердечно говорим евреям — добро пожаловать домой”.

Глава секты ваххабитов Ибн-Сауд Абд аль-Азизи стал королем Саудовской Аравии. Со временем ваххабиты появятся и в России.

В феврале сорок пятого Ибн-Сауд на встрече с президентом Соединенных Штатов Франклином Делано Рузвельтом внушал американцам, что евреев нельзя пускать в Палестину.

После смерти Ибн-Сауда королем Саудовской Аравии стал принц Сауд (*справа*), который препочитал наслаждаться жизнью больше, чем заниматься политикой.

Сэр Джон Филби, отец знаменитого советского разведчика, сыграл важную, хотя и мало кому известную роль в истории Ближнего Востока.

Отец и сын Филби придерживались различных политических взглядов, но именно Джон Филби устроил Кима в британскую разведку, положив начало блистательной карьере.

В последний раз оба Филби встретились в Бейруте. Здесь же Джон Филби и скончался. Ким, которого обвиняли в работе на советскую разведку, вынужден был бежать в Москву.

Андрей Януарьевич Вышинский вошел в историю как обвинитель на печально знаменитых московских процессах. Но в министерстве иностранных дел он проработал четырнадцать лет, больше, чем в прокуратуре.

Американские дипломаты и разведчики отговаривали президента Гарри Трумэна признавать еврейское государство, пророча, что против Америки поднимутся не только арабы, но и весь мусульманский мир.

Трумэн согласился принять главу Всемирной сионистской организации Хаима Вейцмана, но тайно, без огласки.

Министр обороны Соединенных Штатов Джеймс Форрестол доказывал президенту Трумэну, что вожди сионистов — это просто коммунисты.

Форрестол, страдавший психическим расстройством, не пережил отставки и уверял, что из министерства его выжили евреи и коммунисты. С этими словами он выпрыгнул из окна клиники, куда его поместили друзья.

14 мая 1948 года, стоя под портретом Герцля, Давид Бен-Гурион провозгласил создание Израиля.
Затем все члены Национального совета подписали декларацию независимости.

Трумэн принял окончательное решение поддержать Израиль вслед за Советским Союзом. Раз уж Сталин твердо решил дать евреям свое государство, глупо было бы Соединенным Штатам сопротивляться!..

В 1947 году арабские армии были уверены, что легко сбросят палестинских евреев в море.

Первая война началась сразу после провозглашения Израиля и закончилась полным поражением арабских армий.

Президент Трумэн высоко ценил первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, но продавать ему оружие отказался.

Проблема палестинских беженцев — одна из самых сложных в ближневосточном урегулировании. Но поначалу советских дипломатов беженцы совершенно не интересовали: не пожелавшие оставаться в Израиле арабы пусть обосновываются в соседних арабских странах...

Когда Гамаль Абд-аль Насер стал главой Египта, казалось, мир с Израилем возможен. Но мир подписал только преемник Насера Анвар аль-Садат.

Моше Шаретт стал первым министром иностранных дел Израиля. Он родился в России. В Палестину его привезли в возрасте тринадцати лет. Шаретт свободно говорил по-арабски, знал арабскую культуру, понимал арабов.

После ухода Бен-Гуриона (*справа*) в отставку Моше Шаретт стал премьер-министром.

Дмитрий Трофимович Шепилов, назначенный Хрущевым министром иностранных дел, положил начало сближению Советского Союза с Арабским Востоком.

Британский премьер-министр Энтони Иден (*слева*), который когда-то приезжал в Москву и хорошо знал своих советских партнеров, начал войну на Ближнем Востоке в 1956 году.

Израильтяне захватили у египтян так много трофейных Т-55, что сформировали из них целую танковую часть, которую показали во время военного парада. Советское оружие отличное, говорили израильские генералы, но попало не в те руки...

В Белом доме Трумэна сменил бывший генерал Дуайт Эйзенхауэр, который во время синайской войны 1956 года выступил против Израиля вместе с Хрущевым.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес видел в коммунизме угрозу христианской культуре Запада. Либеральный Израиль вызывал у него сомнения и подозрения.

Директор ЦРУ Аллен Даллес, как и его брат, строил ближневосточную политику на хороших отношениях с арабскими нефтедобывающими странами и рассматривал Израиль как досадную помеху.

Бен-Гурион просил Соединенные Штаты продать им оружие. По совету государственного секретаря Джона Фостера Даллеса Эйзенхауэр ответил отказом.

Только когда американским президентом стал Джон Кеннеди, Соединенные Штаты впервые начали продавать Израилю оружие.

еле сдерживая гнев, спросил Бен-Гуриона, зачем было проводить эту операцию.

— У меня тоже были сомнения на этот счет, — ответил лукавый премьер, — но когда я прочитал твою речь в Совете Безопасности, то убедился, что она была необходима.

Двенадцатого августа Эбан отправил письмо Шертоку, сообщая о новой беседе с Маликом:

«Он выразил свое глубокое восхищение военными усилиями Израиля... Подобного разгрома никто не ожидал.

Г-н Малик сообщил мне, что сейчас среди всех делегаций имеется единая точка зрения, что создание государства Израиль является необратимым фактом...

Мне стало ясно, что советская сторона считает, что она сделала правильный анализ и приняла правильное решение, после которого она рассчитывает получить дивиденды. Он предположил, что мы оценим факт получения помощи от восточноевропейских и балканских стран как результат благожелательной позиции России...

Советская сторона рассматривает свое решение о поддержке еврейского государства в качестве триумфально оправдавшего себя в контексте целей, которые она ставит перед собой на Ближнем Востоке...»

Четырнадцатого августа второй секретарь миссии СССР в Израиле, уполномоченный Всесоюзного общества культурных связей с заграницей Митрофан Петрович Федорин присутствовал на собрании Лиги дружественных связей с Израилем, устроенном по случаю приезда советской миссии.

Федорин в сорок первом окончил институт иностранных языков и работал дипкурьером советского посольства в Иране. В сорок третьем его отправили стажером в советскую миссию в Египте. В сорок восьмом командировали в Израиль.

Около двух тысяч человек собрались в здании одно-

го из самых больших кинотеатров Тель-Авива «Эстер», на улице собралось еще около тысячи человек, которые слушали трансляцию всех выступлений. Над столом президиума повесили большой портрет Сталина и лозунг «Да здравствует дружба между Государством Израиль и СССР!»

При упоминании Советского Союза и советских представителей, особенно Громыко, зал взрывался аплодисментами.

Хор рабочей молодежи исполнил еврейский гимн, затем гимн Советского Союза. «Интернационал» пел уже весь зал. Затем хор исполнил еще несколько советских песен — «Марш артиллеристов», «Песнь о Буденном».

ТОВАРИЩ СТАЛИН ПОРУЧАЕТ ЭРЕНБУРГУ...

Седьмого сентября Молотов весьма любезно принял первого посланника Израиля в Советском Союзе — Голду Мейерсон. Она родилась до революции в Киеве, ее дед тридцать лет прослужил в царской армии, ее отец был столяром. Семья нищенствовала, пятеро из восьми детей умерли маленькими.

Нерадостные воспоминания сопровождали ее всю жизнь:

«Ясно помню разговоры о погроме, который вот-вот должен обрушиться на нас. Конечно, я тогда не знала, что такое погром, но мне уже было известно, что это как-то связано с тем, что мы евреи, и с тем, что толпа подонков с ножами и палками ходит по городу и кричит: «Христа распяли!»

Ребенком ее увезли в Америку, поэтому по-русски она не говорила. Ее мужем стал Морис Мейерсон, тоже эмигрант из России. По политическим взглядам он

был социалистом и противником сионизма. Но ради жены согласился переехать в Палестину. Морис работал кассиром, а темперамент, энергия и целеустремленность Голды привели ее в политику.

Она не любила, когда ей напоминали о том, что она женщина. Один журналист спросил ее:

— Каково женщине быть премьер-министром?

Она парировала:

— Не знаю, никогда не была премьер-министром — мужчиной.

Она всегда носила одежду темных цветов — платье или жакет, подобранная со вкусом булавка, маленькие часы, пальцы в пятнах от никотина (она курила крепкие сигареты без фильтра), мужской подбородок и серьезный взгляд, иногда смягчавшийся теплой улыбкой.

Прежде чем дать согласие на ее приезд в Москву, Вышинский отправил запрос министру госбезопасности генерал-полковнику Виктору Семеновичу Абакумову: *«Не имеется ли каких-либо препятствий к допуску ее в СССР»*. Чекисты не возражали.

Все израильские руководители переиначили свои фамилии на ивритский лад, брали новые имена, состоящие из двух слогов с ударением на последнем. Это был символический акт, возвращение к библейским именам. Сионисты хотели забыть свою жизнь в изгнании. Голда Мейерсон вскоре стала Голдой Меир, министр Моше Шерток — Шареттом. Будущий премьер-министр и лауреат Нобелевской премии мира Шимон Перский превратился в Переса.

Вячеслав Михайлович расспросил посла о ситуации в Палестине. Голда Меир среди прочего сказала:

— В результате войны правительство Государства Израиль пришло к выводу, что ему, вероятно, придется

поднять вопрос о границах, чтобы иметь возможность оборонять их более успешно, чем те границы, которые предусмотрены в резолюции двадцать девятого ноября.

Иначе говоря, она заявила, что границы, определенные ООН, оказались нереальными, Израилю для обороны необходимо увеличить территорию. Эти слова не вызвали возражений у Молотова. Его помощник и переводчик Олег Трояновский (сын первого посла в Соединенных Штатах) записал уклончивые слова советского министра иностранных дел: *«Правительство Государства Израиль должно будет подумать над этим вопросом. Однако он, Молотов, думает, что начало у Государства Израиль хорошее, имеется база для создания крепкого государства»*.

Голда Меир была фантастически самоуверенной женщиной. Уверенность в том, что она права, никогда ее не покидала. И она обладала способностью внушить эту уверенность другим. Пожалуй, она была самым эффективным израильским дипломатом.

Тринадцатого сентября военный атташе при миссии Израиля полковник Иоханн Ратнер побывал в министерстве вооруженных сил и беседовал в управлении внешних сношений с генерал-майором артиллерии Ильей Михайловичем Сараевым и его заместителем.

Ратнер, родившийся в Одессе, успел послужить еще в царской армии — рядовым 3-го Самарского гренадерского полка Московской дивизии. После революции сражался в рядах Красной армии. В двадцать третьем году уехал в Палестину, преподавал архитектуру. Он был одним из создателей Хаганы, накануне войны за независимость руководил отделом планирования генштаба будущей Армии обороны Израиля.

Полковник Ратнер поставил перед представителями министерства несколько вопросов. Во-первых, в

Израиле хотели бы получить советскую литературу для военно-учебных заведений. Во-вторых, израильтяне хотели бы отправлять своих офицеров на учебу в советские учебные заведения.

Генерал Сараев ответил, что такие вопросы решает не министерство, а правительство. Так что или посланник Голда Мейерсон должна поставить их перед министерством иностранных дел, или правительство Израиля может официально обратиться в советскую миссию в Тель-Авиве.

Четырнадцатого сентября Голда Мейр нанесла первый визит своему основному партнеру — заместителю министра иностранных дел Зорину, ведавшему Ближним Востоком.

Она сразу же завела речь на тему, которая станет очень болезненной в отношениях между двумя странами.

«Мейерсон, — записывал после беседы Зорин, — *заявила, что еврейская проблема может быть решена коренным образом лишь путем широкой иммиграции евреев в государство Израиль.*

Я заметил в связи с этим, что иммиграция сама по себе не может, на мой взгляд, решить эту проблему, поскольку многие евреи не поедут в Палестину, а будут продолжать жить в других странах. Я добавил, что в СССР, в социалистическом государстве, навсегда покончено с национальным гнетом и неравноправным положением евреев...

Мейерсон воздержалась от дальнейших высказываний на эту тему».

А в Израиле семнадцатого августа советский посланник Павел Иванович Ершов вручил верительные грамоты премьер-министру Израиля Бен-Гуриону. У гостиницы, где остановился Ершов, на улицах стояли люди, которые искренне приветствовали советского посланника.

У дома премьер-министра был выстроен почетный караул в составе сорока солдат. Оркестр исполнил Государственный гимн Советского Союза и Ха-Тикву.

После вручения грамот Бен-Гурион сказал Ершову:

— Народ Израиля обязан Советскому Союзу за его моральную поддержку в ООН. Государство Израиль сейчас уже окрепло, его народ и особенно молодежь знают, что воюют за свое государство и свою идею, и, надо сказать, умеют воевать, что было доказано в боях. Армия получила значительное количество оружия из Чехословакии и Югославии, в том числе артиллерию, которой в начале войны совсем не было.

Жизнь в Израиле, где только что отгремели бои, была непростой. Это ощущали и советские дипломаты, несмотря на их привилегированное положение.

В сентябре Ершов пришел к генеральному директору МИД Израиля Уолтеру Эйтану и пожаловался, что не готово здание миссии, жилые квартиры для сотрудников. Возникли трудности с продовольствием. Продовольственные карточки дипломатам не выдали. В результате утром в гостинице советскому посланнику отказали во второй чашке кофе.

Советский Союз старался облегчить положение Израиля и требовал убрать войска арабских стран из Палестины.

Двадцать шестого августа заместитель министра иностранных дел Громыко подписал проект директив для советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН. Когда будет обсуждаться вопрос о Палестине, распорядился Громыко, то следует внести следующее предложение: *«Генеральная Ассамблея признает необходимым немедленный вывод с территории еврейского и арабского государств в Палестине, создание которых предусмотрено решением Генеральной Ассамблеи от 29 нояб-*

ря 1947 года, всех иностранных войск и иностранного военного персонала и просит Совет Безопасности принять надлежащие меры для недопущения возобновления военных действий в Палестине».

Речь шла о выводе из Палестины арабских формирований, не потерявших надежду уничтожить еврейское государство.

Семнадцатого сентября директивы были утверждены на политбюро ЦК ВКП(б). Советский Союз продолжал полностью поддерживать Израиль.

Голда Мейр, разумеется, не могла знать, что решило политбюро. В тот же день, семнадцатого сентября, она побывала у другого заместителя министра иностранных дел, Федора Гусева. Она выразила надежду, что на предстоящей сессии Генассамблеи советская делегация, как и прежде, займет благоприятную для Израиля позицию.

— Позиция Советского Союза в отношении государства Израиль, — ответил Гусев, — хорошо известна в Организации Объединенных Наций. Наша страна понимает те трудности, которые приходится переживать молодому государству Израиль, и можно полагать, что оно сумеет преодолеть эти трудности.

А в самой Палестине в тот же самый день, семнадцатого сентября, был убит посредник ООН в Палестине граф Фольке Бернадотт. Его застрелили, когда он вместе с главой группы наблюдателей ООН — французским полковником А. Серо пересекал границу нейтральной зоны в Иерусалиме. Автомобиль Бернадотта вынужден был остановиться перед устроенным на дороге завалом. Убийц не нашли. Подозревались израильские радикалы.

Исполнявший обязанности госсекретаря США Роберт Ловетт образовал рабочую группу для разбора дела

о покушении на Бернадотта. Американские дипломаты сообщили из Иерусалима, что в день убийства чешские консульства в Иерусалиме и Хайфе работали до полуночи, оформляя тридцать виз для израильских боевиков, замешанных в этом деле. На следующий день боевики вылетели в Прагу. Американский военно-воздушный атташе в Чехословакии получил из Вашингтона указание проверить списки пассажиров всех авиарейсов из Израиля. Американцы предполагали, что убийство организовано советскими и чехословацкими спецслужбами.

Через два дня после гибели Бернадотта американский военный атташе майор Николас Андронович сидел в иерусалимском спортклубе. За соседним столиком группа израильтян обсуждала недавнее покушение. И майор услышал:

— Следующий на очереди — американский консул. Скоро он свое получит.

Генеральный консул Джеймс Макдональд воспринял угрозу всерьез и о подслушанном разговоре доложил в Вашингтон. Государственный департамент рекомендовал министерству обороны увеличить отряд морских пехотинцев в иерусалимском консульстве с тринадцати до двадцати семи человек. Но министерство иностранных дел Израиля возразило против того, чтобы морские пехотинцы носили оружие на улице, даже когда они сопровождали сотрудников консульства.

В московском журнале «Новое время» появилась статья, которая обвиняла англичан в убийстве Бернадотта.

У графа Фольке Бернадотта была неважная репутация. В годы войны он руководил шведским обществом Красного креста. Его обвиняли в излишне тесном сотрудничестве с нацистами. Германские спецслужбы

широко использовали Красный крест, а после войны многие нацисты с документами Красного креста улизнули из поверженного рейха.

Бернадотт считал резолюцию ООН о разделе Палестины неудачной. У него была своя идея — создать единое государство Трансиордании и Палестины. Бернадотт считал, что практичнее объединить арабское государство Трансиордания (в него включить арабскую территорию Палестины) и еврейское государство Израиль. Реализация его идеи означала бы, что Израиль, едва появившись, исчезнет с политической карты мира.

Палестинские евреи и Сталин были против.

Молотов доложил Сталину проект директив советской делегации относительно обсуждения предложений Бернадотта в Первом комитете Генеральной Ассамблеи.

Молотов и Вышинский предложили отвергнуть идею Бернадотта о демобилизации войск на территории Палестины и его предложения о территориальном переделе, который отнимал у Израиля четыре пятых территории и передавал их Трансиордании.

Сталин согласился.

Получив указание из Москвы, представитель Украины в Совете Безопасности отверг план Бернадотта, сказав, что цель этого плана — уничтожить Израиль.

Советские дипломаты требовали неукоснительного исполнения резолюции Генеральной Ассамблеи от двадцать девятого ноября сорок седьмого года. Они также возражали против перекройки границ в Палестине и передачи каких-то территорий арабам. Что касается проблемы арабских беженцев, то советскую дипломатию она вообще мало интересовала.

Советский МИД предлагал, чтобы *«этот вопрос был урегулирован путем непосредственных переговоров между*

заинтересованными сторонами, то есть между правительством Израиля и правительством арабского государства в Палестине». Тем самым советская дипломатия заняла очень благоприятную позицию для Израиля, который вовсе не хотел возвращения палестинских арабов, считая их врагами еврейского государства и опасаясь, что они станут пятой колонной.

Осенью сорок восьмого представитель Советской Украины в Совете Безопасности Дмитрий Захарович Мануильский озвучил еще одну идею: переселить покинувших Палестину арабов в советскую Среднюю Азию...

Советские руководители не видели ничего ужасного в происшедшем. Евреи из арабских стран (около девятисот тысяч человек!) вынуждены были, бросив дома и все имущество, бежать из родных мест. Полмиллиона обосновались в Израиле, где начали новую жизнь. Советские дипломаты считали, что не пожелавшие оставаться в Израиле арабы пусть обосновываются в соседних арабских странах. Такой обмен населением не казался советским руководителям чем-то необычным.

В конце Второй мировой войны, в сентябре сорок четвертого года, Сталин договорился с новым правительством в Варшаве о том, что поляки уедут из Волыни и Галиции, украинцы оставят Бещады и Хельмский край. Иначе говоря, все поляки будут жить в Польше, а все украинцы — на Украине.

Польский комитет национального освобождения подписал договор о «репатриации украинского населения с новых территорий Польши, а польского — с территории УССР».

Польским украинцам, которые согласятся добровольно переселиться на историческую родину, обещали простить долги в Польше и выделить земельные наделы на Украине. Но к первому марта сорок пятого года

меньше ста тысяч человек воспользовались этим предложением. Люди с трудом покидали насиженные места. Тогда в ход пустили силу. Польская милиция и армейские части окружали деревни, крестьянам давали несколько часов на сборы, затем их гнали к железной дороге и грузили в вагоны. Тех, кто не хотел подчиняться, били.

В представлении Сталина это была очень разумная операция. И он не понимал, почему то же самое нельзя устроить на Ближнем Востоке? Но Сталину не понравился искренний интерес советских евреев к Израилю, их готовность помогать еврейскому государству.

Забавно, что в это же время директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер отправил президенту Трумэну спецсообщение:

«Источник, известный своей достоверной информацией, сообщил нам, что русские готовят примерно двести тысяч коммунистически настроенных евреев для отправки в Палестину».

Гувер считал всех сионистов коммунистами. Сталин придерживался иной точки зрения и распорядился объяснить советским евреям политику партии.

Восемнадцатого сентября, когда Сталин отдыхал на юге, он получил записку от секретаря ЦК Маленкова, который в отсутствие вождя остался в политбюро за старшего:

«Товарищу Сталину.

Перед отъездом Вы дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург прибыл. Мы с Кагановичем, Поспеловым и Ильичевым имели с ним разговор. Эренбург согласился написать статью и высказался против того, чтобы статья вышла за несколькими подписями.

Посылаю Вам статью И. Эренбурга «По поводу одно-

го письма». Если с Вашей стороны не будет других указаний, то мы хотели бы опубликовать эту статью во вторник, 21 сентября, в газете «Правда».

К Эренбургу у Сталина было странное отношение.

Однажды Сталин вызвал руководителя Союза писателей Александра Александровича Фадеева:

— Слушайте, товарищ Фадеев, вы должны нам помочь. Вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в борьбе с врагами. Мы вам присвоили громкое звание генеральный секретарь Союза писателей СССР, а вы не знаете, что вас окружают крупные международные шпионы.

— А кто же эти шпионы?

Сталин улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которая, как Фадеев знал, не предвещала ничего доброго.

— Почему я должен вам сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала?..

В начале сорок девятого года министр госбезопасности Абакумов представил Сталину список лиц, которых предполагалось арестовать по делу Еврейского антифашистского комитета. Там значился и Эренбург.

«По агентурным данным, — говорилось в записке министерства госбезопасности, — *находясь в 1938 году в Испании, Эренбург в беседе с французским писателем, троцкистом Андре Мальро допускал вражеские выпады против товарищ Сталина... В течение 1940—1947 гг. в результате проведенных чекистских мероприятий зафик-*

сированы антисоветские высказывания Эренбурга против политики ВКП(б) и Советского государства».

Просматривая список, Сталин ставил рядом с фамилиями обреченных галочку и две буквы «Ар», то есть «арестовать». Напротив фамилии Эренбурга Сталин поставил нечто вроде знака вопроса. Рядом Поскребышев написал: «Сообщено т. Абакумову». Это означало, что трогать Эренбурга нельзя.

Возможно, Сталин ценил Илью Григорьевича как непревзойденного мастера-публициста. И когда вождю понадобился человек, который сможет авторитетно для страны и мира высказаться об Израиле, таким человеком оказался Эренбург. Илья Григорьевич умел сформулировать то, что хотел услышать Сталин.

На маленковской бумаге осталась помета, сделанная одним из секретарей вождя: «Товарищ Сталин согласен».

Статья была опубликована в «Правде». Ее внимательно читали не только советские люди, но и иностранные дипломаты, понимая, что Эренбург выступил не случайно.

Итак, что же его устами хотел сказать Сталин?

Вопрос первый: как относиться к Израилю?

«На этот вопрос, — писал Эренбург, — *можно ответить коротко: советское правительство первым признало новое государство, энергично протестовало против агрессоров, и, когда армия Израиля отстаивала свою землю от арабских легионов, которыми командовали английские офицеры, все симпатии советских людей были на стороне обиженных, а не на стороне обидчиков».*

Вопрос второй: решает ли появление Израиля еврейский вопрос?

«На второй вопрос я должен ответить отрицательно... Я восхищался мужеством бойцов Израиля, когда они

отражали атаки английских наемников, но я знал, что разрешение «еврейского вопроса» зависит не от военных успехов в Палестине, а от победы социализма над капитализмом...

Гражданин социалистического общества смотрит на людей любой буржуазной страны, в том числе и на людей государства Израиль, как на путников, еще не выбравшихся из темного леса... Судьба еврейских тружеников всех стран связана не с судьбой государства Израиль, а с судьбой прогресса, с судьбой социализма...

Советские евреи смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее. И я думаю, что трудящиеся государства Израиль, далекие от мистики сионистов, взыскующие справедливости, смотрят теперь на север — на Советский Союз, который идет впереди человечества к лучшему будущему».

Израильские дипломаты поняли статью правильно.

Двадцать четвертого сентября Голда Меир отправила телеграмму министру иностранных дел Шертоку:

«Статья Эренбурга за Израиль и против сионизма: он отвергает идею репатриации из СССР...»

На приеме в чехословацком посольстве, разговаривая с советником израильского посольства Мордехаем Намиром, Эренбург пытался объяснить ему то, что начисто не понимали израильские дипломаты: Израилю не следует склонять советских евреев к эмиграции, потому что это вызовет резкое противодействие со стороны властей и всем будет плохо.

Израильские дипломаты не понимали Эренбурга, потому что к ним самим, и к государству, которое они представляли в Москве, власть относилась исключительно доброжелательно. Не позволялось только — устанавливать особые отношения с советскими евреями.

Молотов распорядился ограничить общение сотрудников израильского посольства с московской хоральной синагогой и ее посетителями — после того, как в МИД пришло письмо из Совета по делам религиозных культов при Совете министров. В этом ведомстве работали чекисты, они выражали недовольство Лубянки контактами израильтян с советскими гражданами.

Шестого октября военный атташе полковник Ратнер отправил телеграмму премьер-министру и министру обороны Бен-Гуриону:

«Сегодня я полтора часа беседовал с генералом армии Антоновым, заменяющим в настоящее время Василевского.

Такого рода беседы — совершенно необычное дело для уровня военных атташе, меня просили ничего о ней не сообщать своим коллегам из других стран. Поэтому необходима полная секретность.

Речь шла о ходе боев, об армиях арабской коалиции, особенно Ирака, о нацменьшинствах на Ближнем Востоке, о характере наших сил, их командовании и вооружении, о возможностях возобновления боевых действий, о значении Негева и Иерусалима. Встал вопрос об их помощи нам.

Обсуждены следующие вопросы:

а) подготовка командного состава (краткосрочные и долгосрочные курсы);

б) поставки оружия из немецких трофеев;

в) способы отправки — воздухом или морем.

По протоколу мы должны теперь вынести эти вопросы на обсуждение советского МИД, который и примет решение. В преддверии этого Вам необходимо в ближайшие дни сообщить, какие виды вооружений и в каком количестве нам требуются из этого источника».

Генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов занимал пост первого заместителя начальника генерального штаба и во время Великой Отечественной пользовался особым авторитетом у Сталина. Его беседа с иностранным военным атташе была событием экстраординарным. Она свидетельствовала о том, что Сталин продолжал проводить свою линию на Ближнем Востоке. Советские евреи в Израиль не поедут, но еврейское государство получит военную помощь как форпост в борьбе против западных империалистов.

Восьмого ноября Бен-Гурион прислал израильскому военному атташе в Москве длинный список оружия, которое хотел бы получить в Советском Союзе: танки «Т-34», артиллерия со снарядами, истребители и бомбардировщики с запасными частями, маслом и боеприпасами.

Передать список генералу Антонову в генштаб оказалось невозможным. Алексея Иннокентьевича внезапно назначили первым заместителем командующего войсками Закавказского военного округа.

Вернувшись из Парижа с сессии Генеральной Ассамблеи, министр иностранных дел Израиля Шерток доложил своему правительству:

«Восточный блок твердо нас поддерживает... Советский Союз твердо нас поддерживает. Все распространяющиеся в стране слухи, будто их позиция изменилась, не имеют под собой почвы... В нашей первой встрече с российской стороны участвовали Вышинский и Малик... Я объяснил, почему нам так важен Негев. Вышинский обратился к Малику и сказал: «Они правы».

Обращение к Малику было характерным — он не ко мне обращался, а к Малику, из чего я сделал вывод, что у них был спор на эту тему. Малик наверняка твердо стоял на позициях резолюции 29 ноября.

Затем Вышинский сказал: «Они правы во всем...»

По большинству вопросов у нас очень хорошие взаимоотношения с СССР. Русские хотят во всех подробностях представить себе нашу позицию...

В Совете Безопасности русские работают не просто как наши союзники, а как наши эмиссары. Они берут на себя любую задачу... Россия и ее союзники располагают шестью голосами. Априори это меньшинство. Малик принес извинения за то, что не смог убрать неприятный момент (пункт о Бернадотте) из резолюции. Я сказал ему, что это не очень важный момент, что он нам серьезно помог и что не все можно осуществить...»

Девятого ноября Голда Меир телеграфировала генеральному директору министерства иностранных дел Уолтеру Эйтану составленный в миссии отчет о беседе с Молотовым:

«Голда, Намир, Ратнер и их семьи присутствовали на параде, который явился великолепной демонстрацией силы, а вечером дома у Молотова почувствовали особую теплоту. Голда также была вечером на праздничном заседании Московского Совета, на котором выступал Молотов.

С этого места — не для печати.

Молотов предложил Голде рюмку водки. Она похвалила парад и сказала:

— Если бы только у нас были некоторые из вооружений, которые были на параде.

Молотов заметил:

— Вы будете их иметь. Даже мы начинали с малого.

Продолжительная эмоциональная беседа на идиш с женой Молотова, которая хвалила наши посещения синагоги. По ее просьбе были представлены Сара, дочь Голды Меир, и Иаэль, дочь Намира. Она разговаривала с ними как мать и сестра и заключила:

— Пусть у вас все будет хорошо, и тогда хорошо будет для всех евреев.

Беседы с Поповой, главой женского антифашистского комитета, с поэтом Михалковым, автором текста советского гимна, и другими. Встречалась с Эренбургом дважды, но он избегал разговора. На параде Ратнер был единственным военным атташе, с которым беседовал Славин, заместитель Антонова».

Об уровне отношений свидетельствует просьба продать оружие. Обещание Молотова, который никогда не произносил ни одного лишнего слова, дорогого стоило.

Двадцать четвертого ноября заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД Иван Николаевич Бакулин доложил своему куратору Валериану Зорину:

«11 ноября с. г. в беседе со мной посланник государства Израиль в Москве Голда Мейерсон и военный атташе миссии Ратнер сообщили просьбу правительства государства Израиль к советскому правительству об оказании помощи государству Израиль тяжелым вооружением и другим снаряжением, необходимым для израильской армии.

Военный атташе полковник Ратнер заявил, что армия Израиля нуждается прежде всего в артиллерии, танках и авиации и что в присланной правительством Израиля заявке на оружие указаны типы тяжелого вооружения и другого снаряжения.

Я ответил, что просьбу правительства Израиля доведу до сведения руководства министерства».

Бакулин предложил ответить так:

«Советское правительство, внимательно относящееся к судьбе государства Израиль и защищающее его права на независимое и самостоятельное существование, тем не менее не хочет вступать в противоречие с решением

Совета Безопасности о прекращении военных действий в Палестине и о запрещении членам ООН снабжать оружием армии стран, воюющих в Палестине».

Резолюция Совета Безопасности ООН № 50 от двадцать девятого мая сорок восьмого года вводила эмбарго на поставки оружия всем вовлеченным в конфликт в Палестине государствам.

Зорин, прочитав, написал: *«т. Бакулину. Дайте записку на имя т. Молотова».*

Сталин не хотел давать оружие напрямую, поэтому по официальной мидовской линии израильские представители получали отказ. Оружие поступало через третьи руки.

Второго декабря заместитель министра иностранных дел Вышинский находился в Париже. К нему попросился на прием премьер-министр Ливана Риад-бей Сольх. Ливанец в беседе уверенно сказал:

— В Палестине не может существовать самостоятельного еврейского государства.

— Государство Израиль уже существует, — отрезал Вышинский, — и имеет право защищать свои интересы.

АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ ЗАКРЫТ

Двадцатого ноября сорок восьмого года Сталин подписал секретное решение бюро Совета министров — «Еврейский антифашистский комитет немедля распустить, органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать, пока никого не арестовывать».

На следующий день сотрудники министерства государственной безопасности провели обыск в помещениях комитета, забрали всю документацию, здание опечатали.

Десятого декабря временный поверенный в делах Израиля в Советском Союзе Мордехай Намир телеграфировал директору восточноевропейского департамента МИД Израиля Ш. Фридману:

«Вывеска Еврейского антифашистского комитета снята. Считаем, что организация закрыта».

Однако и после этого министр иностранных дел Шерток имел возможность долго беседовать с Вышинским и Царапкиным и доказывать им важность еврейской иммиграции в Израиль.

Вышинский, разумеется, не согласился с этой точкой зрения, но был вполне доброжелателен, вникал в проблемы двусторонних отношений, обещал их обсуждать и решать. Говорил о том, как Советскому Союзу и Израилю удалось совместными усилиями добиться своего в Организации Объединенных Наций...

Судьба членов Еврейского антифашистского комитета оставалась неизвестной израильским дипломатам, потому что ни об арестах, ни о суде ничего не писали.

Ликвидация комитета готовилась давно.

Еще двадцать шестого марта сорок восьмого года министр госбезопасности Виктор Абакумов представил в ЦК записку:

«Министерством государственной безопасности СССР в результате проводимых чекистских мероприятий устанавливается, что руководители Еврейского антифашистского комитета, являясь активными националистами и ориентируясь на американцев, по существу, проводят антисоветскую националистическую работу. Особенно заметно проамериканское влияние в работе Еврейского антифашистского комитета стало сказываться после поездки руководителей комитета Михоэлса и Фефера в Соединенные Штаты Америки, где они устано-

вили контакт с видными еврейскими деятелями, часть из которых связана с американской разведкой...

Среди арестованных в последнее время еврейских националистов МГБ СССР разоблачен ряд американских и английских шпионов, которые, будучи враждебно настроены против советского строя, вели подрывную работу».

Приговор по делу Еврейского антифашистского комитета, созданного в сорок первом году для борьбы с нацизмом, должен был показать, что все евреи — американские шпионы и работают на заокеанских хозяев. Но процесс пришлось сделать закрытым, потому что обвиняемые шпионами себя не признали.

Арестованных били смертным боем. Некоторые умирали прямо в тюрьме. Следствию нужно было что-нибудь серьезное — подготовка покушения на Сталина, шпионаж, диверсии, а эти люди, даже когда их били, ничего такого придумать не могли. Они играли в театре, писали стихи, лечили больных.

Все подсудимые были евреями: актер Вениамин Зускин, академик Лина Штерн, писатели Перец Маркиш, Лев Квитко, Семен Галкин, Давид Гофштейн, главный врач Боткинской больницы Борис Шимелиович, бывший член ЦК ВКП(б) и заместитель министра иностранных дел Соломон Лозовский... Это был этнический судебный процесс. Судили не за преступление, а за происхождение. Несмотря на пытки и издевательства, эти далеко уже не молодые и не очень здоровые люди явили образец силы духа и мужества.

Сидевшие на скамье подсудимых известные актеры, писатели, врачи не участвовали в подготовке террористических актов против товарища Сталина, не занимались шпионажем и предательством и даже не вели антисоветской пропаганды.

Председательствовавший на процессе генерал-лей-

тенант юстиции Чепцов уличал подсудимых в желании писать на родном языке, издавать книги на идиш, иметь свой театр и ставить в нем еврейские пьесы, сохранить школы с преподаванием на еврейском языке.

Генерал Чепцов упрекал одного из подсудимых:

— Зачем коммунисту, писателю, марксисту, передовому еврейскому интеллигенту связываться с попами, раввинами, мракобесами, консультировать их о проповеди, о маце, о молитвенниках, о кошерном мясе?

Власть требовала от евреев полной ассимиляции, как требуют ее сейчас от русских в некоторых республиках бывшего Советского Союза. Малограмотный следователь, увидев, что писатель Абрам Коган правит ошибки в тексте собственного допроса, избил его: знает, подлец, русский язык, а пишет на еврейском! Забота о национальной культуре признавалась вредной и антипатриотичной.

Но расстреливать за это генерал и его заседатели не хотели. Рискуя партбилетом, карьерой, а может быть, и жизнью, генерал Чепцов попросил у ЦК разрешения вернуть дело на доследование.

Но Маленков, к которому обратился генерал, не дал этого сделать:

— Вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками. Приговор по этому делу апробирован народом, этим делом политбюро занималось три раза. Выполняйте решение политбюро.

И верно. Процесс по делу Еврейского антифашистского комитета начался в Лефортово восьмого мая пятьдесят второго года. А еще за месяц до этого, третьего апреля, новый министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев в докладной записке Сталину предложил всех обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета расстрелять. Вождь согласился.

Он сделал снисхождение только академику Лине Штерн, биологу с мировым именем, приехавшей из Швейцарии строить социализм. Ей дали десять лет. Остальных расстреляли...

Но это будет позже. А пока что одиннадцатого января сорок девятого года директор восточноевропейского департамента министерства иностранных дел Израиля Ш. Фридман беседовал с советником миссии СССР в Израиле М. И. Мухиным. Ершов простудился и сидел дома.

«Мухин, — записал в отчете израильский дипломат, — *с восхищением отозвался об оперативных способностях, которые мы проявили в ходе последней боевой операции, спросил о настроениях в наших кругах и том, намерены ли мы твердо держаться в нынешнем конфликте с Великобританией».*

Англичане увеличили свой гарнизон, расквартированный на египетской территории. Седьмого января израильтяне сбили над египетскими позициями пять английских истребителей, сочтя их египетскими.

Американцы предупредили израильтян, что Англия может вступить в войну с Израилем на основании англо-египетского договора тридцать шестого года. В Москве были довольны, но израильтянам было не до смеха. Они рассчитывали на поддержку Советского Союза, но медовый месяц в отношениях между двумя странами уже закончился. Израильтяне этого не понимали и продолжали ставить крайне неприятный для советских чиновников вопрос о вывозе в Израиль родственников тех, кто уже обосновался в Палестине.

Двадцать первого января заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока Бакулин написал посланнику в Израиле Ершову:

«Как Вам известно, за последнее время в израильской

прессе все чаще стали появляться враждебные СССР статьи и сообщения, которые часто остаются без какого-либо противовеса с нашей стороны...

Отдел считает, что издание бюллетеня от имени нашей миссии в Тель-Авиве явится серьезным противодействием враждебной Советскому Союзу пропаганде и будет знакомить общественность страны с действительным положением в СССР и со взглядами советской общественности по вопросам международной жизни».

Антиизраильская пропаганда стала заметной и в советской печати.

Первого февраля директор восточноевропейского департамента МИД Израиля Ш. Фридман беседовал с советским посланником Ершовым об изданной в издательстве «Правда» брошюре об Израиле, статье в газете «Труд» и передачах московского радио. Все они были написаны в недружественной манере.

Ершов, настроенный миролюбиво, предложил не обращать на них внимания, заметив, что и в израильской прессе появляются недружественные по отношению к Советскому Союзу статьи.

Фридман ответил, что это частные газеты, правительство Израиля ими не управляет, а в Советском Союзе другая ситуация. Эти объяснения в Москве не принимали. Просто не верили, что газеты могут выражать собственную точку зрения.

Седьмого февраля заместитель министра иностранных дел Валериан Зорин вызвал к себе в семь вечера Голду Меир и «сделал устное заявление относительно незаконной деятельности миссии государства Израиль, побуждающей советских граждан к выходу из советского гражданства, и относительно рассылки информационного бюллетеня миссии общественным организациям и отдельным советским гражданам».

Это был первый выговор такого рода, резко контрастировавший с прежними дружескими отношениями. Сигнал поступил от чекистов из Совета по делам религиозных культов при Совете министров, где обратили внимание на содержание посольского бюллетеня: там помещались сообщения о переезде в Израиль евреев со всего мира.

«Министерство иностранных дел, — зачитал Зорин свою бумагу, — *рассматривает эту деятельность миссии как незаконную вербовку граждан Советского Союза и побуждение их к выходу из советского гражданства. Ввиду этого предлагается, чтобы миссия и ее представители прекратили указанную деятельность, противоречащую лояльному отношению к Советскому Союзу.*

Голда Меир, — писал Зорин в отчете, — *была явно смущена... Поспешила ответить, что со стороны миссии не было и не могло быть намерения совершать что-либо, что противоречит законам СССР. Возможно, что со стороны миссии были ошибочные поступки, что можно объяснить лишь неопытностью миссии в дипломатической практике».*

Голда Меир рассказала Зорину, что в израильскую миссию обращались желающие уехать, но им объясняли, что они должны получить разрешение советских властей, или же миссия отправляла письма людям, чьи родственники живут в Израиле.

Зорин объяснил, что «миссия поступала неправильно, так как она не может направлять письма непосредственно советским гражданам, минуя министерство иностранных дел».

Голда Меир обещала, что больше это не повторится. Она несколько растерянно спросила, кому же можно посылать бюллетень, выпускаемый миссией? Первоначально его рассылали общественным организаци-

ям, газетам, библиотекам, религиозным общинам и трем еврейским колхозам.

Зорин ответил, что в Москве бюллетени миссий посылаются обычно дипломатическому корпусу.

— Можно ли посылать бюллетень в библиотеки и редакции газет? — уточнила Голда Меир.

Зорин ответил отрицательно.

Девятого февраля Голда Меир телеграфировала министру иностранных дел Шертоку:

«Тональность беседы была вежливой и холодной, содержание печатного документа — очень резким. Мы фактически лишились последних возможностей. Это означает, что полностью запрещено давать ответы на письма местных евреев.

Мы просили передать нам текст ноты, но Зорин ответил, что это не нота, а устное заявление, поэтому текст не будет передан».

Тринадцатого февраля советский посол в Соединенных Штатах Александр Семенович Панюшкин пригласил на обед израильского посла Эльяху Элата (Эпштейн тоже сменил фамилию и стал Элатом).

Израильтянам едва ли было известно, что Панюшкин с тридцать восьмого года служил в НКВД. После создания единого разведывательного аппарата — Комитета информации при Совете министров СССР — Панюшкина назначили главным секретарем комитета, а в ноябре сорок седьмого он уехал послом в Соединенные Штаты. По положению Панюшкин одновременно был резидентом внешней разведки в Вашингтоне.

Министр иностранных дел Израиля Шерток сообщал Голде Меир, что Панюшкин провел с Элатом *«неофициальную беседу о сведениях, появившихся в американской прессе о возможности присоединения Израиля к*

плану Маршалла. Он сказал, что русские не собираются требовать от нас, чтобы мы присоединились к их блоку, поскольку они знают, что подавляющее большинство израильских граждан не являются коммунистами, и что они хотят, чтобы мы были совершенно независимыми от иностранного влияния и господства.

Элат опроверг сведения о плане Маршалла и заявил, что мы твердо решили идти путем независимости и искренне желаем поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом...»

На первых выборах, двадцать пятого января сорок девятого года, в Израиле левые потерпели поражение. Компартия получила только четыре мандата. Поэтому коммунистов не принимали всерьез. Прогноз государственного департамента Соединенных Штатов о том, что власть в Израиле захватят коммунисты, не подтвердился.

Но американские дипломаты и разведчики, работавшие в Израиле, продолжали докладывать о «возросшей красной опасности». Временный поверенный в делах Ричард Форд отослал в Вашингтон докладную записку на четырнадцати страницах «Коммунизм в Израиле».

Самым впечатляющим был рассказ американского дипломата о посещении деревушки возле границы с Трансиорданией, где он встретил троих израильтян, только что прибывших из Советского Союза: *«У всех троих были толстые шеи, плечи гориллы и низко опущенные головы русских крестьян, которые, возможно, только вчера вышли из степей...*

Само собой разумеется, что нам понадобится предпринять героические усилия, чтобы остановить далеко зашедшее коммунистическое проникновение...»

На выборах МАПАМ, Объединенная рабочая пар-

тия, созданная в сорок восьмом году и получавшая помощь от Советского Союза, завоевала девятнадцать мест в кнессете. Партия объединяла людей левосоциалистических взглядов. Лидером МАПАМ избрали бывшего начальника штаба Хаганы Моше Снэ (Клейнбаума), родившегося в России. Он же стал генеральным секретарем Лиги дружественных связей с Советским Союзом.

Лига получала материальную помощь от Москвы. Моше Снэ иногда называют советским агентом. Доктор медицины, он в тридцать девятом был призван в польскую армию. После вступления Красной армии в войну с Польшей попал в советский плен. Некоторые исследователи полагают, будто ради спасения своей жизни он согласился работать на советскую разведку.

Но это же был тридцать девятый год! Допрашивавшие его следователи НКВД ничего не знали о Палестине и знать не хотели. Зачем им было вербовать польских евреев? Если они попадали в поле зрения госбезопасности, то оказывались за решеткой. Через советский плен, скажем, прошел и будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин, человек крайне правых убеждений. Как сиониста его осудили за антисоветскую деятельность и отправили в лагерь.

Появившиеся в Израиле советские дипломаты и разведчики пошли по легкому пути, они в первую очередь наладили отношения с теми, кто симпатизировал Советскому Союзу.

Моше Снэ в роли лидера партии и в самом деле часто встречался с советскими дипломатами и разведчиками, щедро делился с ним известной ему информацией. Но к секретам он допущен не был. Бен-Гурион не любил радикальных социалистов и поручил контрразведке присматривать за ними.

Моше Снэ был, говоря языком советских разведчи-

ков, классическим «агентом влияния». В пятьдесят третьем году он присоединился к компартии Израиля. Его сын, Эфраим, стал крупным военным медиком, заместителем министра обороны, министром здравоохранения. Если бы его отца подозревали в шпионаже, едва ли бы ему удалось стать генералом и сделать политическую карьеру.

Конечно, среди молодых сионистов было немало людей социалистических убеждений. Они восхищались Советским Союзом.

В середине тридцатых в Палестине побывал знаменитый русский певец Александр Николаевич Вертинский.

«Тель-Авив, — писал он, — *маленький, скромный, довольно чистенький провинциальный городок, построенный руками пионеров, наехавших сюда со всех концов света. В большинстве это люди интеллигентных профессий — врачи, адвокаты, архитекторы, студенты. Увлеченные идеей иметь свое собственное отечество, они, приехав в страну, горячо взялись за работу. Не покладая рук, строили дороги, дома, возделывали землю, все создавали сами, не брезгуя никакой черной работой.*

В Палестине говорят или на древнееврейском или на русском языке. Древнееврейский язык очень красив. Когда слышишь его, чувствуешь всю пламенность, всю горячность этой тысячелетней расы».

В Иерусалиме один из поклонников Вертинского показал христианские святыни, потом пригласил домой.

«Каково же было мое изумление, — вспоминал Вертинский, — *когда, войдя, я увидел на стене его кабинета... огромный портрет Сталина! После всего того настроения, которое создает блуждание по пещерам и алтарям, после мистической полутьмы, запаха ладана,*

треска свечей и мерцания лампад — вдруг портрет Сталина.

«Так вот куда проникло влияние этого человека! — думал я. — В колыбель старого мира!»

Я был настолько поражен этим, что долго стоял с разинутым ртом, глядя на портрет».

После войны многие сионисты испытывали естественное чувство благодарности к Красной армии, сокрушившей нацизм. Они провозглашали здравицы Сталину и долго не хотели задумываться над тем, что происходило в Советском Союзе в сталинские годы.

Руководители партии МАПАМ утратили любовь к Сталину лишь после того, как в Чехословакии посадили на скамью подсудимых члена партии Мордехая Орэна как «сиониста и шпиона». Хотя преданность Советскому Союзу среди членов партии была велика. Один из руководителей МАПАМ Яков-Арье Хазан, который родился в Брест-Литовске, говорил в пятьдесят первом году:

— Сионизм смог осуществить свою цель только благодаря революции.

Даже во время «дела врачей», которое потрясло Израиль, депутат кнессета Хазан продолжал твердить:

— Этот процесс нас не интересует. Он не может изменить нашу позицию по отношению к социалистическим странам.

Только через год после смерти Сталина руководители партии твердо заявили: «Мы больше не зависим от Советского Союза».

Но генеральный секретарь партии Меир Яари все равно пытался совместить сионизм с ленинизмом. В юности он был поклонником Льва Толстого и Аарона Давида Гордона, который считал физический труд и

возвращение к природе необходимыми условиями возрождения евреев в Палестине. Яари в Первую мировую служил в австро-венгерской армии, в двадцатом эмигрировал в Палестину и работал в кибуце, проповедуя библейский социализм.

Отношение к Советскому Союзу как ко второй родине сохранялось до шестидневной войны, когда лидеры партии осознали, что Египет намерен уничтожить еврейское государство советским оружием...

В январе сорок девятого Трумэн решил наконец избавиться от надоевшего ему министра обороны Форрестола. Президент предложил ему поработать еще пару месяцев и написать прошение об отставке, но все знали: бедного Джеймса уволили. Двадцать восьмого марта уходящий в отставку министр в последний раз приехал в Белый дом. Трумэн вручил ему медаль и поблагодарил за службу.

Форрестол стал рассказывать всем знакомым, что из министерства обороны его выжили сионисты. Изумленный Трумэн попросил аккуратно выяснить, что происходит с министром. Президенту доложили, что Форрестол страдает психическим расстройством и предрасположен к суициду.

В свой последний рабочий день Форрестол несколько часов просидел за столом, пока помощник не отвез его домой и не позвонил одному из близких друзей бывшего министра. Тот спешно приехал. Министр стал жаловаться, что коммунисты, евреи и люди из Белого дома объединились и совместными силами избавились от него. Немедленно заказали самолет и отправили Форрестола во Флориду, надеясь, что мягкий климат благоприятно подействует на него, но улучшения не произошло.

Прогуливаясь по берегу, он вдруг озабоченно ска-

зал сопровождавшим его приятелям, указывая на зонтики, под которыми отдыхающие укрывались от солнца:

— Нам не следует говорить здесь. Это подслушивающие устройства. Она знают все, что мы говорим.

Стало ясно, что он тяжело болен.

В апреле сорок девятого его поместили в военно-морской госпиталь в Бетесде, где лечат высокопоставленных чиновников. Он кричал, что его преследуют евреи и коммунисты. Рано утром двадцать второго мая он покончил с собой. Его по недосмотру оставили одного, и он выпрыгнул с шестнадцатого этажа.

Если в правительстве Соединенных Штатах одним борцом против сионизма стало меньше, то в Советском Союзе их полку прибавилось.

ИСТОРИЯ МОЛОТОВА И ЕГО ЖЕНЫ

Четвертого марта сорок девятого года Вячеслав Михайлович Молотов потерял кресло министра иностранных дел. Это было верным признаком опалы, хотя он остался членом политбюро и заместителем главы.

Сталин методично сокрушал авторитет Молотова, считавшегося вторым человеком в стране. Объектом дискредитации вождь избрал жену Молотова.

Полина Семеновна Жемчужина (Карповская) была на семь лет моложе Молотова. Она родилась в Екатеринославе и с четырнадцати лет работала набивщицей на папиросной фабрике. В мае семнадцатого года заболела туберкулезом. Не могла работать, лечилась и жила у сестры.

После революции поступила в Красную армию. В восемнадцатом вступила в партию, в следующем году

ее взяли инструктором ЦК компартии Украины по работе среди женщин.

С Молотовым они познакомились на совещании в Петрограде. В двадцать первом она вслед за Вячеславом Михайловичем перебралась в Москву и стала инструктором Рогожско-Симоновского райкома. В том же году они с Молотовым поженились.

После свадьбы Жемчужина пошла учиться. В двадцать пятом году она окончила в Москве рабочий факультет имени М. Н. Покровского, в двадцать седьмом — курсы марксизма при коммунистической академии.

Летом двадцать седьмого Жемчужина стала секретарем партийной ячейки на парфюмерной фабрике «Новая заря». Год проработала инструктором Замоскворецкого райкома.

В сентябре тридцатого года ее назначили директором парфюмерной фабрики «Новая заря». Судя по воспоминаниям Анастаса Микояна, в начале тридцатых Сталин очень прислушивался к мнению Полины Семеновны. Она внушала вождю, что необходимо развивать парфюмерию, потому что советским женщинам нужно не только мыло, но и духи, и косметика.

Жемчужина сначала возглавила трест мыловаренно-парфюмерной промышленности, а летом тридцать шестого года — главное управление мыловаренной и парфюмерно-косметической промышленности наркомата пищевой промышленности. Через год она уже заместитель наркома пищевой промышленности.

В январе тридцать девятого года Сталин сделал ее наркомом рыбной промышленности, распорядился избрать кандидатом в члены ЦК и депутатом Верховного Совета СССР. Ее наградили орденами Ленина, Трудового Красного знамени, Красной звезды, Знак почета.

Но в тот же год отношение Сталина к Молотову резко изменилось.

Вячеславу Михайловичу отныне отводится роль не соратника, а, как и всем, подручного вождя. Сталин продолжал обсуждать с Молотовым важнейшие вопросы, но решил поставить его на место и покончить с прежними приятельскими отношениями.

В тридцать седьмом году политбюро уволило нескольких помощников Молотова, и он не смог их защитить. Потом Сталин нашел слабое место Вячеслава Михайловича — его жену...

В тридцать девятом году глава правительства Молотов получил неожиданное назначение — стал одновременно еще и наркомом иностранных дел. Считается, что таким образом Сталин желал усилить внешнеполитическое направление. В реальности назначение Молотова в наркоминдел было признаком начинающейся опалы: Вячеслав Михайлович, по существу, отстранялся от остальных дел. В том же году у его жены возникли куда более серьезные неприятности.

На нее завели дело в наркомате внутренних дел — по обвинению в связях с «врагами народа и шпионами». Хотя по этому обвинению следовало судить прежде всего самого Сталина — это он назначал на высокие должности тех, кого потом сам объявлял врагами.

Десятого августа тридцать девятого политбюро приняло постановление, которое прошло под высшим грифом секретности — «особая папка». В нем говорилось, что жена Молотова (имя Вячеслава Михайловича не называлось), *«проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа»*.

Политбюро поручило НКВД «произвести тщательную проверку всех материалов, касающихся т. Жемчужиной». Умелые люди в госбезопасности немедленно состряпали показания о ее причастности к «вредительской и шпионской работе» и представили их в ЦК.

Но Сталин ее пока что помиловал — ему достаточно было подорвать репутацию Молотова. Двадцать четвертого октября политбюро вновь разбирало поведение Полины Семеновны. Более серьезные обвинения против нее были признаны «клеветническими», но упрек в «неосмотрительности и неразборчивости» был записан в постановлении.

Ее сняли с поста наркома рыбной промышленности и с большим понижением перевели в республиканский наркомат местной промышленности начальником главка текстильной промышленности. В феврале сорок первого на XVIII конференции ВКП(б) Жемчужина лишилась партийного звания — кандидата в члены ЦК.

После войны показалось, что Сталин простил ей старые грехи. В октябре сорок шестого года Жемчужину повысили — она возглавила главное управление текстильно-галантерейной промышленности министерства легкой промышленности СССР.

Но Сталин, оказывается, не оставил мысли разделаться с Молотовым. В октябре сорок восьмого года Жемчужину лишили работы и перевели в резерв министерства легкой промышленности. В министерстве госбезопасности на нее завели новое дело.

Двадцать девятого декабря сорок восьмого года на политбюро о ходе дела докладывали министр госбезопасности Виктор Абакумов и заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвей Шкирятов.

Политбюро постановило:

«1. Проверкой Комиссии Партийного Контроля установлено, что П. С. Жемчужина в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже; участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором об обстоятельствах его смерти с еврейским националистом Зускиным (народный артист РСФСР, лауреат сталинской премии Вениамин Львович Зускин играл в Государственном еврейском театре, в пятьдесят втором году его расстреляли. — *Авт.*) *дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса; участвовала в религиозном обряде в Московской синагоге.*

2. Несмотря на сделанные П. С. Жемчужиной в 1939 году Центральным Комитетом ВКП(б) предупреждения по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно.

В связи с изложенным — исключить Жемчужину П. С. из членов ВКП(б)».

Все это произносилось в присутствии Молотова. Он не посмел и слова сказать в ее защиту, но при голосовании позволил себе воздержаться. Этот естественный, но в те времена мужественный поступок (некоторые другие партийные лидеры, обезумевшие от страха, просили дать им возможность своими руками уничтожить своих родственников, объявленных врагами народа) ему потом тоже поставят в вину.

Сталин сказал Молотову:

— Тебе нужно разойтись с женой.

Молотов всю жизнь преданно любил Полину Семеновну. Когда он куда-то ездил, то всегда брал с собой

фотографию жены и дочери. Вячеслав Михайлович вернулся домой и пересказал жене разговор со Сталиным. Полина Семеновна твердо сказала:

— Раз это нужно для партии, значит, мы разойдемся.

Характера ей тоже было не занимать.

Она собрала вещи и переехала к родственнице — это был как бы развод с Молотовым.

Двадцатого января сорок девятого года Вячеслав Михайлович, пытаясь спастись, написал Сталину покаянное письмо:

«При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П. С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным.

Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности.

Кроме того, признаю тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэлса».

Письмо Молотова — это предел человеческого унижения, до которого доводила человека система. Самые простые человеческие чувства, как любовь к жене и желание ее защитить, рассматривались как тяжкое политическое преступление.

Через неделю, двадцать шестого января, Жемчужину арестовали. Членам ЦК разослали материалы из ее дела. Там было много гнусных подробностей, придуманных следователями с явным желанием представить Молотова в незавидном свете, выставить его на посмешище. В материалах министерства госбезопасности утверждалось, что Жемчужина была неверна мужу, и даже назывались имена ее мнимых любовников.

Когда в пятьдесят третьем году судили Берию и его подельников, следователи нашли людей, из которых выбивали показания на Полину Жемчужину. Одного арестованного, бывшего директора научно-исследовательского института, просто пытали. Руководил этим тогдашний первый заместитель Берии комиссар госбезопасности 3-го ранга Всеволод Меркулов. Этот арестованный выжил и в пятьдесят третьем году рассказал, что с ним вытворяли Меркулов и следователи:

«С первого же дня ареста меня нещадно избивали по три-четыре раза в день и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, били по половым органам. Я терял сознание. Прижигали меня горящими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали...

От меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствовал с гражданкой Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь и, кроме того, я импотент с рождения. Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты мне они сами подскажут...»

Генеральный секретарь ЦК компартии Израиля Самуил Микунис в пятьдесят пятом году встретил Молотова в Центральной клинической больнице и возмущенно спросил:

— Как же вы, член политбюро, позволили арестовать вашу жену?

На лице Молотова не дрогнул ни один мускул:

— Потому что я член политбюро и должен был подчиняться партийной дисциплине. Я подчинился.

Дисциплина здесь ни при чем. Арест жены был для него колоссальной трагедией, но Молотов не посмел

возразить Сталину, иначе он сразу бы отправился вслед за ней.

По плану министерства госбезопасности, жену Молотова — еврейку Жемчужину — предполагалось сделать одной из обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета.

Вячеславу Михайловичу ставили в вину, что он через жену был связан с Еврейским антифашистским комитетом и чуть ли не поддерживал идею переселить с Украины и из Белоруссии оставшихся из-за войны без жилья евреев в Крым, откуда изгнали крымских татар. У кого возникла злополучная «крымская идея» — до сих пор неизвестно. Михоэлс и другие видные деятели Еврейского антифашистского комитета не считали возможным селиться в домах изгнанных оттуда крымских татар.

Но несколько штатных функционеров комитета, назначенных аппаратом ЦК (и, как стало ясно позднее, это были секретные сотрудники министерства госбезопасности), активно проталкивали эту идею и добились своего — втянули Молотова в ее обсуждение.

В представлении Сталина евреи хотели захватить Крым, чтобы сделать то, что в двадцатом не удалось белому генералу Врангелю: призвать американцев и оторвать полуостров от Советского Союза.

Молотов правильно понимал, что не он из-за жены потерял доверие Сталина, а она из-за него сидела: *«Ко мне искали подход, и ее допытывали, что, вот, дескать, она тоже какая-то участница заговора, ее принизить нужно было, чтобы меня, так сказать, подмочить. Ее вызывали и вызывали, допытывались, что я, дескать, не настоящий сторонник общепартийной линии»*.

Полину Семеновну допрашивали на Лубянке. Каждый день Молотов проезжал мимо здания министерства госбезопасности в черном лимузине с охраной. Но

он ничего не мог сделать для своей жены. Не решался даже спросить о ее судьбе. Она, правда, была избавлена от побоев — ведь его судьба еще не была окончательно решена.

Двадцать девятого декабря сорок девятого года Особое совещание при министерстве госбезопасности приговорило ее к пяти годам ссылки. Ее отправили в Кустанайскую область Казахстана.

Берия иногда на ухо шептал Молотову:

— Полина жива.

Молотову словно в насмешку сначала поручили возглавить бюро Совета министров по металлургии и геологии, а потом бюро по транспорту и связи.

Каждый день он приезжал в Кремль и целый день сидел в своем огромном кабинете, читал газеты и тассовские информационные сводки, уезжал домой обедать, возвращался в свой кабинет. Дел у него не было. Сталин ему не звонил и к себе не приглашал.

Один из помощников Молотова говорил:

— В те времена на него просто жалко было смотреть...

Историки пытаются понять, зачем все это понадобилось Сталину? Что это было — крайнее выражение давней ненависти к евреям? Паранойя? Результат мозговых нарушений?

Все это сыграло свою роковую роль. Но главное было в другом. Он готовился к новой войне.

Понятие «холодная война» с течением времени утратило свой пугающий смысл. Но ведь это было время, когда обе стороны психологически уже вступили в войну «горячую». И Сталину нужно было настроить людей на подготовку к войне, обозначить внешнего врага и связать его с врагом внутренним.

Подлинная причина преследования советских евреев, столь неожиданного для страны, разгромившей на-

цистскую Германию, убийства художественного руководителя Государственного еврейского театра Соломона Михоэлса, процесса над членами Еврейского антифашистского комитета, ареста «врачей-убийц», состоит в том, что Сталин решил объявить евреев американскими шпионами.

В марте сорок девятого года секретариат ЦК одобрил «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время». В основном речь шла об издании антиамериканских книг, создании пьес и кинофильмов антиамериканского содержания, чтения соответствующих лекций.

На совещаниях армейских политработников прямо объяснялось, что следующая война будет с Соединенными Штатами. А в Америке тон задают евреи, значит, советские евреи — это пятая колонна, будущие предатели. Они уже и сейчас шпионят на американцев или занимаются подрывной работой. Подготовку в большой войне следует начать с уничтожения внутреннего врага. Это сплотит народ.

Илья Эренбург, подводя итоги своей жизни, писал:

«Я впоследствии ломал себе голову, пытаясь понять, почему Сталин обрушился на евреев. Яков Захарович Суриц мне как-то рассказывал, что еще в 1935 году, когда он был нашим послом в Германии, он докладывал Сталину о политике нацистов и среди прочего рассказывал о разгуле антисемитизма.

Сталин вдруг его спросил: «Скажите, а немецкие евреи действительно настроены антинационально?..»

Мне кажется, что Сталин верил в круговую поруку людей одного происхождения; он ведь, расправляясь с «врагами народа», не щадил их родных. Да что говорить о семьях; когда по его приказу выселяли из родных мест целые народы, то брали решительно всех, включая партий-

ных руководителей, членов правительства, Героев Советского Союза. Антисемитизм имеет свои традиции, но я никогда не слышал об антиингушизме или о калмыкофобстве.

Говорят, что Сталин всегда руководствовался преданностью идее; что же, в таком случае следует предположить, что он обрушился на евреев, считая их опасными — все евреи связаны одним происхождением, а несколько миллионов из них живут в Америке. Это, разумеется, догадки, и ничего я не могу придумать — не знаю и не понимаю».

При этом на публике Сталин тщательно выбирал слова и не позволял себе антиеврейских замечаний — он не хотел выглядеть антисемитом. Старался это подчеркнуть.

Сталин всегда обращал внимание на то, кто какой национальности. Хрущев рассказывал, как до войны в Москве была организована встреча с колхозниками из Грузии. Берия еще был секретарем ЦК Грузии.

«Там в составе этих людей была одна какая-то знаменитая по сбору чая колхозница, — вспоминал Хрущев. — *Берия сказал: «Вот замечательная женщина — лучшая сборщица чая, грузинка».*

Сталин посмотрел и говорит:

— Она армянка.

Берия возразил:

— Нет, она грузинка.

Тогда Сталин сказал:

— Спросите у нее.

Женщина оказалась армянкой. Ее вскоре убрали, она сошла со сцены».

По словам Хрущева, Сталин был подвержен антисемитизму: *«Однако публично Сталин ревниво оберегал чистоту своих риз и внимательно следил, чтобы не дать*

повод к обвинению его в антисемитизме. Любой человек, сказавший такое о Сталине, если бы он находился на досягаемом расстоянии, был бы немедленно уничтожен.

На деле Сталин был заядлым антисемитом. Он мне давал и прямые директивы о расправе с евреями в московской организации после войны, когда я вернулся с Украины. Этот разговор был не один на один, а, как всегда, у Сталина за столом.

Началось с того, что на одном московском авиационном заводе молодежь проявила недовольство, а зачинщиков приписали к евреям. Тут Сталин мне и говорит:

— Надо организовать отпор. Русских молодых людей вооружить палками и пусть они у проходной, когда кончится работа, покажут этим евреям.

Берия с Маленковым тогда злословили:

— Ну что, получил указание?»

Константин Симонов вспоминает, как весной пятьдесят второго года во время обсуждения литературных произведений, выдвинутых на сталинскую премию, Сталин произнес целый монолог, как бы возмущенный тем, что вслед за литературным псевдонимом стали указывать настоящую фамилию автора:

— Зачем это делается? Если человек избрал себе литературный псевдоним — это его право. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо?

Сталин говорил это, зная, что его слова в тот же день разнесутся по всей Москве.

И только в очень узком кругу, среди своих, он высказывался откровенно.

Вячеслав Александрович Малышев, заместитель председателя Совета министров, тщательно записывал все слова вождя в свой рабочий дневник. Судя по его

дневнику, на заседании президиума ЦК первого декабря пятьдесят второго года Сталин говорил:

— Любой еврей — националист, это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США. Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов.

По указанию Сталина госбезопасность готовила новую кампанию репрессий. Все делалось, как в тридцать седьмом, по испытанному шаблону. Только на сей раз в главные жертвы намечались евреи.

ВЫШИНСКИЙ В РОЛИ МИНИСТРА

Новым министром иностранных дел был назначен Андрей Януарьевич Вышинский.

Вышинский стал не только министром, но и разведчиком номер один — возглавил Комитет информации, который объединил всю советскую разведку — то есть главное разведывательное управление генерального штаба и первое главное управление министерства госбезопасности.

Иностранные дипломаты Вышинскому не доверяли, знали, что договориться с ним ни о чем невозможно, компромисс исключен. Он и не пытался убедить партнеров в необходимости принять советские предложения.

Холодная война была в разгаре. Возможно, вождь исходил из того, что период серьезных переговоров закончился. За столом переговоров добиться ничего нельзя. Остается только демонстрировать силу и превосходство. Вышинский для этой роли подходил идеально.

Он, пожалуй, первым из профессиональных юри-

стов показал, что можно вообще обойтись без доказательств, достаточно просто ругаться: «мразь, вонючая падаль, навоз, зловонная куча отбросов, поганые псы, проклятая гадина».

Государственный секретарь Соединенных Штатов Дин Ачесон, тоже юрист, хотя и придерживавшийся иных представлений о праве и юриспруденции, так отзывался о своем коллеге и партнере Вышинском: «Прирожденный негодяй, хотя и занятный».

Впрочем, при желании Андрей Януарьевич мог быть утонченно-любезен и очень приятен в общении.

При Вышинском усугубилась органическая слабость советской дипломатии — отсутствие привычки высказывать свое мнение. Молотов еще имел смелость иногда это делать. Вышинский же никак не мог себе этого позволить. А более низких этажей желающих стать камикадзе и вовсе не находилось. Никто не решался выйти за рамки уже принятого, одобренного, принятого начальством. Это касалось не только внешнеполитических шагов, но даже формулировок. Нового слова боялись, как огня. Наверх, начальству, шла та же жвачка.

Советские дипломаты во главе с Вышинским плохо понимали, какие процессы происходили в мире. В Москве все еще рассчитывали на усиление противоречий между империалистическими державами. Слабым звеном считались Франция и Италия, потому что после войны там были сильные компартии. Вышинский постоянно докладывал Сталину об успехах советской дипломатии, которая пыталась разжечь разногласия между Западной Европой и Соединенными Штатами.

Восьмого марта сорок девятого года Бен-Гурион представил новое правительство Израиля.

Пятнадцатого марта заведующий отделом стран

Ближнего и Среднего Востока министерства иностранных дел Бакулин подписал справку о новом составе израильского правительства.

Он отметил, что Шаретт родился в Херсоне, что министр транспорта Давид Ремез в двадцать пятом приезжал в Москву на сельскохозяйственную выставку в составе второй делегации еврейских рабочих Палестины, а в мае сорок третьего года от имени евреев Палестины передал в подарок Советской армии автомашины с медикаментами.

Голда Меир стала министром труда и социального страхования. Это означало, что она вот-вот покинет Москву.

Бакулин пометил в справке то, что раньше не фигурировало в материалах, связанных с Израилем:

«После назначения Голды Мейерсон посланником Израиля в СССР т. Зарубин информировал нас о том, что прогрессивные круги лондонских евреев характеризуют Мейерсон как агента американской разведки».

Генерал Василий Михайлович Зарубин перед войной принимал участие в уничтожении польских военнопленных, во время войны был резидентом внешней разведки в Вашингтоне. После возвращения в Москву вместе с женой, Елизаветой Юльевной Горской, бывшей подругой Якова Блюмкина, работал в центральном аппарате. Когда аппарат госбезопасности начали очищать от евреев, жену Зарубина тоже уволили, несмотря на все ее прежние заслуги.

Восемнадцатого марта сорок девятого года телеграммой из Москвы временный поверенный в делах Израиля в СССР Мордехай Намир сообщил директору восточного департамента МИД Израиля Ш. Фридману о развернувшейся в Москве кампании против космополитизма:

«Представители стран Запада предрекают начало курса на официальный антисемитизм, а в будущем и ухудшение отношений России с Израилем, видя признаки этого в нападках на сионизм. Я не склонен придерживаться этой точки зрения...»

Четырнадцатого апреля Голда Меир нанесла министру иностранных дел Вышинскому прощальный визит.

Она подтвердила, что на территории Израиля не будут создаваться иностранные военные базы и еврейское государство не присоединится ни к каким союзам, направленным против третьих стран, «особенно против СССР, так как дружба с Советским Союзом является одной из основ политики Государства Израиль».

Она вновь поставила вопрос о покупке советского оружия и принятии на учебу группы израильских офицеров. Напомнила, что по этому поводу военный атташе полковник Ратнер беседовал с генералом Антоновым.

В записи беседы Вышинский пометил, что ответил так: это вопрос «острый и сложный, могущий создать ряд затруднений».

В более подробной израильской записи это звучит так.

«В свое время, — вспоминала Голда Меир, — *мы через нашего военного атташе обратились к генералу армии Антонову с просьбой о поставках некоторых видов вооружений и о предоставлении возможности повышения профессиональной квалификации для наших офицеров. Материалы по проблеме поставки вооружений были переданы в свое время господину Бакулину. Мне бы хотелось привлечь ваше внимание к этому вопросу.*

— Что касается военных поставок, — ответил советский министр, — я просто не в курсе событий, пото-

му что много времени находился в поездках по Европе. По-видимому, этим занимались наши оборонные учреждения. Постараюсь выяснить. Но вам должно быть ясно, что это проблема, сопряженная с немалыми сложностями и опасностями.

Министр пребывал в хорошем настроении и шутил:

— Стоит нам передать вам один пистолет, а скажут, что продали вам атомную бомбу. Да еще начнутся комментарии относительно «особого аспекта» этой сделки: дескать, намечается создание альянса Советский Союз — Израиль, поскольку эти страны объединяет Карл Маркс, социалист и еврей, и вот-де возникает агрессивный союз для целей разрушения... Возвращаясь к военным проблемам, постараюсь выяснить детали...

Одиннадцатого мая Израиль благодаря усилиям Советского Союза был принят в Организацию Объединенных Наций. Представитель Польши, приветствуя нового члена мирового сообщества, многозначительно сказал: «Период сентиментального интереса к судьбе Израиля завершился. Начался период сотрудничества, основанного на общих интересах. Еврейский народ, идущий по пути мира и прогресса, может положиться на Польшу, Советский Союз и европейские страны народной демократии. Израиль, несомненно, будет помнить, что эти страны были его верными друзьями в кризисный период его становления...»

Израиль выиграл первую войну.

«Касаясь вопроса о бесчисленных, неизвестно откуда берущихся ссылках на некое «секретное оружие Израиля, — писал в государственный департамент советник американского посольства в Тель-Авиве Чарлз Нокс-младший, — *я хотел бы выразить свое глубокое убеждение в том, что это оружие состоит из трех компонентов, а именно: 1) решимости, 2) мужества, 3) не-*

обходимости. Победа израильской армии, состоявшей в основном из гражданских лиц, над лучше вооруженными и имевшими численное превосходство силами арабов представляет собой победу, которую не всегда можно объяснить с точки зрения техники или логики».

Но первая победа отнюдь не означала наступления мира.

«Следует ожидать, — писал в июле сорок восьмого директор ЦРУ адмирал Хилленкойтер президенту Трумэну, — *что арабы начнут оказывать неограниченную поддержку действиям партизан. Налеты арабских партизан, политическое непризнание и экономические санкции полностью изолируют Израиль от остальных стран Ближнего Востока.*

В этих условиях будет существовать постоянная угроза его безопасности, его экономика будет задушена, и, следовательно, его будущее в значительной степени будет зависеть от доброй воли некоторых государств за пределами региона».

Тринадцатого января сорок девятого года с помощью назначенного Организацией Объединенных Наций посредника ООН Ральфа Банча на острове Родос начались египетско-израильские переговоры о перемирии.

Сама процедура переговоров показывала, что арабские страны не смирились с появлением еврейского государства. Египетские и израильские представители собрались в одной комнате, но египтяне не замечали своих партнеров и демонстративно обращались только к сотрудникам ООН.

На Родосе же шли переговоры с Трансиорданией. С Ливаном израильтяне договаривались в приграничном селении, с Сирией переговоры начались только четвертого апреля на нейтральной полосе между двумя государствами.

Двадцать четвертого февраля Израиль подписал соглашение о перемирии с Египтом; через месяц, двадцать третьего марта, с Ливаном.

За два месяца до начала официальных переговоров, двадцать четвертого января, советский посланник в Ливане и Сирии Даниил Солод принял бывшего министра ливанского правительства Жозефа Салема, христианина по вероисповеданию. Тот доверительно говорил советскому дипломату: *«Для Ливана значительно выгоднее, чтобы в Палестине существовало еврейское государство, ибо такое государство автоматически становится естественным союзником христианского Ливана против окружающих мусульманских государств, которые в случае их расправы над евреями неизбежно начнут притеснения ливанских христиан.*

Касаясь нынешнего положения во взаимоотношениях Ливана с Израилем, Салем доверительно сообщил, что его брат, начальник ливанского генерального штаба полковник Тауфик Салем, уже два раза встречался с еврейским командованием на палестинской границе и получил условия, на которых Израиль согласен заключить постоянное перемирие с Ливаном».

Третьего апреля Израиль начал переговоры о перемирии с Трансиорданией, тридцатого июня — с Сирией.

В соглашениях определялась демаркационная линия и оговаривалось, что эта линия не рассматривается в качестве «политических или территориальных границ». Но Соединенные Штаты, Англия и Франция взяли на себя роль гарантов соглашений о перемирии, и в частности территориальной целостности государств, подписавших соглашения, в границах, соответствующих линиям перемирия.

Между Израилем и Трансиорданией шли переговоры о заключении мира. Арабские дипломаты осенью

пятидесятого года жаловались на то, какое гнетущее впечатление производит на них дружественная атмосфера, которую король Абдаллах пытается создать в Иерусалиме между евреями и иорданцами. Арабским дипломатам стало легче, когда короля убили, а Совет Лиги арабских стран запретил переговоры с Израилем.

Совет Безопасности ООН отметил, что заключение соглашений о перемирии отменяет положение об эмбарго на поставки оружия всем странам, участвовавшим в конфликте.

Израиль хотел сохранения эмбарго, боялся, что закупки оружия подтолкнут арабские страны к новой войне. Западные страны его не поддержали. Советский Союз лояльно воздержался при голосовании.

Израильтяне напрасно возражали. Двадцать пятого мая пятидесятого года Англия, Франция и Соединенные Штаты впервые заявили, что готовы рассмотреть заявки арабских стран и Израиля на поставки оружия. Это заявление имело огромное значение. Арабские страны и раньше покупали оружие. Теперь западные страны соглашались продавать оружие и Израилю.

Министр иностранных дел Израиля Шаретт, выступая в кнессете, заявил, что решение ООН о разделе Палестины утратило силу в результате нападения арабских стран на Израиль. Шаретт имел в виду, что если арабские страны не признали установленные международным сообществом границы, то и еврейское государство не намерено это делать.

В Москве спокойно отнеслись к этому заявлению израильского министра. Сталин считал, что победитель в войне имеет право на территориальные приобретения и сам в сорок пятом расширил границы Советского Союза.

Двадцать девятого июня сорок девятого года Вы-

шинский принял нового израильского посланника Мордехая Намира, вручившего ему копии верительных грамот.

— Вы неоправданно скромничаете в оценке своих достижений, — сказал Вышинский новому посланнику, — ваше положение достаточно прочно, и нет причин для беспокойства.

Намир заметил, что имеет поручение от своего правительства официально пригласить представителя Советского Союза нанести государству Израиль визит дружбы.

— Не примите за вмешательство в ваши внутренние дела, — шутливо добавил Намир, — но наш народ и правительство были бы особенно рады принять в качестве гостя Андрея Андреевича Громыко, имя которого знает каждый школьник в Израиле.

Намир, конечно же, не знал, что Вышинский и Громыко терпеть друг друга не могут и находятся в контрах.

Молотов, пока был министром, открыто покровительствовал Громыко, а Вышинский столь же откровенно не любил быстро растущего молодого соперника. Когда Молотова убрали, а министром сделали Вышинского, для Громыко наступили тяжелые времена.

Конечно, Андрея Андреевича знал Сталин, и без санкции вождя ничего с ним сделать было нельзя. Но министр капал на Громыко, старался на чем-нибудь его подловить, жаловался членам политбюро на недостаточную политическую зрелость своего заместителя. Так что теплые слова о Громыко могли только разозлить Вышинского.

А в Израиле к Андрею Андреевичу действительно испытывали благодарность. Лига дружественных свя-

зей с СССР даже предлагала назвать именем Андрея Громыко одну из улиц Тель-Авива.

Министр не мог отмахнуться от официального приглашения, сделанного израильским послом. Через две недели, четырнадцатого июля, Вышинский отправил записку Сталину по поводу приглашения Громыко в Израиль.

Министр предложил отказаться от приглашения, поскольку подобный визит *«правительство Израиля намерено использовать для того, чтобы подкрепить свои позиции в дальнейшем торге с США и Англией с целью получения нового займа и ослабления нажима англосаксов в вопросе о границах, арабских беженцах и Иерусалиме...*

Кроме того, визит в Израиль советского представителя вызовет массу различных кривотолков за границей, что, несомненно, постараются использовать США и Англия для укрепления своего влияния в арабских странах и для ухудшения наших отношений с ними».

Вождь поддержал Вышинского. Громыко лишился возможности побывать в стране, появлению которой на свет он весьма способствовал.

Новый израильский посланник, Мордехай Намир (Немировский), родился в Херсонской области в восемьсот девяносто седьмом году, окончил экономический факультет Одесского университета, играл на скрипке. В двадцать четвертом году уехал в Палестину. В Херсоне остались его мать и сестра.

О Намире дипломаты, как водится, запросили министерство госбезопасности. В справке, составленной для Вышинского, говорилось: *«По имеющимся данным, руководство партии МАПАМ при отъезде Намира в СССР дало ему указание установить контакт с еврейскими националистами в Советском Союзе, через кото-*

рых возбудить среди евреев в СССР стремление эмигрировать в государство Израиль.

По данным МГБ, пока никаких данных об антисоветских националистических действиях Намира за время пребывания его в СССР не имеется».

МАПАМ это сокращение от Мифлегет Поалей Эрец Исраэл — Партия рабочих Израиля.

Восьмого июля Намир вручил верительные грамоты председателю президиума Верховного Совета СССР Николаю Михайловичу Швернику. Присутствовал заместитель министра иностранных дел Громыко. Намир телеграфировал министру иностранных дел Шаретту, что «атмосфера беседы была очень хорошей». Шверник задал посланнику множество вопросов, Громыко весьма одобрительно отозвался о достижениях Израиля.

Советская дипломатия продолжала однозначно поддерживать Израиль на мировой арене.

Тридцать первого августа заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока Иван Бакулин подготовил тезисы к выступлению советской делегации на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о помощи палестинским беженцам. В тезисах не было ни слова осуждения Израиля.

«Проблема палестинских беженцев, — говорилось в документе МИД, — *возникла в результате политики определенных монополистических кругов Англии и США, которые сорвали мирное разрешение палестинского вопроса и создали условия для военных действий в Палестине, которые принесли для еврейского и арабского народов тяжелые страдания...*

Советская делегация считает, что радикальное решение проблемы беженцев — это заключение мира между арабскими странами, с одной стороны, и государством Израиль, с другой, а также быстрейшая реализация ре-

шения Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 года о создании независимого арабского государства на территории арабской части Палестины...»

Арабские вожди убедили палестинских арабов покинуть территорию Израиля, обещая быстренько уничтожить евреев — и тогда все смогут вернуться на освободившиеся земли. Еще в пятидесятом году руководители арабского национального комитета Хайфы с гордостью говорили, что это они вывезли все арабское население города.

В Москве в министерстве иностранных дел были прекрасно осведомлены, зачем арабские страны ставят вопрос о возвращении беженцев, но ничего не делают, чтобы им помочь.

Советская миссия в Ливане четырнадцатого апреля сорок девятого года докладывала своему куратору заместителю министра иностранных дел Зорину: *«Арабские страны настаивают на возвращении всех арабских беженцев не потому, что их негде разместить в остальных арабских странах или же в арабской части Палестины, а потому, что они хотят иметь на территории еврейского государства своего рода пятую колонну, которая в случае возобновления военных действий в последующем сможет оказать серьезную поддержку арабскому наступлению».*

Третьего сентября сорок девятого года отдел стран Ближнего и Среднего Востока МИД подготовил объемную справку — «Палестинский вопрос».

В ней, в частности, совершенно определенно назывался виновник первой арабо-израильской войны. И это не был Израиль: *«Известно, что арабская агрессия в Палестину была спровоцирована англичанами, которые использовали низменные националистические стремления арабов и толкнули их на войну против евреев...*

Несмотря на все усилия английских и американских

империалистов, им не удалось предотвратить возникновение и укрепление государства Израиль, которое стало реальной действительностью...»

Произраильская линия во внешней политике сопровождалась нарастанием антисемитизма внутри страны.

Сотрудники аппарата ЦК, разговаривая с представителями братских компартий, откровенно хвастались:

— А товарищ Жданов вычистил всех евреев из аппарата Центрального комитета!

Сталинский антисемитизм был биологическим или, точнее, зоологическим. Еще оставалось некоторое количество евреев на достаточно видных постах; они вносили заметный вклад в науку, медицину, искусство. В первую очередь с ними боролись как с конкурентами.

Поднятая Сталиным на вершину партийной номенклатуры малограмотная и злобная шпана ощущала ненависть ко всем, кто был другим. Поэтому и в группу «безродных космополитов», и в группу «врачей-вредителей» включались и русские люди. Не только для того, чтобы замаскировать антисемитский характер кампании, но и для того, чтобы под шумок разделаться и с ними.

При нацистах это называлось борьбой с «белым еврейством», то есть с евреями не по крови, а по духу. В борьбе с «космополитами» появилась сплоченная когорта профессиональных разоблачителей, как правило, бездарных людей, надеявшихся сделать карьеру за счет уничтожения коллег.

«Ненависть к евреям, — писал выдающийся русский философ Николай Александрович Бердяев, — *часто бывает исканием козла отпущения. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить.*

Это не делает чести человеческой природе, но человек чувствует успокоение и испытывает удовлетворение, когда виновник найден и его можно ненавидеть и ему мстить».

Чистка шла по всей стране. Евреев изгоняли из науки, медицины, высших учебных заведений, государственного аппарата, вооруженных сил.

Пятого октября сорок девятого года израильский посланник Намир телеграфировал министру иностранных дел Шаретту:

«Синагога была набита до отказа, тысячи людей, в том числе много молодежи, стояли на улице. Но в отличие от прошлого года никто не решился обратиться к нам. Лишь тысячи глаз были устремлены на нас, пока мы проходили туда и обратно; многие приветствовали, но довольно осторожно...

В этом году усилилась неприязнь к евреям. Представители властей на низовом уровне характеризуют евреев как нелояльный элемент, подозреваемый в шпионаже. На предприятиях и в учреждениях раздаются открытые призывы:

— Убирайтесь в свое государство, в Израиль...

Многие опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы, ставшей прибежищем для оставшихся в живых после нацистского истребления...»

Через десять дней Шаретт телеграфировал Намиру в Москву:

«Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, равно как и в нееврейской прессе по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации...»

На самом деле израильтяне не знали, что им предпринять. Молчать об антисемитской кампании внутри Советского Союза — позорно. Говорить — значит, во-

первых, утратить поддержку Советского Союза, во-вторых, ухудшить положение советских евреев. Это была безвыходная ситуация.

Работавшие в Москве израильские дипломаты считали, что высказываться относительно антисемитизма советских властей и опасно, и бессмысленно.

Советник израильской миссии Арие Левави изложил свое мнение Шаретту: *«Сейчас больше, чем когда-либо прежде, наша живая связь с советским еврейством будет восприниматься Советами как удар в основание их идеологической политики, как крайне опасная трещина в выстроенной ими стене изоляции... Имеется в виду опасность шпионажа и возникновения «пятой колонны»...*

Публичные выступления абсолютно не улучшат положения советских евреев, зато могут ухудшить израильско-советские отношения».

Арие Левави родился в Вильне, поэтому говорил по-русски. Учился в Германии в Гейдельбергском университете, из-за нацистов уехал в Палестину. Во время Второй мировой воевал в британской армии. В сорок восьмом приехал в Москву консулом.

Но израильские дипломаты призывали к молчанию только собственное правительство. Влиять на общественность и прессу они не могли. Израиль сразу сформировался как демократическое государство. Свободу частных газет и радиостанций ограничивала только военная цензура — по узкому кругу вопросов. Все остальное — внутреннюю и внешнюю политику страны, личности политиков, включая главу правительства, — можно было обсуждать, критиковать и высмеивать.

Израильские политики и журналисты не молчали, узнавая о том, что происходит в Советском Союзе.

Читая эти выступления, советские дипломаты и советские руководители злились. Они просто отказыва-

лись понимать, что возможна свобода средств массовой информации.

Седьмого декабря сорок девятого года советский посланник в Израиле Ершов отправил заместителю министра иностранных дел Анатолию Иосифовичу Лаврентьеву справку «Антисоветская пропаганда в израильской печати»:

«В справке указаны основные методы и направления антисоветской пропаганды в израильской печати и собран обширный материал за период с мая по ноябрь месяц с. г., показывающий, что реакционная печать Израиля ведет систематическую антисоветскую пропаганду.

В связи с тем, что с нашей стороны до сих пор не было должной реакции ни по дипломатической линии, ни по линии нашей печати, антисоветская пропаганда в израильской печати усиливается с нарастающим темпом и переходит рамки, соблюдаемые при существовании нормальных дипломатических отношений».

Недовольство Израилем возникало и по другим причинам.

Пятого декабря сорок девятого года министр иностранных дел Шаретт твердо сказал: *«Внешняя политика Израиля — это политика неприсоединения. Израиль не будет солидаризироваться ни с одной из сторон, участвующей в холодной войне...»*

В реальности Израиль все чаще оказывался в одном лагере с западными странами, а не с социалистическими. В Москве это вызывало раздражение: мы вас создали, а вы нас не поддерживаете!

ООН предоставляет дипломатам разных стран уникальную возможность незаметно для публики, за закрытыми дверями, путем длительных консультаций и бесед договориться, достичь компромисса. Но в те времена на компромисс и не рассчитывали. Советские ди-

пломаты превратили ООН в трибуну для столкновений, конфронтации и ругани: не договориться надо было, а обругать.

Тринадцатого декабря советник постоянного представительства Израиля при ООН Гидеон Рафаэль доложил министру иностранных дел Моше Шаретту о встрече с Семеном Царапкиным, который был назначен заместителем советского постоянного представителя при ООН.

Царапкин предъявил Израилю серьезные претензии:

— Ваши выступления на сессии Генеральной Ассамблеи доказывают, что вы явно склоняетесь на сторону Соединенных Штатов. Ни по одному вопросу вы не выступили однозначно против американцев, а по многим вопросам, жизненно важным для Советского Союза, вы проголосовали против советской позиции.

Семен Царапкин напомнил о голосовании по проекту резолюции, осуждавшей подготовку Англией и Соединенными Штатами новой мировой войны. Он подчеркнул, что с советской точки зрения это предложение было самым важным в повестке дня сессии. Израильская делегация не только проголосовала против, но и присоединилась к англосаксонскому проекту резолюции...

Отношение к Израилю стремительно ухудшалось.

Двадцать второго марта пятидесятого года заместитель министра иностранных дел Валериан Зорин отправил записку секретарю ЦК КПСС Михаилу Андреевичу Суслову:

«В дополнение к справке о сионизме, составленной по материалам Комитета информации и посланной Вам 21 марта, направляю два экземпляра справки по этому вопросу, составленной Отделом Ближнего и Среднего Вос-

тока МИД СССР, в которой приводятся выступления лидеров сионизма, характеризующие их отношение к СССР и странам народной демократии.

В этой справке приводятся также факты враждебной Советскому Союзу и странам народной демократии деятельности главным образом представителей государства Израиль за последний период...»

Весной сорок шестого Сталин перевел молодого и растущего партийного работника Суслова в Москву. Его ввели в состав оргбюро ЦК и утвердили заведующим отделом внешней политики. Название отдела не соответствовало его реальным задачам. В обязанность Михаила Андреевича входило надзирать за действиями иностранных компартий, через него шли деньги компартиям.

Суслову поручили еще и курировать работу Еврейского антифашистского комитета, что его явно не обрадовало. Михаил Андреевич почувствовал: комитет, созданный в войну для борьбы с нацизмом, не только больше не нужен, но и вызывает раздражение Сталина. Суслов сразу предложил закрыть комитет. Но это предложение в тот момент не было принято. Михаил Андреевич торопил события.

Суслов делал карьеру на послевоенных идеологических кампаниях, которые были замешаны на антисемитизме. Суслов составлял записки о «засоренности» различных учреждений евреями, докладывал Сталину и Жданову о том, что во многих учреждениях культуры и науки «укоренились низкопоклонство и угодничество перед заграницей и иностранцами, потеряны бдительность и чувство советского патриотизма».

Когда Молотов, Вышинский и Громыко по указанию вождя подбирали аргументы в пользу создания еврейского государства, в мае сорок седьмого года, Суслов представил члену политбюро Жданову, ведавшему

идеологией, записку о «засоренности» евреями Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Заодно он вскрыл «крупные политические ошибки» в работе ВОКС.

Суслов и его подчиненные из Агитпропа подготовили проект секретного постановления политбюро от двадцать первого июня пятидесятого года «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности».

Все советские ведомства получили указание ежегодно представлять в аппарат ЦК отчеты о своей кадровой работе с обязательным указанием национальности ответственных работников. Даже самым далеким от политики быстро стало ясно, что ЦК интересует только количество евреев и что хороший отчет — это тот, который свидетельствует об избавлении от работников-евреев на сколько-нибудь заметных должностях.

Аппарат ЦК стал составлять для руководства специальные таблицы, которые показывали, как стремительно сокращается количество евреев в руководящих кадрах союзных и республиканских ведомств.

К пятьдесят второму году уже не осталось ни одного еврея — первого секретаря обкома, крайкома или секретаря ЦК нацреспублики. Вскоре весь партийный аппарат был полностью очищен от евреев (подробнее см. книгу Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина»).

Аппарат Агитпропа под руководством Суслова начал чистку средств массовой информации от евреев, методично проверяя одну редакцию за другой. Главный редактор, который обвинялся в покровительственном отношении к евреям, тоже лишался своей должности. Дальше намечалась чистка творческих союзов, учреждений культуры, учебных и научных заведений.

Заведующий отделом науки ЦК Юрий Андреевич Жданов (сын члена политбюро) представил Суслову записку о «засоренности» кадров в основных научных институтах:

«В ряде институтов Академии наук имеет место тенденциозный подбор кадров по национальному признаку...

Среди физиков-теоретиков и физиков-химиков сложилась монопольная группа — Л.Д. Ландау, М. А. Леонтович, А. Н. Фрумкин, Я. И. Френкель, В. Л. Гинзбург, Е. М. Лившиц, Г. А. Гринберг, И. М. Франк, А. С. Компанеец, Н. С. Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности».

В списке Жданова-младшего значились выдающиеся ученые, будущие лауреаты Нобелевской премии. Оставшись без них, советская наука обеднела. Это чиновников не волновало. В ЦК тут же составили таблицу евреев — академиков, членкоров, докторов и кандидатов наук — и решили, что их количество надо уменьшить.

Вмешался руководитель атомного проекта профессор Игорь Васильевич Курчатов. Он доходчиво объяснил Берии, что без этих людей ядерную бомбу не создать. Лаврентий Павлович обратился к Сталину, и физиков оставили в покое. Но только физиков.

Миссия Израиля информировала свое правительство об антисемитской кампании в Советском Союзе, вернее, о том, что было на поверхности.

Восьмого марта пятидесятого года министр иностранных дел Шаретт писал посланнику Намиру в Москву:

«Перед этим бедствием мы бессильны.

Причем как раз в эти дни мы удостоились великого избавления для другой еврейской общины, которая также казалась приговоренной к полному истреблению и бессильно трепетала в тисках репрессивного режима: я имею в виду, естественно, решение властей Ирака разрешить выезд евреев в Израиль.

Этот неожиданный поворот событий был достигнут благодаря нашим неустанным усилиям.

В Ираке, стране невежественного фанатизма и жесточайшей тирании, нам удалось создать точки влияния, поддерживать живую связь, действовать и оказывать воздействие. В СССР мы можем лишь наблюдать и фиксировать события, да и то лишь весьма неполным образом...»

А советская миссия в Израиле докладывала в Москву:

«Внешняя политика Израиля, превращаясь в орудие англо-американского блока, ведет государство Израиль к потере своей независимости, которая была достигнута лишь полтора года тому назад при поддержке Советского Союза...

Политика нынешнего правительства Израиля по отношению к СССР и странам народной демократии является неискренней, уклончивой и недружелюбной политикой...»

Двадцать пятого марта пятидесятого года в «Литературной газете» появилась статья молодого сотрудника иностранного отдела Олега Прудкова с прямыми обвинениями в адрес премьер-министра Израиля Шаретта, который именовался в статье «клеветником».

Шаретт пригласил к себе посланника Ершова и выразил свое возмущение статьей. Ершов, прервав министра, *«заметил, что не намерен вступать в дискуссию по поводу этой статьи, поскольку «Литературная газета» не является органом советского правительства»*. Ершов,

разумеется, понимал, что по этой самой причине «Литературная газета» и была избрана для такой публикации...

Советские дипломаты в Тель-Авиве занимали все более антиизраильские позиции. Тридцатого апреля пятьдесят первого года посланник в Израиле Ершов телеграфировал в Москву:

«Посылать в этом году приветственную телеграмму от имени т. Шверника по случаю дня независимости считаю нецелесообразной. Государство Израиль, получившее независимость три года тому назад, в значительной степени утратило ее, вступив в империалистический лагерь США и Англии...

Отношение к СССР стало враждебным. Антисоветская пропаганда ведется систематически и принимает все более широкие масштабы».

Советские дипломаты в других точках земного шара еще вполне дружелюбно относились к еврейскому государству.

Девятого июня пятидесятого года советский представитель при ООН Яков Александрович Малик принял своего израильского коллегу Аббу Эбана, который стал одновременно и послом в США. Присутствовал и советник израильской делегации Гидеон Рафаэль.

«Беседа продолжалась более часа, — записал Абба Эбан, — *но и по прошествии столь долгого времени нам было нелегко уговорить г-на Малика, что пришла пора расстаться. Поскольку советские представители жестко бойкотируют учреждения ООН, они свободны от груза текущей работы в разного рода международных комитетах и комиссиях и имеют возможность вести долгие и основательные беседы со своими гостями.*

Более того, в советском представительстве, оказавшемся в самоизоляции, ощущается дух некоторой ото-

рванности от реальной жизни, отсюда жажда любой информации извне. Это стремление вобрать все впечатления и оценки из любых возможных источников особенно проявляется в отношении нас, так как похоже, что, по убеждению советских представителей, мы обладаем такими обширными связями в США, что можем докопаться до самых корней явной и тайной политики».

Дело в том, что Советский Союз находился в прямой конфронтации с ООН. Советские представители в пятидесятом году блокировали переизбрание норвежца Трюгве Ли на пост генерального секретаря.

Министр иностранных дел Вышинский прибыл в Нью-Йорк и ораторствовал безостановочно. Оратор он был сильный, это все признавали. Среди западных дипломатов таких златоустов не нашлось. Но норвежца все-таки вновь избрали генсеком. Советские представители его игнорировали.

Яков Малик не без удовольствия рассказывал своему младшему коллеге Виктору Исраэляну, что когда в ту пору встречал Трюгве Ли в здании ООН, то громогласно вопрошал:

— Почему охрана пропускает в служебные помещения ООН посторонних лиц?

В октябре пятидесятого года израильского посланника Намира отозвали на родину и сделали генеральным секретарем Гистадрута (профсоюзов). Он пришел к Громыко прощаться. Андрей Андреевич был крайне любезен:

— Вам хорошо, поскольку вы возвращаетесь домой, а нам грустно, поскольку вы нас покидаете.

На приеме в чехословацком посольстве Намир говорил с Громыко и его женой Лидией Дмитриевной, имевшей большое влияние на мужа. *«Последняя в основном расточала комплименты и сожаления в связи с моим отъездом,* — телеграфировал Намир в свое мини-

стерство. — *Нельзя было без эмоций воспринимать эти простые и сердечные слова, произносимые с особой русской теплотой, без тени дипломатического этикета».*

Четвертого октября МИД Израиля в установленном порядке запросил агреман на назначение посланником в Советском Союзе министра просвещения и культуры Израиля Шнеура Залмана Шазара (Рубашова). Первый документ, который он подписал, став министром, было постановление о всеобщем и бесплатном образовании в Израиле.

Советские дипломаты обратились в министерство государственной безопасности. Оттуда поступил ответ за подписью первого заместителя министра госбезопасности генерал-лейтенанта Сергея Ивановича Огольцова (он руководил убийством Соломона Михоэлса в Минске).

В справке МГБ говорилось о «недоброжелательном отношении» Шазара к Советскому Союзу, а также о том, что его брат, советский гражданин, недавно был приговорен к десяти годам «за антисоветскую националистическую деятельность».

Доложили Сталину. Вождь распорядился ответить израильтянам, что в вопросе о кандидатуре посланника «встретились затруднения». Шазар в Москву не приехал. В шестьдесят третьем году он стал президентом Израиля.

Посланником в Москву приехал Шмуэль Эльяшив. С сорок пятого года он был членом исполкома Гистадрута. После создания Израиля стал директором Восточноевропейского департамента МИД Израиля, в пятидесятом году его отправили посланником в Чехословакию и Венгрию.

Тридцать первого августа пятьдесят первого года Эльяшив посетил заместителя министра иностранных дел Александра Ефремовича Богомолова, который окон-

чил Высшую военно-педагогическую школу и преподавал на Химических курсах усовершенствования командного состава Красной армии и заведовал кафедрой диалектического материализма Всесоюзного института кожевенной промышленности имени Л. М. Кагановича.

Из института Богомолова взяли в аппарат ЦК, а в тридцать девятом перевели в наркомат иностранных дел генеральным секретарем. Во время войны Богомолов был в Лондоне послом при эмигрантских правительствах, нашедших убежище в Англии, после войны — послом во Франции. В пятидесятом его назначили заместителем министра. Он предпочитал больше слушать, чем говорить.

Израильский дипломат просил Александра Богомолова поддержать в Совете Безопасности обращение Израиля по поводу того, что Египет не пропускает через Суэцкий канал суда с грузами для Израиля. *«Не было случая,* — напомнил Эльяшив, — *чтобы советская делегация в ООН голосовала против Израиля. Мы ожидаем, что и на этот раз позиция Советского правительства не изменится».*

В пятьдесят первом году в переписке советских посольств с Москвой впервые появляются предложения поддержать арабские страны против американского империализма. Особые симпатии уже тогда вызывала Сирия как самое антиамерикански настроенное государство.

Четвертого октября Шмуэль Эльяшив телеграфировал в МИД Израиля: *«В кануне еврейского Нового года и в два праздничных дня посетили синагогу. Как всегда, тысячи молящихся в огромной скученности, среди которых множество молодых.*

Вокруг нас атмосфера напряженности, страх приблизиться, отдельные попытки обменяться репликами.

Двоим удалось передать нам записки с важной информацией о положении евреев. Шпионы внутри синаноги следили за каждым нашим шагом».

Но и Яков Малик, пока был представителем в ООН, охотно поддерживал личные отношения с израильскими коллегами, и Андрей Вышинский позволял себе доброжелательно беседовать с израильскими дипломатами.

Шестого января пятьдесят второго года в советском посольстве в Париже министр иностранных дел Вышинский принял израильского коллегу Моше Шаретта.

Шаретт родился в России. В Палестину его привезли в возрасте тринадцати лет. Он учился в Стамбуле, во время Первой мировой войны служил лейтенантом в турецкой армии. Он был организатором еврейской полиции, которая противостояла еврейским погромам в Палестине.

Шаретт свободно говорил по-арабски, знал арабскую культуру, понимал арабов. Его понимание тонкостей восточной дипломатии помогало ему беседовать и с Вышинским. При этом министр был редкостным педантом, все помнил и на переговорах отстаивал каждую позицию до последнего.

Два министра разговаривали долго, Шаретт составил подробнейший отчет.

Израильтянин начал с самого важного для него и самого неприятного для советского дипломата вопроса.

— Я хотел бы с разрешения господина Вышинского выяснить проблему, которая уже поднималась в наших беседах, и я надеюсь, что не злоупотреблю вашим терпением. Вопрос простой, придет ли когда-нибудь время, когда советские евреи смогут приезжать в Израиль?

Андрей Януарьевич хотел сразу ответить, но, уви-

дев, что Шаретт еще не закончил, взял лист бумаги и карандаш и стал записывать.

— Советский Союз — единственная страна, из которой нет еврейских репатриантов в Израиль, — продолжал Шаретт. — Это нас весьма удручает и беспокоит. Мы не можем смириться с создавшимся положением. Судьба еврейского народа отличается от судеб всех остальных народов. Все народы живут на своей земле. Евреи же были изгнаны со своей земли и разбросаны по всему свету. Национальное освобождение для них должно начаться с возвращения на родину. Мы не понимаем, почему Советский Союз должен ставить препятствия на историческом пути евреев?

Вышинский покачал головой, сурово посмотрел на Шаретта и сказал, что относительно исторического пути народа могут быть разные точки зрения.

— У нас нет сомнения, по какому руслу движется современная еврейская история, — возразил Шаретт. — Мы были пылью, рассеянной по лику земли, но сумели собраться воедино. Советский Союз помог нам сделаться государством. Эта помощь никогда не сотрется со скрижалей нашей истории. Но с достижением независимости наше становление не завершено. Но лишь советские евреи не принимают участия в этом процессе. Недавно наш посланник в Москве имел возможность обсудить с господином Вышинским вопрос о репатриации близких родственников, то есть о выдаче виз на выезд в Израиль гражданам Советского Союза, члены семей которых живут в нашей стране. Можем ли мы надеяться, что решение будет найдено, по крайней мере в этой части оторванность советских евреев от Израиля будет преодолена?

Вышинский начал отвечать, время от времени заглядывая в свои записи. В его голосе слышалось еле

сдерживаемое раздражение. Потом оно прорвалось наружу.

— Советский Союз стоял на стороне Израиля в самые трудные моменты, — напомнил Андрей Януарьевич. — Мне хотелось бы ошибаться, но у меня складывается впечатление, что трудные моменты ждут Израиль и в будущем. В каждом таком случае он может твердо рассчитывать на поддержку Советского Союза. А как сам Израиль ведет себя по отношению к Советскому Союзу? В каких случаях он помогает Советскому Союзу? Ведь в межгосударственных отношениях не принято просить о помощи, не отвечая взаимностью. Я сижу и смотрю на вас на этой сессии, и что же я вижу? Вы не только не помогаете, но даже занимаете недружественную позицию по отношению к Советскому Союзу. Я знаю, что вам нелегко вступать в столкновение с Соединенными Штатами. Вы зависите от американцев в экономическом плане, и я вхожу в трудности вашего положения. Но разве вы не могли по крайней мере воздержаться при голосовании? Ваша поддержка американской позиции глубоко огорчила меня и моих товарищей. Нам неважно, как голосует Коста-Рика или Гондурас, но Израиль?! Мы убеждаемся в том, что Израиль перешел к последовательной поддержке врагов Советского Союза.

Шаретт прервал Вышинского:

— Вам прекрасно известно о том, как мы голосовали за кандидатуру Белоруссии в Совет Безопасности — вразрез с позицией Соединенных Штатов.

Это замечание вызвало новый взрыв возмущения.

— Голосуя за Белоруссию, Израиль выполнял свой долг прежде всего перед собой, а не перед Советским Союзом, — отчеканил Вышинский. — Это был вопрос соблюдения основополагающего принципа, попранно-

го американцами. Как Израиль вообще может полагаться на дружбу такой державы, как Соединенные Штаты? Американцы будут помогать только до тех пор, пока Израиль можно использовать. Соединенные Штаты действуют всегда только в своекорыстных интересах. Изменятся их расчеты, и эти разбойники, не колеблясь, просто задушат Израиль. И в такой ситуации израильтяне еще приходят просить помощи у Советского Союза?! Израиль не имеет никакого права на такую помощь! Если бы это была официальная беседа, я тут ее бы и завершил, ограничившись замечанием, что, раз вы не понимаете сущности советской политики, я не обязан давать вам разъяснения. Но это не просто официальная беседа, а разговор с Шареттом, к которому я всегда питал чувства личной симпатии и уважения. Вам я готов объяснить ситуацию.

Действительно, ваш посланник обсуждал со мной проблему воссоединения семей. Но за последний год я шесть месяцев проболел (сердце) и не мог заниматься делами. Да и сейчас приходится беречь себя. Но по возвращении из Парижа я займусь этими делами. Если речь идет о пожилых людях, у которых дети в Израиле, или о молодых, у которых в Израиле родители, нет никаких оснований напрасно заставлять людей страдать. Но в данном случае проблема поднята иначе, в плане эмиграции.

Записывавший ход беседы израильский дипломат пометил, что Вышинский произнес это слово с украинским акцентом с фрикативным «г».

— Об эмиграции нечего и говорить, — отрезал Вышинский. — Государственный строй Советского Союза этого не позволяет. Кроме того, в этом плане проблема не существует. Не следует смешивать советских евреев с евреями в других странах. У меня самого много зна-

комых евреев, и ни один из них не помышляет об эмиграции в Израиль или любую другую страну. И это неудивительно. Евреи в Советском Союзе пользуются полным равенством. Они занимают важные позиции по всех сферах жизни. Достаточно упомянуть Лазаря Кагановича, одного из самых известных и любимых деятелей в Советском Союзе.

Когда Андрей Януарьевич закончил свою речь, Шаретт сразу сказал:

— Я высоко ценю личное доверие с вашей стороны и сам тоже буду говорить со всей искренностью.

Высказавшись, Вышинский расслабился и вернулся в доброе расположение духа. Поэтому он прервал Шаретта, заметив:

— Никакие привходящие обстоятельства не в силах изменить мое личное отношение к вам. Несколько минут назад я немного сорвался, о чем весьма сожалею. Забудьте об этом.

— Я прекрасно понимаю, что вы хотели мне объяснить, и со своей стороны прошу позволения сделать несколько замечаний, — мягко заговорил Шаретт. — Разумеется, голосовать за Белоруссию было нашим долгом по отношению к принципам, которых мы придерживаемся. Но факт остается фактом — это в значительной степени испортило наши отношения с Соединенными Штатами. А учитывая полную экономическую зависимость от американской помощи — кстати, я рад был услышать, что необходимость этой помощи вы понимаете, — такое решение, разумеется, далось нам нелегко. Я не знаю, понимаете ли вы, насколько наше государственное строительство зависит от помощи Соединенных Штатов. Используя только местные ресурсы, нам никак не создать экономику, которая смогла принять сотни тысяч уже прибывших репатриантов и

сотни тысяч тех, кто еще приедет. Единственным источником внешней помощи является Америка: не только американские евреи, но и администрация Соединенных Штатов.

— Я понимаю ваш подход, — сказал Вышинский, — но, если честно, не разделяю его. Впрочем, это мое личное мнение, и мы можем о нем говорить не как представители государства, а как два бывших студента одного и того же университета. Я лично считаю, что выбранный вами путь ведет не к независимости, а к экономическому и политическому порабощению.

— Если из опасений оказаться «порабощенными» мы откажемся от американской помощи, — возразил Шаретт, — очень скоро нас просто не станет. И это не вопрос одной только экономической помощи. Нам необходимо много оружия. Мы окружены врагами со всех сторон. Но при всей нашей нужде в иностранной помощи мы полны решимости не содействовать никаким агрессивным проискам против Советского Союза. Мы знаем, что советская пресса постоянно публикует вымыслы о якобы строящихся у нас американских базах, о том, что мы являемся орудием в руках Соединенных Штатов для достижения темных целей, но эти публикации не имеют под собой почвы.

— Никогда мы о вас такого не говорили, — заметил Вышинский.

— Тем не менее советская пресса постоянно публикует такую информацию.

Вышинский промолчал.

— Мы заинтересованы поддерживать равновесие в нашей международной позиции, но Советский Союз нам не помогает, — зашел с другой стороны Шаретт. — Наши связи с американскими евреями постоянно расширяются, а с советскими евреями нет никаких кон-

тактов. В результате получается, что в этом плане перевес на американской стороне.

Вышинский бурно реагировал на эти слова:

— Как Израиль не понимает, что Америка содействует этим связям лишь для собственной выгоды? Американские евреи, прибывающие в Израиль, являются орудием осуществления замыслов Вашингтона!

— Я не имел в виду американских евреев, репатриирующихся в Израиль, их очень немного. Речь идет об американских евреях, посещающих Израиль. И мы их можем посещать.

— Это другое дело, — ловко вывернулся Вышинский. — Это туризм. Действительно туризм в Советском Союзе страдает от недостатка средств, государство занято послевоенным восстановлением и не имеет свободных денег для развития туризма. Но пройдет время, и ситуация изменится.

Шаретт понял, что разговор зашел в тупик. Ему не удалось продвинуться ни на шаг.

— Чтобы поставить все точки над «i» и разъяснить нашу позицию по этому вопросу, мы хотели бы когда-нибудь встретиться со Сталиным.

— Товарищ Сталин прекрасно понимает эту проблему, — отчеканил Вышинский, отметая предположение о том, что вождь может чего-то не знать.

Шаретт все же попытался на прощанье еще раз сказать о еврейской эмиграции:

— Нам ясно, что очень многие советские евреи считают себя плотью от плоти советского строя и даже не думают о том, чтобы покинуть Советский Союз. Но, возможно, немало и таких, кто выбрал бы репатриацию в Израиль, если бы им предоставили такую возможность.

Вышинский вновь повторил:

— Никто такого желания не выражает.

— Это потому, что нет возможности, — напомнил Шаретт.

— Никто не обращается за визой, — хладнокровно сказал Вышинский, — и нам не известно о ком-либо, кто хотел бы уехать. Желание покинуть Советский Союз вообще не может возникнуть, потому что евреи — часть советского общества. Если бы приехали и посмотрели, убедились бы сами.

Вышинский сказал это для красного словца. Но Шаретт поймал его на слове:

— Я, вообще говоря, и хотел бы просить разрешения приехать в Советский Союз.

Вышинский смутился, поняв, что сказал что-то лишнее, но тут же поправился и сказал:

— Я всегда рад вас видеть.

Считать это официальным приглашением было нельзя. Но расстались министры вполне дружески.

Запись беседы получили и в израильской миссии в Москве.

Первого февраля израильский посланник в Советском Союзе Эльяшив откровенно изложил Шертоку свое мнение:

«Внимательно ознакомился с содержанием твоей беседы с Вышинским...

Мне кажется, что с твоей стороны было ошибкой пойти на эту встречу не одному. Вышинский пришел один, что совершенно не в их обычае. То есть он был готов на свободную беседу с тобой, и, возможно, само появление постороннего человека, участие которого в беседе было ему непонятно, привело его в еще большее раздражение и одновременно предоставило аудиторию для публичной речи.

Мне трудно себе представить Вышинского, выходящего из себя, когда вы сидите друг против друга без посторонних глаз...»

Эльяшив писал, что его смутило поведение израильской делегации на Генеральной Ассамблее ООН. Он считал, что «произошел серьезный отход от линии на неприсоединение».

Посланник в Москве доказывал своему министру:

«Если серьезно рассчитывать получить что-либо от СССР в области репатриации и если проблема советских евреев для нас действительно так важна, мы должны считаться с интересами стороны, от которой зависит решение этой проблемы.

Нельзя забывать, что мы просим о решении, идущем вразрез со всей здешней реальностью. Оно в корне противоречит всей жесткой практике герметически закрытых границ. У нас нет ни малейших оснований надеяться, что они пойдут наперекор собственным представлениям, если, со своей стороны, мы будем выглядеть в их глазах составной частью враждебного им лагеря...

В конце концов, даже на этой сессии, при всем своем заигрывании с арабами, русские не предпринимали действий против нас, а по нашему вопросу они не голосовали вместе с арабскими странами...

Я прихожу к однозначному выводу: советские евреи безгранично чувствительны ко всему, что касается нашей политики, они действительно очень опасаются того, что Израиль окажется в одном лагере с врагами их родины. Эти люди преданы своей родине не меньше, чем евреи в других странах — своей...

Они просто молятся, чтобы Израиль не представал в глазах Советского Союза врагом, они опасаются каждого нашего движения, каждого голосования, они вдвойне и втройне страдают каждый раз, когда видят в газете статью или заметку о какой-то нашей недружественной акции...

Здесь, конечно, можно ответить так: еврейство ди-

аспоры не отвечает за политику Израиля, а Израиль определяет свою политику в соответствии со своими потребностями и интересами. Однако такая постановка вопроса и применительно к другим местам отдает догматизмом, а применительно к стране, где я нахожусь, она просто оторвана от жизни. Здесь действуют совершенно иные эмоциональные и рассудочные категории, чем в любом другом месте...»

Двадцать третьего февраля пятьдесят второго года первый заместитель министра иностранных дел СССР Громыко отправил записку вождю:

«Товарищу Сталину И. В.

8 декабря 1951 г. посланник Израиля в СССР Эльяшив по поручению своего правительства сделал в МИД СССР заявление, в котором... правительство Израиля ставит перед советским правительством вопрос о разрешении выезда евреев из СССР в Израиль...

Учитывая, что правительство Израиля уже неоднократно в различных формах ставило вопрос о выезде евреев из СССР в Израиль, МИД СССР считает целесообразным поручить посланнику СССР в Израиле т. Ершову дать ответ по существу этого вопроса министру иностранных дел Израиля Шаретту.

В этом ответе т. Ершов должен указать, что содержащаяся в заявлении правительства Израиля от 8 декабря 1951 г. постановка этого вопроса является по существу вмешательством во внутренние дела СССР, а также разъяснить существующий в СССР общий для всех советских граждан порядок выезда из СССР, установленный действующим законодательством.

Этот ответ т. Ершов должен дать Шаретту во время очередного посещения МИД Израиля в связи с каким-либо другим вопросом...»

Вышинский выполнил свое обещание. После раз-

говора с Шареттом действительно поручил своему помощнику Борису Подцеробу разобраться, что происходит с воссоединением семей.

Шестого апреля руководители консульского управления и Отдела стран Ближнего и Среднего Востока представили министру Вышинскому проект составленной для заместителя главы правительства Молотова справки «О выезде граждан СССР в Израиль на постоянное жительство»:

«Во исполнение указания о том, чтобы не препятствовать выезду граждан СССР — евреев в Израиль на постоянное жительство, докладываю следующее.

1. По данным Главного управления милиции, в 1952 г. гражданами СССР было подано в органы милиции 6 заявлений с просьбой о разрешении выезда в Израиль на постоянное жительство. Решения по этим заявлениям пока не приняты. Дела подготавливаются Главным управлением милиции для передачи в Комиссию по выездам при ЦК ВКП(б).

По предыдущим годам имеются такие данные:

1948 г. — подано 6 заявлений, дано разрешений 2.

1949 г. — подано 20 заявлений, дано разрешений 4.

1950 г. — подано 25 заявлений, разрешений выдано не было.

1951 г. — подано 14 заявлений, дано разрешений 4.

2. Ознакомление с делами граждан, подавших заявления в текущем году, с просьбой разрешить выезд в Израиль на постоянное жительство, показало, что эти просьбы могут быть удовлетворены.

Все 6 подавших заявление о выезде из СССР в Израиль на постоянное жительство граждан СССР являются евреями в возрасте от 52 до 77 лет и просят разрешения выехать к своим детям, находящимся в Израиле и готовым принять родителей на свое иждивение.

МИД СССР считает, что министерству государственной безопасности СССР (т. Игнатьеву), Главному управлению милиции СССР (т. Леонтьеву) и Комиссии по выездам при ЦК ВКП(б) (т. Савченко) должно быть дано указание разрешить выезд упомянутых лиц в Израиль на постоянное жительство.

3. Что касается поданных в 1951 г. заявлений евреев о выезде в Израиль, по которым были приняты отрицательные решения, то считаю целесообразным дать указание Комиссии по выездам при ЦК ВКП(б) рассмотреть эти дела вновь и разрешить выезд в Израиль, если к тому не будет препятствий особого характера...»

Вышинский был недалек от истины, когда говорил Шаретту, что никто из советских евреев не просится в Израиль. Практически никому это просто не приходило в голову. Все понимали, что такая просьба чревата потерей не только работы, но и свободы.

Первого марта пятьдесят второго года было подписано торговое соглашение между двумя странами: Израиль должен был поставить в Советский Союз пятьдесят тонн бананов и тридцать тысяч ящиков апельсинов. Девятнадцатого мая последовало еще одно соглашение — Израиль продает пятьдесят тысяч ящиков апельсинов и получает нефтепродукты.

Двенадцатого мая посланник в Израиле Ершов отправил в Москву политический отчет за прошлый год. В заключительном разделе говорилось:

«1951 год стал для Израиля годом потери независимости как в экономике, так и во внутренней и внешней политике.

Экономическая политика израильского правительства, основанная на получении американских займов и капиталовложений, ведет страну к катастрофе, выход из которой правящие круги видят в американской оккупации Израиля...

Отношение правительства Израиля к Советскому Союзу стало более враждебным...

Исходя из вышеизложенного, в нашем отношении к Израилю было бы целесообразно учитывать следующие факторы:

1) Прекращение всякой политической поддержки Израиля в вопросах, рассматриваемых в ООН и ее органах.

2) Прекращение иммиграции в Израиль евреев из стран народной демократии, поскольку эта иммиграция усиливает потенциальные возможности Израиля...»

Третьего мая пятьдесят второго года правительство Израиля приняло решение перевести министерство иностранных дел в Иерусалим. Фактически переезд произошел позже.

Двадцать седьмого июня Вышинский телеграфировал в советскую миссию:

«Вам необходимо внимательно следить за реакцией представителей США, Англии, Франции и других стран в Израиле на мероприятия израильского правительства по переводу столицы в Иерусалим и своевременно информировать нас об этом.

Сообщите Ваше мнение о нашей возможной позиции в этом вопросе».

Десятого июля временный поверенный в делах Александр Никитич Абрамов телеграфировал в Москву:

«Следует все время иметь в виду, что более 800 тысяч арабов-беженцев, варварски изгнанных евреями из Израиля, до сих пор еще влачат свое жалкое существование.

Признание нами города Иерусалима столицей Израиля ухудшило бы отношение к нам со стороны арабских стран, а также некоторых мусульманских и католических стран...

Переезжать нашей миссии в Иерусалим не следует...

В случае же, если вслед за переездом МИД Израиля в Иерусалим последуют дипломатические представительства США, Англии, Франции и другие, то вопрос о переезде нашей миссии следует обсудить особо, используя наш переезд в качестве одной из мер давления на израильское правительство...»

Александр Никитич Абрамов был после войны посланником в Финляндии, послом в Швеции, в пятьдесят втором году его командировали в Израиль советником.

АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛА ПРОСЯТ НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Летом в соседнем Египте произошли события, имевшие далекоидущие последствия для всего региона. Молодые офицеры подняли восстание против королевского режима.

В январе пятьдесят второго года в Каире проходили выборы руководства офицерского клуба. Избрали офицеров, которые призывали покончить с коррупцией в государственном аппарате. Король Фарук остался недоволен выборами. Он наложил арест на кассу клуба, а потом распорядился вообще его закрыть. Это возмутило офицеров, которые подняли мятеж.

Они немедленно связались с посольствами Соединенных Штатов, Англии и Франции. Впоследствии они уверяли, что боялись вмешательства британских войск, которые стояли в зоне Суэцкого канала. Они попросили англичан помешать египетской танковой части, верной королю, двинуться на Каир. Англичане не стали вмешиваться.

Двадцать шестого июля пятьдесят второго года король Египта Фарук отрекся от престола и был выслан из страны.

В Израиле положительно оценили свержение короля, рассчитывая, что с новыми руководителями можно будет поладить и установить мир.

Десятого августа премьер-министр Давид Бен-Гурион, выступая в кнессете, одобрительно отозвался о новом египетском правительстве и сказал, что у еврейского государства нет причин для споров с Египтом:

— Сотрудничество между Израилем и Египтом помогло бы Египту преодолеть политические и социальные трудности, с которыми он борется.

Буквально через неделю, восемнадцатого августа, Бен-Гурион благожелательно высказался в адрес одного из руководителей египетской революции генерал-майора Мохаммада Нагиба и заметил:

— Прежде не было и сейчас нет оснований для политического, экономического или территориального конфликта между нашими странами.

Это было очевидным приглашением к диалогу, тайному или явному.

Генерал Нагиб возложил на себя обязанности премьер-министра Египта. Гамаль Абд-аль Насер получил пост заместителя премьер-министра и министра внутренних дел. В ноябре пятьдесят четвертого он сменил Нагиба, стал главой правительства и исполняющим обязанности президента. В пятьдесят шестом его утвердили президентом и главнокомандующим вооруженными силами. Должность премьер-министра ликвидировали. Всю власть сконцентрировал в своих руках Насер, и он ни с кем не хотел делиться. В шестьдесят четвертом году, почувствовав себя увереннее, он вновь создал пост главы правительства.

Двадцать шестого августа в советском представительстве при ООН Яков Малик принял Гидеона Рафаэля, своего коллегу из израильского представительства.

— Арабы подняли страшный шум в связи с переводом министерства иностранных дел в Иерусалим, — пренебрежительно заметил Малик. — Но кто на них обращает внимание? Непонятно только, почему ваши американские друзья вмешиваются в ваши внутренние дела и выступают против перевода вашего МИД в Иерусалим?..

Малик сказал израильтянину:

— С нашей точки зрения, только правительство Израиля вправе решать, где будет находиться то или иное его министерство. Ни ООН, ни правительства других стран не вправе вмешиваться в это.

Рафаэль переспросил:

— Итак, мы можем считать, что вы не будете настаивать на обсуждении проблемы Иерусалима на наступающей сессии?

— Именно так, — ответил Малик. — Мы не заинтересованы в обсуждении ни палестинской, ни иерусалимской проблем...

Советского представителя интересовало отношение Израиля к новому египетскому правительству.

— В чем смысл обращения вашего премьер-министра с трибуны кнессета к Нагибу? — спросил Малик. — Вы что, серьезно надеетесь договориться с этим военным диктатором?

— Я не могу ответить, есть ли шансы, что призыв премьер-министра увенчается успехом, — дипломатично ответил Рафаэль. — Пока ждем ответа египтян. Мы не считаем, что у нас есть право выбора режимов, с которыми мы должны быть готовы жить в мире...

После этого израильский представитель перешел к суэцкой проблеме. Египет по-прежнему не пропускал суда с грузами для Израиля, несмотря на резолюцию Совета Безопасности от первого сентября. Малик прервал Рафаэля:

— Что, действительно никакого продвижения? И вы не нашли никаких щелей для доставки грузов в Израиль?

Рафаэль пояснил, что Египет не отменил инструкции, запрещающие израильским судам проход по каналу...

Малик сказал, что Советский Союз против любой морской блокады и не согласен с такой блокадой в районе Суэцкого канала...

Гидеон Рафаэль напомнил о прошлогодней дискуссии в Совете Безопасности и упомянул имя заместителя Малика — Семена Царапкина. Яков Малик прервал израильтянина ироническим замечанием:

— Бедняга Царапкин, как ему жить без палестинской проблемы? Он ведь в ней чувствовал себя как рыба в воде.

Через два дня пришло сообщение, что Царапкин переведен на другую работу и не вернется в ООН.

Девятнадцатого октября пятьдесят второго года временный поверенный в делах СССР в Израиле Александр Абрамов писал в Москву:

«За последнее время израильское правительство резко изменило свое отношение к СССР. Это выражается в открыто враждебных СССР выступлениях премьер-министра Бен-Гуриона, министра иностранных дел Шаретта, в инспирированных выступлениях печати против СССР, клеветнических, полных вымысла книгах и статьях против главы нашей партии, советского правительства...

Не лучше ли было бы повременить с приездом посланника на некоторое время и, тем более, преобразовывать миссию в посольство, как об этом формально просит МИД Израиля?..»

Девятого ноября пятьдесят второго года умер президент Израиля Хаим Вейцман. Он искренне был рас-

положен к России, где он родился. Его отец, Евзор Хаймович, работал в Пинске в конторе по сплаву леса. Сестры и братья Хаима Вейцмана в основном выехали в Палестину. Но вот судьба родных, оставшихся в Советском Союзе, сложилась трагически.

Его брата, Самуила Евзоровича Вейцмана, который в двадцатых годах был заместителем председателя центрального правления Общества земельного устройства еврейских трудящихся, в тридцать девятом году расстреляли как английского шпиона.

В сорок девятом чекисты арестовали Василия Михайловича Савицкого, мужа его сестры Марии Вейцман. Савицкий работал инженером во всесоюзной конторе «Союзшахтоосушение» министерства угольной промышленности.

Несчастья вообще преследовали его семью. Сын Хаима Вейцмана служил в британских военно-воздушных силах и погиб во время войны. Вейцман тяжело переживал его смерть...

Уже после того, как Хаим Вейцман ушел в мир иной, десятого февраля пятьдесят третьего, в Москве арестовали его сестру, врача Госстраха.

Мария Вейцман еще до Первой мировой войны окончила университет в Швейцарии, вернулась в Россию и всю войну была врачом в эпидемиологическом отряде на Юго-Западном фронте. В двадцать шестом году она съездила на несколько месяцев в Палестину — повидать родных (особенно мать просила ее приехать) — и, вернувшись, продолжала работать рядовым врачом; трудилась и после выхода на пенсию.

Рассекреченные документы госбезопасности показывают, что за сестрой Вейцмана следили несколько лет. В квартире установили аппаратуру прослушивания и окружили агентурой, о чем министерство госбезопас-

ности седьмого января доложило Маленкову. Из документов следует, что сестра покойного израильского президента была страшно далека от политики. Тем не менее Маленков дал санкцию на ее арест.

В постановлении на арест, утвержденном заместителем министра госбезопасности Огольцовым, называлось ее главное преступление: «Вейцман вынашивает план изменить Родине путем переезда в Израиль». В реальности у нее была полная возможность еще до войны, когда она ездила к родным, остаться в Палестине, но она вернулась на родину. Наступил момент, когда любовь к России ей дорого обошлась.

На допросах Мария Вейцман созналась в своих преступлениях: слушала иностранное радио и симпатизировала еврейскому государству. От нее требовали дать показания о враждебной деятельности советских евреев, желавших смерти Сталину. Сестра Вейцмана должна была засвидетельствовать, что они действовали по указанию Израиля.

Переменами в советской политике были довольны только в столицах арабских государств.

Осенью пятьдесят второго года арабские дипломаты в Москве с удовлетворением говорили о «трезвой позиции» советской прессы в отношении Израиля.

Двадцатого ноября в Праге начался судебный процесс по делу бывшего генерального секретаря ЦК компартии Чехословакии Рудольфа Сланского, носивший откровенно антисемитский характер. Сланский в годы войны руководил Чехословацким штабом партизанского движения, в сорок четвертом был одним из тех, кто поднял восстание в Словакии.

Из четырнадцати подсудимых одиннадцать были евреями. Один из обвиняемых, бывший заместитель министра иностранных дел Чехословакии Артур Лон-

дон, вспоминал, что во время допроса следователь требовал при упоминании каждого нового лица указать, еврей это или нет. Переписывая протокол, следователь вместо слова «еврей» ставил — «сионист»:

— Мы служим в аппарате госбезопасности демократической республики. Слово «жид» (так по-чешски произносится слово «еврей») оскорбительно. Поэтому пишем «сионист».

Артур Лондон объяснил малограмотному следователю, что «сионист» — термин политический, а не этнический. Следователь ответил, что это неправда:

— Мне так сказали писать. В Советском Союзе слово «жид» тоже запрещено. Там пишут «сионист»...

Сионизм был одним из главных обвинений на процессе. Главный обвинитель на процессе говорил:

— Сионизм превратился в верного прислужника наиболее реакционных воинственных и человеконенавистнических кругов мирового империализма. Причастность к сионизму следует рассматривать как одно из тягчайших преступлений против человечества.

Задача состояла в том, чтобы убедить страну: Израиль как слепое орудие Соединенных Штатов представляет новую, страшную опасность, поскольку его агентура, евреи, проникли повсюду.

В Израиле с ужасом и возмущением реагировали на пражский процесс. Сионизм — это идея возвращения евреев в Палестину. Значит, желание еврея жить в еврейском государстве — «тягчайшее преступление против человечества»?

Министерство иностранных дел Израиля двадцать третьего декабря инструктировало свои загранпредставительства: *«Следует воздерживаться от бесед с представителями Чехословакии, не выходя при этом за рамки элементарных правил вежливости».*

Одиннадцать подсудимых были приговорены к смертной казни, трое — к пожизненному тюремному заключению. Третьего декабря пятьдесят второго приговор был приведен в исполнение. Трупы казненных сожгли. Советники — офицеры из советского министерства госбезопасности — собрали пепел в мешок из-под картофеля, выехали из Праги и высыпали его прямо на дорогу.

Президент страны Клемент Готвальд публично заявил:

— В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщического центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это — сионизм.

Отныне под словом «сионизм» вовсе не имелось в виду стремление евреев уехать в Палестину. Сионизм обозначал совсем другое — то, что нацисты называли «мировым еврейством». Слова руководителя социалистической Чехословакии означали, что любой еврей может быть назван сионистом и, следовательно, предателем и шпионом.

Эти слова прозвучали особенно зловеще, потому что за день до этого практически то же самое и в тех же выражениях говорил Сталин на заседании президиума ЦК. Это была его политика, осуществление которой возлагалось на все социалистические страны.

Еще во время Великой Отечественной войны Милована Джиласа, одного из соратников югославского лидера Йосипа Броз Тито, в знак особого доверия повезли к Сталину на дачу, где ужинало политбюро.

Джиласа многое смутило на сталинской даче. И то, что всех заставляли много пить, и полное отсутствие воспитания у советского руководства. В своих воспоминаниях Джилас не без брезгливости написал, как на

сталинской даче они с Молотовым одновременно прошли в уборную. И уже на ходу Молотов стал расстегивать брюки, комментируя свои действия:

— Это мы называем разгрузкой перед нагрузкой!

Джилас был родом из деревни, участвовал в партизанском движении, словом, воспитывался не на дворцовом паркете, но такая простота нравов его сильно смутила.

Во время ужина Сталин встал, подтянул брюки, как бы готовясь к борьбе или к кулачному спору, и почти в упоении воскликнул:

— Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!

Сталинская пропаганда имела успех.

«Сила нашего духа создавалась под влиянием патриотической идеологии, сложившейся в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне и успешно проводившегося руководством страны курса на борьбу с космополитизмом, — вспоминает генерал-лейтенант Василий Иванович Макаров, тогда он был курсантом военного училища, а дослужился до должности начальника одного из управлений генштаба. — *Мы были довольно воинственно настроены. Недаром наши сокровенные внутренние желания выражались через формулу: «Нам нужна малая победоносная война».*

Рассекреченные материалы советской разведки показывают, что спецслужбы работали на идею приближающейся войны.

Председатель Комитета информации при министерстве иностранных дел Валериан Зорин докладывал Сталину восьмого февраля пятьдесят второго года: *«Стремясь ускорить подготовку к войне против Советского Союза и форсировать в связи с этим перевод экономики западноевропейских стран на военные рельсы, а*

также создание вооруженных сил агрессивного блока, Соединенные Штаты добились коренной реорганизации руководящих органов Северо-атлантического союза.

Эта реорганизация обеспечила создание постоянно действующих органов, занимающихся практическим осуществлением планов подготовки к войне...»

Такие сообщения можно было бы назвать преднамеренной дезинформацией. Но она осуществлялась не по личной инициативе разведчиков. Так оценивал обстановку вождь, и аналитики Комитета информации подтверждали «фактами» его идеи.

Пятого июня Зорин отправил Сталину еще одно такое же сообщение Комитета информации:

«В целях укрепления антисоветского плацдарма на Средиземном море руководящие круги США пытаются в настоящее время создать, наряду со средневосточным командованием, военно-политический блок в составе Югославии, Греции и Турции, в котором могли бы также принять участие Италия, другие средиземноморские страны и Австрия...»

В июне пятьдесят второго в Москву приехал новый посол — Джордж Ф. Кеннан. Трумэн считал, что сделал идеальный выбор — Кеннан говорит по-русски, уже бывал в Советском Союзе.

Кеннан рассчитывал на встречу со Сталиным. Но быстро убедился, что к нему относятся как к представителю враждебного государства.

Он нашел Москву серой и унылой. Еще меньше ему нравилось то, что за ним повсюду следовали сотрудники госбезопасности. В середине сентября он полетел в Лондон, где собирался Совет НАТО. В западноберлинском аэропорту один из журналистов поинтересовался, как ему живется в Москве.

— Во время войны я был интернирован в нацист-

ской Германии, — откровенно ответил Кеннан. — В Москве к нам относятся примерно так же, как немцы относились к интернированным. Разница лишь в том, что в Москве мы можем выходить из дома и ходить по улицам под охраной.

Его слова не остались незамеченными. В «Правде» появилась резкая отповедь. Второго октября американского временного поверенного в делах вызвали в министерство иностранных дел и сообщили, что посол объявлен персоной нон грата. Ему даже не разрешили вернуться, чтобы забрать семью.

В американском посольстве почти не осталось дипломатов. Советский посол Панюшкин тоже вернулся в Москву. Ожидали полного разрыва дипломатических отношений.

В Москве готовились предъявить Соединенным Штатам серьезные обвинения. Не только во вмешательстве во внутренние дела Советского Союза, но и в подготовке террористических актов против Сталина и других руководителей страны.

Отстраненный от должности и арестованный генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик, бывший начальник охраны Сталина, обвинялся в связях с людьми, которые именовались американскими шпионами.

Сталин читал сводки министерства госбезопасности, потому что хотел знать, что в реальности думают люди. Он знал, что с окончанием войны люди связывали огромные надежды: жаждали сытной жизни, либерализации и спокойствия. Крестьяне надеялись, что распустят колхозы. Эти слухи распространялись по всей стране.

Ожидания не оправдались, возникли настроения разочарования. В аппарате госбезопасности выяснили, кто же недоволен положением в стране. Получалось, что это те, кто побывал на Западе и хотя бы краем глаза

увидел западную жизнь, — то есть бывшие солдаты и офицеры Красной армии и бывшие военнопленные, те, кого немцы увезли на принудительные работы.

В конце сорок шестого начался голод. Шестнадцатого сентября сорок шестого из-за засухи и неурожая были подняты цены на товары, которые продавались по карточкам. Это вызвало возмущение. Многие подумали, что страна готовится к новой войне. Двадцать седьмого сентября вышло новое постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно уменьшало категории граждан, которые получали карточки на продовольствие. Вот это уже было сильным ударом для тех, кого лишили карточек.

Цены на продовольствие выросли в два — два с половиной раза. Но об этом не говорили. Зато писали и рассказывали о снижении цен на некоторые второстепенные товары. Это производило колоссальное впечатление. И через много десятилетий люди ностальгически вспоминали, что были времена, когда цены снижались (подробнее см. сборник «Сталинское десятилетие холодной войны»).

Атмосфера холодной войны помогла сбить волну недовольства, критики власти. Как только людям сказали, что придется ждать новой войны, настроения изменились. Ради сохранения мира люди были готовы на новые жертвы. Понятно, что понадобились и «внутренние враги», которых надо было разоблачить и обезвредить.

ВЗРЫВ В ТЕЛЬ-АВИВЕ

Четвертого декабря пятьдесят второго на президиуме ЦК заместитель министра госбезопасности Гоглидзе сделал подробное сообщение «О положении в МГБ и о вредительстве во врачебном деле».

Министр госбезопасности Игнатьев, чиновник, случайно оказавшийся на Лубянке, попал в такую мясорубку, что не выдержал и свалился с инфарктом. Его заменял генерал-полковник Сергей Арсентьевич Гоглидзе, бывший нарком внутренних дел Грузии, бериевский человек с большим чекистским опытом. В ноябре Гоглидзе был назначен первым заместителем министра и руководил всем аппаратом госбезопасности.

На заседании Сталин раздраженно говорил о «неблагополучии» в госбезопасности: «лень и разложение глубоко коснулись МГБ» и у чекистов «притупилась бдительность».

Решили министерство госбезопасности реорганизовать. Все оперативные подразделения собрали в единое главное разведывательное управление, как когда-то создали главное управление государственной безопасности НКВД.

Сталин инстинктивно повторял те же приемы, которые когда-то придумал. В главке первое управление занималось внешней разведкой, второе управление — контрразведкой. В его структуре образовали отдел «по борьбе с сионизмом».

Тринадцатого января пятьдесят третьего года «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей».

Советские люди узнали, что органами госбезопасности «раскрыта террористическая группа врачей, ставившая своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР».

В сообщении перечислялись арестованные врачи — шесть еврейских фамилий, три русские.

«Большинство участников террористической группы, — говорилось в сообщении ТАСС, — *были связаны с*

международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой...

Арестованный Вовси М. С. заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача Шимелиовича и еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

Другие участники террористической группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки».

Израильский посланник Шмуэль Эльяшив сообщил в Тель-Авив о «деле врачей».

На следующий день генеральный директор МИД Израиля инструктировал израильские представительства за рубежом: *«Обратите внимание, что Израиль не упоминается в советском заявлении. Пока ни один израильский представитель не должен делать официальных заявлений на этот счет... Имейте в виду, что Израиль не заинтересован вступать в открытый конфликт с Советской Россией...»*

Но молчать было невозможно.

Девятнадцатого января министр иностранных дел Моше Шаретт выступил в кнессете:

— Государство Израиль не может молчать, когда какие-либо политические силы предпринимают попытку опозорить имя еврейского народа. Правительство Израиля всегда рассматривало дружеские отношения с Советским Союзом как одну из основ своего международного положения и высоко ценило их значение для всего еврейского народа. С глубоким сожалением и беспокойством наблюдает оно за официально развернутой в Советском Союзе антисемитской клеветнической кампанией...

Двадцатого января Бен-Гурион отправил членам правительства письмо:

«Я решительно не приемлю большевистский режим. Это никакое не социалистическое государство, а загон для рабов. Это строй, основанный на убийствах, лжи и подавлении человеческого духа, отрицании свободы рабочих и крестьян... Но против строя можно вести борьбу только средствами идеологической агитации; люди, верящие, что в России — социализм, а СССР — освободитель всего человечества, — не преступники, а всего лишь заблуждающиеся...

В тех же случаях, когда Россия совершает враждебные акции в отношении еврейского народа и возводит на него кровавые наветы, может быть, даже более грязные и опасные, чем кровавые наветы средневековья, тут дело обстоит иначе.

Мы не должны делать того, что может ухудшить положение евреев в России. Понимаю также, что против этого гиганта мы бессильны. И тем не менее молчать мы не можем и не должны...

Если бы России было абсолютно безразлично мировое общественное мнение, Советы не вступили бы в ООН. На самом деле СССР изо всех сил старается перетянуть общественное мнение в Азии, Африке, Америке, да и в Западной Европе на свою сторону...

В жизни нации бывают минуты, когда следует повиноваться моральным императивам, даже если это не приносит на первый взгляд никакой пользы. Сейчас нельзя молчать. Мы должны протестовать против кровавого навета и требовать (заранее понимая, что в практическом плане никакого ответа не будет) свободы репатриации: «Отпусти народ мой»...

Сталин не антисемит. Какое ему вообще дело до семитов? Просто для достижения определенных политиче-

ских целей ему понадобилось сегодня возвести напраслину на евреев и еврейское государство...»

Бен-Гурион был очень близок к истине.

Двадцать второго января посланник Эльяшив сообщал в свое министерство иностранных дел:

«Дело еще не закончено, и сейчас мы можем только делать предположения о его значении и пытаться сформулировать выводы на основании первой волны публикаций...

В отличие от пражского процесса здесь все обвинения выдвигаются в адрес «сионизма», а не государства Израиль...

Возможно, что на самом деле идет подспудная борьба между группировками в структурах власти. На протяжении многих лет службы внутренней безопасности находились в руках Берии. До самого последнего времени его имя постоянно упоминалось аналитиками в одном контексте с именем Маленкова.

Но в последние месяцы Маленков, как известно, резко пошел вверх: вполне возможно, что именно он стоит за всеми последними событиями, желая окончательно отделаться от соперника, который еще может поднять голову.

Вся эта кампания имеет и еще одну цель — усилить полицейский контроль за населением, запугать его, установить режим, при котором невозможны никакие действия, могущие повредить властям...

Может быть, в государстве обнаружилось много слабых мест, требующих «твердой руки» во всех областях жизни...

Почему власти выбрали мишенью именно врачей? Трудно дать однозначный ответ. Некоторые говорят, что это продолжение кампании против интеллектуалов, начавшейся уже давно...

Пока государство Израиль не обвиняется открыто, нам как государству (и правительству, и кнессету, и миссии) следует воздержаться от какой-либо реакции. Возможно, здесь еще произойдет что-то, что вынудит нас к энергичному ответу. Возможно также, что в результате отношения будут разорваны или персонал миссий взаимно сокращен до минимума.

Но нам не следует подгонять такое развитие событий, следует воздержаться от действий, которые приведут здесь к прямому ущербу интересам государства Израиль».

Двадцать четвертого января руководители отдела стран Ближнего и Среднего Востока министерства иностранных дел доложили Вышинскому о реакции западной печати «на арест в СССР группы врачей-вредителей». Западные газеты, цитируя такие статьи, как «Сионистская агентура американской разведки» в журнале «Новое время», предсказывали, что Москва в скором времени разорвет отношения с Израилем.

Вышинскому доложили и о реакции руководителей Израиля: представитель Израиля в Организации Объединенных Наций Абба Эбан заявил, что поставил перед ООН *«вопрос о процессе в Чехословакии и вопрос о последствиях антисемитизма и кампании, проводимой против Израиля в некоторых странах»*.

Двадцать второго января на обложке приложения к израильской газете «Давар» поместили пятилетней давности фотографии — советские люди приветствуют Голду Меир перед московской синагогой в октябре сорок восьмого года.

Израильские дипломаты в Москве были просто испуганы: худшего времени для публикации этого снимка трудно было себе придумать. Двадцать восьмого января Эльяшив телеграфировал в МИД Израиля:

«Публикация даст предлог для обвинения миссии в «запретных связях» в СССР и организации беспорядков. Весь тон выступлений и статей в Израиле, выступление Эбана в США наполняют меня тревогой и беспокойством. Они оставляют впечатление демонстративного вызова и желания ускорить конец наших отношений с СССР...»

На самом деле эта публикация уже ничего не могла изменить. Политика Советского Союза полностью переменилась — и все усилия Израиля были обречены на неудачу.

Зато Москва впервые проявила интерес к новым отношениям с арабскими государствами.

Двадцать девятого января советский посланник в Египте Семен Павлович Козырев нанес протокольный визит новому руководителю страны генералу Нагибу.

Козырев начинал трудовую деятельность рабочим Краснохолмской ткацкой фабрики, после окончания юридического института в Москве стал работать в аппарате Совнаркома. В тридцать девятом, когда Молотов проводил большую чистку наркомата иностранных дел, Козырев стал дипломатом. Через четыре года он уже был членом коллегии и генеральным секретарем наркомата. После войны Семен Павлович заведовал Первым европейским отделом в министерстве, а в пятидесятом уехал посланником в Египет. Со временем он станет заместителем министра иностранных дел.

После беседы Козырев отправил в Москву телеграмму, составленную в достаточно скептических выражениях. Но в министерстве обратили внимание на один пассаж, которому советский посланник не придал значения.

Козырев говорил Нагибу о попытках Соединенных Штатов и Англии объединить страны региона в воен-

ный блок, что Москву никак не устраивало. Вдруг египетский премьер сказал:

— Поставьте себя на мое место. Что в таком положении стали бы делать вы? Готова ли Россия продать Египту танки, самолеты и другое вооружение?

Козырев ответил, что, как известно, самолеты и танки не являются предметом обычной торговли, и спросил, где теперь Египет покупает такие товары. То есть проявил нежелание продолжать разговор.

И промахнулся. Десятого февраля он получил указание Вышинского: *«Если Нагиб вернется к вопросу о продаже вооружения, сказать Нагибу, что Советское правительство не заинтересовано в продаже оружия, но что этот вопрос можно было бы рассмотреть, если египетское правительство заинтересовано в этом».*

Пришлось Козыреву каяться в том, что он допустил ошибку, и обещать исправиться.

Но эта попытка сблизиться с Египтом не удалась. Генерал Нагиб, который после провозглашения Египта республикой восемнадцатого июня пятьдесят третьего стал президентом, сказал, что вопрос о покупке оружия он не поднимает...

Второго февраля министр иностранных дел Израиля Шаретт телеграфировал послу Израиля в Соединенных Штатах Эбану:

«Мои соображения по поводу враждебных действий Москвы.

Это не основная линия политического курса, а порождение общей тенденции укрепления режима, в том числе, возможно, в рамках подготовки к войне. Данная тенденция проявляется в кровавых акциях, ужесточении внутренней слежки, поисках «козла отпущения» и подготовке почвы к массовому уничтожению всех ненадежных...»

Министр был недалек от истины. Но он не мог предугадать, какие драматические события произойдут у него под носом буквально через неделю.

Девятого февраля советский посланник в Израиле Ершов отправил в Москву срочную шифротелеграмму:

«9 февраля в 22 часа 35 минут на территории миссии произошел сильный взрыв бомбы. Выбиты все стекла, оконные рамы и двери на первом, втором и частично третьем этажах. Тяжело ранены жена посланника, жена завхоза и шофер Гришин, которые отправлены в госпиталь на машине скорой помощи. Повреждено здание миссии...

Проверкой установлено, что диверсанты проникли на территорию миссии, перерезав ножницами проход в сетке, ограждающей территорию миссии.

Данный террористический и диверсионный акт против советской миссии в Израиле является результатом антисоветской кампании, которая ведется израильским правительством в последнее время.

Прошу вашего разрешения завтра посетить Шаретта и заявить ему самый строгий и решительный протест. Считаю, что в связи с этим случаем было бы целесообразным разорвать дипломатические отношения с данным правительством Израиля.

Ответ прошу телеграфировать немедленно».

Работавший в посольстве представитель ВОКС Михаил Павлович Попов вспоминал, что террористы прорезали дыру в металлической сетке, отделявшей территорию миссии от двора соседнего дома, и подложили бомбу под мраморную садовую скамейку. Жене завхоза, которая в момент взрыва проходила мимо, раздробило стопы обеих ног, из кожи врачам пришлось извлечь множество мелких осколков мраморной скамейки. Она пострадала больше всех.

Водителю миссии, который вышел во двор, кусочком мрамора рассекло губу, и он лишился зуба.

Жена посланника находилась возле окна на втором этаже, осколками стекла ей рассекло лицо.

Израильские власти в тот же день опубликовали заявление, начинавшееся так:

«Правительство Израиля потрясено и возмущено преступным покушением, совершенным сегодня вечером в отношении советской миссии в Тель-Авиве...»

Премьер-министр Бен-Гурион выступил с заявлением в кнессете. Среди прочего он сказал:

— Хулиганы, которые совершили это подлое преступление, являются больше врагами государства Израиль, чем ненавистниками иностранного государства. Если своего рода еврейский патриотизм был движущим мотивом их грязного дела и если их намерения заключались в борьбе за честь Израиля, тогда позвольте мне сказать, что именно они этим бессмысленным преступлением осквернили честь Израиля...

Председатель кнессета сделал заявление. Президент страны Ицхак Бен-Цви прислал в советскую миссию письмо. Десятого февраля министерство иностранных дел выразило глубокое сожаление и принесло извинения советской миссии.

Но это уже ничего не могло изменить. Взрыв был удачным поводом для того, чтобы выразить свое недовольство еврейским государством. Одиннадцатого февраля этот вопрос был решен на самом верху. Сотрудникам министерства иностранных дел оставалось только составить текст ноты.

Двенадцатого февраля в час ночи Андрей Януарьевич Вышинский принял в Москве израильского посланника Эльяшива. Министр иностранных дел зачитал и вручил ему ноту советского правительства в связи

с терактом, совершенным против советской миссии в Израиле. Прием длился семь минут. Короче было невозможно.

В ноте говорилось:

«9 февраля на территории Миссии СССР в Израиле злоумышленниками при явном попустительстве полиции был произведен взрыв бомбы, в результате чего были тяжело ранены жена Посланника К. В. Ершова, жена сотрудника Миссии А. П. Сысоева и сотрудник Миссии И. Г. Гришин. Взрывом было повреждено здание Миссии СССР...

В свете общеизвестных, неоспоримых фактов участия представителей Правительства Израиля в систематическом разжигании ненависти и вражды к Советскому Союзу и подстрекательства к враждебным против Советского Союза действиям, совершенно очевидно, что заявления и извинения Правительства Израиля по поводу террористического акта 9 февраля на территории Советской Миссии являются фальшивой игрой, преследующей цель замести следы совершенного против Советского Союза преступления и уйти от лежащей на Правительстве Израиля ответственности за это злодеяние...

Советское Правительство отзывает Посланника Советского Союза и состав Советской Миссии в Израиле и прекращает отношения с Правительством Израиля.

Советское Правительство вместе с тем заявляет о невозможности дальнейшего пребывания в Москве Миссии Израиля и требует, чтобы персонал Миссии незамедлительно покинул пределы Советского Союза».

С разрешения Маленкова отозвали корреспондента ТАСС в Израиле и представителя «Совэкспортфильма». В Израиле оставили только представителя Российского палестинского общества при советской Академии наук и шесть человек миссии, командированной

Московской патриархией. Для такого решения были основания — это лучшая крыша для разведки.

Скажем, будущий генерал КГБ Иван Иванович Зайцев работал в Израиле, выдавая себя за сотрудника Российского палестинского общества. Он приехал в Израиль в пятьдесят первом году, окончив разведывательный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе и поработав два года в центральном аппарате. Зайцев работал в Израиле до пятьдесят седьмого года.

Защиту интересов Советского Союза в Израиле взяла на себя Болгария, защиту интересов Израиля в Советском Союзе — Нидерланды.

Другие соцстраны дисциплинированно сообщили в Москву, что тоже желают разорвать дипломатические отношения с Израилем. Москва ответила, что считает это нецелесообразным.

В Израиле были поражены разрывом дипломатических отношений. Сталин сохранил отношения с Югославией даже в тот момент, когда между двумя странами шла настоящая словесная война и советские газеты писали о «кровавой собаке Тито». Почему же с Израилем поступили иначе?

Сталин считал, что это он создал Израиль, и не воспринимал всерьез еврейское государство. Так же будут относиться к Израилю и его наследники.

Почему Сталин разочаровался в Израиле?

В определенном смысле он добился успеха, получил то, что хотел. Бегство из Палестины подорвало позиции Англии на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты не заняли место Англии в качестве властителя региона. После появления Израиля образовался вакуум силы, что открывало для Советского Союза новые возможности. Не только Израиль, но и арабские страны

увидели, что в новом раскладе мировых держав с позицией Москвы придется считаться.

Но Сталина интересовали вовсе не дипломатические игры, укреплявшие престиж государства! Он хотел повторить в Израиле испанский опыт, когда интернациональные бригады, отправленные в республиканскую Испанию, вместе с советскими военными советниками и многочисленным представительством НКВД фактически управляли страной. Они определяли ход боевых действий, они навязывали правительству политические решения, они решали, кому жить, а кому умирать. Если бы в конце тридцатых республиканцы одержали победу, Испания превратилась бы в советскую республику.

Сталин разрешил отпустить в Израиль евреев из восточноевропейских стран и снабдил их оружием, считая, что выходцы из разных стран, говорящие на разных языках, объединятся в такие же интернациональные бригады и будут прислушиваться к голосу Москвы. Но добравшиеся до Палестины евреи из разных стран чувствовали себя иначе, чем русские, немцы и французы, приехавшие в тридцать шестом воевать в Испанию.

Интербригадовцы были гостями на испанской земле. Евреи в Палестине считали, что они вернулись домой — это их страна, которую они будут защищать до последней капли крови. Это сознание быстро объединило выходцев из разных стран, которые первоначально не знали, на каком языке разговаривать друг с другом.

Кроме того, израильтяне выиграли войну за независимость, одолев арабские армии, многократно превосходившие их в численности. Еврейское государство от-

чаянно нуждалось в человеческих ресурсах, инвестициях и оружии, но не в прямой военной помощи.

Разница между Испанией и Израилем состояла еще и в том, что еврейское государство с первых дней строилось на демократических принципах. Израильские политики не обсуждали вопрос, готовы ли евреи из разных стран к демократии и не стоит ли на время войн ввести чрезвычайное положение. Демократические основы оказались в воюющей стране самой надежной опорой. Каждый мог исповедовать и высказывать любые взгляды.

Через несколько месяцев после провозглашения Израиля прошли первые парламентские выборы. Люди с левыми убеждениями, коммунисты, ярые поклонники Советского Союза, которым не нравилась политика Бен-Гуриона, не могли назвать его узурпатором. Его партия получила большинство, а за них проголосовало меньшинство. Премьер-министра и министров можно критиковать, но нельзя отрицать их права проводить политику, на которую они получили мандат на выборах. За исключением военных дел, оборонной промышленности и разведки все открыто обсуждалось в кнессете.

Словом, в Палестине образовалось совсем другое государство, чем ожидал Сталин. Вполне самостоятельное. Израильтяне хотели покупать советское оружие, но не просили высадить на их территории дивизию-другую. В израильской экономике, особенно в сельском хозяйстве, было много социалистических черт, но строить реальный социализм они не собирались. Ожидания Сталина не оправдались.

Тогда вождь сделал то, чего прежде старательно избегал, — объединил Израиль и всех евреев. Прежде он, напротив, внушал советским евреям, что еврейское го-

сударство не имеет к ним никакого отношения. Теперь он дал понять, что евреи всего мира — враги Советского Союза.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал, как однажды он обедал в столовой для руководителей атомного проекта. Рядом сидели академик Игорь Васильевич Курчатов и Николай Иванович Павлов, генерал госбезопасности, работавший в Первом главном управлении при Совете министров, которое занималось созданием ядерного оружия. В этот момент по радио передали, что в Тель-Авиве брошена бомба в советское посольство. *«И тут я увидел,* — писал Сахаров, — *что красивое лицо Павлова вдруг осветилось каким-то торжеством.*

— *Вот какие они — евреи!* — воскликнул он. — *И здесь, и там нам вредят. Но теперь мы им покажем».*

Но расчеты генерала оправдались не полностью — по обстоятельствам, от него не зависящим.

С начала пятьдесят третьего года Сталин плохо себя чувствовал. В последний раз он побывал в Кремле семнадцатого февраля, когда принимал индийского посла. Документы, которые присылали ему на дачу, не читал. Всеми текущими делами занимался член президиума ЦК, секретарь ЦК и заместитель председателя Совета министров Георгий Максимилианович Маленков.

Двадцать первого февраля утром заместитель министра иностранных дел Яков Малик доложил Маленкову, что израильская миссия пересекла финскую границу накануне в половине двенадцатого вечера. Две недели ушли у советских дипломатов на распродажу посольского имущества и всякие формальности.

Турецкий пароход «Кадеш» с советскими дипломатами вышел из Хайфы через пятнадцать минут после

этого. Жену посланника привезли в порт на санитарной машине.

Разрыв дипломатических отношений казался предвестием трагических событий. В Израиле гадали, что теперь Сталин сделает со своими евреями.

Но когда советские дипломаты, покинувшие Израиль, добрались до Москвы, Сталин уже был мертв.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БУМЕРАНГ

Шестого марта пятьдесят третьего года восточноевропейский департамент МИД Израиля инструктировал представительства в Восточной Европе:

«1. По случаю траура в связи со смертью Сталина следует приспустить флаги на половину флагштока, по аналогии с миссиями западных стран.

2. Не следует наносить визитов соболезнования и/или расписываться в книгах соболезнований...»

Но дипломатический протокол строго соблюдался. Девятого марта миссия Израиля в Нидерландах обратилась в министерство иностранных дел:

«Миссия Израиля свидетельствует свое уважение Министерству иностранных дел и, основываясь на согласии Нидерландского правительства представлять интересы Государства Израиль в СССР, имеет честь просить Нидерландское правительство соблаговолить передать Правительству СССР соболезнования и выражения сочувствия Правительства и народа Израиля по случаю кончины главы СССР генералиссимуса Сталина...»

Когда четвертого апреля пятьдесят третьего года в советских газетах сообщили о полной реабилитации арестованных «врачей-вредителей» и о том, что они «были арестованы бывшим министерством государст-

венной безопасности неправильно, без каких-либо законных оснований», ситуация изменилась.

В тот же день министр иностранных дел Израиля Моше Шаретт, находившийся в Нью-Йорке, заявил корреспондентам, что *«его страна будет приветствовать восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом»*.

Представитель МИД сделал официальное заявление:

«Правительство Израиля надеется, что искоренение несправедливости будет завершено окончанием антиеврейской кампании, и будет приветствовать восстановление нормальных отношений между Советским Союзом и Израилем».

СКАНДАЛ ВОКРУГ ЕГИПЕТСКОГО ПОСЛА

Израильские дипломаты обратились к польским дипломатам с просьбой быть посредниками в восстановлении отношений между двумя странами.

Представители арабских стран заявили, что, если Советский Союз восстановит дипломатические отношения с Израилем, «это серьезно огорчит все население арабских стран». Мнение арабов мало интересовало советское руководство. Но и особого интереса к восстановлению отношений с еврейским государством тоже не было.

Переговоры шли медленно. Они велись в Болгарии между израильскими дипломатами и советским послом Михаилом Федоровичем Бодровым, который со временем получит назначение в Тель-Авив.

Двадцать четвертого июня вновь назначенный министром иностранных дел Молотов представил главе правительства Маленкову на утверждение проект по-

становления Совета министров о возобновлении дипломатических отношений с Израилем. Решение было принято.

Восьмого августа, выступая на сессии Верховного Совета, Маленков объяснил, почему произошло восстановление дипломатических отношений с Израилем:

— Стремясь ослабить общую напряженность, советское правительство дало согласие на восстановление дипломатических отношений с Государством Израиль. Оно приняло во внимание при этом обязательство правительства о том, что Израиль не будет участником какого-либо союза или соглашения, преследующего агрессивные цели против Советского Союза. Мы полагаем, что восстановление дипломатических отношений будет способствовать развитию сотрудничества между обоими государствами.

Слова Маленкова в Израиле сочли «теплыми», хотя в реальности они были подчеркнуто холодными. Говоря об отношениях с арабскими странами, Маленков говорил о «дружеском сотрудничестве». В отношении Израиля слово «дружеское» отсутствовало.

Годы усиленной антисемитской, а затем и антиизраильской пропаганды не прошли даром. Все, что Сталин хотел заложить в умы людей, он заложил.

Писатель Корней Иванович Чуковский беседовал в те дни с женой классика советской литературы Леонида Леонова Татьяной Михайловной. Она жаловалась, что после сообщения о «врачах-вредителях» невозможно было обратиться к медикам:

— Вы же понимаете, когда врачи были объявлены отравителями... Не было и доверия к аптекам; особенно к Кремлевской аптеке: что, если все лекарства отравлены?!

Чуковский ошеломленно записал в дневнике: «Ока-

зывается, были даже в литературной среде люди, которые верили, что врачи — отравители!!!»

Быстрое освобождение врачей, сообщения в прессе о том, что они не виноваты, было личной инициативой Берии. Когда арестовали самого Лаврентия Павловича, чекисты потребовали отменить решение о прекращении «дела врачей», настаивали на том, что все отпущенные на свободу после смерти Сталина должны быть арестованы вновь.

Новое руководство страны к чекистам не прислушалось. Врачей оставили на свободе, но обсуждать эти темы публично было запрещено. На пленуме ЦК после ареста Берии руководители партии и государства поносили его за то, что он приказал опубликовать сообщения об освобождении врачей в газетах. Ну, освободил бы втихую, зачем внимание привлекать, подрывать авторитет партии и органов?

— Взять всем известный вопрос о врачах, — откровенно говорил на пленуме секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин. — Их арестовали неправильно. Как выяснилось, заранее знали, что их арестовали неправильно. Надо было поправить, но так, чтобы это было не в ущерб нашему государству. Нет, этот вероломный авантюрист добился опубликования специального коммюнике министерства внутренних дел, этот вопрос на все лады склонялся в нашей печати и так далее... Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства. Отклики за границей тоже были не в нашу пользу...

У советских чиновников сложились странные представления о морали. Посадить невинных людей, протрубить на весь мир о мнимых преступлениях врачей — это не позор для страны. А вот публично признать, что они невиновны, — значит совершить преступление, нанести ущерб престижу государства...

После смерти Сталина на Лубянке продолжали допрашивать сестру первого президента Израиля Марию Вейцман. Причем обвинения не менялись. Только когда стало ясно, что продолжения антиеврейских дел не предвидится и исчезла нужда в ее показаниях, на Лубянке призадумались, что с ней делать? Просто отпустить, признать, что пожилая женщина, врач, ни в чем не виновата, было для руководителей госбезопасности делом немыслимым.

Двадцать восьмого июля новый министр внутренних дел генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов утвердил обвинительное заключение по ее делу:

«Вейцман М. Е. вела антисоветскую агитацию, восхваляла условия жизни и культуру евреев, проживающих в Палестине, возводила клевету на политику партии и советского правительства, а также высказывала измышления в отношении вождя советского народа. Систематически слушала антисоветские клеветнические радиопередачи из США и Англии. Вынашивала мысль о своем выезде в Израиль, однако ничего практического в этом направлении не предпринимала».

В последней фразе отразились происшедшие в стране перемены: Мария Вейцман, конечно, виновата в том, что она слушала иностранное радио и радовалась созданию еврейского государства. Но в связи с изменением обстановки кара не будет строгой.

Министр внутренних дел и заместитель главного военного прокурора решили:

«Следственное дело по обвинению Вейцман Марии Евзоровны направить на рассмотрение Особого совещания при МВД СССР, предложив определить меру уголовного наказания — пять лет исправительно-трудовых лагерей с применением указа президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии».

Двенадцатого августа особое совещание приговорило Марию Вейцман к пяти годам «за проведение антисоветской агитации» и тут же решило — на основании указа об амнистии «Вейцман Марию Евзоровну от наказания и из-под стражи освободить».

Тем временем шло следствие по делу Берии и его соратников. От Лаврентия Павловича следователи требовали ответа: а с какой целью он предлагал восстановить в Москве еврейский театр и возобновить выпуск газеты на идиш? Это по-прежнему казалось предосудительным и подозрительным.

Процессы над соратниками Берии и другими высокопоставленными чекистами были закрытыми. В печати никаких деталей. В результате расчет с позорным прошлым не совершился, моральное очищение не состоялось. Многие советские граждане остались в убеждении, что дело было нечисто и какую-то пакость врачи-евреи все-таки совершили. А уж в злонамеренность «мирового еврейства», которое в нашей стране именовали «мировым сионизмом», поверили очень многие. Израиль воспринимался как подозрительное, опасное и враждебное государство.

Причем верили в это не толькое рядовые граждане, отрезанные от всех источников информации, но и руководители государства. Они попались на удочку собственной пропаганды. Советские разведчики и дипломаты сообщали только то, что начальство желало слышать. Поэтому нормальные отношения с Израилем фактически так и не восстановились.

Двадцать седьмого ноября пятьдесят третьего года в Москву вновь приехал посланником Шмуэль Эльяшив.

Через месяц, двадцать первого декабря, он пришел с протокольным визитом к Громыко, который вновь вернулся в министерство иностранных дел.

Дело в том, что Вышинский летом пятьдесят второго отправил Андрея Андреевича послом в Англию. Это было понижением и ссылкой. Если бы Вышинский пробыл на посту министра подольше, он бы вообще убрал Громыко с дипломатической службы.

Когда Андрей Андреевич приехал в Лондон, резидент внешней разведки министерства госбезопасности, выяснив по своим каналам, что новый посол не в фаворе, отправил на него телегу в Москву. Громыко пришлось писать объяснение на имя Сталина. Все это могло поставить крест на его дипломатической карьере.

Смерть вождя все изменила. Седьмого марта Вышинский был освобожден от должности министра «в связи с реорганизацией правительства». Обижать Андрея Януарьевича не хотели. Его утвердили постоянным представителем в Организации Объединенных Наций и — чтобы подчеркнуть его высокий статус — сделали первым заместителем министра.

Министерство иностранных дел вновь возглавил Молотов.

Вячеслав Михайлович немедленно отозвал своего любимца Громыко из Лондона. В апреле пятьдесят третьего тот занял прежнюю должность первого заместителя министра.

«Эльяшив коснулся вопроса о еврейской иммиграции в Израиль, — записал Громыко в отчете о беседе с израильским посланником, — *и высказал пожелание, чтобы Советское правительство пошло навстречу просьбам евреев — граждан СССР о разрешении им выезда в Израиль.*

Я с самого начала отвел этот вопрос и заявил, что мне не совсем ясно, почему посланник ставит на обсуждение вопрос, относящийся к советским гражданам. Я указал далее, что не вижу оснований для того, чтобы обсуждать данный вопрос с пользой для дела».

Громыко отказывался обсуждать этот вопрос все последующие тридцать лет...

Когда в Израиль вернулись советские дипломаты, посланником утвердили Александра Никитича Абрамова. Второго декабря пятьдесят третьего его принял министр иностранных дел Моше Шаретт. Он говорил по-русски, доверительно сообщил, что премьер-министр Бен-Гурион окончательно подал в отставку. Шаретт еще сам не знал, что именно ему предстоит возглавить правительство.

Абрамов попросил Шаретта назначить церемонию вручения верительных грамот рано утром или поздно вечером. Посольство оставалось в Тель-Авиве, а грамоты вручались в Иерусалиме, где располагалось правительство, и надо было проделать семьдесят километров в одну сторону. А проехать сто сорок километров при сильнейшей жаре в советском парадном мундире, рассчитанном на страны умеренного климата, невозможно. Кондиционеры в машины еще не ставили.

Посольства в Москве и в Тель-Авиве приступили к исполнению своих обязанностей, но дипломатия была довольно относительная. Директор экономического отдела МИД Израиля в разговоре с советским посланником сказал, что хотел бы развивать торговые отношения между двумя странами, и поинтересовался, в каких промышленных товарах нуждается Советский Союз.

Посланник вместо конкретного ответа «посоветовал ему прочесть решения сентябрьского пленума ЦК КПСС и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с этими решениями». Об этом Абрамов, довольный собой, сообщил в Москву...

Резидентом внешней разведки в Тель-Авив поехал Яков Прокофьевич Медяник. Он работал под крышей первого секретаря посольства. Со временем Медяник

стал генералом и заместителем начальника первого главного управления КГБ, ведал всей разведывательной работой на Ближнем и Среднем Востоке.

Тридцатого декабря пятьдесят третьего года израильский посланник Эльяшив доложил в Израиль о первых впечатлениях от пребывания в Москве. Он закончил письмо словами:

«В газетах больше не найдешь вещей, обижающих евреев. Также не встретишь сообщений из Израиля или высказываний об Израиле в той форме, в какой это было ранее. Не ручаюсь за будущее, но отмечаю факт, что такого до этого не было...»

Тем временем в советской дипломатии происходили незаметные перемены. Москва стала проявлять осторожный интерес к развивающимся странам, которые, в свою очередь, подавали сигналы о готовности развивать отношения. Израильские политики, не верившие в возможность сближения арабского мира и Советского Союза, были разочарованы.

Первого февраля пятьдесят четвертого года назначенный посланником в Египте Даниил Семенович Солод сообщил в Москву, что его коллега — посланник Египта в Советском Союзе Азиз аль-Масри — поднял вопрос о продаже Египту советского оружия. Причем аль-Масри сослался на мнение заместителя премьер-министра Египта подполковника Гамаля Абд-аль Насера.

Опытный Солод, не имея инструкций, уклонился от в высшей степени деликатного разговора об оружии.

С египетским посланником в Москве Азизом аль-Масри вышел конфуз.

Двадцать восьмого сентября пятьдесят четвертого года отдел культуры и науки ЦК КПСС доложил руководству партии:

«В № 7 журнала «Вопросы истории» за 1954 г. опуб-

ликована статья А. М. Некрича «Англо-германские противоречия по колониальному вопросу перед Второй мировой войной». В указанной статье автор, говоря о подрывной деятельности гитлеровской Германии в тот период в странах Востока, упоминает о том, что в числе германских платных агентов был начальник египетского генерального штаба генерал Азиз-Али Мысри паша...

Как известно, в настоящее время Азиз-Али Мысри паша под именем А. аль Масри занимает пост посла Египта в СССР».

Советских руководителей не смутил сам факт пребывания в Москве в роли посла платного агента нацистов. Попросить египтян отозвать дипломата — такой вопрос даже не возникал. Испугались другого: египтяне обидятся!

Работникам журнала «Вопросы истории», автору статьи, известному историку Александру Некричу пришлось объясняться и оправдываться (см. «Отечественная история», 2003, № 5). Впрочем, руководители отдела культуры и науки ЦК КПСС проявили либерализм и никого не наказали, предложили ограничиться внушением:

«Считали бы целесообразным указать главному редактору журнала «Вопросы истории» т. Панкратовой на проявленную редакцией беспечность при публикации статьи А. М. Некрича и обязать ее установить строгий контроль над подготовкой к печати статей по новейшей истории».

Либерализм отдела ЦК объяснялся просто: главный редактор журнала академик Анна Михайловна Панкратова цековским чиновникам была не по зубам. Она пользовалась большим влиянием, состояла членом ЦК КПСС, и ее только что избрали членом президиума Верховного Совета СССР.

Через год, пятнадцатого сентября пятьдесят пятого

года, Насер информировал советского посла, что из Саудовской Аравии в Египет переехал Рашид Али Гайлани — тот самый, который с помощью нацистской Германии устроил в сорок первом году военный переворот в Ираке, а после провала бежал в Берлин.

Рашид Али Гайлани после поражения Германии нашел убежище в Саудовской Аравии, где собирал силы для борьбы с еврейским государством. Теперь нацистский преступник обосновался среди египетских единомышленников. Советской реакции не последовало. Отношения с Египтом были важнее поиска нацистских преступников...

Не только Египет, но и Сирия выказала интерес к советскому оружию. Тридцать первого марта пятьдесят четвертого года министр национальной обороны Сирии Мааруф ад-Давалиби принял советского посланника Сергея Сергеевича Немчину и тоже завел разговор о продаже советского оружия или о получении оружия в Чехословакии.

Сергей Немчина также уклонился от ответа. Он был назначен в Сирию в пятьдесят третьем году, до этого работал в Лондоне, Париже и Бангкоке.

ДМИТРИЙ ШЕПИЛОВ И ГАМАЛЬ АБД-АЛЬ НАСЕР

«Первое время после прихода к власти полковника Насера, — вспоминал Никита Сергеевич Хрущев, — *мы не могли определить, какого же направления во внешней и внутренней политике станет придерживаться его правительство, и склонялись к тому, что там, видимо, произошел один из тех военных переворотов, к которым все уже привыкли.*

В результате ничего особенного мы не ожидали. Да у нас и другого выбора не оставалось, кроме как ожидать и

смотреть, что за направление будет взято новым руководством Египта».

На самом деле Москва не была пассивной.

Двадцать девятого марта пятьдесят четвертого года советский представитель в Совете Безопасности наложил вето на проект резолюции, призывавшей Египет выполнить резолюцию от первого сентября пятьдесят первого года о свободе судоходства через Суэцкий пролив.

Египтяне были счастливы: прежде Москва поддерживала требования Израиля пропускать его суда через пролив. Через некоторое время министр иностранных дел Египта Фаузи пригласил советского посла Солода и объяснил, что Египет не будет пропускать через Суэцкий канал израильские суда, поскольку «юридически Египет считает себя находящимся в состоянии войны с Израилем».

Москва приняла решение повысить уровень советского представительства в Египте — миссию преобразовали в посольство. Через три месяца после этого советская миссия в Израиле тоже стала полноценным посольством.

Пятнадцатого июня пятьдесят четвертого года Гамаль Абд-аль Насер сам заговорил с советским послом Солодом о продаже советского оружия. Посол попросил уточнить, является ли это официальной просьбой египетского правительства. Насер, тут же посоветовавшись с одним из членов Революционного совета, ответил утвердительно.

Восьмого июля Солод посетил Насера и ответил, что его просьба доведена до сведения советского правительства и *«Советское правительство готово рассмотреть конкретные предложения египетского правительства по этому вопросу».*

Насер спросил, где лучше вести переговоры — в

Москве или Каире. Солод ответил, что переговоры могут быть продолжены там, где того пожелает египетское правительство.

Главным для советской политики оставалась борьба против влияния Соединенных Штатов и Англии на Ближнем Востоке. А новое египетское правительство проводило в целом антизападную политику. Девятнадцатого октября пятьдесят четвертого года Англия и Египет подписали соглашение об эвакуации британских войск.

Правда, поначалу Насер пытался вести политические игры и с американцами. Египтом занимались два высокопоставленных сотрудника ЦРУ — Кермит Рузвельт и Майлс Коупленд. Они пытались заинтересовать Насера сближением с Соединенными Штатами. Египетские спецслужбы получали технику от американцев и, вероятно, разведывательные данные о положении в Израиле.

Но Соединенные Штаты не хотели давать Насеру оружие. Они предлагали ему заняться экономикой страны. Новый египетский руководитель думал о другом.

Третьего марта пятьдесят пятого года Насер выступал по случаю открытия военного колледжа в Каире:

— В сорок восьмом году победил не Израиль, победил Совет Безопасности ООН и союзники Израиля, желавшие упрочить положение евреев в этой части мира, укрепить Израиль и уничтожить арабскую нацию... Если Израиль полагает, что он разбил египетскую армию в сорок восьмом году, и угрожает нам, опираясь на эту небылицу, то я скажу ему: мы не те! Египетская армия под командованием Абд-аль Хакима Амера отличается от египетской армии прошлого. Факторы, обусловившие наше поражение в сорок восьмом году,

безвозвратно исчезли и никогда не повторятся. Мы защитим нашу родину, ответив агрессией на агрессию.

На самом деле Насер сознавал слабость собственной армии и говорил советским дипломатам то, что не решался поведать своим согражданам. Двадцать первого мая пятьдесят пятого года Насер принял советского посла Солода и сказал ему:

— Американцы могут разрешить Израилю выступить против Египта, и тогда в течение двадцати четырех часов египетская армия перестанет существовать.

Насер вновь завел разговор о покупке советского оружия. Посол ответил, что советское правительство давно готово вести переговоры, египтяне сами медлят. И верно: Насер медлил, не мог решиться на сближение с коммунистическим государством. Ему нужен был сильный политический импульс. Человеком, который положил начало сближению Советского Союза с арабским востоком, стал Дмитрий Трофимович Шепилов.

Шепилов родился в Ашхабаде, где его отец работал токарем в железнодорожном депо. С детства любил петь, потом у него сформировался красивый баритон. Его отец был верующим человеком, и Дмитрий пел в церковном хоре. Когда семья переехала в Ташкент, он играл в школьном театральном коллективе при городском отделе народного образования.

Утром Шепилов подрабатывал в табачной мастерской, где делали гильзы для папирос, днем учился в школе, вечером бежал в театр, где ставились музыкальные пьесы. Шепилов мог пропеть десяток опер и помнил около сотни романсов, с удовольствием пел их до конца жизни.

В двадцать втором году Дмитрий Шепилов приехал в Москву учиться и через четыре года окончил факультет общественных наук Московского университета.

Курс уголовного процесса читал Андрей Януарьевич Вышинский. Он же вел и семинар, в котором занимался Дмитрий Трофимович.

Он поработал прокурором в Сибири, вернулся в Москву, и его взяли старшим научным сотрудником в Институт техники управления при наркомате рабоче-крестьянской инспекции.

«Когда я летом двадцать девятого года временно работала на практике секретарем на постоянной Выставке техники управления при Рабкрине, там стажировался Дмитрий Шепилов, — вспоминала Муза Васильевна Раскольникова, жена известного революционера и дипломата. — *Это был очень серьезный и трудолюбивый человек, настоящий рабочий парень. Высокого роста, с темными глазами на неулыбчивом лице, он сразу привлек Марьяну, когда я их познакомила...»*

Шепилов женился на подруге Раскольниковой Марьяне и вошел в семью высокопоставленных чиновников. Его теща, Анна Николаевна Унксова, работала в женотделе ЦК, потом ее избрали секретарем Воскресенского райкома партии Московской области. Его тесть, Гаральд Иванович Крумин, образованный большевик, был редактором газеты «Экономическая жизнь», оттуда перешел в главную газеты страны — «Правду». После работы в Свердловске и Челябинске стал заместителем главного редактора Большой советской энциклопедии и ответственным редактором журнала «Проблемы экономики». Крумин и заинтересовал зятя экономическими делами.

Дмитрий Трофимович поступил в Аграрный институт красной профессуры. В тридцать третьем Шепилова послали начальником политотдела животноводческого совхоза в Чулымский район Западно-Сибирского края. Через два года его вернули в столицу и сразу взя-

ли в аппарат ЦК партии. Он счастливо пережил период массовых репрессий, хотя арестовали сестру жены и ее мужа (они оба работали в Госплане), потом родителей жены.

Всю войну он провел в армии. На Воронежском фронте познакомился с членом военного совета фронта Никитой Сергеевичем Хрущевым. С фронта Шепилов вернулся генералом. Его заметил и приблизил Сталин, сделал главным редактором «Правды» и председателем постоянной комиссии по идеологическим вопросам при президиуме ЦК.

После смерти вождя Шепилов невероятно понравился Хрущеву. *«Высокий, красивый мужчина с гордой посадкой головы, вполне убежденный в своем обаянии,* — таким его увидел известный драматург Леонид Генрихович Зорин. — *Запомнились барственная пластика, уверенный взгляд и вся повадка гедониста и женолюба. Среди своих дубовых коллег Шепилов выделялся породистостью и производил впечатление... Думаю, он по-мужски импонировал старым вождям своею статью, к тому же нужен был человек, так сказать, с внешностью и манерами».*

До Шепилова арабские режимы считались националистическими, реакционными и даже фашистскими, что было недалеко от истины. Власть в Египте в результате свержения короля взяли военные, которые разогнали даже тот парламент, который был при монархии.

Дмитрий Трофимович первым разглядел в египетских руководителях идеальных союзников в противостоянии Западу. Это была решительная смена идеологических ориентиров: новые арабские режимы нещадно уничтожали коммунистов, друг друга и собственное население, но теперь Москва старательно закрывала на это глаза.

Летом пятьдесят пятого года египтяне отмечали третью годовщину свержения короля и революции. В Каир впервые был приглашен советский представитель. Прилетел Шепилов, но не как главный редактор «Правды», а как председатель комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Двадцать второго июля на митинге выступил египетский лидер Гамаль Абд-аль Насер. Шепилов сидел перед трибуной, ему переводили речь президента. Он слушал очень внимательно, вспоминает Валентин Александров, который работал стажером-переводчиком в советском посольстве в Каире. Шепилову очень понравилась речь Насера, призывавшего к независимости страны, он несколько раз аплодировал.

После речи Шепилов потребовал организовать ему встречу с Насером. У посла таких контактов не было. Советское посольство в Каире вообще еще не знало, как относиться к молодым офицерам, прогнавшим короля Фарука. Посол Даниил Солод считал Насера и его офицеров опасными националистами и реакционерами.

Устроить Шепилову встречу с Насером взялась разведка. В Каире тогда находился заместитель начальника первого главного управления КГБ Федор Константинович Мортин, недавно переведенный из партийного аппарата. Он приказал своим подчиненным помочь Шепилову. Каирская резидентура фактически только-только начала работать.

«В Каире остался только один оперативный сотрудник, недавно туда направленный и не имевший никаких полномочий, — вспоминал генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирипиченко. — *Весь состав резидентуры надо было срочно подбирать, в том числе и резидента. К этому времени в ПГУ пришли выпускники разведшколы, Военно-дипломатической академии и различных граж-*

данских вузов. После интенсивных поисков резидентура для Каира была сформирована из шести человек».

Говорят, что Насер встретил Шепилова словами:

— Брат мой, я так долго ждал этой встречи!

Встречи Шепилова с Насером заложили основы ближневосточной политики Советского Союза — опора на арабские страны против Запада. Шепилов вернулся в Москву вдохновленный собственной дипломатией.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал, как ученых-атомщиков пригласили на заседание президиума ЦК. Но их долго не пускали в зал заседаний — никак не могли закончить предыдущий вопрос. Наконец им объяснили:

— Заканчивается обсуждение сообщения Шепилова, который только что вернулся из поездки в Египет. Вопрос чрезвычайно важный. Обсуждается решительное изменение принципов нашей политики на Ближнем Востоке. Отныне мы будем поддерживать арабских националистов. Цель — разрушить сложившиеся отношения арабов с Европой и Соединенными Штатами, создать «нефтяной кризис» — все это поставит Европу в зависимость от нас.

В благодарность за антиамериканские лозунги и слова любви, адресованные сменявшим друг друга советским вождям, Москва начала снабжать арабский мир оружием, ссужать деньгами, посылать многочисленных советников и специалистов.

Тайные советско-египетские переговоры начались в Праге. Речь шла о продаже Египту чехословацкого оружия, производимого по советским лицензиям.

Конспирация была важнее всего. Египетская делегация во главе с Хафесом Исмаилом, начальником канцелярии военного министра Абд-аль Хакима Амера, тайно вылетела в Югославию. Там ее два дня дер-

жали в резиденции, потом отправили в Прагу. Делегации было приказано не поддерживать отношений с представительством Египта в Чехословакии, поэтому Насер не мог связаться со своей делегацией.

Переговоры, проходившие в здании чехословацкого министерства внешней торговли, продолжались примерно три недели. В состав чехословацкой делегации включили советских представителей.

«Вначале они не скрывали своих опасений относительно наших истинных целей, — вспоминал руководитель египетской делегации Хафез Исмаил. — *Они опасались, что переговоры о военных поставках — лишь маневр. Но когда они убедились в искренности наших намерений, то переговоры пошли гладко. Между нами не возникало никаких недоразумений. Одним из главных наших требований было — немедленная поставка боевых самолетов и другого оружия на советских судах. Советский Союз полностью пошел нам навстречу».*

Оружие понадобилось Египту не только для борьбы с Израилем. Когда правительство Судана стало отходить от линии Египта, Насер в августе пятьдесят пятого года попросил Москву срочно продать ему транспортные самолеты и бомбардировщики, чтобы перебросить египетские войска в Судан.

Насер сказал советскому послу Солоду:

— Египетское правительство уверено, что арабские страны всегда будут идти за Египтом...

Насер намеревался стать вождем не только арабов, но и всего мусульманского мира.

«Я думаю о наших братьях по вере, — писал он, — *которые, в какой бы стране они ни находились, обращаются вместе с нами к Мекке и с благоговением шепчут те же молитвы.*

Когда я мысленно обращаюсь к десяткам миллионов мусульман в Индонезии, Китае, Малайзии, Таиланде,

Бирме, Пакистане, России, не говоря уже о миллионах мусульман в других странах, когда я мысленно представляю себе эти миллионы, объединенные единой верой, я полностью сознаю, какие огромные возможности таятся в сотрудничестве между ними, которое гарантирует им и их собратьям неограниченную мощь.

Теперь я хочу вернуться к роли, блуждающей в поисках актера, способного ее сыграть. Именно мы, и только мы способны ее сыграть».

На переговорах в Праге советские представители потребовали часть оружия оплатить сразу и в свободно конвертируемой валюте — британскими фунтами стерлингов. Остальное согласились продать в рассрочку, но под хороший процент.

Насер вовсе не собирался платить. Он напомнил советским руководителям, что Шепилов ему обещал: *«Все расчеты будут произведены за счет поставок Советскому Союзу египетских товаров»*. Насер просил принять в оплату за оружие хлопок и рис. Хрущев и другие члены президиума ЦК согласились.

Четвертого сентября посол Солод сообщил египтянам, что Москва готова продать танки. Поставки оружия начнутся в кратчайший срок. Расплатиться египтяне могут товарными поставками — хлопком, рисом, кожевенным сырьем, пряжей из искусственного шелка.

Двенадцатого сентября пятьдесят пятого года тайное соглашение о поставках оружия было подписано в Праге. К исполнению этой сделки привлекли и Польшу. Она обязалась участвовать в модернизации и переоснащении египетского флота.

В тот же день в Москве в министерство иностранных дел к заведующему отделом стран Ближнего и

Среднего Востока Григорию Титовичу Зайцеву пришел израильский посол Иосиф Авидар.

Посол родился в Волынской губернии, в девятнадцать лет уехал в Палестину, вступил в отряды Хаганы. В армии дослужился до бригадного генерала. Последняя должность в армии обороны Израиля — командующий Северным военным округом.

Иосиф Авидар спросил, действительно ли Советский Союз предложил поставлять оружие арабским странам, прежде всего Египту и Сирии.

— Израилю это небезразлично, — подчеркнул посол. — Руководители арабских стран продолжают утверждать, что арабские страны находятся в состоянии войны с Израилем, продолжают нам угрожать, обещают уничтожить Израиль.

Советский дипломат еще не имел полномочий говорить о том, что уже свершилось.

— Сообщения иностранной печати о продаже Советским Союзом вооружения Египту и Сирии являются досужим вымыслом иностранных газет, — отбарабанил Зайцев. Правда, тут же добавил: — Однако продажа и покупка оружия, если она не преследует какие-либо агрессивные цели, является внутренним делом и обычной коммерческой сделкой того или иного государства, то есть каждое государство может покупать его для обеспечения своей безопасности.

Григорий Зайцев руководил отделом стран Ближнего Востока в МИД с пятьдесят третьего года с небольшим перерывом, в пятьдесят восьмом году его на три года отправили послом в Ирак, где произошел военный переворот.

Советское оружие пошло в Египет, но у египетских руководителей аппетиты росли не по дням, а по часам.

Пятнадцатого сентября пятьдесят пятого Насер пожаловался послу: почему Советский Союз не желает продавать ему тяжелые танки «ИС-3», два эскадренных миноносца и две подводные лодки?

А через три дня, восемнадцатого сентября, исполняющий обязанности министра иностранных дел Египта А. Саид передал советскому послу Солоду «список приборов, материалов и оборудования для организации атомной лаборатории», которые просил уступить Египту по сходным ценам. Насеру мало было обычных вооружений. Ему хотелось иметь и собственную атомную бомбу.

Двадцать седьмого сентября Насер публично заявил о покупках оружия у Чехословакии. Это была новость номер один.

Политики в других арабских странах, например в Ливане, встревоженно отмечали, что впервые на Ближний Восток поставляется тяжелое вооружение. Ливанцы боялись, что Израиль ответит на это закупками оружия для своей армии, что, в конце концов, приведет к новой войне.

Сообщение ТАСС было опубликовано первого октября. В нем подчеркивалось, что речь идет о чехословацком оружии, Советский Союз тут ни при чем.

Восемнадцатого октября посол Солод посетил Насера и сообщил, что через несколько дней в порт Александрия прибудет советский транспорт «Краснодар» с грузом военного назначения. Москва просила сохранить приход судна и его разгрузку в полной тайне.

Двадцать четвертого октября временный поверенный в делах Израиля в СССР вручил заместителю министра иностранных дел Владимиру Семеновичу Семенову ноту относительно продажи оружия Египту. Семенов обещал передать ноту министру Молотову, но сразу заметил, что в ноте есть неточности.

— Общеизвестно, — уверенно заявил заместитель министра, — что Советский Союз не поставляет оружия Египту или какой-либо другой стране на Ближнем Востоке. Что же касается позиции Советского Союза в вопросе поставок оружия Египту Чехословакией, то мы считаем, что это дело рук двух указанных суверенных государств. Египет может закупать оружие для своей армии там, где считает это нужным.

Схема продажи советского оружия через Чехословакию, которую придумали, чтобы снабжать Израиль, теперь действовала на благо его врагов.

Шестнадцатого ноября на президиуме ЦК обсуждалась телеграмма советского посла из Каира, излагавшую просьбу Египта о дополнительных поставках оружия. Заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин коротко пометил главные тезисы Хрущева: *«Риск. Но то, что сделали, — хорошо. Провели самостоятельную политику. Окупается. Линия — правильная. Теперь: подлодок не давать, когда освоите — обсудим. Самолеты дать. Бесплатно — не стоит, а дать льготный кредит»*.

Советские руководители согласились дать Египту сто истребителей вместо предполагавшихся восьмидесяти.

Главное управление по делам экономических связей со странами народной демократии отправляло через Польшу в Египет военных советников и переводчиков с английского, которые помогали египтянам осваивать технику и учили их военному делу. В Гдыне и Гданьске обучали египетских летчиков.

Девятого ноября премьер-министр Англии Энтони Иден, выступая на банкете в Лондоне, сказал, что советские поставки Египту разрушают и без того шаткое равновесие, существующее на Ближнем Востоке. «Было бы нелепо, — говорил Иден, — считать, что это про-

сто еще одна торговая сделка. Цель продажи Египту танков и самолетов — это проникновение Советского Союза в арабский мир. Этот образ действий Советов невозможно совместить с провозглашенным советским правительством стремлением покончить с холодной войной. В Москве должны понимать, какие последствия будут иметь массированные поставки оружия в регион.

В декабре пятьдесят пятого года Хрущев, выступая на сессии Верховного Совета, впервые публично предъявил Израилю претензии:

— Заслуживают осуждения действия Государства Израиль, которое с первых дней существования начало угрожать своим соседям, проводить по отношению к ним недружелюбную политику. Ясно, что такая политика не отвечает национальным интересам Государства Израиль, что за спиной тех, кто осуществляет такую политику, стоят всем известные империалистические державы. Они стремятся использовать Израиль как свое орудие против арабских народов...

Слова Хрущева означали коренной пересмотр советской политики в отношении ближневосточного конфликта. Хотя в Москве знали, что реальная ситуация иная.

Посол в Израиле Абрамов писал Молотову: *«Премьер-министр Саудовской Аравии эмир Фейсал, выражая мнение многих арабов, заявил, что «еще не родился арабский лидер, который согласился бы встретиться с Бен-Гурионом для переговоров о мире между Израилем и арабскими государствами». Таким образом позиция арабов в отношении Израиля является в настоящее время непримиримой.*

Позиция Израиля является более гибкой...»

Но так откровенно советские дипломаты высказы-

вались только в шифротелеграммах или секретной переписке.

Отношение к Израилю вновь приобретало черты враждебности. Это наглядно проявилось в истории со сбитым пассажирским самолетом. Четвертого августа пятьдесят пятого года писатель Юрий Карлович Олеша записал в дневнике:

«Совершено чудовищное преступление против человечности: болгары сбили случайно зацепивший их территорию пассажирский самолет Израиля. Погибло пятьдесят восемь человек. Он взорвался, самолет, по всей вероятности, от попадания снаряда или пули в бак.

Пятьдесят восемь невинно погибших. Неужели только потому, что самолет в мирное время пролетает над чужой территорией, надо в него стрелять? Варварство! Есть, наверное, вирус, рождающий все это: выделывание немцами перчаток из человеческой кожи, наши ссылки невинных и вот такую шпиономанию...

Это так же страшно, как «Лузитания». Причем то произошло, между прочим, во время войны и было проделано немцами, которые и сами умеют страдать, а это болгарами, которые всего лишь по-турецки жестоки».

Британский лайнер «Лузитания» совершал рейсы из Ливерпуля в Нью-Йорк и был потоплен немецкой подводной лодкой седьмого мая девятьсот пятнадцатого года. На борту находилось больше тысячи двухсот пассажиров и семьсот моряков. Больше половины погибли. Потопление пассажирского лайнера усилило ненависть к Германии.

Сорок лет спустя пассажирский самолет израильской авиакомпании был сбит, когда летел из Израиля в Англию через Турцию. Он отклонился от курса и был сбит болгарскими военно-воздушными силами, которые в отношении к Израилю ориентировались на линию Советского Союза.

ВОЙНА ИЗ-ЗА СУЭЦКОГО КАНАЛА

Двадцать третьего января пятьдесят шестого года Насер сообщил советскому временному поверенному, что Сирия тоже желает покупать советское оружие через Чехословакию и уже отправила в Прагу своего представителя.

Сирия хотела бы приобрести шестьдесят танков «Т-34», восемнадцать 100-мм орудий, тридцать два зенитных оружия калибра 100-мм или 855-мм, восемнадцать истребителей, сто пятьдесят бронемашин, три радарные установки, несколько сот грузовиков и боеприпасы. Расплачиваться сирийцы тоже намеревались не деньгами, а товарами.

Египтянам и сирийцам не терпелось втянуть Советский Союз непосредственно в военные действия.

В начале пятьдесят шестого года в Каир прибыл новый советский посол — Евгений Дмитриевич Киселев, который после войны руководил в министерстве иностранных дел отделом балканских стран, а потом был послом в Венгрии.

Двадцать первого марта пятьдесят шестого года Насер принял Киселева и сказал ему:

— Сирия, Саудовская Аравия и Египет просят Советский Союз, имея в виду, что западные державы уже разрешили Израилю вербовать летчиков для своей авиации из лиц еврейского населения США, Англии, Франции и других стран, в случае возникновения чрезвычайного положения сделать то же самое в среднеазиатских республиках Советского Союза, обратившись к мусульманам, способным помочь им в использовании военной техники...

Просьба трех стран к Советскому правительству является чрезвычайно важной и серьезной.

Просьбу в Москве отвергли. Не в последнюю оче-

редь потому, что Хрущев пытался в тот момент улучшить отношения с Западом.

Почти десять дней, с восемнадцатого по двадцать седьмое апреля пятьдесят шестого года, Никита Сергеевич Хрущев и глава правительства Николай Александрович Булганин находились в Англии.

«Русские предстали в совершенно новом свете, — вспоминал один из дипломатов. — *С ними стало легко говорить. Они дискутировали солидно и высказывались очень откровенно и без обиняков, хотя и старались всегда быть вежливыми. Они произвели впечатление людей, уверенных в себе и прямодушных».*

На переговорах англичане настаивали на том, что Ближний Восток — сфера в первую очередь британских и, шире говоря, европейских интересов. А поставки советского оружия Египту взвинчивают гонку вооружений в регионе.

Хрущев и Булганин не обещали прекратить поставки оружия в Египет, но во всяком случае во имя улучшения отношений с Западом решили их сократить.

В Каире обиделись. Ответ Насера последовал незамедлительно. Шестнадцатого мая Египет признал Китайскую Народную Республику. Насер надеялся, что великий революционер Мао Цзэдун, презиравший Хрущева, станет продавать ему оружие без всяких условий. Но глава правительства Чжоу Эньлай с сожалением ответил:

— Китай не имеет возможности вооружить Египет.

Второго июня пятьдесят шестого года «Правда» сообщила, что президиум Верховного Совета удовлетворил просьбу первого заместителя председателя Совмина Молотова об освобождении его от обязанностей министра иностранных дел. Министром стал Дмитрий Трофимович Шепилов.

Уход Молотова был неизбежен. Они с Хрущевым

разошлись решительно во всем. Андрей Громыко рассчитывал, что на сей раз уж точно он станет министром. Но Хрущев прислал на Смоленскую площадь своего любимца Дмитрия Трофимовича Шепилова. Для Громыко это было ударом. Его сын, Анатолий Андреевич Громыко, рассказывал, что в тот день отец, который был фантастически сдержанным человеком, дал волю своим чувствам — взял грабли и пошел убирать двор на даче во Внуково...

Шепилов был легким на подъем человеком и в отличие от своего предшественника Молотова полагал, что министр должен как можно больше ездить по миру и встречаться с иностранными дипломатами. Он сразу же отправился в большую поездку по странам Ближнего Востока — Египту, Сирии, Ливану.

Израиль тоже пригласил Шепилова, но в Москве ответили, что программа поездки министра уже согласована, а после поездки Шепилов должен немедленно вернуться в Москву.

Дмитрий Шепилов, чувствуя полную поддержку Хрущева, вел себя совершенно самостоятельно. Он был умным человеком, все быстро схватывал, но очень глубоко вникать, похоже, не стремился. Он определил новую советскую политику на Ближнем Востоке: арабские страны — союзники Советского Союза, им нужно всячески помогать.

Когда Шепилов вылетал в Каир для встречи с Гамалем Абд-аль Насером, министра спросили, кому из помощников его сопровождать. Дмитрий Трофимович удивился:

— Зачем людей отрывать от дела? Переводчик найдется в посольстве, а портфель я сам могу носить.

Шестнадцатого июня Шепилов прибыл в Египет с обещанием оказать солидную помощь. Восемнадцатого

июня он беседовал с военным министром и главнокомандующим вооруженными силами страны генерал-майором Абд-аль Хакимом Амером в его кабинете. Беседа была очень откровенной, потому что Амер считался вторым человеком в стране.

Насер объяснял Хрущеву:

— Товарищ Хрущев, я и Амер — одно лицо. Что можно говорить мне, говорите и Амеру, что Амеру, то и мне. Мы близкие друзья.

Шепилов спросил генерала Амера относительно статей в западной прессе, где говорилось, что израильская армия все равно сильнее египетской:

— Если израильская армия действительно имеет какие-либо преимущества над египетской, то в чем именно?

«Амер ответил, — записывал слова министра советский дипломат, — *что в настоящее время израильская армия утратила свое преимущество над египетской почти по всем линиям: численности, оснащению, подготовке и общей боеспособности... Израильская армия неспособна сейчас выиграть войну против Египта, но может прибегать к провокационным действиям».*

Амер попросил на следующий год партию танков Т-54 и две эскадрильи истребителей МиГ-19.

«Тов. Шепилов разъяснил генералу Амеру, — говорилось в записи беседы, — *что танки Т-54 и истребители МиГ-19 являются нашими новыми образцами вооружения, которые в настоящее время проходят испытания, и до завершения испытаний мы воздержимся от их продажи по соображениям престижа.*

При этом тов. Шепилов заметил, что испытательный период, надо полагать, будет не очень продолжительным...»

Египетские руководители не скупились на откро-

венную лесть, изображали себя учениками советских руководителей. Слова стоили недорого.

Девятнадцатого июня Шепилов телеграфировал Хрущеву:

«При всех встречах Насер просит у меня подробных советов, как им практически решать задачи индустриализации страны и подъема сельского хозяйства, в том числе его кооперирования. В последней беседе, длившейся около шести часов, я старался дать ему необходимые разъяснения...»

Очень неглупый человек был Дмитрий Шепилов, а поверил, будто президент Египта и в самом деле нуждается в его советах. Поездка тем не менее оказалась не очень удачной. Шепилов предлагал заключить договор о дружбе с Египтом. Египтяне не спешили складывать все яйца в одну корзину. Насер не хотел захлопывать дверь, ведущую на Запад. Он рассчитывал что-то получать и от американцев.

Шепилов, уезжая, пригласил Насера в Москву.

Посол Киселев навестил Насера дома, переправил в Москву запись беседы:

«Насер сказал, что, несмотря на то что он, как правило, в воздухе и на море страдает морской болезнью и еще до посадки в самолет почти падает в обморок, он предпочитает лететь самолетом, так как это сокращает время.

Я упомянул тогда, что Советское правительство будет радо отправить за ним наши самолеты, если он пожелает. Насер ответил, что он благодарен, но думает, что он полетит на своем самолете «Вайкаунт», в котором он летел в Белград. Он отметил, что первый раз именно в нем он не страдал от морской болезни. Насер похвалил этот английский самолет за комфорт, скорость и отсутствие шума и вибрации...

Насер рассказал мне о своих тяжелых переживаниях в связи с недавней гибелью нескольких своих близких товарищей по армии. В день его отлета в Югославию израильская разведка (Насер знает имена этих убийц!) подослала его товарищу по полку, находившемуся в Газе, бомбу, скрытую в книге, которая взорвалась в момент открытия свертка.

Сегодня, 21 июля, умер от такой же «посылки» его друг и, по словам Насера, исключительно честный и скромный патриот полковник Селих Мустафа, военный атташе в Аммане.

С чувством волнения и горечи Насер подробно рассказывал об этих своих друзьях и их гибели от подлых и гнусных приемов израильской разведки».

Насер имел в виду полковника Мустафу Хафеза, который возглавлял египетскую разведку в секторе Газа, и военного атташе в Иордании подполковника Салаха Мустафу. Они руководили засылкой палестинских террористов на территорию Израиля, пока израильская разведка Моссад не добралась до них...

Вернувшись в Москву, Шепилов доложил Хрущеву, что Насер намерен национализировать Суэцкий канал, который управлялся французско-английской компанией. Так и произошло.

Решение Насера было спровоцировано отказом Всемирного банка и американского правительства выдать Египту кредит на строительство Асуанской плотины. Насер постоянно говорил, что плотина превратит обширные территории страны в плодородные поля, которые дадут египтянам работу и пищу.

В кредите Египту отказал Джон Фостер Даллес, ставший государственным секретарем Соединенных Штатов.

На американцев нажимали Иран, Пакистан и Турция: вы хотите дать денег Насеру, который против ва-

шей политики, и отказываете нам, хотя мы вас поддерживаем... Тем не менее историки назовут отказ в кредите ошибкой. Даллес сделал Насера врагом Запада.

Девятнадцатого июля пятьдесят шестого года Даллес сказал, что Египет не получит денег на строительство Асуанской плотины. Через неделю, двадцать шестого июля, Насер подписал декрет о национализации Суэцкого канала.

Жарким вечером на пыльной площади ат-Тахир в Каире Насер зачитал перед толпой своих поклонников текст декрета:

— Всеобщая компания Суэцкого канала настоящим национализируется. Все фонды, права и обязанности вышеуказанной компании переходят во владение государства. Все органы и комитеты, отвечающие в настоящее время за ее управление, распускаются...

Решение Насера национализировать канал прежде всего ударило по Англии, хотя и Франция тоже владела частью акций компании Суэцкого канала.

Британский премьер-министр Энтони Иден получил срочное сообщение из Каира во время обеда, который он давал в своей резиденции на Даунинг-стрит. Обед был прерван, и тут же собрался кабинет министров.

— Египтяне схватили нас за горло, — мрачно заметил премьер-министр.

На следующее утро британский комитет начальников штабов получил указание подготовить план операции с целью возвращения контроля над каналом.

В тридцать шестом году Англией было подписано с Египтом соглашение, позволявшее ей иметь военные базы и воинские контингенты в районе Суэцкого канала. Правительство Насера потребовало, чтобы британские войска покинули землю Египта.

В Лондон прибыл французский министр иностран-

ных дел Кристиан Пино — обсудить план совместных военных действий.

У Франции был свой счет к Насеру. Египет снабжал оружием алжирских повстанцев, добивавшихся независимости страны. В Париже считали, что война заставит Насера уйти в отставку и через неделю с алжирским восстанием будет покончено.

Французское министерство обороны обратилось к израильскому посольству в Париже с просьбой предоставить *«самые последние сведения о численности и размещении египетских формирований — наземных, морских и воздушных»*.

Насер в конце концов прервал переговоры о судьбе Суэцкого канала. Тогда компания Суэцкого канала прекратила работу. Египет оказался в труднейшем положении. Египетский посол в Москве бросился за помощью в министерство иностранных дел: срочно нужны лоцманы. И Советский Союз помог.

Второго августа правительства Англии, Франции и Соединенных Штатов приняли решение созвать в Лондоне конференцию участников конвенции, подписанной двадцать девятого октября восемьсот восемьдесят восьмого года, и других стран, заинтересованных в использовании Суэцкого канала.

Третьего августа британский посол в Москве вручил Шепилову ноту с заявлением Великобритании, Франции и Соединенных Штатов в связи с национализацией канала.

Советский Союз приглашали на конференцию в Лондоне, *«чтобы рассмотреть вопрос, какие наиболее подходящие меры можно было бы принять для проведения действенных мероприятий на международной основе для того, чтобы обеспечить непрерывность эксплуатации канала»*.

Десятого августа Шепилов телеграфировал советскому послу в Каире: *«Посетите Насера и передайте ему следующее. Советскую делегацию на лондонской конференции буду возглавлять я.*

От себя лично я настойчиво советую Насеру самому не ехать на лондонскую конференцию.

Во-первых, в процесе конференции и непосредственно вслед за ней в Египте может создаться сложная ситуация, при которой отсутствие Насера в Каире может весьма отрицательно отразиться на всем ходе дела.

Во-вторых, империалистические силы всеми способами добиваются сейчас устранения Насера. В случае поездки его в Лондон я не исключаю возможности попыток со стороны империалистической агентуры прямых террористических действий против Насера...»

После этого послу последовало новое указание: *«Посетить Насера и передать ему, что, по полученным достоверным сведениям, в ближайшие сутки английские и французские войска оккупируют Суэцкий канал».*

Посол Киселев сразу же отправился к Насеру. Тот сказал, что Египет готов к отражению попытки оккупировать канал. Армия и флот приведены в боевую готовность.

Египет решил все-таки бойкотировать конференцию в Лондоне. В суэцком конфликте советская дипломатия действовала как представитель Египта. Без одобрения Насера Шепилов не предпринимал ни одного шага. В Москве одобрили решение Насера и собирались сами отказаться от участия в конференции, о чем четвертого августа информировали Насера.

Но на следующий день спохватились, и президиум ЦК принял решение ехать. Послу велели немедленно объяснить Насеру: едем в Лондон только для того, чтобы «разоблачить колонизаторский характер конферен-

ции». На самом деле первоначальный проект директив делегации, составленный в жестком духе, на заседании президиума ЦК велели переработать.

Например, мидовцы предлагали:

«При открытии конференции делегации надлежит заявить, что советское правительство считает неправомочным в таком составе принимать какие-либо решения по существу вопросов, касающихся Суэцкого канала».

Хрущев велел смягчить тон.

Конференция продолжалась неделю, с шестнадцатого по двадцать третье августа. Шепилов трижды выступал, а после ее окончания дал пресс-конференцию. Шепилов вспоминал позднее, что в Лондоне получил шифровкой указание «дать по морде этим империалистам». Но исход конференции был вполне благополучным для Египта. Зачем скандалить?

Шепилов вспоминал, как в Лондоне к нему в советское посольство приехал государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес. Известный своей неуступчивостью американец сказал:

— Я приехал к вам потому, что в вашем весьма лаконичном заявлении по прибытии в Лондон я нашел одно слово, которое дает надежду, что мы с вами можем попытаться найти общую почву для разумного подхода к решению суэцкой проблемы. Это было бы весьма затруднительно с господином Вышинским, который, само собой разумеется, заслуживал высокого уважения. Мне трудно представить себе человека, который мог бы доплыть до конца, слушая блистательные речи господина Вышинского...

Шепилову было приказано назвать политику Запада «открытым грабежом и разбоем». Он указание игнорировал.

Когда вернулся в Москву, доложился Хрущеву. Тот велел приехать. Когда Шепилов появился в кабинете, спросил:

— Слушайте, а почему вы не выполнили указание, которое мы вам с Николаем Александровичем дали в шифровке?

— Не было необходимости. Мы выиграли битву и зачем портить с ними отношения?

— Ах, вот как! — возмутился Хрущев. — Значит, вы хотите сами внешней политикой руководить?

Двадцать седьмого августа на президиуме ЦК Шепилов отчитывался о лондонском совещании.

Хрущев отметил:

— Конференция прошла хорошо. Товарищ Шепилов хорошо справился с поручением. Что мы решили участвовать — тоже правильно. За исключением отклонения от выполнения директивы — это вольность, неправильная и опасная.

Другие члены президиума тоже говорили о досадной ошибке Шепилова. Он обещал замечания учесть.

В постановлении президиума записали, что *«ЦК КПСС одобряет линию поведения и практическую работу делегации Советского Союза на Лондонской конференции»*. Но Хрущев был недоволен самостоятельностью Шепилова больше, чем показал тогда, и вскоре убрал его из министерства иностранных дел.

В мае пятьдесят шестого советские министры пришли в израильское посольство на прием по случаю дня независимости. Казалось, отношение Москвы к еврейскому государству несколько улучшилось. Но синайский конфликт все окончательно испортил. Израиль прочно перекочевал в разряд полувраждебных стран.

Двадцать шестого августа посол в Израиле Абрамов доложил в Москву, что ему предстоит четвертого сен-

тября на традиционном приеме у президента страны Зеева Бен-Цви выступить с поздравительной речью, поскольку дуайен дипломатического корпуса уехал в отпуск, а советский посол — следующий по старшинству.

Абрамов информировал Москву, что в прошлом году в такой же ситуации он уже уезжал в отпуск, поэтому на сей раз он просит командировать его на несколько дней в Бейрут.

Вопрос рассматривали на президиуме ЦК, предложение посла одобрили.

Зеев Бен-Цви родился в Полтаве. В девятьсот шестом году он вступил в партию «Поалей-Цион», но его выследила полиция. При обыске в его доме нашли оружие, которое собирали для еврейских отрядов самообороны. Бен-Цви бежал в Палестину, где в составе Еврейского легиона британской армии воевал против немецкого экспедиционного корпуса генерала Роммеля. Президентом Израиля его избрали в пятьдесят втором году и дважды переизбирали...

Советские дипломаты и разведчики знали, что арабские страны наотрез отказываются вступать в переговоры с Израилем. Мир на Ближнем Востоке им не был нужен. Напротив, египетское руководство нуждалось в сохранении такой напряженной обстановки, которая заставляла другие арабские страны ориентироваться на Каир. Насер прямо сказал Шепилову:

— Арабо-израильский конфликт является в настоящее время основным средством сплочения арабских стран.

По тем же соображениям арабские политики ничего не делали для того, чтобы помочь палестинским беженцам. Они держали палестинцев в бедственном положении в пропагандистских целях.

Четвертого декабря пятьдесят пятого года посол в Египте Солод сообщал в Москву: *«Требование полной репатриации палестинских беженцев направлено на то, чтобы создать в Израиле сильное арабское меньшинство, которое сможет оказывать определенное влияние на политику израильского правительства.*

Однако следует заметить, что египетское правительство в настоящее время не заинтересовано в разрешении палестинской проблемы и не желает вести переговоры с Израилем ввиду того, что существующая напряженность на Ближнем Востоке, вызываемая палестинской проблемой, содействует тому, что арабские государства в основном поддерживают политику Египта».

Первого января пятьдесят седьмого года Гамаль Абд-аль Насер, разговаривая с новым послом, Евгением Киселевым, велеречиво напомнил, как он говорил Шепилову *«о значении палестинской проблемы для сохранения и упрочения арабского единства. Это гвоздь, на котором и висит единство».*

Пятнадцатого февраля пятьдесят восьмого года министр иностранных дел Сирии Салах Битар столь же откровенно сказал советскому послу Сергею Немчине: *«Сирия не заинтересована в урегулировании палестинской проблемы на основе решения ООН о разделе Палестины от сорок седьмого года, так как это могло бы привести к тому, что арабские страны должны будут пойти на признание Израиля и на признание самого факта раздела Палестины, который арабы считают несправедливым актом и с которым они не смогут согласиться. Сирия, как в прошлом, так и сейчас, не признает упомянутой выше резолюции ООН о разделе Палестины».*

Советская дипломатия в какой-то момент стала утрачивать самостоятельность и делала только то, что же-

лали Египет и Сирия. Эти арабские страны вовсе не отвечали взаимностью и не учитывали в своей политике интересы Советского Союза.

Мозговой центр советской дипломатии, Комитет информации при министерстве иностранных дел, рекомендовал не выдвигать никаких инициатив по урегулированию арабо-израильского конфликта и избежать обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее ООН. И эта рекомендация была исполнена...

Зачем Израиль принял участие в синайской войне?

Он был напуган массированными поставками советского оружия Египту и Сирии. Такое количество оружия меняло соотношение сил и рождало у арабсоких политиков желание взять реванш за проигранную войну сорок восьмого года.

Этого же мнения придерживались и американские военные.

Председатель комитета начальников штабов США адмирал Артур Рэдфорд сообщил президенту и министру обороны: *«До апреля пятьдесят седьмого года военная мощь Израиля и арабских стран будет примерно на одном уровне. После весны пятьдесят седьмого года начнет выявляться военное превосходство арабов, и, если теперешняя тенденция сохранится, оно будет постепенно возрастать»*.

Израильтяне попросили Соединенные Штаты продать им оружие. По совету государственного секретаря Джона Фостера Даллеса президент Эйзенхауэр ответил отказом.

В такой ситуации израильские военные считали, что нужно нанести удар по египетской армии раньше, чем она успеет освоить советскую боевую технику.

В октябре пятьдесят пятого года заместитель начальника американской военной разведки адмирал Эд-

вин Лейтон доложил председателю комитета начальников штабов: *«Хотя израильтяне, по-видимому, понимают, что эффект от советского оружия не будет быстрым (предполагается, что большую часть техники и снаряжения Египет сможет успешно использовать не раньше чем через год), они считают, что у них осталось немного времени, чтобы справиться с ситуацией».*

Летом пятьдесят шестого года Михаил Павлович Попов, отработавший второй срок в советском посольстве в Израиле, вернулся в Москву. Пришел к заведующему отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД Григорию Титовичу Зайцеву. В кабинете находился и посол в Иране Анатолий Лаврентьев, бывший заместитель министра. Они стали расспрашивать Попова: если начнется война между Египтом и Израилем, чем дело кончится?

Попов ответил, что израильская армия одержит победу. Израильские солдаты хорошо образованны, владеют современной техникой, египетские — малограмотны и с техникой не в ладах. А обещания арабских политиков уничтожить Израиль и сбросить всех евреев в море не оставляют иного выхода, кроме как сражаться до последнего.

Руководитель отдела возмутился словами Попова, сказал, что тот за годы работы в Израиле «объевреился, ничего не понимает и ни в чем не разбирается». И, обращаясь к послу Лаврентьеву, пожаловался:

— Вот, оказывается, какие первые секретари у нас работают!

Зайцев наставительно объяснил Попову, что благодаря советской помощи египетская армия сильна как никогда:

— В случае войны от твоего Израиля мокрого места не останется.

Михаил Попов рассчитывал, что его возьмут в отдел Ближнего и Среднего Востока. Не взяли...

Тридцатого октября начальник главного разведывательного управления генерального штаба генерал-лейтенант Сергей Матвеевич Штеменко отправил министру обороны Жукову записку:

«Докладываю:
По данным радиоперехвата Главного разведывательного управления, вечером 29 октября с.г. израильские войска нарушили из района г. Аль-Кунтилла границу Египта, вклинились на его территорию на 90 километров и заняли позиции в районе г. Некль (110 км восточнее Суэца).
Согласно перехваченному сообщению из Тель-Авива, израильские войска атаковали утром 30 октября населенный пункт в 30 км восточнее Суэцкого канала.
Каирские утренние газеты сообщают 30.10.56 о начале войны Израиля против Египта.
Англия якобы готова оказать помощь Египту в изгнании израильских войск из Египта и находится в готовности нанести удар в течение 24 часов по Израилю или другому агрессору на Среднем Востоке...
Главным разведывательным управлением приняты меры по уточнению обстановки».

Решающую роль в боях на Синае сыграла авиация. Уже в первый день боевых действий израильские летчики совершили вдвое больше боевых вылетов, чем египтяне. На Синае египтяне располагали системой глубоко эшелонированной обороны, прикрыли свои траншеи колючей проволокой и минными полями. Но египетские танки остались без прикрытия с воздуха, а египетским солдатам не хватало боевого духа.

Вечером тридцать первого октября Насер приказал отступить к зоне Суэцкого канала, потому что у египтян не оставалось ни одного шанса в борьбе с противником.

Первого ноября посол Киселев, сообщая о ситуации в стране, писал, что египтяне ждут от Москвы военной помощи:

«В городе распространяются слухи, что сорок тысяч мусульман-добровольцев воздушным путем направляются из СССР на помощь Египту и что советская авиация бомбит английские базы на Кипре. Это отражает надежды на наше немедленное вмешательство».

Али Сабри, доверенное лицо Насера, директор его канцелярии, просил советского посла отправить советские военные корабли к берегам Египта.

Третьего ноября Шепилов телеграфировал послу в Каире:

«Наши военные люди говорят по этому поводу, что такой шаг с нашей стороны, не дав реальных положительных результатов, мог бы лишь осложнить положение Египта, поскольку он мог бы повести к дальнейшему усилению флотов Англии и Франции, сосредоточенных вблизи Египта, и к обострению их атак против египетской территории.

Все эти агрессивные действия они стали бы прикрывать и оправдывать ссылками на угрозу со стороны военно-морских сил СССР».

К израильским войскам присоединились британские и французские формирования, атаковавшие Египет.

Шестого ноября Штеменко информировал Жукова:

«Докладываю:
В 7.30 5.11.56 англо-французское командование начало выброску воздушного десанта на территорию Египта. Десант выбрасывался последовательно в нескольких пунктах в районе Порт-Саида. К 14.30 было выброшено до одной парашютно-десантной бригады, в составе которой отмечались английские и французские парашютисты. Выброска десанта производилась под сильным прикрытием авиации...»

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРОТИВ ИЗРАИЛЯ

Война на Синайском полуострове стала причиной серьезных переживаний в Москве. Советские руководители, снабжавшие Насера оружием, боялись за его судьбу. Отстранение Насера означало бы, что все вложения в Египет пошли прахом.

«Мы очень встревожились, — вспоминал Хрущев. — *Боялись, что Египет потерпит поражение, и это укрепит положение реакции на Ближнем Востоке...»*

Хрущев позвонил Молотову:

— Вячеслав Михайлович, я считаю, что нам сейчас следует обратиться с посланием к президенту Соединенных Штатов Эйзенхауэру и предложить совместные действия против агрессивных сил, напавших на Египет.

— Ты считаешь, что Эйзенхауэр пойдет на соглашение с нами против Англии, Франции и Израиля? — выразил сомнение Молотов.

— Безусловно, не пойдет. Но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А война идет. Своим предложением мы поставим американского президента в затруднительное положение.

— Да, ты прав, — согласился Молотов. — Давай обсудим. Это будет полезная акция.

Хрущевская идея оказалась плодотворной. К удивлению советских руководителей, Соединенные Штаты решительно потребовали от Англии, Франции и Израиля прекратить боевые действия. И давление американцев возымело действие.

В Кремле полагали, что таково решение американского президента, уважаемого человека, участника

Второй мировой войны. В реальности Дуайт Эйзенхауэр был болен. За год до синайской войны, в ночь на двадцать четвертое сентября пятьдесят пятого года, у Эйзенхауэра случился инфаркт или, говоря языком медиков, острый тромбоз коронарных сосудов — сгусток крови закупорил сердечную артерию.

Его положили в военный госпиталь «Фитцсиммонс». В первые две недели никто не знал, сумеет ли он вернуться к исполнению своих обязанности. Многие поспешили его похоронить как политика. Тогда и был принят закон, предусматривающий передачу власти вице-президенту в случае, если глава исполнительной власти не в состоянии осуществлять свои полномочия. Несколько месяцев он был так слаб, что обязанности президента выполнял вице-президент Ричард Никсон.

Едва Эйзенхауэр выкарабкался, как через полгода, в ночь на восьмое июня пятьдесят шестого года, у него возникла кишечная непроходимость. Консилиум во главе с генерал-майором Леонардом Хитоном, начальником госпиталя имени Уолтера Рида, принял решение немедленно положить президента на операционный стол.

Эйзенхауэру сделали серьезную полостную операцию, она продолжалась два часа. Белый дом выпускал бюллетени о его здоровье каждые несколько часов. После операции он выглядел очень плохо, страдал от острой боли. Вице-президент Никсон вспоминал, что Эйзенхауэр внезапно стал жаловаться, что он физически не в состоянии нести бремя своей должности и пора подавать в отставку.

Но он оправился. Отказался от мысли досрочно покинуть Белый дом. И даже решил баллотироваться на второй срок. Эйзенхауэр долго отдыхал, чтобы на-

браться сил, а потом занялся исключительно предвыборной кампанией. Президентские выборы были назначены на шестое ноября пятьдесят шестого года.

Пока Эйзенхауэр болел и готовился к выборам, внешнюю политику страны определяли братья Даллесы. Джон Фостер Даллес как государственный секретарь пользовался полным доверием президента.

Мышление Джона Фостера Даллеса носило на себе печать пуританского воспитания. Хмурое выражение лица и замкнутость государственного секретаря соответствовали его взглядам и характеру. Он был миссионером, прежде чем заняться адвокатской практикой. Даллес считал, что успешная политика может основываться только на прочных религиозно-этических принципах. Он видел в коммунизме угрозу христианской культуре Запада. Либеральный Израиль вызывал у него сомнения и подозрения. Такого же мнения придерживался и его брат, Аллен, которого сделали директором ЦРУ.

В октябре пятидесятого года адмирал Роско Хилленкойтер получил новое назначение — на Тихоокеанский флот, а директором ЦРУ ненадолго стал генерал Уолтер Беделл Смит по прозвищу Жук.

Смит служил вместе с будущим президентом Дуэйтом Эйзенхауэром и будущим государственным секретарем генералом Джорджем Маршаллом, в сорок шестом году поехал послом в Москву. Трумэн поручил ему пригласить Сталина посетить Соединенные Штаты. Сталин ответил, что врачи не разрешат ему такую поездку.

С дипломатической службы Смит вернулся на военную и командовал 1-й армией, штаб которой находился в Нью-Йорке.

Накануне нового назначения он, страдая язвой же-

лудка, валялся на больничной койке. В ходе хирургической операции ему удалили две трети желудка. Он похудел на двадцать пять килограммов, но чувствовал себя уверенно. Прежде всего он решил подыскать себе надежного заместителя.

За два года до этого Трумэн попросил группу нью-йоркских адвокатов во главе с Алленом Даллесом проанализировать работу ЦРУ. Адвокаты указали президенту одно из самых слабых мест политической разведки: большинство руководящих постов занимали военные, которых прикомандировали к ЦРУ временно, на определенный срок, после чего возвращали в армию или на флот. По мнению Даллеса и его коллег, разведка нуждалась в профессионалах, а не во временных работниках. И разведчикам не обязательно вовсе носить погоны.

Генерал Смит позвонил Даллесу в его адвокатскую контору «Салливэн энд Кромвел»:

— Вы написали доклад, теперь приезжайте и помогите провести в жизнь его рекомендации.

Уолтер Беделл Смит не задержался в Центральном разведывательном управлении, хотя ветераны называют его лучшим директором за всю историю ведомства. Язва испортила его характер, но он был динамичным, целеустремленным и излучал обаяние.

В январе пятьдесят третьего Смиту пришлось покинуть ЦРУ. Он не хотел уходить. Но президент Эйзенхауэр назначил государственным секретарем Джона Фостера Даллеса, и его брат изъявил желание самостоятельно управлять разведкой. Президент пошел навстречу братьям Даллесам, которыми очень дорожил. Аллену Даллесу было легче, чем любому другому директору ЦРУ. Один телефонный звонок, один разговор вечером у брата дома — и все проблемы решались.

Когда Аллена Даллеса назначили директором ЦРУ, в протокольном списке высших чиновников он был на тридцать четвертом месте. Он принадлежал к пятой категории по шкале жалованья чиновников, то есть был на четыре уровня ниже членов правительства. Его должность приравнивалась к должности заместителя государственного секретаря. На приемах он оказывался где-то в конце стола, что больно ранило руководителя разведки.

Во время синайской кампании ЦРУ внимательно наблюдало за военными приготовлениями Израиля, Франции и Англии. Американский военный атташе передал из Тель-Авива срочное сообщение о том, что Израиль мобилизовал войска и намерен нанести удар по Египту в ближайшее время.

После начала войны государственный секретарь Джон Фостер Даллес заявил, что «мы не были информированы». Конгресс и пресса решили, что американская разведка не справилась со своими обязанностями.

Сотрудники ЦРУ обиделись. В частных беседах вежливо говорили, что государственный секретарь, видимо, имел в виду, что правительство Соединенных Штатов не было заблаговременно информировано Англией, Францией и Израилем относительно их планов. Оперативники и аналитики ЦРУ обижались и на Аллена Даллеса, который должен был постоять за честь ведомства и поправить брата.

Братья Даллесы по-прежнему строили ближневосточную политику на хороших отношениях с арабскими нефтедобывающими странами и рассматривали Израиль как досадную помеху.

Синайская война предоставила Даллесам возможность ограничить влияние англичан на Ближнем Востоке. Поэтому американская администрация присоеди-

нилась к Хрущеву и осудила военную операцию Англии, Франции и Израиля.

В результате Соединенные Штаты впервые выступили вместе с Советским Союзом против двух стран — членов НАТО — Англии и Франции.

Британские и французские политики были вне себя. Они считали, что Соединенные Штаты разрушают Запад. Они считали, что причина тому болезнь Джона Фостера Даллеса. В отличие от президента он был неизлечимо болен. У него нашли рак. Болезнь, говорили европейские политики, повлияла на его способность принимать решения.

Министр иностранных дел Шепилов обратился к председателю Совета Безопасности ООН с требованием прекратить агрессию против Египта.

Одновременно было распространено письмо главы советского правительства Николая Булганина:

«Мы полны решимости сокрушить агрессоров силой и восстановить мир на Ближнем Востоке... Если эта война не будет пресечена, то она может принести с собой опасность перерастания в третью мировую войну».

В послании премьер-министру Англии Энтони Идену звучали не менее пугающие формулы:

«В каком положении оказалась бы Великобритания, если бы она была атакована более сильными государствами? А ведь эти страны могут воспользоваться, например, ракетным оружием».

В послании Булганина премьер-министру Израиля Бен-Гуриону говорилось:

«Выполняя чужую волю, действуя по указаниям извне, правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой своего народа. Оно сеет такую ненависть к Государству Израиль среди народов Востока, которая не может не сказываться на будущем

Израиля и которая поставит под вопрос само существование Израиля как государства».

Десятого ноября появилось заявление ТАСС:

«Ярким выражением горячих симпатий советских людей к египетскому народу, как и к другим народам Востока, борющимся за свою национальную независимость и свободу, являются многочисленные заявления советских граждан, в среде которых имеется большое число находящихся сейчас в запасе летчиков, танкистов, артиллеристов, а также офицеров — участников Великой Отечественной войны, с просьбой разрешить им направиться в Египет в качестве добровольцев, чтобы вместе с египетским народом бороться за изгнание агрессоров с египетской земли.

В руководящих кругах СССР заявили, что если Англия, Франция и Израиль вопреки решениям ООН не выведут все свои войска с территории Египта и под различными предлогами будут затягивать осуществление этих решений и накапливать силы, создавая угрозу возобновления военных действий против Египта, то соответствующие органы Советского Союза не будут препятствовать выезду советских граждан — добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость».

После резкого заявления советского правительства израильского посла в Вашингтоне вызвали в государственный департамент и открытым текстом объяснили, что если Израиль не прекратит боевые действия, Советский Союз и в самом деле может вмешаться. Причем Соединенные Штаты прекратят помогать еврейскому государству, ООН введет санкции, и Израилю все равно придется отступить.

Это были зловещие намеки и бесшабашная бравада — отличительная черта хрущевской дипломатии. Ра-

ди нового союзника на Ближнем Востоке Никита Сергеевич, похоже, был готов на все. Угрозы сработали. Запад отступил.

«Говорят, что французский премьер Ги Молле, — не без удовольствия рассказывал Хрущев, — в это время не уезжал из Совета министров ночевать домой. Когда он получал наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону звонить Идену... В штанах он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через двадцать два часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана».

А в Египте решили, что советская армия и в самом деле готова сражаться бок о бок с египетской.

Советский посол шестого ноября доложил в Москву о новом разговоре с Али Сабри, ближайшим помощником Насера: *«Сабри усиленно развивал тезис о возможности быстро отремонтировать взлетные полосы аэродромов для принятия наших самолетов с добровольцами. Только бы знать, что они прибудут, и мы все сделаем, чтобы подготовиться»*.

Он также говорил о присылке сюда, к берегам Египта, подводных лодок, при появлении которых, он уверен, англичане и французы немедленно покинули бы египетские воды. Дело можно было бы представить и так, что эти лодки куплены Египтом и сопровождаются в Египет египетскими командами...

Московские руководители с удивлением увидели, что Насер воспринял советское заявление всерьез и стал требовать присылки добровольцев. Хрущев и его окружение попали в неприятное положение. А египтяне нажимали: когда же вы наконец исполните свое обещание?

Оправдываться пришлось министру иностранных дел.

Четвертого декабря Шепилов телеграфировал послу в Каире: объясните Насеру, что в Москве *«исходили прежде всего из стремления оказать Египту морально-политическую поддержку... Реализовывать это мероприятие нецелесообразно и с точки зрения самого Египта»*.

Невозможно, продолжал Шепилов, и выполнить обещание об авиационном прикрытии египетских войск: *«Насер как военный человек, безусловно, понимает, что для авиационного прикрытия нужны соответствующие базы вблизи Египта, чего, как известно, Советский Союз не имеет»*.

Девятого декабря в Москве опубликовали официальное разъяснение:

«ТАСС уполномочен заявить, что полный вывод английских, французских и израильских войск из Египта, естественно, снимает вопрос о выезде в Египет советских добровольцев».

В Каире обиделись на то, что Москва не отправила своих военных на помощь египетской армии. И вообще считали недостаточной советскую поддержку в дни опустошительных англо-французских бомбардировок и наступления израильтян.

Но в Москве нашли способ улучшить настроение египетских руководителей. Тридцать первого декабря Шепилов дал срочное указание послу посетить Насера или Али Сабри и информировать их, что Москва считает возможным возобновить поставки военного имущества в Египет, дабы компенсировать понесенные им потери в войне.

Синайская война, вспоминал Хрущев, изменила роль Советского Союза на Ближнем Востоке: *«Раньше считалось, что тот регион принадлежит Англии. Недаром, когда король Египта Фарук обратился к Сталину с просьбой дать оружие для борьбы против Англии, Сталин*

отказал, высказав мнение, что там сфера влияния Великобритании и нам нечего совать туда нос.

Мы же публично выступили против агрессоров, сами пригрозив им и заявив, что не можем оставаться безучастными и нейтральными. Теперь с нами на Ближнем Востоке стали считаться.

В СССР еще какое-то время после победы 1956 года проявляли к Насеру настороженность, но одновременно поддерживали его и предложили ему в достаточном количестве оружие. Продавали Египту морское вооружение, торпедные катера и даже самолеты. Все вооружение — стрелковое, артиллерийское, танки, авиацию, морские военные корабли — продавали в количествах, в которых нуждался Насер».

Одиннадцатого января пятьдесят седьмого года на президиуме ЦК обсуждали вопрос о поставках военной техники и имущества Египту.

Хрущев задал вопрос:

— Будем ли мы втягиваться в оказание помощи Египту? Это дело горячее.

Микоян и Шепилов высказались за поставки.

Председателя Совета министров Булганина смутил масштаб:

— На восемьсот миллионов рублей — это большая сумма. Может быть, хотя бы разбить на этапы?

Тридцать первого января пришли к окончательному мнению: удовлетворить просьбы египетского руководства.

Решение принять участие в военной операции на Синае, возможно, было крупнейшей ошибкой израильского правительства. Армия обороны Израиля нанесла очередное поражение египетской армии. Но это не ослабило напряженности на Ближнем Востоке, зато окончательно испортило отношения с Советским Союзом.

Никита Сергеевич Хрущев принял стратегическое решение поддержать египетского президента Насера, хотя тот предпочитал держать своих коммунистов в тюрьме.

В мае 1964 года Хрущев в последний раз перед отставкой приехал в Египет. Он присвоил Насеру и первому вице-президенту Абд-аль Хакиму Амеру (*справа*) звание Героев Советского Союза.

Накануне Шестидневной войны 1967 года президент Насер обещал согражданам легкую победу, но, возможно, в душе он надеялся, что до настоящей войны дело не дойдет.

Новый министр обороны маршал Гречко обещал египетским друзьям поддержку, что было воспринято как готовность принять участие в войне.

А советская разведка, которой руководил генерал-лейтенант Александр Михайлович Сахаровский, внушала египтянам, будто израильтяне уже сконцентрировали войска на сирийской границе. Это подтолкнуло Насера к действиям, которые в Израиле сочли подготовкой к войне.

Премьер-министр Израиля Леви Эшкол был человеком компромиссов. За неделю до Шестидневной войны он выразил желание приехать в Москву и объясниться – в надежде избежать войны. Москва ответила отказом.

Тогда Эшкол приказал войскам нанести удар по Сирии и Египту.

Шестидневная война была выиграна Израилем в первые же часы, когда прямо на земле была уничтожена вся египетская авиация.

Арабские войска почти не сопротивлялись. Египет и Сирия умоляли Советский Союз предпринять что угодно, лишь бы остановить наступающие израильские войска.

Израильтяне плакали, оказавшись на Храмовой горе в Иерусалиме, и не знали, что делать с таким количеством пленных.

После победы Израиля в Шестидневной войне Хрущев говорил, что, если бы Моше Даян был советским генералом, он бы сделал его нашим министром обороны...

Вину за поражение Египта президент Насер возложил на своего недавнего соратника маршала Амера. Газеты сообщили, что он покончил с собой.

В разгар войны американцы отправили к берегам Израиля разведывательный корабль “Либерти”, чтобы следить за ходом боевых действий.

Закончилось это трагически. Израильские летчики и моряки едва не потопили американский корабль.

В Москве не спешили налаживать отношения с Ясиром Арафатом и его боевиками, потому что глава ООН первоначально обратился за помощью к Китаю.

Но в 1968 году президент Насер тайно привез Арафата в Москву. После личного знакомства с лидером ООП отношения стали улучшаться.

Октябрьская война 1973 года едва не закончилась поражением для Израиля, когда Египет и Сирия нанесли внезапный удар с двух сторон.

Египетские танки переправились через Суэцкий канал, чтобы вернуть утерянный в прошлой войне Синайский полуостров.

Но в конце концов израильская армия взяла верх. Египетские войска были окружены. Советскому Союзу опять пришлось спасать сирийцев, когда израильские танки были совсем недалеко от Дамаска.

Двадцать шестого января пятьдесят седьмого года посол в Израиле Абрамов написал записку заместителю министра иностранных дел Зорину:

«6 ноября 1956 года в связи с агрессией Израиля против Египта мне было дано указание немедленно выехать в Москву. В тот же день я покинул Израиль.

14 декабря, когда военные действия прекратились и Израиль приступил к отводу своих войск с египетской территории, Инстанцией было принято решение о моем возвращении в Израиль. Отъезд был намечен на 26 декабря...

В конце декабря, когда выяснилось, что Израиль намеренно затягивает отвод своих войск с египетской территории, было решено отложить мой отъезд на две недели — до 8—10 января. С тех пор дата отъезда не определена....

Мой отъезд в Израиль в ближайшее время вряд ли целесообразен, так как в настоящих условиях он может быть расценен в арабских странах как косвенное одобрение израильской аннексии. В то же время откладывать отъезд на длительный срок также вряд ли следует.

Учитывая вышеизложенное, было бы целесообразно освободить меня от обязанностей посла в Израиле, информировав об этом израильское правительство. Нового посла в Израиль до изменения обстановки не назначать».

Двадцать восьмого января пятьдесят седьмого года поверенный в делах СССР в Израиле Н. И. Климов отправил записку заведующему отделом стран Ближнего Востока МИД Зайцеву:

«Израиль доказал, что он может совершить нападение на соседние арабские страны в любой момент, когда это для него выгодно. Следует также иметь в виду, что Израиль располагает значительными научными кадрами,

соответствующим оборудованием для подготовки и проведения бактериологических средств нападения.

За последние четыре месяца в Израиль прибыло до восьми тысяч евреев — эмигрантов из Польши. В их числе бывшие сотрудники польского министерства внутренних дел, военной разведки, госбезопасности, выдающиеся ученые, в том числе физики-атомщики и известные бактериологи.

В ближайшее время ожидается приезд значительного числа евреев из Венгрии, в их числе известных ученых и выдающихся медиков. Израиль получает значительное подкрепление для проведения подрывной работы против Советского Союза и социалистических стран, а также против своих соседей».

Такие сообщения были дополнительным доводом против еврейской эмиграции из Советского Союза.

ШЕПИЛОВА СМЕНЯЕТ ГРОМЫКО

В Москве большие перемены произошли в министерстве иностранных дел. Известно было, что министр Шепилов недолюбливал Громыко. Открытому, веселому Дмитрию Трофимовичу скучноватый первый зам не понравился. В его секретариате ждали, что Андрея Андреевича вот-вот уберут.

Громыко, говорят, стал уже подбирать себе место в Академии наук. Работая послом в Лондоне, он написал книгу «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии». Книгу он выпустил под псевдонимом Г. Андреев. В пятьдесят шестом году ученый совет Московского университета присвоил ему ученую степень доктора экономических наук. Так что позиции

для перехода на научную работу были подготовлены. Но обошлось.

Между Хрущевым и Шепиловым началось охлаждение. Тем более что Шепилов, явно не понимая, как быстро меняется характер Никиты Сергеевича, продолжал спорить с Хрущевым.

Четырнадцатого февраля пятьдесят седьмого года Шепилов перестал быть министром иностранных дел. На следующий день его сменил Андрей Андреевич Громыко.

Рассказывают, будто Хрущева отговаривали делать Громыко министром, отзывались о нем неважно: безынициативный, дубоватый. Но Никита Сергеевич внешней политикой намеревался заниматься сам и отмахнулся от возражений: «*Политику определяет ЦК. Да вы на этот пост хоть председателя колхоза назначьте, он такую же линию станет проводить*».

Девятого мая посол в Израиле Абрамов отправил подробную записку новому министру иностранных дел Громыко. Она была абсолютно антиизраильской. Но среди предложений посольства было два принципиально важных:

«*...Выступить в ближайшее время со статьей в советской печати об арабо-израильском конфликте, разъяснив в ней нашу позицию, в частности наше отношение к вопросу о праве Израиля на существование...*

Посольствам СССР в арабских странах через доступные им каналы добиваться прекращения действий федаинов против Израиля, а также пропагандировать необходимость проведения в настоящее время курса на мирное сосуществование арабских стран с Израилем».

О праве еврейского государства на существование советская дипломатия время от времени напоминала. Но говорить с арабскими странами о прекращении тер-

рористических акций против Израиля никто не собирался. Убийства мирных жителей считались «справедливой борьбой палестинского народа за свои права». Более того, вскоре палестинские боевики начнут получать советскую военную помощь. И пройдет немало времени, прежде чем наша страна сама столкнется с такими же террористами.

Двадцать третьего мая Абрамов, вновь докладывая Громыко о ситуации в стране, заметил: *«Наша печать и радио, по нашему мнению, несколько преувеличивают роль Израиля и израильско-арабского конфликта на Ближнем Востоке и в мировой политике и уделяют Израилю непомерно большое внимание.*

Достаточно сказать, что о нем только на страницах «Правды» и «Известий» за последние пять месяцев было опубликовано более десятка статей и пятьдесят восемь корреспонденций ТАСС, — больше чем о Турции и Италии, вместе взятых.

Очень часто наша информация об Израиле и его политике строится на непроверенных материалах арабской печати. Например, был случай, когда наши газеты сообщали об уничтожении в Израиле 193 арабских деревень, тогда как в действительности такого количества арабских деревень в Израиле нет и не было. Сообщалось о расстреле в Тель-Авиве антивоенной демонстрации, во время которой якобы было свыше ста человек убито и ранено. В действительности этого также не было...

Сообщались также непроверенные сведения о поведении израильских войск на Синайском полуострове, в районе Газа, неправильные факты о войне 1948-49 годов между Израилем и арабскими странами и т. д.

Некоторые из указанных фактов публиковались, по-видимому, в целях дезинформации, но не достигали цели, поскольку не всегда были правдоподобны. Например, сооб-

щение в «Правде» от 17 мая об израильско-иорданском соглашении о поставках израильского оружия в Амман было неубедительным. Оно вызвало лишь ядовитые насмешки израильской печати».

Иначе говоря, советские дипломаты прекрасно знали, что советская пропаганда, рассказывая об Израиле, постоянно врет. Но поправлять журналистов никто не стал, ведь они всякий раз выполняли указания ЦК партии. Несколько десятилетий советские средства массовой информации сознательно рисовали еврейское государство в самых отвратительных красках. Причем, когда писали о Соединенных Штатах или Западной Германии, которые тоже числились среди врагов, то приходилось соблюдать какие-то приличия. С Израилем можно было не церемониться и писать все что угодно.

Впрочем, в беседах с израильтянами советские дипломаты никогда не признавали, что советские журналисты пишут неправду. Посла Абрамова пригласила министр иностранных дел Израиля Голда Меир. Она хотела поговорить о том, почему отношения между двумя странами никак не восстанавливаются? Почему Советский Союз прекратил торговать с Израилем, но продолжает торговать с Англией и Францией, хотя они тоже участвовали в войне с Египтом?

Она заговорила и о том, как советские газеты пишут об Израиле.

— Два дня назад в советской газете «Известия» сообщалось о новом пограничном инциденте на сирийско-израильской границе, — возмущенно говорила Голда Меир. — В заметке написано, что израильские войска открыли огонь, в результате чего был ранен сирийской солдат. Это квалифицировалось как израильская агрессия. В действительности же это была сирийская агрессия, во время которой сирийцы убили изра-

ильскую женщину из пограничного селения. Об этом убийстве «Известия» даже не упомянули. Подобная тенденциозность проявляется в советской печати довольно часто. Это особенно относится к телеграфной информации, хотя в Израиле находится корреспондент ТАСС, который должен был бы правильно информировать Москву о происходящих в Израиле событиях.

Советский посол, разумеется, с порога отверг обвинения в необъективности советских журналистов, о чем с гордостью информировал Москву:

— Что касается претензий к советской печати, то я сказал, что не могу с ними согласиться. Я могу допустить, что в некоторых заметках, заимствованных из иностранной печати, могут быть иногда мелкие неточности, ответственность за которые несут иностранные газеты. Но общее направление и все существенные факты, которые сообщает наша печать, всегда являются правильными. Факты, опубликованные в «Известиях» по материалам сирийской печати, также изложены правильно.

Громыко уже не вспоминал о том, что он когда-то говорил с трибуны Организации Объединенных Наций в защиту еврейского государства. Приехав на сессию Генеральной Ассамблеи в октябре пятьдесят седьмого года, Громыко говорил о другом. В его словах звучала угроза, немыслимая в отношениях с другими странами, даже с теми, которые именовались в Москве «империалистическими»:

— Израиль мало задумывается над тем, как мыслится его дальнейшее развитие, да и само существование его как государства... Создается впечатление, что Израиль рубит сук, на котором он сидит.

Совсем другие речи звучали в разговорах с египетскими партнерами.

Второго ноября Хрущев и министр обороны Малиновский приняли военного министра Египта генерала Абд-эль Хакима Амера. Сначала они в унисон осудили западных империалистов. Потом Амер перешел к просьбам:

— Экономические возможности не позволяют Египту увеличить вооруженные силы. Что касается вооружения и боеприпасов, то Египет получил их от Советского Союза и Чехословакии. Однако египетское правительство весьма беспокоит вопрос воздушной обороны.

Хрущев поинтересовался:

— Удалось ли египтянам во время англо-франко-израильской агрессии сбить сколько-нибудь самолетов противника?

— В начале войны мы сбили восемь французских «мистеров» зенитной артиллерией, — гордо ответил Амер. — В двух воздушных сражениях египетская авиация не потеряла ни одного самолета. Может быть, для налаживания противовоздушной обороны послать в Египет советских специалистов?

Хрущев пообещал и дальше оказывать помощь Египту, сотрудничая и торгуя с ним:

— Советский Союз не имеет свободной валюты, но в обмен на египетские товары он готов продавать свои товары Египту. Советский Союз сорок лет живет без долларов, и, как видите, без долларов он достиг больших успехов в областях экономического, культурного и военного сотрудничества.

Хрущев обещал доложить президиуму ЦК и правительству о поставленных Египтом вопросах и на следующей встрече все обсудить конкретно. Он сказал, что если между Советским Союзом и Египтом сложатся взаимовыгодные отношения, «империалисты ничего не смогут сделать»:

— Соединенные Штаты и нас также блокируют, чтобы не дать технического оборудования, но, как видите, это не принесло им положительных результатов. Они хотели запустить первыми спутник Земли и уже назвали его «Авангард», но этот «Авангард» до сих пор находится где-то в американских лабораториях, а наш спутник уже давно летает.

— Мы были бы рады, — польстил ему Амер, — если бы вы, а не американцы первыми попали на Луну.

— Теперь уже не попадут первыми, — уверенно сказал Хрущев, — но если хорошо оплатят билеты, мы можем взять их в качестве пассажиров.

Говоря о космосе, Никита Сергеевич пришел в благодушное настроение. Он поинтересовался у египетского гостя:

— Как генерал переносит московский климат?

— Замечательно, — жизнерадостно ответил Амер. — Надеюсь, во время парада будет хорошая погода, которая позволит все хорошо видеть.

— Это не от нас зависит, — пожал плечами Хрущев.

И тут, наконец, в разговор вмешался министр обороны Малиновский, который все остальное время молчал:

— В день парада даже небеса благожелательны к нам.

Седьмого ноября Амер сказал заместителю министра иностранных дел Владимиру Семенову, что хотел бы продолжить беседы и конкретно изложить просьбы Египта; девятнадцатого ноября он должен вернуться в Египет.

Тринадцатого ноября египетского министра вновь принял Хрущев. Вместе с ним пришли глава правительства Булганин, его заместители Анастас Иванович Микоян и Михаил Георгиевич Первухин (он был одновре-

менно председателем госкомитета по внешним экономическим связям) и, разумеется, маршал Малиновский.

Хрущев сказал, что Советский Союз готов предоставить Египту кредит в шестьсот миллионов рублей для оплаты поставок советских машин и оборудования.

Амер стал благодарить, но признался, что ему трудно сориентироваться и сообразить, какую сумму шестьсот миллионов рублей составят в египетских фунтах.

Египетский посол в Москве пояснил, что это примерно пятьдесят пять миллионов египетских фунтов. Микоян подтвердил, что посол прав, а Булганин как бывший председатель правления Госбанка веско заметил:

— Это сто пятьдесят миллионов американских долларов.

Генерал Амер сразу заговорил о способах и сроках возвращения кредита:

— Мы хотели бы иметь более длительные сроки кредита.

Хрущев попытался умерить его аппетиты:

— Мы понимаем, что вы хотели бы получить кредит больше, может быть, в пять раз, и тогда вы были бы более довольны, но надо всегда проявлять чувство меры и нам, и вам.

Микоян обратил внимание египетского гостя на то, что в названную сумму не входит военная помощь. Оружие Египет будет получать отдельно.

— Мы стесняемся просить большую помощь, — красиво говорил Амер, — но все же надеемся, что Советский Союз пойдет нам навстречу. Наши трудности очень велики. Что касается военных вопросов, то я, как военный человек, хотел бы, чтобы все пушки мира находились в Египте, но мы понимаем, что наше эко-

номическое положение не дает возможности иметь сейчас все необходимое.

Амер перечислил первоочередные потребности:

— Наиболее уязвимой является наша противовоздушная оборона. Мы должны также иметь возможность принять на свои аэродромы самолеты, а в порты военные корабли. Мы не забыли, что в пятьдесят шестом году, когда большое количество добровольцев в вашей стране изъявило желание оказать Египту помощь, мы не были подготовлены использовать ее. Я прошу дать нам кредит, поставить вооружение по самым минимальным ценам, которые носили бы почти символический характер.

— Прошу не обижаться, — ответил Хрущев, — если я скажу, что вы не должны жадничать, даже если вам бесплатно дадут оружие. Потому что, кроме оружия, нужно иметь солдат, одевать, обувать, кормить их, размещать в казармах.

Никита Сергеевич попытался иносказательно убедить египтян умерить свои аппетиты:

— У нас в России уже многие годы народ поет песнь о Ермаке, покорителе Сибири. Ермак покорил Сибирь и отдал ее под власть русскому царю. За это царь в награду подарил Ермаку хорошую кольчугу. Ермак был рад подарку, но, когда на его отряд напал противник, он бросился в кольчуге в Иртыш и утонул. Дар царя оказался для Ермака гирей, потянувшей его на дно...

Амер улыбался, благодарил Хрущева за ценные замечания, обещал следовать его словам и тут же просил вновь рассмотреть вопрос об увеличении помощи Египту.

— Давайте пока на этом остановимся, — остановил

его Хрущев. — Прошу вас учесть, что это не последняя встреча, а только начало.

Никита Сергеевич говорил очень откровенно, не стесняясь в выражениях, но в переводе колорит его речи, вероятно, пропадал:

— Народ вы молодой, силы у вас много, и вы хотите все сразу захапать. Теперь главное — поднять вашу экономику. Это, конечно, дело не легкое. Вы еще не приступили к строительству, а уже имеете большой аппетит. Аппетит, конечно, приходит во время еды, но пока надо было бы начать с необходимого. В медицине существует хорошее правило. Если человек долгое время недоедал, ему нельзя давать много пищи — это вредно. Вы можете сказать, что я рассказываю вам сказки, а вам нужно денег, больше денег...

Никиту Сергеевича, как обычно после серьезных переговоров, потянуло на воспоминания:

— Я вспомнил один эпизод из времен Гражданской войны, который рассказывал Микояну. Я находился в одной из частей 11-й армии, которая была расположена возле Кутаиси. Однажды пришлось поехать в политотдел. В гостинице было много клопов, поэтому решил заночевать на вокзале. Ночью во двор ввалилась рота армянских солдат. Я как агитатор поговорил с ними. Они слушали, но не верили в оценку положения в Турции. Когда закончили, один поблагодарил за беседу, но «турок надо резать». Я вновь стал рассказывать, что в Турции есть крестьяне, рабочие, помещики и капиталисты и нельзя подходить одинаково ко всем. Солдаты со всем соглашались, но «турок все же надо резать». Так и генерал Амер во всем соглашается с нами, но все-таки говорит, что денег надо давать больше...

Беседа продолжалась два часа. Потом Хрущев пригласил египетскую делегацию на обед.

МЕЖДУ НАСЕРОМ И КОММУНИСТАМИ

Советские дипломаты бдительно следили за тем, чтобы арабские страны ни в коем случае не сближались с западными державами, даже если те предлагали что-то разумное.

Семнадцатого декабря пятьдесят седьмого года Хрущев принял заместителя премьер-министра Сирии Халеда аль-Азема.

Никита Сергеевич запугивал гостя происками врагов, бесхитростно объясняя, что у сирийцев есть только один друг — Советский Союз. Хрущев сказал, что в Москве следили за тем, как турки замышляли агрессию против Сирии:

— Американцы будут удивлены тем, что нам известны их точные планы. Нам известны все решения турецкого генерального штаба о подготовке нападения на Сирию. Опасность была большая... Нам известно, что когда Соединенные Штаты отказались от военного выступления против Сирии, то Ливан, Саудовская Аравия, Иордания и Ирак договорились устранить нынешнее сирийское правительство. Они ассигновали большую сумму денег для борьбы против Сирии. Намечались террористические акты против руководителей вашей страны...

Аль-Азем вскоре стал премьер-министром, и его активно поддержали сирийские коммунисты.

Особенно сложные игры велись с Насером.

Еще в пятьдесят шестом году Издательство иностранной литературы выпустило тоненькую брошюрку Насера под названием «Философия революции». Это был перевод с английского.

Брошюра предназначалась для узкого круга партийных и идеологических чиновников и рассылалась по специальному списку, утвержденному в ЦК.

Насера еще мало знали, поэтому издательство сочло необходимым представить его:

«Автор брошюры — премьер-министр Египта и глава Руководящего революционного совета. Он являлся одним из основателей подпольной патриотической организации «Офицеры свободы», которая 23 июля 1953 года осуществила государственный переворот в Египте и провозгласила республику».

На почве борьбы с общим врагом — Израилем — Насер пытался объединить все арабские страны под своим руководством. Он видел себя во главе огромного арабского государства, протянувшегося от Нила до Евфрата. Другие арабские народы почему-то не спешили перейти под управление Насера, что его неприятно удивляло.

В книге Насер часто жаловался на то, что ему не удается сплотить египтян:

«Если бы меня спросили, чего я хочу больше всего, я бы немедленно ответил: «Услышать хотя бы одного египтянина, который справедливо отзывается о другом; увидеть хотя бы одного египтянина, который не посвящает все свое время тенденциозной критике идей, высказываемых другим; поверить, что есть хотя бы один египтянин, готовый открыть свое сердце для прощения, терпимости и любви к своим братьям-египтянам».

В Москве боялись упустить Насера, опасались, что он в любой момент может переметнуться на сторону Запада.

В декабре пятьдесят седьмого года в ЦК была направлена записка «О мерах, направленных на укрепление нашего влияния в Египте и предотвращение попыток президента Насера сблизиться с американцами на базе усиления позиций реакционных кругов в арабских странах, в частности в Сирии»:

В записке говорилось:
«Насер пытается продолжать линию использования противоречий между двумя мировыми лагерями, получая экономическую и военную помощь от СССР и других социалистических стран, и в то же время добивается изменения отношения к нему со стороны США и других западных держав, подчеркивая в переговорах с Западом свою враждебность к коммунизму и готовность услужить Западу в борьбе против коммунистов на Арабском Востоке.
Для внутренней политики Насера в последнее время характерны усилившаяся спекуляция лозунгами строительства «демократического социализма» и «кооперативного общества» в Египте и одновременное усиление преследований коммунистов и левых элементов, а также усиление полицейской цензуры и мер, направленных против роста влияния СССР среди египетского населения.
В последнее время Насер стал сам искать контакта с американцами и не поддерживает, как прежде, близких связей с советским посольством в Каире...»

Советские руководители не знали, как реагировать на аресты коммунистов в Египте. Формально следовало протестовать и добиваться их освобождения. По существу Насер был для Москвы значительно важнее слабой египетской компартии. Когда надо, советские руководители умели не быть догматиками и закрывали глаза на уничтожение товарищей по международному коммунистическому движению.

В октябре сорок первого года вместо Коммунистической партии Ирана, запрещенной властями за десять лет до этого, была образована Народная партия Ирана, Туде. Она действовала в подполье и пользовалась полной поддержкой ЦК КПСС. Но в середине пятидесятых Туде практически перестали давать деньги, потому

что советские руководители наладили отношения с правительством Ирана.

В пятьдесят шестом году в Москву приехал шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви с шахиней Сорейей.

Шах, как он пишет в своих воспоминаниях, говорил достаточно резко: *«Я напомнил гостеприимным хозяевам о том, что русские на протяжении нескольких веков беспрестанно пытались продвинуться через Иран к югу. В 1907 году они вступили в Иран. Во время Первой мировой войны они вновь попытались захватить нашу страну. В 1946 году создали марионеточное правительство, чтобы отторгнуть от Ирана богатейшую провинцию — Азербайджан».*

Хрущев и Шепилов отвечали, что они не несут ответственности за то, что делалось до того, как они приняли на себя руководство страной. Хрущев хотел подвести черту под старым. И иранские коммунисты лишились поддержки...

В феврале пятьдесят восьмого года Сирия и Египет объединились и образовали Объединенную Арабскую Республику. Это было сделано с далекоидущими целями. Насер провозгласил, что в новое государство могут вступить все арабские страны.

В Советском Союзе объединению двух стран не порадовались. В Сирии набирала силу коммунистическая партия по главе с Халедом Багдашем, поэтому открывались возможности для влияния на политику Сирии.

«Мы в объединении не видели прогресса, — вспоминал Хрущев, — *Сирия была буржуазно-демократической страной с легальной компартией, в ней установился парламентский строй французского типа. Там для прогрессивных группировок условия были лучше, чем в Египте. В Египте же никакой демократии не существовало. Правили полковники, возглавляемые Насером...*

В печати советские руководители не выступали против политики Насера, не желая отталкивать его, но и не поддерживали. Зато поддерживали Багдаша, а Багдаш вел, насколько хватало сил у сирийской компартии, борьбу против объединения с Египтом... Наша позиция обижала Насера и не располагала его к нам».

Верным сторонником египетского президента был глава Югославии Иосип Броз Тито. Когда он приехал в Москву, то завел разговор о положении в Египте и очень высоко оценил Насера. Хрущев выразил свое недоумение:

— Мне непонятны его выступления, трудно разобраться, чего он хочет. Выступает за то, чтобы создать прогрессивный строй. Но как? Буржуазию он не трогает, банки не трогает. Нам пока трудно оценить, что это за политика, какие цели ставятся перед страной.

— Насер еще очень молодой человек, политически неопытный, — великодушно объяснял его действия Тито. — К тому же военный человек. У него хорошие намерения, но он пока не нашел твердой точки опоры. Надо его где-то сдерживать, а где-то поддерживать. С ним можно договариваться...

«У нас с Насером, — вспоминал Хрущев, — *были довольно сложные отношения. Мы оказывали Египту помощь как народу, борющемуся за свою независимость, за освобождение от колонизаторов. Мы продавали им вооружение и всемерно содействовали их продвижению вперед. Но были у нас и большие разногласия в вопросах политической и идеологической линии...*

Коммунисты, которые выявлялись Насером, все сидели в тюрьме. Коммунистическая партия была в подполье. С точки зрения нашей коммунистической идеологии он проводил антикоммунистическую, реакционную политику. Нельзя сказать, что мы в Насере видели того, в ком,

по нашему мнению, нуждался египетский народ, но мы считали, что в то время более прогрессивного человека там не было...»

Единая коммунистическая партия была создана в Египте только в январе пятьдесят восьмого года, но находилась на нелегальном положении. Насер закрыл глаза на ее существование с условием, что коммунисты поддержат правящий режим. Но через несколько месяцев все кончилось.

Объединение Египта и Сирии вызвало сопротивление сирийских коммунистов. Насер приказал разделаться с коммунистами. Руководство партии посадили, лишь немногие успели убежать за границу. Как выразился один историк, организованная коммунистическая деятельность в Египте в те годы велась только в тюрьмах и концлагерях.

Хрущев намекнул Насеру, что при всем своем желании не может приехать в Египет, пока так много коммунистов томятся в заключении. Насер распорядился их освободить.

Мохаммед Хасанейн Хейкал, друг и наперсник президента, опубликовал статью, в которой говорилось, что коммунизм в Египте потерпел поражение, поскольку был изолирован от национального движения.

Гамаль Абд-аль Насер впервые приехал в Советский Союз в апреле пятьдесят восьмого года. Хрущев хотел познакомиться с человеком, о котором столько слышал, и повез египетского президента в Ново-Огарево, взяв с собой только переводчика. Беседовали один на один.

«Насер произвел на меня хорошее впечатление: молодой человек, собранный, умный, с располагающей улыбкой, — рассказывал потом Никита Сергеевич. — Он понравился мне, если говорить о сугубо личном впечатлении».

По оценке Хрущева, Насер вел себя во время беседы уверенно, а порою проявлял даже агрессивность. Он обижался на то, что для Москвы мнение вождя сирийских коммунистов Багдаша важнее мнения президента Египта:

— Что же вы поддерживаете Багдаша? Вы хотите, чтобы Багдаш руководил нами? Этого мы не потерпим, это просто невозможно...

Говорил, что советские руководители не разбираются в арабских вопросах и стоят на ложном пути, смотрят на объединение не собственными глазами, а глазами Багдаша, который исходит из узко политических позиций.

Насер дал понять, что объединение Египта и Сирии — это только начало. К ним присоединятся и другие арабские страны, которые должны стать единым целым.

Хрущев стоял на своем:

— Вы потом пожалеете об объединении, Объединенная Арабская Республика развалится.

Переговоры шли весь день. Они обедали на свежем воздухе на берегу. Весь день стояла хорошая летняя погода. Эта встреча заложила основу для хороших личных отношений.

Тридцатого апреля египетскую делегацию приняли Хрущев, его первый заместитель в правительстве Микоян, председатель президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов, секретарь ЦК, отвечавший за связи со странами третьего мира, Нуриддин Акрамович Мухитдинов и министр Громыко.

Насер сказал, что члены делегации сразу хотели бы выяснить главный вопрос. От первой встречи с Хрущевым у них остались противоречивые мнения. Египтянам показалось, что Хрущев упрекал их за непоследовательность. Насер жаждал объяснений:

— Одни поняли ваши слова так, что мы якобы идем на сотрудничество с Советским Союзом лишь для того, чтобы выторговать у американцев какую-то помощь. Другие утверждают, что вы хотели сказать, что мы идем на сотрудничество с Советским Союзом, не преследуя при этом каких-либо корыстных интересов, исходя из стремления развивать настоящую дружбу между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой. Для того чтобы не было различных мнений в этом вопросе, мы хотели бы вернуться к нему и уточнить вашу точку зрения.

Хрущев отвечал цветисто:

— Если бы вы не были мусульманами, то того, кто неправильно истолковал наши слова относительно дружбы, надо было бы наказать по грузинскому обычаю. В Армении и Грузии есть обычай, что тот, кто нарушает порядок стола, подвергается наказанию, ему наливают большой рог вина, и он должен выпить это вино... Советский Союз идет на бескорыстную дружбу с арабами. Он не заинтересован в том, чтобы что-либо получить от этих стран. Советский Союз имеет все необходимое. Может быть, мы нуждаемся только в кофе и цитрусовых, но и без них мы можем обойтись: кофе можно заменить чаем, а цитрусовые яблоками.

— У нас и кофе нет, — на всякий случай заметил Насер.

— Зато есть хороший кофе в Йемене, — мгновенно реагировал Хрущев, обладавший изумительной памятью.

Он намекал на то, что Йемен находился под египетским контролем.

— У нас есть апельсины, — сказал Насер, — но в небольшом количестве.

На переговорах чувствовалась осторожность Насе-

ра. Он никак не мог решиться объявить себя союзником Москвы, понимая, что тем самым отрезает возможность деловых контактов с Западом. А советские дипломаты больше всего боялись, что Насер задумал нормализовать отношения с Соединенными Штатами.

Насер просил реактивные бомбардировщики и ракеты среднего радиуса действия. Хрущев отказал, заявив, что на советской территории они более надежно служат интересам Египта и других арабских стран.

Первого мая Насер вместе с советскими руководителями стоял на трибуне мавзолея. Проходившие по Красной площади демонстранты с любопытством разглядывали новое лицо.

Проблемы с Египтом из-за преследования коммунистов возникали часто.

Тридцать первого июля пятьдесят девятого года посол Объединенной Арабской Республики Мохаммед Авад аль-Куни пришел к заместителю министра иностранных дел Семенову.

Посол был недоволен заметкой в «Правде» от тридцатого июля, в которой сообщалось о том, что в Дамаске арестован видный ливанский коммунист.

Если сообщение об аресте соответствует действительности, заметил посол, то ему неясно, каким образом ливанский коммунист оказался в Дамаске и зачем подобного рода сообщения помещаются в советской прессе.

Аль-Куни выразил мнение, что это не помогает укреплению дружественных отношений между ОАР и Советским Союзом тем более, что это событие не является настолько важным, чтобы заслужить внимание советской печати.

Семенов отделал посла на высшем уровне дипломатической демагогии.

Относительно заметки в «Правде» об аресте ливанского коммуниста Хелу он ответил послу, что советская общественность интересуется подобными событиями и редакции газет, естественно, идут навстречу пожеланиям своих читателей. Заметил, что аль-Куни, несомненно, известно о кампании в защиту Глезоса, секретаря Единой демократической левой партии Греции, состоявшей в основном из коммунистов, которая поднялась не только в Советском Союзе, но и в других странах.

Семенов, как положено в таких случаях, заметил, что высказывает личное мнение, и заявил:

— Советская общественность не может поступиться своими правами в этой области. Мы выступали в защиту национального движения и его борцов на Востоке и, в частности, в Египте до революции там. Правильно ли было бы тогда поступиться своими убеждениями и не выступать в защиту борцов за свободу народов? Очевидно, нет...

Аль-Куни сказал, что Объединенную Арабскую Республику нельзя сравнивать с Грецией, входящей в состав одного из блоков, направленных против Советского Союза... Отношение же арабского народа и его чувства к Советскому Союзу хорошо известны, так зачем же поступать так, чтобы вызывать недовольство и гнев общественного мнения, зачем это делать на данной стадии, когда отношения между нашими странами начинают улучшаться, зачем поднимать вопросы, которые смогут привести к осложнению этих отношений?..

Семенов ответил так:

— Хочу еще раз подчеркнуть, что одно дело — межгосударственные отношения, а другое — идеология и настроения народа. Посол смешивает все это в одну кучу и подходит к поднимаемому им вопросу односто-

ронне и несколько формально. Я буду говорить откровенно — ведь в ОАР печатаются статьи и выпускаются книги, резко направленные против Советского Союза и стран социалистического лагеря...

Аль-Куни еще раз отметил, что он говорит не официально, а как друг:

— Если между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой будут углубляться разногласия, то это не принесет пользы ни Советскому Союзу, ни ОАР...

Семенов спросил, что не будет приносить пользы отношениям — аресты или публикации об арестах?

Аль-Куни был несколько смущен таким вопросом...

Кстати, советское вмешательство не спасло секретаря ЦК коммунистической партии Ливана Фараджаллу Хелу. Египтяне его пытали, и он умер под пытками, как об этом расскажет руководитель компартии Ливана в Москве.

Хрущев оказался прав в своих прогнозах относительно объединения Египта и Сирии.

Насер хотел управлять единым государством единолично. Летом шестьдесят первого он перевел военного правителя Сирии полковника Абд-аль Хамида Сарраджа из Дамаска в Каир и сделал его пятым вице-президентом Объединенной Арабской Республики. Но вместо того, чтобы укрепить свою власть над Сирией, Насер ее подорвал, потому что из Дамаска исчез человек, авторитетный для сирийцев.

Сирией стал управлять египтянин. Вице-президент ОАР и главнокомандующий маршал Амер возглавил исполнительный совет Сирийского района ОАР.

Двадцать восьмого сентября сирийские офицеры совершили переворот, это закончилось выходом Сирии из Объединенной Арабской Республики. Восставшие

сирийские офицеры посадили маршала Амера под домашний арест, потом отпустили домой.

Переворот в Сирии и отказ сирийцев от объединения с Египтом был сильнейшим ударом по политике и престижу Насера. Впрочем, мало кто сомневался в том, что объединение было искусственным и отвечало только страстному стремлению Насера руководить всем арабским миром.

Но пока Насер был жив, Египет назывался Объединенной Арабской Республикой. Насер сохранял это название, потому что не мог признаться ни себе, ни другим в провале своей идеи.

Девятого октября Хрущев принял посла ОАР в Москве Мохаммеда Галеба, которому симпатизировал. Галеб, по профессии врач-отоларинголог, впервые приехал в Москву в роли второго секретаря. В шестьдесят первом его назначили послом. Хрущев сочувственно сказал Галебу:

— Президент Насер поступил мудро, отказавшись от развязывания войны против Сирии... Военной силой такой вопрос решить нельзя... Я понимаю положение президента. Излишне говорить о том, что события в Сирии нанесли ущерб ОАР и лично президенту... Вообще-то президент знает нашу точку зрения, я ему высказывал свое мнение по вопросу об объединении Египта с Сирией. Я говорил Насеру: вы горячитесь, спешите. Насер мне ответил, что это не он спешит, а сирийцы, которые боятся за свою независимость. Он тогда еще обиделся на меня... Все это я вам доверительно говорю, чтобы об этом знал только президент, а не канцелярия министерства иностранных дел, чтобы никто не мог хихикать.

Арабские коммунисты, особенно сирийские, торжествовали.

Тридцать первого октября в Москве открылся XXII

съезд КПСС. Секретарь центрального комитета ливанской компартии Никола Шауи выступал перед делегатами съезда. Он не стеснялся в выражениях, говоря о Насере и его режиме:

— Победа сирийского народа в деле избавления от режима господства тирании и диктатуры является событием большой важности и для ливанского народа. Ливанский народ боролся против опасности аннексии и расчленения, которая угрожала целостности нашей родины со стороны диктатуры Насера. Борьба сирийской и ливанской компартии слилась в великой битве, в ходе которой геройски погиб под пытками наш дорогой товарищ, секретарь нашей партии Фараджалла Хелу вместе со многими другими товарищами-борцами, физически уничтоженными диктатурой в Сирии...

Генеральный секретарь центрального комитета сирийской компартии Халед Багдаш чувствовал себя победителем. Его борьба против Насера увенчалась успехом. Багдаш тоже выступал перед делегатами съезда в Москве.

Он ни словом не упомянул об арабо-израильском конфликте или судьбе палестинского народа. Это главного сирийского коммуниста не интересовало. Он говорил только о провалившейся попытке объединить Египет и Сирию. По просьбе советских товарищей он не называл имени Насера, но вся его речь была направлена против египетского президента:

— Крах сирийско-египетского объединения, которое рухнуло в течение нескольких часов благодаря солидарности народа и армии, благодаря единодушию страны, является подтверждением правильности наших выводов о том, что путь к арабскому единству идет не через аннексию, экспансию и господство, не через порабощение одной арабской страны другой...

Багдаш обвинял Египет и Насера в попытке пре-

вратить Сирию во «внутреннюю колонию», в произволе и тирании, в насаждении нищеты и невежества.

— Распад объединения Египта и Сирии, — провозгласил Багдаш, — это не крах арабского единства, а банкротство политики антидемократизма!

Большинство делегатов плохо понимали, что именно произошло между Египтом и Сирией, но дружно аплодировали. Мало кто из делегатов сообразил, что с кремлевской трибуны распинают главного друга Советского Союза на Ближнем Востоке президента Насера.

Халед Багдаш был человеком жестким и нетерпимым. В тридцатые годы он работал в аппарате исполкома Коминтерна в Москве и прекрасно знал, как иметь дело с советскими чиновниками.

За несколько лет до распада недолговечного союза Египта и Сирии советский посол в Израиле Бодров писал в Москву о встрече с руководителем израильской компартии Самуилом Микунисом, который жаловался на отношение арабов к евреям, причем говорил об арабах-коммунистах. *«Так, например,* — докладывал в Москву посол, — *руководитель сирийской компартии Халед Багдаш во время выступления Микуниса в Москве на совещании по случаю празднования 40-летия Октябрьской революции демонстративно встал и вышел из зала. Этот пример повторила арабская делегация женщин в Вене, и это повторяется на всех международных совещаниях.*

В связи с этим в израильском парламенте над коммунистами всегда издеваются в том смысле, что два секретаря ЦК компартий, Багдаш и Микунис, не могут договориться между собой, а что же говорить об остальном арабском населении и об его отношении к евреям?»

Самуил Микунис родился в Волынской губернии, с двадцать первого года жил в Палестине, работал строителем, выучился во Франции на инженера. Руководил

коммунистами в подполье, поэтому в сорок первом году британские власти его арестовали. После создания Израиля он стал генеральным секретарем партии и депутатом кнессета.

Руководитель компартии Сирии Халед Багдаш принадлежал ко второму поколению сирийских коммунистов, которые выдвинулись в результате «арабизации» партии, где прежде было слишком много армян. Спасаясь от турецких погромов, они нашли приют на территории Сирии и Ливана, прежде всего в Бейруте. А создавалась сирийская компартия с помощью палестинских евреев-коммунистов; их вытеснение из партии с помощью обвинений в «шовинизме и сионизме» открыло Багдашу и его соратникам путь к руководящим постам (см. книгу Г. Косача «Красный флаг над Ближним Востоком?»).

Политика «арабизации» привела к почти полному вытеснению армян. Это проводилось с благословения Коминтерна, который внес свой вклад в формирование бескомпромиссного национализма сирийских левых. Сирийские коммунисты исходили из того, что и Палестина, и Ливан — это неотъемлемая часть их страны. Палестину они просто называли Южной Сирией, считали, что эти территории должны вновь войти в состав сирийского государства.

БЕН-ГУРИОН ПРОСИТСЯ В МОСКВУ

Израиль пытался использовать любую возможность, чтобы улучшить отношения с Советским Союзом.

На новогоднем приеме в Кремле по случаю наступления пятьдесят восьмого года с израильскими дипломатами говорили Хрущев и Булганин; это была первая

беседа израильтян с руководителями Советского Союза. Короткий доброжелательный разговор обнадежил израильтян.

В пятьдесят восьмом году в Израиль приехал новый советский посол. Михаил Федорович Бодров работал в министерстве иностранных дел с сорок шестого года, два года был советником посольства в Чехословакии, шесть лет послом в Болгарии.

Семнадцатого июня пятьдесят восьмого года посла Бодрова принял премьер-министр Бен-Гурион, который одновременно исполнял обязанности министра иностранных дел.

«Бен-Гурион, — докладывал в Москву посол, — *сказал, что он хотел бы получить от Советского правительства ответ на следующие практические вопросы:*

1. Может ли Советский Союз продать Израилю оружие: 32 истребителя «МиГ», 32 бомбардировщика «Ильюшин», 20 тяжелых танков типа «Сталин» и 2 подводные лодки?..

2. Может ли Советский Союз проявить инициативу, чтобы состоялась встреча между Насером и Бен-Гурионом для переговоров по урегулированию арабо-израильских отношений в любом месте, в любое время, которое будет признано подходящим?»

Почему Бен-Гурион обратился в Москву с таким предложением? Не видел, что Москва окончательно заняла сторону арабских стран и не намерена играть роль посредника? Хотел на всякий случай прощупать Хрущева? Или просто желал, чтобы советские руководители передали Насеру: «Израиль желает вести переговоры»?

Во всяком случае, советские руководители с порога отвергли предложения Бен-Гуриона.

Двадцать девятого июля первый заместитель министра иностранных дел Василий Васильевич Кузнецов доложил в ЦК о просьбе Бен-Гуриона и предложил:

«МИД СССР считает целесообразным оставить вопросы Бен-Гуриона без ответа. В случае повторного обращения израильского правительства ответить, что политика, проводимая в настоящее время правительством Израиля, не способствует укреплению мира на Ближнем Востоке и получение Израилем дополнительного количества оружия может только повести к дальнейшему обострению положения в этом районе».

В ЦК с Кузнецовым согласились.

Тридцать первого июля посол Бодров получил из МИД соответствующие указания.

Израильские руководители хотели бы провести переговоры с советскими лидерами. Но у них ничего не получалось.

Двадцать пятого ноября пятьдесят девятого года министр иностранных дел Громыко доложил в ЦК: *«Израильский премьер-министр Бен-Гурион 17 ноября с.г. заявил совпослу в Тель-Авиве, что он желал бы посетить Советский Союз и иметь встречу с руководителями Советского правительства. По словам Бен-Гуриона, в беседах в Москве он хотел бы разъяснить цели и задачи Израиля и добиться лучшего понимания...»*

За десять с лишним лет существования еврейского государства ни премьер-министр, ни министр иностранных дел Израиля не смогли посетить Москву и ни один советский руководитель не приезжал в Тель-Авив. Советские вожди в принципе не хотели вести переговоры с руководителями Израиля, хотя встречались с президентами и премьер-министрами западных стран, которых клеймили империалистами, реваншистами и поджигателями войны.

Для советских руководителей Израиль словно перестал существовать. Принимать в расчет его интересы в Москве не собирались. Еврейское государство было

хорошо только тем, что ненавидевшие его арабские страны приезжали за оружием и кредитами в Москву...

Поэтому Громыко предложил: *«Такой визит мог бы быть неправильно понят в арабских и африканских странах и внес бы сомнения в искренность наших отношений с ними.*

МИД СССР считает целесообразным поручить совпослу в Израиле при встрече с Бен-Гурионом на одном из приемов дать отрицательный ответ на его обращение по поводу посещения им Советского Союза...»

Предложение министра было принято.

Восемнадцатого июня шестидесятого года посол ОАР в Москве аль-Куни посетил заместителя министра иностранных дел Якова Малика. Египетский посол поставил «вопрос о немецком военном преступнике Эйхмане, вывезенном агентами Израиля из Аргентины».

Сотрудник четвертого управления (гестапо) главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюрер Адольф Эйхман отвечал в нацистской Германии за «окончательное решение еврейского вопроса». Этот человек наладил гигантский механизм, с помощью которого сумел за несколько лет уничтожить шесть миллионов евреев. Израильтяне искали его пятнадцать лет и нашли в Аргентине, где он жил под именем Рикардо Клемента на окраине Буэнос-Айреса. Латиноамериканские страны нацистских преступников не выдавали.

В мае шестидесятого года оперативная группа Моссад захватила Эйхмана и вывезла в Израиль, где его посадили на скамью подсудимых.

Египтянин возмущенно говорил: *«Речь идет о похищении человека агентами одного государства на территории другого государства, что фактически означает агрессивный акт и грубое нарушение суверенитета.*

Конечно, Эйхман является военным преступником, который должен понести наказание. Но метод, к кото-

рому прибег Израиль, является неправильным и он не должен получить одобрение каких-либо государств.

Сейчас, когда Аргентина намерена поставить этот вопрос в Совете Безопасности, важно, чтобы действия Израиля были осуждены и чтобы принятая по этому вопросу резолюция была ясной и не содержала каких-либо компромиссов... В этой связи важно, чтобы Советский Союз занял позицию осуждения этих действий. Это окажет благоприятное влияние на общественное мнение арабских стран».

Казалось бы, каким образом похищение нацистского военного преступника, бежавшего из Германии, задевает интересы арабских стран? Ничто, кроме ненависти к Израилю, не могло заставить арабские страны возмущаться тем, что Эйхмана посадили на скамью подсудимых...

Заместитель министра Малик ответил, что «в действиях Израиля чувствуется американская школа», и заговорил о том, что Соединенные Штаты давно покровительствуют нацистским преступникам.

В июне пятьдесят девятого года египетские власти задержали в Порт-Саиде датское судно «Инге Тофт», зафрахтованное американской компанией и следовавшее с грузом из Хайфы.

Египтяне доказывали, что имели на это право, поскольку находятся в состоянии войны с Израилем и в соответствии с десятой статьей Константинопольской конвенции тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года принимают необходимые меры для самозащиты.

Каирские власти постоянно пытались закрыть канал для судов, которые доставляли грузы еврейскому государству.

После первой жалобы Израиля на то, что Египет не пропускает через Суэцкий канал суда с грузами для ев-

рейского государства, Совет Безопасности ООН поддержал Израиль.

В резолюции от первого сентября пятьдесят первого года Египту предлагалось *«отменить ограничения международного торгового судоходства и движения товаров любого назначения через Суэцкий канал и прекратить всякое препятствование такому судоходству»*.

Советский представитель при голосовании воздержался.

Вторая жалоба Израиля обсуждалась в Совете Безопасности в пятьдесят четвертом году. Представитель Новой Зеландии внес резолюцию, призывающую Египет выполнить прежнюю резолюцию — от первого сентября. Позиция Москвы изменилась, и советский представитель наложил вето.

Пять лет спустя египетские власти вновь задержали судно, шедшее из израильского порта. Израиль обратился с жалобой в Совет Безопасности ООН.

Договорно-правовой отдел и отдел стран Ближнего Востока советского министерства иностранных дел составили справку для заместителя министра Семенова, из которой следовало, что Египет нарушает международное право.

«С правовой точки зрения, — говорилось в справке, — *задержание (а возможно, и конфискация) ОАР судов третьих стран, идущих через Суэцкий канал, только в связи с тем, что на борту этих судов обнаруживается груз израильского происхождения, может нанести ущерб многим странам, в том числе и Советскому Союзу, и представляется необоснованным.*

Такие действия не могут мотивироваться интересами безопасности ОАР, равно как и нормами права...

Действия ОАР могли бы считаться правомерными лишь в той мере, в какой они касаются задержания изра-

ильских судов и грузов, предназначенных для Израиля, являющихся военной контрабандой.

В остальном применимы положения статьи 1-й Константинопольской конвенции 1888 года, предусматривающие, что канал должен всегда оставаться свободным и открытым для торговых и военных судов как в мирное, так и в военное время; блокада канала признается недопустимой; в военное время свободный проход через канал должен предоставляться даже военным судам воюющих государств».

Какую же позицию следовало занять Советскому Союзу?

Дипломаты предлагали своему начальнику проводить весьма двуличную политику:

«Если ОАР обратится к нам за поддержкой, то не торопиться с ответом и постараться использовать это для усиления нашего влияния, в дальнейшем поддержать ОАР».

В переводе с дипломатического языка это означало следующее: Советский Союз должен поддержать незаконные действия Насера, если Насер за это что-то заплатит.

В конце концов египтянам пришлось отпустить датское судно «Инге Тофт». Из Порт-Саида оно вернулось в Хайфу, где десятого февраля шестидесятого года был устроен митинг протеста против самоуправства египетских властей. И министр иностранных дел Голда Меир сказала: *«Израиль будет бороться за то, чтобы открыть для себя Суэцкий канал».*

Вопрос о беспрепятственном проходе через канал, критически важный для еврейского государства, через несколько лет стал фактически поводом для новой войны. Арабские страны не верили, что израильтяне станут воевать из-за свободы судоходства.

Заведующий отделом Ближнего Востока министерства иностранных дел Киселев (недавний посол в Каире) информировал заместителя министра Малика: *«Арабские страны заносят в черный список суда, которые посещают израильские порты, что влечет за собой запрет для этих судов проходить через Суэцкий канал и посещать порты арабских стран...»*

В сентябре шестьдесят второго года армейские офицеры свергли имама Йемена. Президент Насер отправил в Йемен войска, чтобы взять государство под контроль. Для переброски египетских войск Насер попросил у Москвы партию военно-транспортных самолетов Ан-12. Поскольку летчиков, способных пилотировать тяжелые машины, у египтян не было, самолеты прибыли вместе с советскими летчиками. Насеру понадобились и бомбардировщики — бомбить йеменцев.

Одиннадцатого октября на заседании президиума ЦК разбирали просьбу маршала Амера продать Египту бомбардировщики Ту-16 для использования в Йемене. Хрущев отверг просьбу египтян, сказал членам президиума: «Это невозможно».

Потом Хрущев все-таки передумал. Насер получил бомбардировщики Ту-16. Летчиков, способных пилотировать такие машины, в Египте не было, отправили советских — без огласки, разумеется.

Но йеменцы успешно противостояли превосходящим египетским войскам, вооруженным советским оружием. Неспособность египетской армии нанести поражение разрозненным йеменским отрядам привела к падению престижа Египта в арабском мире.

«Насер имел своеобразные представления о социализме, — вспоминал Хрущев. — *Мы считали, что, возможно, Насер вводит в заблуждение свой народ, начав пропагандировать какой-то особый путь, путь арабского со-*

циализма. Из-за этих разногласий произошло некоторое, к счастью, кратковременное, охлаждение в наших отношениях.

Теперь насчет победы Египта: если раньше, до размолвки, Насер объяснял ее нашим вмешательством, то после обострения, которое у нас наметилось, стал говорить, что Египет победил потому, что помог аллах. Когда у нас восстановились дружеские отношения, я ему намекал порой: кто же помог? Мы или аллах? Он улыбался...»

Размолвка окончилась, и просьбы Египта об оружии исполнялись очень быстро.

В июне шестьдесят третьего года было подписано новое соглашение о поставках советского оружия Египту. Армия Насера уже была реорганизована с помощью советников, присланных из Москвы. Теперь две бронетанковые дивизии получали танки Т-54 — скоростные и с большим запасом хода, авиация — истребители-перехватчики МиГ-21 и средние бомбардировщики Ту-16, оснащенные ракетами «воздух-земля».

Через год Никита Сергеевич исполнил свое обещание и поехал к Насеру. В мае шестьдесят четвертого года Хрущев две с лишним недели провел в Египте.

Его сопровождала большая свита — министр иностранных дел Громыко, первый заместитель министра обороны и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора маршал Андрей Антонович Гречко, председатель Совмина Азербайджана Энвер Назимович Алиханов, председатель Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации Петр Степанович Непорожний, председатель Государственного комитета по внешним экономическим связям Семен Андреевич Скачков.

Разумеется, с Никитой Сергеевичем поехала его неизменная пресс-группа — главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков и главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей, он же зять первого секретаря.

Хрущева пригласили на праздник — церемонию открытия первой очереди Асуанской плотины. Это было грандиозное торжество. По случаю праздника Насер наградил Хрущева высшим египетским орденом — «Ожерелье Нила».

Никита Сергеевич захотел достойно ответить. Он связался с Москвой, и тринадцатого мая президиум Верховного Совета оформил указы о присвоении президенту Египта Насеру и первому вице-президенту Абдаль Хакиму Амеру звания Героя Советского Союза.

На радостях Хрущев распорядился вдвое сократить долг Египта перед Советским Союзом, иначе говоря, простил Насеру два с половиной миллиарда долларов.

Насер устроил дорогим гостям прогулку по Средиземному морю на яхте «Аль-Хуррия». Пригласил Хрущева, алжирского президента Ахмеда Бен Беллу и иракского Абд-аль Саляма Арефа. На яхте разгорелся спор о национализме и коммунизме.

Вернувшись в Москву, двадцать шестого мая, на президиуме ЦК Хрущев восторженно делился впечатлениями о поездке: «Мы часто повторяем догмы — в связи с положением компартий Египта, Сирии, Ирака — о религии, исламе и арабском национализме. Лозунг Багдаша — против арабского единства — надо сделать гибким. С таким лозунгом мы к арабам пути не найдем. Это положение надо пересмотреть. У нас нет причин быть противниками арабского единства. Насер хочет остаться вождем арабского мира».

Когда через несколько месяцев Хрущева будут сни-

мать, ему припомнят, что он принял точку зрения Насера на компартию, не стал отстаивать позиции египетских коммунистов и унизил высокое звание Героя Советского Союза, присвоив его двум египетским антикоммунистам...

В октябре шестьдесят четвертого Хрущева отправили на пенсию. Его посты поделили. Первым секретарем ЦК стал Леонид Ильич Брежнев, главой правительства — Алексей Николаевич Косыгин. Сотрудничество с Египтом от смен первых лиц нисколько не пострадало. Оно давно уже определялось не личным хрущевским интересом к странам третьего мира, а стало частью советской внешней политики.

Двадцать третьего февраля шестьдесят пятого года посол в Каире Владимир Яковлевич Ерофеев (до отъезда в Каир он руководил в министерстве отделом стран Ближнего Востока) посетил вице-президента Египта маршала Абд-аль Хакима Амера и «в доверительном порядке» сообщил ему:

«По имеющимся в Москве данным, в сентябре прошлого года правительство ФРГ приняло решение продать Израилю 300 американских танков типа «М-48» из наличного танкового парка бундесвера (1150 машин). На начало января текущего года имелись сведения о поставке 40 таких машин.

Имеется соглашение о западногерманских поставках Израилю военной радио- и шифровальной аппаратуры, а также электронной аппаратуры для артиллерии и некоторых средств связи. Западногерманские специалисты оказывают помощь Израилю в строительстве стартовых ракетных площадок...»

Второго июня шестьдесят пятого года заместитель председателя Совета министров и председатель Госстроя СССР Игнатий Трофимович Новиков побывал у

Насера. Новиков был соратником Брежнева еще по Днепропетровску и после избрания Леонида Ильича первым секретарем ЦК КПСС стал важной фигурой в правительстве. В конце беседы египетский президент доверительно сказал высокому советскому гостю:

— Война арабов с Израилем неизбежна. Дело идет о выборе момента. В данное время арабы не готовы не только к наступлению, но даже к обороне. Вместе с тем я пояснил сирийцам, что если они станут объектом массированной атаки со стороны Израиля, то ОАР немедленно нанесет ответный удар.

Египтяне пожаловались, что продовольствия в стране осталось на пятнадцать дней. Зерна не хватало и нашей стране, но советские руководители развернули в сторону Египта суда с только что закупленным на Западе зерном.

Двадцать седьмого августа шестьдесят пятого года в Москву с большой свитой, в которую входил Анвар Садат, приехал Насер. Президент уже забыл о Хрущеве, который был инициатором сближения с Египтом, и спешил понравиться Леониду Ильичу. Уловив страсть нового первого секретаря к почету, сообразительный Насер во время торжественного обеда настойчиво повторял:

— Я приглашаю стоя осушить бокалы за здоровье нашего друга Леонида Брежнева...

Насер и его генералы были убеждены в том, что египетская армия терпит поражения только в результате скрытого заговора империалистических держав, которые строят козни против Египта. Египтяне отказывались верить, что Израиль достиг военного преимущества за счет собственных усилий и изобретательности. Насер пребывал в уверенности, что поставки самого

современного и самого дорогого оружия позволят ему победить в новой войне с еврейским государством.

Какое-то время Насер пытался лавировать между Западом и Востоком. Даже получая советское оружие, он убеждал Запад, что не является советским сателлитом. Он умудрялся получать выгоду от холодной войны, получая оружие из Советского Союза, а зерно из Соединенных Штатов, экономическую помощь от обеих супердержав и их союзников.

После отставки Хрущева Насер окончательно поссорился с западными странами. Теперь он оказался в почти полной зависимости от социалистического лагеря. Масштабные закупки оружия подрывали экономику Египта.

В апреле шестьдесят пятого года египетские коммунисты заявили о добровольном роспуске своей партии. Ничего иного им не оставалось. За теми, кого выпустили на свободу, спецслужбы Насера следили так пристально, что сделали невозможной никакую оппозиционную политическую деятельность.

Коммунистам предложили признать ошибки и вступить в правящую партию Арабский социалистический союз. Небольшая часть коммунистов проявила принципиальность и осталась в оппозиции; всех арестовали.

Хрущева уже не было. Брежнев и другие руководители Коммунистической партии Советского Союза не стали ссориться с Насером из-за коммунистов и умыли руки. Советские руководители рассуждали прагматично: от малочисленных арабских коммунистов пользы мало. Надо дружить с правящими партиями.

Вскоре и в Сирии пришли к власти люди, сделавшие ставку на близкие отношения с Советским Союзом.

Президент Ливана Фуад Шехаб (он уже заканчивал свой срок на этом посту) восьмого сентября шестьдесят четвертого года в беседе с советским послом Дмитрием Семеновичем Никифоровым назвал сирийцев не только «горячими головами», но и «пруссаками Ближнего Востока».

Шехаб был человеком военным и знал, о чем говорил. Он служил еще во французской армии и стал первым командующим вооруженными силами Ливана после обретения независимости.

Сирия — первая из арабских стран, попавших под власть военных: с тех пор, как в сорок девятом году последовали один за другим несколько военных переворотов.

Франция в подмандатной Сирии поощряла набор в армию представителей национальных и религиозных меньшинств. Основная часть населения, арабы-сунниты, не хотели, чтобы их сыновья шли в армию и служили колонизаторам.

Значительную часть офицерского корпуса составили алавиты и друзы. Они постепенно заняли высокие посты и принимали своих единоверцев в военные академии.

В марте шестьдесят третьего года алавитские и друзские офицеры вместе с активистами партии БААС совершили переворот. Они привели к власти генерал-лейтенанта Мухаммада Амина Хафеза, надеясь, что он будет номинальной фигурой.

Но генерал одолел молодежь и сконцентрировал в своих руках всю власть. Он стал главой государства, военным губернатором, председателем Национального военного совета и премьер-министром Сирии.

В сентябре шестьдесят пятого он сместил алавита генерал-майора Салаха Джедида с поста начальника ге-

нерального штаба. Генерал не смирился с отставкой. Вместе с молодыми и честолюбивыми офицерами-алавитами он в феврале шестьдесят шестого сверг Хафеза. К власти пришли молодые люди, экстремистски настроенные, выходцы из сельских районов, враждебно относившиеся к Насеру.

Молодые алавиты, представители меньшинства, были склонны одобрить социальные реформы партии БААС. Генерал Джедид был против союза с Египтом, боялся, что сирийская армия опять окажется под контролем египтян-суннитов.

Двадцать третьего февраля шестьдесят шестого года к власти в Сирии пришло левое крыло партии БААС. Насер сразу же сообщил советским дипломатам, что переворот — дело рук его врагов, правых сил. В Дамаск срочно командировали собственного корреспондента «Правды» на Ближнем Востоке Евгения Максимовича Примакова. Аэропорт был закрыт, он с трудом добрался до Дамаска, где один его старый знакомый только что стал руководителем спецслужбы. Примаков первым встретился с главой правительства Юсефом Зуэйном и командующим военно-воздушными силами Хафезом Асадом. Примаков сообщил в Москву, что не надо бояться новых людей в Дамаске.

Евгений Максимович не ошибся. После восьми лет изгнания вернулся на родину руководитель компартии Халед Багдаш. Один сирийский коммунист вошел в правительство, стал министром. Это было приятное для Москвы событие, в других арабских странах коммунистов в основном сажали.

В апреле шестьдесят шестого сирийская делегация во главе с премьер-министром Юсефом Зуэйном приехала в Москву. Сирия становилась столь же важным партнером, как и Египет.

КАК ГОТОВИЛАСЬ ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

Между тем Ближний Восток неуклонно двигался к новой войне. Арабские страны все чаще говорили, что настало время силой восстановить законные права палестинских арабов. Советская печать повторяла их слова, хотя дипломаты прекрасно знали реальное отношение Насера к палестинцам.

Еще в пятьдесят девятом году советское посольство в Каире прислало в министерство иностранных дел справку по палестинской проблеме:

> «В печати и выступлениях руководителей ОАР все реже поднимается вопрос о необходимости создания независимого Палестинского государства, так как правительство ОАР не верит в реальность существования этого решения и кроме того не желает отдавать район Газы, который в этом случае должен отойти к Палестинскому государству...
>
> Среди палестинских беженцев в районе Газа растет недовольство правительством ОАР, проявляющего мало заботы об улучшении условий жизни беженцев. Многие палестинские беженцы в районе Газа начинают рассматривать египетскую администрацию в этом районе как силу, осуществляющую оккупационные функции, которая ничего не делает для облегчения их участи...
>
> Среди самих беженцев растет недовольство политикой правительства ОАР, которое все чаще использует палестинских беженцев района Газа в своих интересах.
>
> Так, во время событий в Ливане в июле 1958 года вооруженные отряды палестинских беженцев направлялись в Ливан для борьбы против Шамуна. В настоящее время такие вооруженные отряды из числа беженцев, живущих в районе Газа, направляются на сирийско-иракскую границу для проведения вооруженных провокаций против Ирака...
>
> Принимая во внимание империалистический характер

политики ОАР в палестинском вопросе, нам не следует безоговорочно поддерживать ОАР...
Советскому Союзу не следует также связывать себя с серьезными материальными затратами при оказании помощи палестинским беженцам через органы ООН, так как при существующих порядках беженцы будут лишены возможности оценить помощь Советского Союза и большая часть этой помощи может пойти не по назначению, а для обогащения дельцов Агентства ООН и египетской администрации в районе Газа...»

Разумеется, такие оценки фигурировали только в секретных документах.

Теперь уже и палестинские организации стали обращаться к Советскому Союзу за поддержкой.

Первого марта шестьдесят второго года в советское посольство в Ливане был передан адресованный министру иностранных дел Громыко меморандум председателя Высшего Арабского совета для Палестины бывшего великого муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни:

«Высший Арабский совет для Палестины, являющийся представителем арабского палестинского народа, высоко оценивает позицию Советского Союза в отношении базы, которую империалисты создали для себя на Ближнем Востоке и дали ей название — Израиль...
Международное информационное агентство сообщило недавно, что израильская делегация будет вести переговоры с ответственными представителями в Советском Союзе по вопросу об экспорте цитрусовых и их продаже на рынках СССР. Если это сообщение соответствует действительности и Советский Союз намерен купить цитрусовые у сионистов захваченной Палестины, то этот акт будет означать экономическую поддержку Израиля и, более того, поддержку империалистической базы в захваченной Палестине, что нанесет большой вред интересам палестинских арабов и их правам.

Те цитрусовые, которые сионисты предлагают продавать в Советском Союзе, являются в действительности собственностью угнетенных арабов...
В связи с этим Высший Арабский совет для Палестины просит Советский Союз отказаться от покупки палестинских цитрусовых и воспрепятствовать их ввозу в страну...»

Хадж Амин аль-Хусейни хотел приехать в Советский Союз, но египетский президент Гамаль Абд-аль Насер его не признавал, и только по этой причине в приглашении ему отказали. А ведь вполне могли уважить нацистского военного преступника, ускользнувшего от правосудия, и принять его в Москве со всеми почестями.

Контакты с советскими дипломатами установил постоянный представитель Саудовской Аравии в ООН Ахмед Шукейри, которому предложили возглавить «Палестинское эмигрантское правительство».

Двадцатого апреля шестьдесят второго года он встретился с советским послом в Ливане Василием Ивановичем Корневым и сказал ему:

— После разрешения алжирской проблемы настало время решить и палестинский вопрос. Основой решения этой проблемы должно быть возвращение палестинских беженцев к своим очагам. Такое решение по существу означало бы ликвидацию Израиля...

Корнев начинал в пятьдесят первом году советником посольства в Турции, был в министерстве заместителем заведующего отделом стран Среднего Востока и генеральным консулом в Дамаске.

Несколько месяцев в Москве осмысляли сообщение о том, что палестинцы создают нечто вроде эмигрантского правительства, и заинтересовались личностью Ахмеда Шукейри.

Пятого августа шестьдесят второго года Корнев вновь принял Шукейри и передал ему приглашение Громыко приехать в сентябре в Москву вместе с женой за советский счет.

Шукейри рассказал, что составил проект создания движения за освобождение Палестины. Возражает только Иордания.

«Шукейри, — докладывал в Москву посол, — *сказал, что он стоит даже за то, чтобы у Иордании осталась не только часть Палестины, но и вся освобожденная Палестина была присоединена к Иордании.*

Главная задача состоит в том, чтобы освободить Палестину и ликвидировать Израиль, независимо от того, будет ли Палестина самостоятельной или присоединенной к Иордании...»

Двадцать четвертого марта шестьдесят четвертого года советское посольство в Бейруте отправило в МИД справку «Позиция Ливана в урегулировании палестинской проблемы на современном этапе»:

«Ливан больше всего заинтересован в решении вопроса о палестинских беженцах, большое число которых проживает на ливанской территории...

Христианская часть населения Ливана чрезвычайно обеспокоена опасностью нарушения установившегося равновесия между христианской и мусульманской общинами в стране, возможным участием палестинцев, большинство из которых являются мусульманами, в политической жизни страны, что может нанести ущерб интересам христиан. Некоторые мусульманские лидеры выступали с требованием предоставления политических прав беженцам...

Ливанские власти запрещают принимать беженцев на работу в государственные учреждения и не предпринимают никаких шагов в сторону улучшения условий их жизни...

Большинство беженцев живет в полуразвалившихся лачугах, находящихся большей частью в антисанитарных условиях...

Особое недовольство наличие беженцев в Ливане вызывает у христиан. Мусульмане же видят в беженцах своих союзников...

Христианская часть населения и, в частности, круги, близкие к партии «Катаиб», склонны, в отличие от мусульман, согласиться на сохранение Израиля как противовеса влиянию на Ливан некоторых арабских стран, которое может неизмеримо возрасти в случае ликвидации Израиля и явится угрозой независимости Ливана...

Некоторые ливанские предприниматели не прочь торговать с Израилем и даже торгуют через третьи страны, извлекая из этих операций большие выгоды. Эта торговля ведется, в частности, через африканские страны, в связи с чем ливанские импортеры не высказывают особого недовольства проникновением Израиля в Африку.

Товары, приобретенные у Израиля (главным образом металлоизделия), имеют клеймо «Сделано в США», но стоят значительно дешевле американских, что приносит ливанским купцам немалые прибыли. Несколько лет назад в Ливане появились даже товары с маркой «Сделано в Израиле»...

В вопросе экономического бойкота Израиля нет единства даже в самих правительственных кругах. Некоторые, например, считают, что существующие на этот счет решения устарели и наносят ущерб экономике Ливана. Инициатором пересмотра этих решений явился бывший министр общественных работ и глава партии «Катаиб» Пьер Жмайель...

Характерно, что за все время существования Израиля на ливано-израильских границах не произошло ни одного пограничного инцидента».

Тем временем была создана Организация Освобождения Палестины, и Ахмед Шукейри стал председателем исполнительного комитета. ООП приняла Национальную хартию, требующую уничтожить Израиль.

Двадцать четвертого октября шестьдесят четвертого года глава ООП побывал у советского посла в Ливане Дмитрия Никифорова. Шукейри информировал посла о намерении создать палестинскую армию — первоначально в Газе.

«Во всех арабских странах, — докладывал посол в Москву, — *за исключением Ливана, решено создать военные лагеря для прохождения палестинцами военной подготовки. Ливан против создания на его территории палестинской армии военных лагерей в силу особых конфессиональных условий в стране».*

Шукейри сразу попросил о помощи деньгами, оружием и приеме палестинцев на учебу в советские военные училища. В Москве не спешили с положительным ответом, хотели присмотреться к новой организации.

Девятого августа шестьдесят пятого года председатель Организации освобождения Палестины Шукейри снова побывал у советского посла в Ливане Никифорова.

Дмитрий Семенович сказал, что Шукейри в настоящее время не могут принять в Советском Союзе. Первый руководитель ООП попросил принять палестинцев на учебу, особенно в военные училища, поставить или продать легкое и среднее вооружение, а также подарить радиостанцию и установить ее в Газе. Он поставил вопрос об учреждении представительства ООП в Москве под любой крышей. Посол обещал информировать Москву.

В шестьдесят шестом году глава советского правительства Алексей Косыгин приехал в Египет, он принял там Шукейри. Второго ноября шестьдесят шестого

года с Шукейри беседовал находившийся в Алжире заместитель министра иностранных дел Яков Малик.

Когда израильский посол в Советском Союзе Катриэль Кац на встрече с другим заместителем министра Владимиром Семеновым процитировал воинственные заявления Шукейри, тот хладнокровно ответил:

— Послу известно, что Шукейри никого не представляет и что в Советском Союзе он не был.

Впрочем, в феврале шестьдесят шестого года Шукейри приехал в Москву. Но к Организации освобождения Палестины в Москве действительно относились настороженно. Не потому что она занималась террором. В Москве опасались, что палестинцы намерены дружить с Китаем.

В шестьдесят пятом году послом в Москву назначили Катриэля Каца, уроженца Варшавы. Юношей он уехал в Палестину. С сорок второго года служил в Хагане. В пятьдесят шестом году он приехал в город, где родился, в Варшаву, в роли израильского посла.

Девятого ноября шестьдесят шестого года заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов пригласил к себе посла Каца и зачитал ему еще одно послание советского правительства, которое на сей раз носило успокаивающий характер.

Семенов внушал послу, что израильское правительство должно проявить благоразумие и осторожность, поскольку арабские страны не намерены предпринимать военных действий против Израиля.

И буквально через несколько дней, двенадцатого ноября, израильский патруль подорвался на мине возле иорданской границы. Погибло трое и было ранено шесть человек. На следующий день израильская армия нанесла ответный удар по иорданской территории.

Громыко отправил в ЦК записку:

«Руководитель «Палестинской Организации освобож-

дения» Ахмед Шукейри, связанный с китайцами, за последнее время значительно активизировал свою деятельность в арабских странах, открыто призывая к войне с Израилем.

Шукейри заявил на пресс-конференции в Алжире в ноябре с.г., что «на смену словам, речам, конференциям, жалобам пришла вооруженная борьба» и что «Палестинская Организация освобождения» пользуется поддержкой КНР, которая поставляет ей оружие и готовит для нее военные кадры в целях разрешения палестинской проблемы военным путем.

Имея в виду, что диверсионная деятельность палестинской организации «Аль-Фаттах» на территории Израиля может повести к крупным осложнениям в этом районе, совпосол в Дамаске уже сделал соответствующее представление премьер-министру Сирии Зуэйну. Однако по ряду признаков палестинская организация, возглавляемая Шукейри, имеет сторонников среди влиятельных кругов в Сирии, Ираке и Иордании и может толкнуть к возникновению еще более серьезных инцидентов.

Следует учитывать, что за всем этим стоит повысившаяся на Ближнем Востоке активность китайцев, которые готовят у себя кадры палестинских партизан, стремясь к открытию «второго Вьетнама» на Ближнем Востоке...»

Пятнадцатого ноября шестьдесят шестого года к советскому послу в Иордании Петру Константиновичу Слюсаренко обратился министр иностранных дел Иордании Акрам Зуейтер. Он, в частности, попросил поддержать Иорданию в Совете Безопасности, которая возражает против размещения войск ООН вдоль иордано-израильской линии перемирия.

Советский посол поинтересовался, почему Иордания возражает против появления войск ООН, которые могли бы обеспечить безопасность ее границ.

«Наличие войск ООН на иордано-израильской демаркационной линии, — процитировал посол слова министра, — *лишит палестинцев возможности решить палестинскую проблему единственным оставшимся средством — путем вооруженной борьбы.*

Министр оговорился, что сообщил мне это в конфиденциальном порядке. Опыт размещения войск ООН в районе Газы, заметил он, показывает, что правительство ОАР не может вовремя прийти на помощь по вполне понятным соображениям».

Петр Слюсаренко принадлежал к «молотовскому призыву» — его взяли в наркомат иностранных дел в тридцать девятом году. Перед назначением в Амман он был советником-посланником (то есть вторым человеком) в советском посольстве в Каире.

Между тем ситуация накалялась на другой границе — между Израилем и Сирией. Новое сирийское руководство было настроено вести наступательную политику. Причем в тот момент, когда израильским правительством руководил человек, считавшийся голубем.

В шестьдесят третьем году премьер-министром и министром обороны Израиля стал Леви Эшкол. Он появился на свет в Киевской губернии и носил фамилию Школьник. В девятнадцать лет он приехал в Палестину, работал в сельскохозяйственных поселениях. В Первую мировую служил в Еврейском легионе, в первую арабо-израильскую войну стал заместителем министра обороны.

В шестьдесят четвертом году брату Леви Эшкола, советскому гражданину Школьнику разрешили поехать в Израиль. Возвращаться брат премьер-министра не захотел и направил просьбу советскому правительству разрешить ему с семьей остаться в Израиле на постоянное жительство.

Умеренный и разумный политик, Леви Эшкол рассчитывал, что сумеет улучшить отношения с Советским Союзом. Но Москва не проявила к этому интереса.

Послом в Израиле был Дмитрий Степанович Чувахин. До Тель-Авива он пять лет был послом в Канаде, работал в отделе скандинавских стран, стран Юго-Восточной Азии, в шестьдесят четвертом его отправили послом на Занзибар, но в том же году перевели в Израиль.

Чувахин обнаружил, что и правые израильские политики, считавшиеся «ястребами», приветствовали бы улучшение отношений с Советским Союзом.

Десятого июня шестьдесят пятого года Чувахин побывал в квартире лидера правой партии Херут Менахема Бегина в Тель-Авиве и доложил в Москву: *«Советские дипломаты были встречены исключительно дружественно, а вся беседа проходила в хорошей атмосфере»*.

Говорили по-английски, хотя Бегин, родившийся в Брест-Литовске, понимал по-русски и, как говорят, в первые годы жизни в Палестине регулярно читал «Правду» — от позиции Советского Союза тогда многое зависело.

Бегин говорил о том, что ему непонятно, почему советское правительство не разрешает евреям изучать свой язык и желающим воссоединиться с семьями — уехать в Израиль? Менахем Бегин, будущий премьер-министр Израиля, предложил послу водки, но тот предпочел виски.

Работать советскому послу в Израиле было трудно. Всякое его слово изучалось арабами и истолковывалось превратно. Дмитрий Чувахин, выступая на обеде Еврейского конгресса, произнес невинную фразу:

— Советское правительство надеется на решение многих спорных вопросов между государствами этого региона путем мирных переговоров.

Но арабские страны не собирались мириться с Израилем и отказывались вести переговоры с еврейским государством. В арабской прессе появились возмущенные статьи под заголовками «Странное заявление совпосла в Израиле», «Провокационное заявление советского посла».

Интересно, что в министерстве иностранных дел не пришли на помощь послу, который всего лишь следовал советской линии на мирное разрешение конфликтов, а поспешили сделать ему выговор — нельзя раздражать арабские страны.

Заведующий отделом стран Ближнего Востока Алексей Дмитриевич Щиборин (бывший посланник в Египте) составил записку руководству министерства:

«Складывается впечатление, что т. Чувахин, который в последнее время часто выступает в различных израильских организациях, не всегда учитывает специфику положения на Ближнем Востоке, особенности арабо-израильского конфликта, а также характер отношений Советского Союза с арабскими государствами.

Полагаем целесообразным обратить внимание т. Чувахина на необходимость проявлять особую осторожность и большую гибкость в его выступлениях по вопросам обстановки на Ближнем Востоке и нашей политики в этом районе, а также посоветовать ему более разборчиво выбирать аудитории, перед которыми он выступает».

Двадцать первого марта шестьдесят шестого года посол в Израиле Чувахин представил на имя Громыко записку о возможных шагах Советского Союза в отношении Израиля в ближайшие два года.

После ритуальных слов о том, какое место Израиль занимает в стратегических планах империалистических держав, посол отметил *«отказ правящих кругов страны*

от «жесткого» курса Бен-Гуриона и замену его более гибкой внешнеполитической линией правительства Эшкола».

Посольство предложило «внести некоторые коррективы тактического порядка в наши взаимоотношения с Израилем с учетом изменившейся за последние годы ситуации» — как минимум расширить культурный обмен, установить контакты между общественными организациями.

Кроме того, *«по мнению посольства, руководителям арабских стран следует в приемлемой форме и с учетом наших отношений с каждым из них разъяснять, что в нынешних условиях попытки решить арабо-израильский конфликт силой оружия неминуемо были бы использованы империалистическими силами для борьбы с национально-освободительным движением в арабском мире...»*

Но именно этим советское руководство вовсе не собиралось заниматься. В Москве не хотели мешать арабским странам. Вне зависимости от того, что сообщало советское посольство из Израиля, руководствовались мнением Египта и Сирии.

Двадцать пятого мая шестьдесят шестого года заместитель министра иностранных дел Семенов принял израильского посла Каца и зачитал ему заявление: *«Советское правительство располагает сведениями о концентрации в настоящее время израильских войск на границах с арабскими странами. Эта концентрация приобретает опасный характер в связи с тем, что она осуществляется одновременно с ведущейся в Израиле враждебной кампанией против Сирии...»*

Двадцать восьмого мая появилось заявление ТАСС на ту же тему, составленное в очень жестких тонах.

Премьер-министр Эшкол находился в этот момент в Париже, откуда он должен был лететь в Африку. Со-

ветские востоковеды на государственной службе не могли не понимать, что Израиль не может начать войну в отсутствие главы правительства. Так что изначально это была чисто пропагандистская акция, проведенная, надо понимать, по просьбе сирийцев.

Леви Эшкол опроверг сообщения о том, что в армии обороны Израиля отменены увольнения и что израильские части концентрируются на границе с Сирией.

Тридцать первого мая заместитель генерального директора МИД Израиля вручил советскому послу ответ на заявление советского правительства. Там говорилось, что вооруженные инциденты на сирийской границе возникают в результате «убийств и терактов, совершаемых бандами, проникающими с территории Сирии». Кроме того, цитировались два майских заявления президента Сирии с призывом начать войну на уничтожение еврейского государства.

А террористические акты против Израиля продолжались.

Одиннадцатого октября посол Чувахин отправил срочную шифротелеграмму в Москву:

> «Инциденты, имевшие место за последние дни на границах Израиля с Сирией и Иорданией, до предела накалили обстановку в стране.
> В ночь с 7 на 8 октября в пригороде Иерусалима Верхняя Ромема произошли три взрыва, во время которых были повреждены два жилых дома и легко ранены четыре человека.
> По заявлению израильской стороны, расследование показало, что следы диверсантов, заложивших взрывчатку, вели к иорданской границе.
> Особо серьезный инцидент произошел поздно вечером 8 ноября в районе Иорданской долины, близ поселения Шаар-Хаголан в 1200—1300 метрах от сходящихся

здесь сирийской и иорданской границ. Как сообщает печать, здесь были произведены взрывы сельскохозяйственных построек для того, чтобы привлечь внимание израильской погранохраны.
Прибывший к месту взрыва моторизованный патруль подорвался на мине, причем были убиты четверо служащих пограничной полиции... Отмечают, что установлены следы трех диверсантов, ведущие к сирийской границе. Эта диверсия, по общей оценке, была тщательно подготовлена и по своим масштабам и методам проведения значительно превосходит все диверсии подобного рода, отмеченные на израильско-сирийской границе за последние годы. (Всего в 1966 году на этой границе зарегистрировано 16 случаев закладки мин...)
Радио Дамаска передало коммюнике арабской террористической организации «Аль-Асифа» (в ведении которой находятся «штурмовые группы «Аль-Фаттах»), заявляющее, что диверсия в Иерусалиме была осуществлена этой организацией. Указывается также на выступления сирийских газет, в частности «Аль-Саура», восхваляющие диверсионные акты против Израиля, проведенные «палестинскими отрядами».

«Аль-Фаттах» — так в те годы транскрибировали название боевой организации, которую возглавлял молодой Ясир Арафат.

Советский посол не нашел в себе силы отрицать, что теракты устроены палестинскими боевиками. Так что в министерстве иностранных дел, а следовательно и в ЦК, прекрасно знали, что палестинцы превратились в террористов. Но советские руководители не видели ничего плохого в палестинском терроризме.

Советское посольство в Израиле предлагало:

«1. Если окажется возможным, то следовало бы обратить внимание сирийского руководства... что правительству Сирии следовало бы официально отмежевать-

ся от последних инцидентов и даже, возможно, осудить их...

2. В приемлемой форме рекомендовать сирийскому руководству не допускать восхвалений диверсий против Израиля по радио и в печати...

3. Поместить в советской печати сообщение о последнем инциденте, в котором показать, что напряженность на сирийско-израильской границе вызывается провокационными действиями американской разведки и ее подручных и преследует двоякую цель: отвлечь внимание от войны во Вьетнаме и создать повод для нападения на Сирию...»

Но посольство получило иные указания. Советские руководители хотели обезопасить Сирию от ответного удара.

В тот же день, одиннадцатого октября, послу Чувахину было дано указание посетить министра иностранных дел Израиля и предостеречь руководство страны против использования силы на сирийском направлении. Об этом Москву просило правительство Сирии, опасавшееся ответного удара израильской армии.

В четыре часа дня посла Чувахина принял премьер-министр Леви Эшкол. Министр иностранных дел Абба Эбан находился в Нью-Йорке.

Премьер-министр Эшкол сразу же процитировал выступление премьер-министра Сирии Зуэйна, сделанное утром одиннадцатого октября по радио в Дамаске, в котором одобрялся террор «палестинских революционеров»:

— Мы подожжем весь этот район, — обещал глава правительства Сирии, — и превратим в могилу для Израиля.

Леви Эшкол сказал, что ему трудно сдерживать возмущение общества, которое требует обеспечить безо-

пасность. И попросил советское правительство *«оказать возможное влияние на сирийское правительство с целью ликвидации напряженности на границе»*.

Громыко предложил ЦК *«дать ответ на это обращение премьер-министра Израиля Эшкола в форме устного заявления послу Израиля в Москве. В этом заявлении следовало бы отклонить попытки израильского правительства снять с себя ответственность за создавшееся положение на сирийско-израильской границе...»*

Ситуация на сирийско-израильской границе обсуждалась в Совете Безопасности ООН. Советский представитель наложил вето на резолюцию, осуждавшую Сирию за поддержку террористов.

Советская помощь делала сирийских руководителей все более уверенными в своей правоте.

Четвертого января шестьдесят седьмого года король Иордании Хусейн, излагая послу Слюсаренко свой взгляд на ситуацию, пожаловался на Сирию: *«Сирийские руководители теперь не довольствуются подрывной в отношении Иордании пропагандой. Они начали проводить регулярную засылку в Иорданию лиц с определенными заданиями, пересылают оружие, убивают иорданцев на нашей территории и так далее.*

Наши органы, — сказал король, — *задержали не одну такую группу лиц, задерживали оружие, среди которого было и оружие советского производства, вылавливали сирийских диверсантов...»*

Но король Хусейн тоже не пользовался в Москве популярностью, поэтому никто не собирался выговаривать сирийцам за конфликты с Иорданией.

В шестьдесят седьмом году не египтяне, а именно сирийцы подожгли спичку, от которой вспыхнул пожар. С апреля события на Ближнем Востоке приобрели необратимый характер. Кончилось все это плачевно для самих сирийцев...

ЧТО СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА СООБЩИЛА НАСЕРУ?

Седьмого апреля с сирийской территории обстреляли израильского тракториста, который работал в демилитаризованной зоне. Израильтяне ответили огнем. В действие вступила сирийская артиллерия, и разыгралось настоящее сражение.

Израильская армия использовала этот повод для уничтожения с земли и воздуха позиций сирийской артиллерии, которая постоянно обстреливала израильских крестьян в районе Тивериадского озера (озеро Кинерет). В большом воздушном бою сирийцы потеряли шесть истребителей советского производства.

Почему на сей раз израильтяне реагировали так масштабно? Прежде сирийцы предоставляли палестинским боевикам возможность убивать израильтян, а сами в бои не втягивались. Почувствовав полную поддержку Советского Союза, сирийские руководители стали вести себя более воинственно. Они жаждали реванша, а израильтяне привыкли отвечать ударом на удар.

Советские генералы были раздражены тем, что израильтяне в один день сбили сразу несколько самолетов советского производства. Заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов дважды вызывал к себе посла Каца и вручал ему ноты МИД, в которых действия Израиля характеризовались как «опасная игра с огнем в районе, расположенном вблизи от границ Советского Союза».

— Нам известно, — заявил советский посол Чувахин Леви Эшколу, — что, несмотря на ваши официальные заявления, происходит концентрация израильских войск вдоль всей сирийской границы.

Эшкол тут же предложил Чувахину вместе поехать на север и посмотреть, что там происходит. Посол отказался.

За несколько дней до этого, тридцать первого марта, в больнице скончался министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский. Он болел уже полгода. Седьмого ноября шестьдесят шестого года он принимал последний в своей жизни парад, хотя у него очень сильно болела нога. На следующий день слег и больше уже не встал. Его отправили в больницу, откуда он уже не вышел.

Его смерть не была неожиданностью для советского руководства. Говорили, что в последнее время маршала мало что интересовало. Ему бы только меньше перетрясок, перестановок, чтобы спокойнее дожить свой век...

Двенадцатого апреля министром был назначен маршал Андрей Антонович Гречко, которого хорошо знал Брежнев. Вокруг Гречко группировались молодые и амбициозные военные, поклонники новой боевой техники активных действий.

Возможно, осторожный и спокойный по характеру Малиновский иначе бы разговаривал с египтянами, которые в эти решающие дни приехали в Москву. Новый министр, напористый по натуре, был поклонником наступления, а не обороны. Он уверенно сказал египтянам: «Ваша армия может успешно решить любую задачу на данном театре военных действий».

В министерстве обороны невысоко оценивали боевые возможности израильских вооруженных сил и полагали, что если Египет и не разгромит Израиль, то по крайней мере покажет свою силу и силу советского оружия. А это укрепит престиж и влияние Советского Союза на Ближнем Востоке.

Советским военным обычаи и традиции армии обороны Израиля казались странными и нелепыми. Единая форма из грубой шерсти — для всех, от новобранца

до начальника генерального штаба, обращение к командирам на «ты» и по имени, отсутствие офицерских столовых и внешних признаков дисциплины... А поначалу в израильских вооруженных силах, как когда-то в Красной армии, отсутствовали знаки различия, солдаты не отдавали офицерам честь, и жалованье всем платили одинаковое.

Удивляло и то, что не только израильских командиров, но и рядовых бойцов приучали к самостоятельности в бою, призывали действовать не по шаблону, а импровизировать. Но это была единственно возможная стратегия и тактика в ситуации, когда арабские армии обладали абсолютным превосходством в живой силе и технике.

Полное отсутствие выбора диктовало израильским солдатам и офицерам поведение только героическое. Поражение было равносильно смерти не только их самих, но и их семей.

Израильский офицер всегда оказывался впереди своих солдат, поэтому потери офицерского состава были очень большими, но это создавало бесценный дух боевого братства.

Двенадцатого мая Анвару Садату, тогда главе египетского парламента, сделавшему остановку в Москве по пути из Пхеньяна в Каир, заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов сказал, что израильские войска нависли над сирийской границей. Война может начаться через пять дней. Это предупреждение предназначалось для Насера.

Прилетев в Каир на следующий день, тринадцатого мая, прямо из аэропорта Садат отправился в резиденцию Насера. Там находился и маршал Амер. Насеру уже передали советское предупреждение по другим каналам.

Тринадцатого мая представитель КГБ СССР в Египте сообщил руководителям египетской разведки, что израильские войска силами до двенадцати бригад концентрируются на сирийской границе. Одновременно советский посол передал ту же информацию министерству иностранных дел Египта.

На египетского президента эта трижды повторенная информация произвела сильное впечатление, хотя потом выяснилось, что эти сведения не имели под собой никаких оснований. Двенадцать бригад — это практически вся израильская армия после проведения мобилизации, которая еще не была объявлена!

Начальник первого главного управления (внешняя разведка) КГБ генерал-лейтенант Александр Михайлович Сахаровский объяснял позднее, что у его собственных подчиненных были сомнения в полученной информации, но они все же сочли своим долгом поделиться ею с египтянами.

Многие годы историки пытаются понять, в чем был смысл советских предупреждений. Военные и разведчики в Москве не могли не знать, что в те дни мобилизация в израильской армии еще не началась и войска к границе не приближались.

Девятого июля, уже после проигранной войны, египетский президент, выступая, объяснил:

— У противника имелся план вторжения в Сирию, о чем открыто заявляли израильские политики и командиры. Данные наших сирийских братьев и надежная информация, которой мы сами располагали, не оставляли сомнений. Наши друзья в Советском Союзе сообщили нашей парламентской делегации, которая находилась в Москве, что речь шла об определенном замысле. Мы не могли остаться безучастными.

Дальнейшие действия Насера сделали войну практически неизбежной.

Президент распорядился удалить войска ООН с Синайского полуострова и из сектора Газы. Солдаты в голубых касках находились на разделительной линии между египетскими и израильскими войсками, установленной после синайской войны. Само их присутствие играло сдерживающую роль. Уход войск ООН означал, что две армии оказывались друг против друга.

Насер был убежден, что это заставит Израиль перебросить войска с юга (от сирийской границы) на север и это обезопасит Сирию. Вероятно, советское руководство и рассчитывало на то, что такая военная активность Египта отвлечет внимание Израиля от Сирии. В Москве действительно боялись, что Израиль ударит по Сирии, чтобы покончить с палестинскими боевиками. Но в Москве не ожидали решения Египта убрать войска ООН и закрыть Тиранский пролив.

Можно сказать, что неуклюжая политика советского военного и политического руководства сыграла пагубную роль и подтолкнула регион к шестидневной войне.

Шестнадцатого мая утром начальник генерального штаба египетской армии генерал-полковник Махмуд Фавзи обратился к генералу Рикхи, командующему Чрезвычайными вооруженными силами ООН на Ближнем Востоке:

— Я дал указание вооруженным силам Объединенной Арабской Республики быть готовыми к ведению боевых действий против Израиля, если он предпримет агрессию против любой арабской страны. Наши войска уже сосредоточены на наших границах на территории Синайского полуострова. Для обеспечения безопасности сил ООН, находящихся вдоль наших границ, я прошу Вас отдать приказ о немедленном выводе всех войск. Сообщите мне о выполнении этого требования.

Генерал Рикхи доложил обо всем генеральному секретарю ООН У Тану. Тем временем министр иностранных дел Египта вызвал к себе послов тех стран, чьи контингенты входили в состав сил ООН, и потребовал немедленно их вывести.

Восемнадцатого мая У Тан получил формальную ноту из Каира:

«Правительство Объединенной Арабской Республики имеет честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что оно решило положить конец присутствию чрезвычайных сил ООН на территории ОАР и сектора Газы. Прошу Вас принять необходимые меры для вывода войск ООН в кратчайший срок».

Вообще говоря, У Тан должен был поставить вопрос на обсуждение Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН, а не решать столь важный вопрос самостоятельно.

Шестнадцатого мая посол в Каире Дмитрий Петрович Пожидаев вместе с военным атташе Владимиром Ивановичем Фурсовым посетил военного министра Шамса Бадрана и доложил в Москву: *«По его словам, египтяне узнали от сирийской стороны, что Израиль сконцентрировал на границах с Сирией двенадцать бригад...*

Египетские руководители в соответствии с имеющимся между ОАР и Сирией соглашением о совместной обороне приняли целый ряд мер. В Дамаск выехал начальник генштаба египетской армии генерал Фавзи, который поддерживает постоянные контакты с министром обороны и начальником генштаба вооруженных сил Сирии. Мы, — продолжал собеседник, — *информировали сирийцев о том, что если на них произойдет нападение, то ОАР немедленно выступит на защиту Сирии...*

Вооруженные силы ОАР приведены в состояние боевой

готовности, а на Синай переброшено более одной пехотной дивизии и три бронетанковые бригады. В настоящее время указанные соединения египетской армии перешли Суэцкий канал и заняли исходные позиции для наступления, которое начнется немедленно в случае, если Израиль нападет на Сирию...

Бадран отправил 14 мая два письма министру обороны СССР, в которых содержится просьба о поставке в ОАР нескольких самолетов типа МиГ-21 и Су-7, а также определенного количества противозенитных пушек и пулеметов, радиоаппаратуры и другого военного оборудования... Эта боевая техника нужна ОАР уже сейчас...»

До назначения в Каир Дмитрий Пожидаев был послом в Марокко и руководил 1-м африканским отделом МИД.

Семнадцатого мая постоянный представитель при ООН Николай Трофимович Федоренко доложил в Москву о беседе с представителем ОАР при ООН Мохаммедом Авадом аль-Куни, который еще недавно был послом в Москве.

Египетский дипломат сообщил Федоренко: *«Начальник генштаба вооруженных сил ОАР Фавзи отдал приказ о приведении всех вооруженных сил ОАР в боевую готовность для немедленных военных действий против Израиля на случай, если Израиль совершит нападение на какую-либо из арабских стран...*

В настоящее время производится сосредоточение вооруженных сил ОАР в районе восточной границы на Синайском полуострове...

Заместитель генерального секретаря ООН Ральф Банч пытался утверждать, ссылаясь на доклад начальника штаба Органа ООН по наблюдению за перемирием в Палестине генерала Булла, что Израиль не концентрирует своих войск вблизи сирийской границы, а также заве-

рил аль-Куни, что Израиль не предпримет против Сирии наступательных действий...

Аль-Куни сказал нам, что в информации, полученной им из Каира, подтверждается факт концентрации израильских войск вблизи границы с Сирией. Аль-Куни сказал также, что, по его мнению, в данной обстановке нет оснований для созыва Совета Безопасности...»

Николай Федоренко, выпускник Московского института востоковедения, был известным синологом. Он переводил беседы Сталина с Мао Цзэдуном, что весьма способствовало его карьере в министерстве иностранных дел.

Молотов в пятьдесят пятом году сделал Федоренко своим заместителем. Громыко в пятьдесят восьмом отправил его послом в Японию, а в шестьдесят третьем сделал постоянным представителем при ООН. Величественный Федоренко никогда не расставался с трубкой и любил говорить по-восточному замысловато. Громыко это, видимо, раздражало, и со временем Федоренко пришлось уйти из министерства. Как члена-корреспондента Академии наук и автора работ о китайской и японской культуре, его назначат главным редактором популярного тогда журнала «Иностранная литература»...

Николай Федоренко получил в Нью-Йорке срочную телеграмму от Громыко с указаниями:

«1. Вам необходимо установить тесный контакт с делегациями ОАР и Сирии и согласовать с ними все свои действия. Если представители ОАР и Сирии будут по-прежнему возражать против рассмотрения вопроса о положении на Ближнем Востоке в Совете Безопасности, Вам следует поддерживать их...

3. В случае, если будут предприняты попытки в той или иной форме осудить позицию ОАР и решение генерального секретаря о выводе войск ООН с Ближнего Востока, Вам следует поддержать позицию ОАР и решение

У Тана, аргументируя это тем, что ОАР как суверенное государство имеет безусловное право потребовать немедленного вывода войск ООН с ее территории...

4. Если представители ОАР и Сирии выскажут пожелание, чтобы Советский Союз применил право вето, Вам следует это сделать, чтобы не допустить решения, осуждающего арабские государства...»

Советская дипломатия и не заметила, как утратила самостоятельность. Она лишь обслуживала интересы Египта и Сирии. Дипломаты даже не решались выразить сомнение, когда в Каире и Дамаске совершали гибельные для себя шаги. Таким образом, советское руководство нисколько не помогло своим арабским друзьям в трудную минуту. Напротив, благословило их на пути к военной катастрофе.

Девятнадцатого мая генеральный секретарь ООН У Тан доложил Совету Безопасности: *«Отчеты наблюдателей ООН подтвердили отсутствие концентрации и крупных передвижений воинских частей по обеим сторонам линии перемирия»*.

Советские дипломаты и разведчики в Израиле и без наблюдателей ООН могли удостовериться в том, что армия обороны Израиля не приведена в боевую готовность и мобилизация не объявлена. Но они вовсе не собирались успокаивать египтян и сирийцев. Совсем наоборот.

Девятнадцатого мая в Москве сменился председатель КГБ. Вместо Владимира Ефимовича Семичастного, сосланного на Украину, комитет госбезопасности возглавил Юрий Владимирович Андропов. Но оценка происходящего на Ближнем Востоке аппаратом разведки не изменилась.

Резидентуры военной и политической разведки работали с полным напряжением сил. Советские дипломаты и разведчики постоянно передавали Египту ин-

формацию о ситуации в Израиле, о расположении частей израильской армии и их передвижении.

Двадцать второго мая посол Дмитрий Пожидаев побывал у Насера и доложил в Москву: *«Насер выразил Советскому правительству благодарность за ценные соображения относительно напряженности на Ближнем Востоке, а также за информацию, переданную ранее военному министру ОАР Бадрану. Президент отметил, что до получения этой информации они находились в затруднении, поскольку не имели достаточных сведений о численности и дислокации израильских войск...»*

В этот день Насер заявил, что закрывает Тиранский пролив для израильских судов, а также для неизраильских, доставляющих в Израиль грузы стратегического назначения. Иначе говоря, Египет блокировал важнейший израильский порт Эйлат, имевший выход к Красному морю.

Советскому послу Насер пояснил:

— Израиль грозил всегда, что в случае закрытия Акабского залива он развяжет войну. ОАР не намерена дальше осложнять ситуацию. Но если Израиль прибегнет к военной силе, то ОАР будет отвечать на это всеми имеющимися средствами...

Историкам и по сей день неясно, хотел ли Насер воевать. Но он сделал все, чтобы война началась. Он словно сознательно провоцировал Израиль. Возможно, он пребывал в уверенности, что еврейское государство, боясь осуждения со стороны мирового сообщества, не решится нанести удар первым.

Руководители Израиля казались ему людьми нерешительными: они все время что-то обсуждали, советовались с депутатами, прислушивались к мнению общественнности и прессы. Нет, эти люди не рискнут начать войну... А в такой выигрышной ситуации, наверное,

думал Насер, можно получить многое из того, что раньше казалось невозможным.

Двадцать третьего мая премьер-министр Эшкол сказал в кнессете, что попытки помешать проходу израильских судов через Тиранский пролив будут рассматриваться правительством Израиля как акт агрессии. Эти слова были адресованы не только депутатам кнессета, но и египетскому руководству. В отсутствие дипломатических отношений объясняться приходилось либо путем публичных деклараций, либо через посредников.

Леви Эшкол, хотя и слыл наиболее преданным помощником Бен-Гуриона, был в реальности человеком компромиссов. Каждый раз, когда это было возможно, он откладывал принятие решения на завтра.

К середине шестидесятых Израиль достиг экономического благополучия. Никогда еще израильтяне не жили так хорошо, и думать о войне не хотелось. Потом наступил период экономических трудностей, с которыми правительство Эшкола справиться не могло. Так что меньше всего он хотел войны. Арабским властителям казалось, что Израиль ослаб и превратился в легкую добычу.

Лишь немногие арабские политики призывали к умеренности. Президент Туниса Хабиб Бургиба, считая ненависть арабов к Израилю ошибочной, говорил:

— У нас, арабов, эмоции оправдывают инертность. Мы, арабы, кричим, наносим оскорбления, мы погрязли в ругани, мы проклинаем и думаем, что таким образом выполняем свой долг. За всем этим стоит комплекс неполноценности. Я считаю, что никто не должен говорить о сбрасывании Израиля в море, поскольку никто не в состоянии этого сделать. Даже воздержание от разговоров на эту тему может содействовать сосуществованию между арабами и евреями.

Президент Бургиба объехал арабские страны с предложением что-то предпринять, найти возможность покончить с враждой. Он долго разговаривал с Насером наедине.

Потом Бургиба изложил содержание беседы. Он говорил египетскому президенту:

— У нас нет ни сил, ни средств, чтобы вести сражение. Надо идти на компромисс. Согласны?

— Да, — подтвердил Насер.

— Это прекрасно, — обрадовался Бургиба. — Мы должны изложить наши взгляды публично. Важнее всего признать резолюцию ООН, в соответствии с которой был образован Израиль. Вы согласны с ней?

— Да, — уверенно повторил Насер. И тут же отказался от своих слов: — Арабские массы не примут ничего, что походило бы на признание Израиля.

В других случаях египетский президент не очень спрашивал массы, чего они хотят.

Словом, усилия тунисского президента ни к чему не привели. Ни Насер, ни кто-либо другой из арабских политиков, от которых это зависело, не хотели признавать еврейское государство и вести переговоры о мире.

Двадцать пятого мая советский посол в Каире получил срочную телеграмму Громыко с поручением посетить Насера или министра иностранных дел Махмуда Риада и сказать следующее:

«В Советском Союзе вызывает удовлетворение решительная позиция арабских государств, сплотившихся вокруг Объединенной Арабской Республики и создавших общий фронт в защиту Сирии перед лицом империалистического заговора...

Правительство СССР считает оправданным требование правительства ОАР о выводе войск ООН из района Газы и Синайского полуострова. Такое требование является бесспорным правом Объединенной Арабской Респуб-

лики. Мы считаем эту меру сильным шагом, который произвел соответствующее положительное действие...»

Послание Громыко свидетельствовало о том, как плохо советские дипломаты понимали ситуацию на Ближнем Востоке. Москва, по существу, подталкивала Насера к войне.

Громыко информировал Насера о послании американского президента Линдона Джонсона с оценкой ситуации на Ближнем Востоке. Насера беспокоила возможность совместных действий великих держав. Громыко успокоил египетского президента, сообщив, что это исключено.

Андрей Андреевич также передал Насеру слова израильского министра иностранных дел Аббы Эбана, сказанные советскому послу в Тель-Авиве: Израиль ни в коем случае не хотел бы военного столкновения с Египтом.

Беседуя с советским послом, Эбан высказался за взаимную «деэскалацию», то есть предлагал политическими мерами решить возникшие проблемы. Он надеялся, что его слова будут переданы египтянам.

Но Громыко не стал рекомендовать Насеру наладить какой-то диалог с Израилем через посредников и тем самым избежать вооруженного конфликта. Напротив, министр сказал Насеру, что советский посол дал «твердый ответ Эбану», то есть сказал, что снижения напряженности не будет.

Это был еще один шаг к войне.

Двадцать четвертого мая Египет заявил, что приступает к минированию вод в Акабском заливе и приводит в боевую готовность флот и авиацию.

Нефть в Израиль доставляли суда, которые шли под либерийским флагом. Президент Либерии уведомил Насера, что его суда больше не будут возить нефть еврейскому государству.

Двадцать пятого мая египетская военная делегация во главе с министром обороны Бадраном демонстративно вылетела в Москву. Египтяне провели в Москве четыре дня. Принимали их не только Гречко и Громыко, но и, чтобы подчеркнуть полную поддержку Египта, глава правительства Косыгин.

Бадран прилетел, чтобы попросить согласия Москвы на превентивный удар по Израилю. Египетский министр разложил на столе военные карты и описал ситуацию.

Алексей Косыгин, по словам участвовавшего в переговорах советского дипломата Погоса Акопова, ответил, что военным путем решить проблему невозможно.

Обращаясь к египетскому министру, Косыгин говорил:

— Вы одержали большую политическую победу, и, пока нет войны, эту победу можно будет закрепить... То, что вы сделали до сих пор, сделано хорошо. Однако мы не можем не думать о юридическом решении вопроса о судоходстве через проливы... В свете ваших политических достижений вам будет легче получить юридическое решение.

Советские руководители радовались тому, что Египет легко добился всего, чего хотел, и не верили, что Израиль возьмется за оружие.

Но провожавший министра Бадрана маршал Гречко в здании правительственного аэропорта произнес тост «на посошок» и твердо сказал, что, если Израиль нападет на Египет и Соединенные Штаты поддержат израильтян, «мы вступим в войну на вашей стороне». Эти ободряющие слова советского министра обороны звучали для египтян как самая сладкая музыка.

Двадцать шестого мая Насер выступал перед руководителями всеарабской федерации профсоюзов. Он уверенно сказал:

— Если разразится война, она будет тотальной. Ее цель — уничтожение Израиля. Мы готовы к войне и уверены в победе.

Насер с каждым днем чувствовал себя все более уверенно, говорил все агрессивнее. Возможно, он учитывал позицию второго человека в стране. Маршал Абд-аль Хаким Амер был ярым сторонником военных действий. Насер не мог позволить себе более миролюбивую позицию, иначе Амер мог бы претендовать на власть. Зато после войны Насер именно Амера сделает козлом отпущения и заставит ответить за катастрофу...

Скорее всего, Насер совершенно не предполагал, что затеянный им конфликт закончится войной. Он был уверен, что все останется в рамках дипломатических дискуссий. Он даже считал, что он одержал победу без боя. Но на публике держался исключительно воинственно.

Двадцать девятого мая Насер выступал в парламенте. Из его речи следовало, что президент готовится воевать и настроен на победу:

— Западные державы умаляют наше достоинство и отказываются признавать наши права. Мы научим их уважать нас. Мы противостоим не Израилю, а тем, кто стоит за ним, тем, кто создал Израиль. Наша страна и наши союзники закончили приготовления к освобождению Палестины.

Тридцатого мая иорданский король Хусейн прилетел в Каир и подписал с Насером соглашение о военном союзе. Этого шага от короля никто не ожидал. Он не хотел рисковать своим небольшим королевством и старательно избегал всякого участия в боевых действиях. Если уж Хусейн спешит присоединиться к коалиции, решили в Израиле, значит Египет и Сирия не сомневаются в победе.

После этого президент Ирака генерал-майор Абд аль-Рахман Ареф распорядился отправить в Иорданию иракские войска, чтобы они тоже могли участвовать в войне с еврейским государством. Четвертого июня иракская пехотная дивизия и передовая группа танкового соединения в сто пятьдесят машин вступили на территорию Иордании.

Председатель Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри заявил, что когда арабы разгромят Израиль, то уцелевшим евреям позволят вернуться в те страны, откуда они приехали. Но с ухмылкой садиста добавил: «Но мне кажется, что никто не уцелеет».

Министр иностранных дел Израиля Абба Эбан вспоминал уже после войны:

«Оглядываясь вокруг, мы видели мир, разделившийся на тех, кто жаждал уничтожить нас, и тех, кто не собирался и пальцем пошевелить ради нас».

А какую позицию заняли Соединенные Штаты?

Когда американским президентом стал Джон Кеннеди, Соединенные Штаты впервые начали продавать Израилю оружие. Это был ответ на ракетную программу Насера.

После синайской войны настроения в Вашингтоне изменились. Англичане утратили свои позиции в регионе. Американской политике нужна была опора. Насер не годился. Надежным союзником неожиданно предстала Саудовская Аравия. И отношение к Израилю изменилось к лучшему.

В декабре шестьдесят второго года премьер-министр Голда Меир приехала в Палм-Бич (штат Флорида), где ее принял Джон Кеннеди. Они говорили больше часа. Отчет о беседе составил восемь страниц.

— Соединенные Штаты, — твердо сказал Кеннеди, — поддерживают с Израилем особые отношения, которые поистине можно сравнить лишь с нашими от-

ношениями с Англией. — Он взял Голду Меир за руку и сказал ей: — Не беспокойтесь. С Израилем ничего не случится.

Кеннеди распорядился продать Израилю пять батарей новых ракет «Хок». Одновременно он увеличил помощь (прежде всего, продовольственную) Египту. Кеннеди разослал главам арабских стран послания с просьбой сообщить, как Соединенные Штаты могут способствовать прекращению арабо-израильского конфликта. Арабские страны отказались от американских миротворческих услуг. Кеннеди был глубоко разочарован.

Принято считать, что президенты-демократы, особенно Кеннеди, помогали Израилю, чтобы получить на выборах голоса избирателей-евреев.

В реальности ближневосточная политика Соединенных Штатов формировалась под влиянием других соображений. Рубежным был пятьдесят восьмой год, когда произошел военный переворот в Ираке, иорданский король Хусейн едва не потерял трон и политическая ситуации в Ливане была такова, что президент Эйзенхауэр отправил в Бейрут морских пехотинцев. Израиль оказался единственным стабильным демократическим режимом во всем регионе.

Соединенные Штаты действовали вполне эгоистично. Когда они не видели особой пользы от Израиля, то не помогали ему. Когда оценили его роль как форпоста в противостоянии радикальным арабским режимам, тогда Израиль стал получать американское оружие. Но до шестидневной войны военная помощь оказывалась со скрипом.

Сменивший Кеннеди выходец из Техаса Линдон Джонсон воспринимался в Израиле как еще один нефтяной политик, для которого нефтяные дела важнее всего. Обращение к американцам за помощью накануне шестидневной войны фактически осталось без ответа.

Двадцать седьмого мая премьер-министр Леви Эшкол сказал советскому послу, что хотел бы с кратким визитом приехать в Москву и обсудить ситуацию на Ближнем Востоке. Он намеревался объяснить советским руководителям, что Израиль заинтересован в мирном урегулировании возникших проблем. Эшкол был уверен, что сумеет убедить Москву в своей искренности и войны удастся избежать.

Телеграммы от послов в странах Ближнего Востока расшифровывались вне всякой очереди и шли, как говорят в МИД, по большой разметке — то есть отправлялись членам политбюро.

Двадцать восьмого мая в Москве приняли решение принять Леви Эшкола — при одном условии: если не возражают президент Египта и сирийское руководство.

Насер в тот же день ответил, что он не против. Но премьер-министр Сирии Зуэйн и находившийся в Москве сирийский президент аль-Атаси попросили ни в коем случае не принимать израильтянина.

Первого июня посол Дмитрий Пожидаев побывал у Насера и сообщил ему: *«На наш запрос о поездке премьер-министра Израиля в Москву сирийское руководство в лице президента Атаси убедительно просило не принимать в Москве израильского премьера, так как его приезд, по мнению Атаси, вызовет в арабском мире недоверие к политике Советского Союза. В связи с этим Советское правительство решило не делать предложения израильскому премьер-министру приехать в Москву».*

Насер хотел выиграть три-четыре дня для военного развертывания — пока израильский премьер в Москве, война не начнется. Но пока шел обмен телеграммами, египетские войска успели развернуться, поэтому появление Леви Эшкола в Москве уже не было нужно Египту.

Еще один шанс избежать войны был потерян.

Но в самые последние дни в Москве забеспокоились: а вдруг и в самом деле война начнется? Попытались надавить на Израиль.

Первого июня Громыко отправил записку в ЦК:

«Последние сообщения из Тель-Авива подтверждают возможность развязывания Израилем военных действий против ОАР под предлогом закрытия судоходства через Тиранский пролив.

В Израиле сейчас завершена всеобщая мобилизация и таким образом ликвидирован тот разрыв в восемь—десять дней в степени готовности этой страны к военным операциям по сравнению с ОАР, о котором говорил Бадран в беседах с А. Н. Косыгиным в Москве...»

Громыко просил у политбюро санкции, чтобы сделать грозное представление послу Израиля в Москве.

Второго июня Громыко принял израильского посла Каца и пригрозил ему, что военные действия могут погубить еврейское государство: *«Если правительство Израиля решило бы взять на себя ответственность за развязывание военного конфликта, то оно должно было бы заплатить полной мерой за последствия такого шага»*.

Советское правительство договорилось с Алжиром о срочной переброске имевшихся там советских истребителей в Египет. Алжиру была обещана компенсация, но чуть позже.

РАЗГРОМ И НОВЫЙ РАЗРЫВ

Советские ноты протеста уже не могли спасти Египет и Сирию. Пятого июня началась новая война на Ближнем Востоке, которая закончилась полным разгромом арабских армий.

Шестого июня заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов записал в дневнике:

«Вчера утром разразилась война между Израилем и ОАР.

В субботу мы составили с военными записку, из которой ясно было, что Израиль отмобилизован и в военно-техническом отношении подготовлен лучше, чем арабы. Имелось в виду послать меня в Каир, уламывать Насера занять более гибкую и осторожную позицию по вопросам судоходства в заливе Акаба...

Все переменилось. Сирийский мининдел Махус из рычащего льва стал напуганной собачкой. Насер утратил почти все, чего он добивался, объединив под знаменем решения палестинской проблемы почти всех арабов... Бои продолжаются, но поражение арабов, их новое историческое унижение несомненно.

Мы стараемся спасти арабов через ООН путем дипломатических демаршей и публичных заявлений. Все эти дни я почти не выходил из министерства, вертясь в разнообразных направлениях.

Сейчас пять часов утра. Не стоит описывать, чего мне стоит вся эта баталия. Ведь с подъемом Арабского Востока связаны целых двенадцать лет беспрерывного труда. И вот опять снова почти все на земле. Камень снова надо катить наверх, хотя он и отдавил порядком ноги, катясь вниз».

В одном из подвалов Кремля находился так называемый «красный телефон» — прямая линия шифрованной связи с Белым домом в Вашингтоне. Пятого июня по этому аппарату Косыгин связался с президентом Линдоном Джонсоном. Косыгин появился в подвале вместе с новым председателем КГБ Андроповым и Громыко. Все они оказались в подвале в первый раз и дружно спросили: «А где же телефон?»

На самом деле это был просто телетайп. Отвечал за эту аппаратуру КГБ. Телетайпистки ужасно волнова-

лись из-за присутствия высокого начальства. Нервничал и генерал КГБ, который ими руководил.

На сей раз — в отличие от того, что произошло во время синайской войны, — американцы отказались вместе с Советским Союзом осудить Израиль. Соединенные Штаты считали, что для Израиля это была оборонительная война.

Седьмого июня в шесть часов утра Семенов записал в дневнике:

«Только что приехал из министерства. Сегодня ночь была кульминационным пунктом ближневосточного кризиса, напоминавшим кубинский. До трех ночи был на заседании политбюро, потом в МИДе. Кажется, узелок начинает развязываться.

Совет Безопасности принял решение о принятии мер к безотлагательному прекращению военных действий.

Из Каира шли сигналы «SOS», там была утрачена воля к сопротивлению. Хорошо обученная и вооруженная израильская армия дала урок малообразованным крестьянам египтян, не могущим владеть техникой и разбегающимся при звуке выстрела. Все это было и трагично, и комично...»

Египет находился в настолько бедственном положении, что умолял Москву остановить израильское наступление любыми средствами. Впавший в отчаяние Насер, вспоминал известный дипломат Валентин Фалин, заведовавший тогда отделом в МИД, предлагал установить союзнические отношения, создать для Советского Союза военные базы в любом египетском порту.

По этой причине советский представитель в Совете Безопасности Федоренко настаивал только на прекращении огня и не требовал осудить Израиль и призвать его уйти с завоеванных территорий.

Седьмого июня Леви Эшкол сказал советскому послу Чувахину, что готов в любое время гласно или негласно приехать в Москву или принять представителя советского правительства.

Но советские руководители, не меньше египтян и сирийцев потрясенные разгромом арабских армий, закусили удила. Они просто не знали, что еще придумать, лишь бы как-то уязвить Израиль, заставить израильских евреев пожалеть об одержанной ими военной победе.

Девятого июня в Москве собрали руководителей партий и правительств социалистических стран Европы. Они обещали «помочь народам арабских стран дать решительный отпор агрессору». Заявление с осуждением Израиля отказалась подписать только Румыния. Генеральный секретарь ЦК Румынской компартии Николае Чаушеску не захотел и разрывать дипломатические отношения с Израилем.

Тем временем боевые действия на сирийском фронте еще продолжались. Разгромив египетскую армию, израильтяне взялись за сирийцев, утративших всю свою воинственность.

Десятого июня первый заместитель министра иностранных дел Кузнецов принял посла Израиля Катриэля Каца и зачитал ему заявление о разрыве отношений:

«Только что получено сообщение о том, что израильские войска, игнорируя решение Совета Безопасности о прекращении военных действий, продолжают эти действия, осуществляют захват сирийской территории и движутся в направлении Дамаска.

Советское правительство предупреждает правительство Израиля, что оно несет всю тяжесть ответственности за вероломство, за вопиющее нарушение решения Совета Безопасности.

Если Израиль не прекратит немедленно военных действий, Советский Союз совместно с другими миролюбивыми государствами примет в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Советское правительство заявляет, что ввиду продолжения агрессии со стороны Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности Правительство Союза ССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем».

Советский Союз вновь разорвал отношения с еврейским государством...

В Москве опасались, что израильская армия достигнет Дамаска и рухнет баасистский режим. Этого советские руководители допустить не могли. Они куда больше дорожили сирийцами, чем египтянами. Рано утром из представительства Сирии при ООН позвонили советским друзьям и взмолились — сделайте что угодно, лишь бы остановить израильское наступление:

— Израильские танки в шестидесяти километрах от Дамаска!

— А войска для защиты столицы подтянуты? — поинтересовался заместитель генерального секретаря ООН (от Советского Союза) Леонид Николаевич Кутаков.

— Войск нет. Собираем ополчение. Войска на других участках фронта...

Москва предупредила президента Джонсона, что *«если не прекратятся в ближайшие часы военные действия со стороны Израиля, то мы вынуждены будем принять самостоятельное решение»*. В Соединенных Штатах решили, что не следуёт доводить советских лидеров до крайности. Вашингтон настойчиво предложил израильтянам остановиться.

Десятого июня в семь вечера боевые действия прекратились. Шестидневная война закончилась.

«Подойдя к посольству на Большой Ордынке, — вспоминал тогдашний первый секретарь израильского посольства в Москве Йосеф Говрин, — *я с трудом протолкался к воротам — сотни, если не тысячи людей, привезенных с московских предприятий, плотно закрывали проход. Они несли транспаранты с антиизраильскими лозунгами и скандировали: «Долой!»*

Восемнадцатого июня израильские дипломаты заперли двери посольства и вернулись домой. Бывший посол Катриэль Кац возглавил правление мемориального института и музея памяти жертв и героизма катастрофы, постигшей еврейский народ при нацизме, Яд ва-Шем.

Возмущение израильской агрессией организовали московские городские власти. Людей освободили от работы, снабдили плакатами и в теплый июньский день отправили митинговать. Но были и добровольцы.

Победа Израиля привела в истерическое состояние психически неустойчивые натуры. Те, кто зачитывался «Протоколами сионских мудрецов», решили, что обещанное начало сбываться — евреи захватывают господство над миром.

«Незабываемо для меня, как я был потрясен блицкригом Израиля в войне с Египтом летом 1967 года, — вспоминал литературный критик Михаил Петрович Лобанов. — Это была какая-то мне самому непонятная, интуитивная, может быть, даже мистическая реакция на событие.

Я ужаснулся: ведь такое же, как с Египтом, может случиться и с нами? Израиль так же стремительно может захватить и Москву. Тогда это могло показаться несуразным, при тогдашней-то нашей военной мощи. Но то состояние, то наитие так и осталось во мне, его уже

не вырвешь, это моя реальность, более несомненная для меня, чем любая другая бытовая реальность...»

После шестидневной войны в советском обществе появилась когорта людей, которые жизнь посвятили борьбе с мировым сионизмом, понимая под этим борьбу с евреями. Среди них были как истинные фанатики, так и просто зарабатывающие себе этим на жизнь, благо платежеспособный спрос все увеличивался — в газетах, журналах, на радио и телевидении. Даже в антиамериканской пропаганде соблюдались определенные правила, накануне встреч на высшем уровне она вообще затухала. И только накал антиизраильской и антисионистской пропаганды никогда не спадал...

А советское руководство было раздражено полным провалом и разгромом своих ближневосточных союзников.

В кабинете Брежнева собрались Громыко, Гречко и начальник генерального штаба маршал Матвей Васильевич Захаров.

Ему Брежнев и высказал свое возмущение:

— Сколько советников держим в египетской армии и что толку? Ни черта они не насоветовали. И наши училища египтян тоже ничему не научили. Вместо того чтобы принять бой, твои, Матвей, ученики, завидев израильский самолет, катапультируются.

Еще резче в адрес египтян высказывался его предшественник Никита Сергеевич Хрущев, отправленный на пенсию.

— Так осрамиться — уму непостижимо! — возмущался Хрущев. — Теперь-то арабы везде кричат о своем миролюбии, что они жертвы. Я не имею возможности пользоваться другой информацией, кроме радио и газет, но и из них видно, как реально развивались события.

Приезжает военная делегация Египта в Москву: «Шу-шу, ша-ша, шо-шо». Сговорились. Уезжают. Отбывает затем наша военная делегация в Египет: «То-то, та-та». Тоже уезжает. Прибывает к нам сирийская правительственная и военная делегация. Разговаривают, поднимают тосты. Уезжают. По каким вопросам говорили? Ясно. А теперь обвиняют Израиль: «Вот он, сукин сын, такой-сякой». Как же он это сделал?

Египет потребовал от ООН, чтобы она вывела свои войска, которые разделяли египтян и израильтян. Кто требовал? Насер. У Тан удовлетворил его просьбу. Для чего обычно удаляются нейтральные войска? Чтобы они не помешали начать войну. Кто этого требовал? Насер. Следовательно, кто захотел начать войну? Насер. Он закрывает Акабский пролив, где ходили израильские суда. Зачем? Для конфликта. Значит, у него все вроде было готово.

Потом начинают рассказывать сказки, что там их офицеры к бабам ходили и поэтому их армию застали врасплох.

Все офицеры ходят к бабам во всех странах, и нельзя на это списывать поражение. Да, военные оторваны от дома, от женщин, и что бы ни делай, они все равно будут бегать на сторону. Как-то у нас во время войны Сталин сказал:

— Давайте мобилизовывать девушек, столовые организуем для офицеров и прочее...

А почему их разбили? Потому что они просрали, и другого аргумента тут нет. А теперь валят на то, что в отпуск уехал какой-то офицер или расстройство желудка было у него.

Главная причина победы Израиля заключается в том, что он имеет более высокую культуру, лучшую дисциплину в армии, его офицеры обладают боевым

опытом и отлично подготовлены. Ведь там собрались очень хорошие специалисты из многих стран. Я, например, высоко оцениваю их генерала Даяна как военного. Молодец! Я в шутку говорил, что если бы я был премьером, а он находился в Советском Союзе, то я бы его сразу назначил нашим министром обороны...

Египтянам с ними трудно тягаться, и они за это поплатились, бедняги. Они, грубо говоря, верблюдами могли управлять, они владели винтовкой, а тут их пересадили на танки...

Я просто не могу понять, как такое могло случиться. Как мы могли допустить такое. Советский Союз несет большую долю ответственности за происшедшее. При наших возможностях оказать влияние мы могли удержать Насера от войны...

Это было просчетом наших военных. Наши военные неправильно оценили обстановку, они некритически подошли к определению возможности одержания победы Египтом...

Вечером девятого июня Гамаль Абд-аль Насер выступил по телевидению. Он взял на себя ответственность за поражение и заявил, что уходит в отставку.

После чего он умело организовал обращенный к самому себе народный призыв взять назад заявление об отставке и вернуться к власти. Начались митинги, каирцы призывали Насера остаться. И он «согласился» не уходить. Он принял на себя еще и обязанности премьер-министра и генерального секретаря правящего Арабского социалистического союза, показав, как мало доверия он испытывает к своим соратникам и коллегам.

Советские руководители не рискнули высказать свое раздражение потерпевшим позорное поражение арабским союзникам. Напротив, они выступали в роли

психотерапевтов, утешая Насера и других египетских и сирийских политиков.

Семнадцатого июня, записал в дневнике член политбюро и первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Ефимович Шелест, ему в Киев позвонил Брежнев. Сказал, что принято решение срочно отправить в Каир председателя президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного:

— Надо спасать положение. Принять все меры для поддержки и укрепления веры в Насера.

Через день, девятнадцатого июня, политбюро обсуждало ситуацию на Ближнем Востоке.

«Настроение у всех какое-то гнетущее, — записал в дневнике Петр Шелест. — *После воинственных, хвастливых заявлений Насера мы не ожидали, что так молниеносно будет разгромлена арабская армия, в результате так низко падет авторитет Насера. На него ведь делалась ставка как на лидера «арабского прогрессивного мира». И вот этот «лидер» стоит на краю пропасти, утрачено политическое влияние; растерянность, боязнь, неопределенность.*

Армия деморализована, утратила боеспособность. Большинство военной техники захвачено Израилем... Нам, очевидно, придется все начинать сначала: политику, тактику, дипломатию, оружие. Недешево будет обходиться все это для нашего народа, страны».

Двадцатого июня в Египет вылетела советская делегация во главе с Подгорным. Тогда он был третьим человеком в стране и держался с Брежневым на равных.

Задача перед ним ставилась такая:

«Оказать руководству ОАР и лично президенту Насеру морально-политическую поддержку, укрепить его веру в Советский Союз и другие социалистические страны как испытанных и надежных друзей арабских народов, а так-

же обсудить практические меры по ликвидации последствий агрессии Израиля».

В Каире, вспоминал советский разведчик Вадим Алексеевич Кирпиченко, *«Подгорный то ли в силу новой для него темы советско-египетских отношений, то ли из-за сорокаградусной жары информацию воспринимал тяжело. При чтении бумаг устало шевелил губами, раздражался и отвлекался на поиски других очков, сигарет или спичек, то требовал, чтобы охранник принес ему воды и сам никуда не отлучался, был у него под рукой. В общем ему все время или что-нибудь мешало, или чего-то не хватало. Никаких вопросов Подгорный обычно не задавал и ни к чему любопытства не проявлял».*

Принимались чрезвычайные меры ради оказания военной помощи Египту.

«Наш Черноморский флот почти весь ушел в Средиземное море, — записывал в дневнике хозяин Украины Петр Шелест. — *На политбюро ЦК компартии Украины слушали вопрос о состоянии ПВО на Украине, докладывал командующий армией ПВО генерал А. И. Покрышкин. Мягко говоря, складывается грустная картина.*

Просто преступление, что у нас такое положение со средствами противовоздушной обороны. Большой недокомплект личного состава, отсталая техника, к тому же плохое ее укрытие, ненадежная связь и оповещение. В республике много оголенных, уязвимых, беззащитных важнейших жизненных объектов.

И в то же время снижаем технику и личный состав, отправляем боевые самолеты и дивизионы ракет в ОАР на «прикрытие» Каира. По этому тревожному, чрезвычайно важному вопросу высказал свое мнение Л. Брежневу».

Генеральный секретарь выслушал Шелеста с олимпийским спокойствием и сказал:

— Вы в эти вопросы не вмешивайтесь. Есть общий план, мы им и руководствуемся.

Офицерский корпус Египта вернулся с Синайского полуострова разбитым, расколотым и деморализованным. Насер свалил всю вину на своего ближайшего соратника маршала Амера, которого еще недавно называл своим вторым «я». Но в политике друзей не бывает. В Египте стали говорить, что настоящие виновники поражения — агенты ЦРУ, проникшие на высшие посты в армии. Иначе бы могучая египетская армия ни за что не отступила бы перед сионистами.

Семнадцатого сентября шестьдесят седьмого Владимир Семенов записал в дневнике:

«Три дня тому назад покончил самоубийством Амер. По официальному сообщению, он дважды предпринимал такую попытку — в первый раз опиумом, во второй — цианистым калием...

Почему это было сделано, сказать пока трудно. Он был предан суду военного трибунала, ряд высших офицеров, в том числе командующий ВВС, оказался агентурой ЦРУ, и жена брата Амера, кажется, тоже. Идут слухи о новой отставке Насера, но египетское информационное агентство их опровергает. Посол Виноградов экстренно вылетел в Каир».

На переговорах с советскими гостями Насер сказал:

— Если вы не поможете, я не смогу больше бороться. Ситуация в стране очень сложная. Я тогда уйду в отставку. А на мое место придут проамериканские политики. Они-то смогут решить проблему...

Слова Насера об уходе были искусной игрой. Он давил и на собственный народ, и на советских партнеров.

Насер был разочарован нежеланием Советского Союза прийти на помощь Египту. Своему помощнику

Абд-аль Латифу Богдади он сказал, что «русские боялись конфронтации с Америкой» и не прислали подкреплений, опасаясь столкнуться с кораблями 6-го американского флота.

Тот факт, что Советский Союз не вмешался в войну на стороне арабов, вверг арабскую общественность в состояние шока и раздражения. Арабы обвинили советских руководителей в том, что это они проиграли Израилю. Рушился авторитет Москвы в арабском мире, чем не преминули воспользоваться китайцы. Они обвинили Советский Союз в предательстве арабского дела. Председатель исполкома Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри отправился в Пекин получать советы Мао Цзэдуна. Китайцы призывали начать партизанскую войну против Израиля, как это делали вьетнамцы.

Советские руководители делали все, чтобы вернуть свои позиции в глазах арабов. Для этого нужно было сохранить на своем месте Насера, потрясенного поражением и павшего духом, дать ему новое оружие взамен потерянного в боях и восстановить египетскую армию.

Сразу после шестидневной войны в Каир отправилась большая делегация во главе с начальником генштаба маршалом Захаровым. В делегацию включили командующего Прикарпатским военным округом генерал-полковника Петра Николаевича Лащенко. Его оставили в Египте главным военным советником.

Петр Лащенко попросил прислать ему в помощь своего сослуживца — первого заместителя начальника штаба Прикарпатского округа генерал-майора Евгения Ивановича Малашенко. Он стал начальником штаба аппарата главного военного советника — так много отправили в Египет офицеров. Евгений Иванович под-

робно рассказал об этом в своей книге «Вспоминая службу в армии».

Генерал Лащенко откровенно сказал своим помощникам, что египетские вооруженные силы под ударами израильтян развалились и фактически не существуют; армию придется создавать заново.

Двадцать седьмого ноября Насер принял генерал-полковника Лащенко, который доложил президенту, что первая группа военных советников — примерно триста человек — уже прибыли и заняты созданием системы обороны в зоне Суэцкого канала и боевой подготовкой египетских войск.

Советники быстро обнаружили, что египетские офицеры не слишком охотно выполняют их рекомендации и вообще больше склонны отдыхать, чем работать. Но сделать замечание египетскому офицеру невозможно — он всегда найдет массу оправданий. А некоторые еще и обижались, отчитывали советников:

— Вы не имеете права говорить нам о недостатках, это унижает наше национальное достоинство. Так с нами обращались англичане.

Каждое утро генерал Евгений Малашенко, приехав в оперативное управление египетского генштаба, задавал один и тот же вопрос: «Как дела на фронте?»

Египетские офицеры лениво отвечали, что донесения из частей еще не получены, и продолжали смотреть телевизор, повторяя, что так они быстрее узнают и об обстановке на фронте, и о действиях израильских войск.

Через год самолетный парк египетских военно-воздушных сил был восстановлен. Массированные поставки оружия помогли Насеру преодолеть психологический кризис. Двадцать четвертого июля шестьдесят восьмого года, выступая на конгрессе Арабского со-

циалистического союза, он посулил Израилю новую войну:

— Для нас освобождение наших территорий является долгом, делом принципа, наконец, вопросом жизни или смерти. Мы освободим нашу территорию сантиметр за сантиметром, даже ценою огромных жертв. Справедливая война является законной. В настоящее время мы должны сконцентрировать свои усилия на восстановлении нашего военного потенциала. Терпение и твердость! Мы должны превзойти противника. И мы победим!

Три тысячи советских офицеров обучали египтян. Всего на территории Египта находилось больше тридцати тысяч советских военнослужащих. Египтяне присматривали за советниками. Одного генерала попросили отозвать, сказав, что через него в Израиль уходят сведения о египетской армии.

— Почему вы так считаете? — удивились в аппарате главного военного советника.

— Он — еврей, — уверенно сказали египтяне.

Вместо того чтобы вступиться за честь советского офицера и оборвать подобный разговор, руководители аппарата сами заинтересовались анкетой генерала. В искусстве выяснять, кто еврей, египтяне достигли совершенства. Кадровики установили, что мать генерала была еврейкой. Чтобы доставить египтянам удовольствие, генерала откомандировали на родину.

Египтяне просили прислать им летчиков-добровольцев. На это в Москве не пошли. В конце шестьдесят девятого, правда, перебросили в Египет некоторые части, потому что казалось, что вот-вот начнется новая война.

В воздушных боях над Суэцким каналом, которые назвали войной на истощение, Египет нес серьезные

потери. Израильские летчики атаковали арабов на предельно низкой высоте (пятьдесят—семьдесят метров). А имевшиеся у Египта средства противовоздушной обороны (то есть зенитная артиллерия и зенитные ракетные комплексы С-75 «Двина») были рассчитаны на поражение высоколетящих целей (см. «Красная звезда», 2002 г., 17 августа).

Спасая египтян, из Москвы отправили целую группировку ПВО — особую зенитно-ракетную дивизию, разведывательную истребительную эскадрилью и истребительный авиаполк. Кроме того, перебросили части морской авиации. Советским летчикам и зенитчикам приказали защищать небо Египта.

В марте семидесятого советские ракетчики встали на боевое дежурство. За пять месяцев они сбили двенадцать израильских самолетов. Но и сами несли потери в необъявленной войне. Новые ракетные комплексы позволяли вести беглый огонь, что стоило больших денег, но ограничило возможности израильской авиации.

Поскольку Египет готовился к реваншу, ему требовалась разведывательная информация об израильских вооруженных силах, особенно на Синайском полуострове. В Москве приняли решение проводить разведывательные полеты над территорией Израиля. Для этого сформировали отдельный авиационный отряд, который должен был летать на новых самолетах МиГ-25. Самолет отличался способностью мгновенно набирать скорость и высоту.

Летчиков вместе с главкомом военно-воздушных сил маршалом авиации Павлом Степановичем Кутаховым вызвали к министру Гречко. Андрей Антонович приказал:

— Ближе чем на сорок километров к Тель-Авиву не

подлетать! Обеспечить полную безопасность полетов. Представляете себе, что будет, если наш самолет собьет противник и летчик попадет в плен? Какой будет реакция в мире!

Маршал Гречко откровенно назвал Израиль противником, хотя два государства не находились в состоянии войны и в Москве всячески отрицали участие советских военных в боевых действиях на стороне Египта. В реальности советские военные рассматривали еврейское государство как врага.

Летчиков привезли в Египет в штатском, там одели в египетскую военную форму без знаков отличия. На самолеты нанесли опознавательные знаки военно-воздушных сил Египта.

Работать с египтянами было не просто. Дважды Герой Советского Союза Александр Николаевич Ефимов, маршал авиации, сменивший Кутахова на посту главнокомандующего ВВС, вспоминал, как летел на Ил-14 вместе с начальником штаба египетской авиации Хосни Мубараком, будущим президентом страны. Египетские зенитчики обстреляли собственный самолет и попали по крылу. Причем зенитчиками руководили наши советники...

Труднее всего было изменить психологию египетских военных. Анализируя причины разгрома, специалисты отмечали недостаток хорошо подготовленных офицеров-генштабистов с широким кругозором и недостаточную подготовленность солдат.

Египетские солдаты оказались неспособными применить имевшееся в их распоряжении современное оружие. Во время войны они сидели в танках, рассчитывая на поддержку авиации, которая так и не появилась, потому что была уничтожена, и сами стали легкой добычей наступавших израильских войск.

Армия Насера располагала большим количеством зенитной артиллерии и крупнокалиберных зенитных пулеметов. Но боевые расчеты даже не открывали огня. При налетах израильской авиации они разбегались.

Офицеры психологически не были готовы к современному бою. Они отправляли начальству совершенно фантастические донесения о своих успехах, а сами бежали, бросая своих подчиненных на произвол судьбы. Выявилось глубокое недоверие офицеров друг к другу, отсутствие боевого товарищества. В результате на поле боя арабский солдат ощущал себя не частью воинского коллектива, а всеми брошенным одиночкой. Каждый думал только о том, как спастись, и воинская часть теряла боеспособность.

Когда израильтяне допрашивали попавших в плен офицеров и просили взводных командиров назвать своих подчиненных, те гордо отвечали, что им достаточно знать имена командиров отделений, а запоминать, как зовут простых солдат, они считали ниже своего достоинства. Израильтяне были поражены, увидев, какое отчуждение существует между египетскими командирами. Каждый обвинял другого, что тот не выполнил своего долга, как будто сам не бежал с поля боя...

Еще одним важным фактором, предопределившим поражение арабских армий, была привычка врать. На Синайском полуострове египетские части попадали в плен, поверив ложным сообщениям об успехах собственной армии.

В первый день войны, когда египетская авиация уже перестала существовать, главнокомандующий маршал Амер гордо сообщил иорданскому королю, что три четверти израильских самолетов сбиты, египетские

летчики бомбят территорию Израиля, а наземные части перешли в наступление.

Король Хусейн, возмущенно рассказывавший о том, как маршал Амер врал ему в лицо, сам умудрился рассказывать абсолютно фантастические истории об успехах своей авиации в воздушных боях с израильтянами и при бомбардировках израильских военных объектов. А ведь король-то знал, что все двадцать восемь боевых самолетов иорданской авиации были уничтожены прямо на аэродромах. Они и взлететь не успели...

В начале января шестьдесят восьмого года в Каир ездила делегация во главе с членом политбюро, первым заместителем главы правительства Кириллом Трофимовичем Мазуровым.

Входивший в делегацию Владимир Семенов записал в дневнике свои впечатления:

«Войска окопались у Суэцкого канала, зарылись в землю. Наши советники стараются восстановить боевой дух в армии. Внести в нее элемент современной организации...

Насер поседел в висках, стал более нервным, видно, много ему стоила эта передряга. Он ориентируется твердо на нас, понимает, что на запад мосты сожжены. Его соратники вяжутся больше к нему. Министр иностранных дел Риад произвел впечатление наиболее растерянного деятеля. Он, конечно, не дипломат и не военный. Просто беда...»

В конце марта в Каир прибыли Громыко и Гречко. Министр обороны рад был оказаться в Египте, потому что здесь жила его дочь — зять работал в советском посольстве. После визита двух министров Москва обещала прислать еще сто боевых самолетов и каждый год оснащать оружием целую дивизию.

В Александрии и Порт-Саиде встали на якорь бое-

вые корабли 5-й Средиземноморской оперативной эскадры. Советские корабли превратились в обычную деталь пейзажа египетских и сирийских портов.

Советский посол в Каире Сергей Александрович Виноградов доказывал, что без переброски в Египет советских войск не обойтись. Генерал Малашенко ответил послу, что это авантюра:

— У египтян и вообще у арабов войск больше чем достаточно. Они имеют двойное превосходство в силах над Израилем, но не желают воевать. Хотят, чтобы мы за них воевали и освободили Синай.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ

После шестидневной войны по требованию Советского Союза была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения ближневосточной ситуации. Во главе советской делегации в Нью-Йорк полетел Алексей Косыгин.

Ему надо было организовать встречу с президентом Джонсоном. Косыгин не хотел ехать в Вашингтон, а Джонсон — в Нью-Йорк. По карте вычислили городок, находившийся ровно на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком. Это оказался город Глассборо, где не было ничего, кроме стекольного завода. Встреча проходила в доме директора местного колледжа.

Разговор о Ближнем Востоке оказался бесплодным.

Соединенные Штаты, которые до шестидневной войны пытались поддерживать дружеские отношения и с арабскими государствами, и с Израилем, во время войны безоговорочно поддержали еврейское государство. А после войны американцы согласились с тем, что Израиль может отказаться от территориальных приобретений только в процессе общего урегулирования и

установления мира с арабскими странами. Советский Союз, следуя позиции арабских стран, требовал прежде всего ухода Израиля со всех территорий, занятых в ходе войны.

Союз с Израилем стал для Соединенных Штатов стратегическим выбором. На него не повлияло даже такое трагическое событие, как попытка израильских летчиков и моряков потопить американский разведывательный корабль «Либерти».

Эта история произошла в разгар шестидневной войны.

Восьмого июня шестьдесят седьмого года израильская разведка засекла корабль, приближавшийся со стороны египетского берега. Данные фоторазведки свидетельствали, что это американский корабль. Но посольство Соединенных Штатов зачем-то отвергло такое предположение. Израильтяне получили возможность сказать, будто они исходили из того, что это арабы пытаются выдать свой корабль за американский.

В два часа дня пара израильских истребителей обстреляла корабль из пулеметов и выпустила по нему серию ракет. Но корабль продолжал движение в прежнем направлении. Еще один самолет сбросил канистру с напалмом. Три израильских катера провели ракетную атаку. Один из израильских моряков выловил спасательный круг с надписью: «Либерти — военно-морской флот США». Атаки немедленно прекратились.

Израильское правительство реагировало немедленно, не пытаясь ничего скрыть. В четыре часа оно сообщило о трагической ошибке. Иностранный корабль не должен был находиться в зоне боевых действий, но израильское правительство принесло извинения и выразило готовность компенсировать ущерб.

Правительство Соединенных Штатов приняло из-

винения и согласилось с тем, что это была непредумышленная ошибка и что израильтяне могли принять американский корабль за египетский. Израилю пришлось выплатить компенсацию экипажу «Либерти». Из двухсот девяносто трех американских моряков тридцать четыре погибли.

Оставшиеся в живых придерживались иной версии. Они утверждали, что, во-первых, корабль находился в международных водах, и, во-вторых, израильтяне прекрасно знали, кто перед ними, — они следили за «Либерти» с шести утра. Израильские разведывательные самолеты несколько раз пролетали над «Либерти». Как это летчики не увидели американский флаг?

Когда корабль обстреляли, моряки подняли еще один американский флаг и послали сигнал о помощи на находившийся рядом американский авианосец, который должен был прикрыть их с воздуха. Но помощь не пришла, а израильтяне продолжали атаковать вновь и вновь. Моряков с «Либерти» больше всего потрясло то, что собственное правительство ничего не предприняло для их спасения. Оставшимся в живых запретили рассказывать о том, что с ними приключилось.

Территория Израиля настолько мала, что служба электронного прослушивания, расположенная в американском посольстве в Бейруте, следит за всеми радиопереговорами на территории еврейского государства. В посольстве даже записали переговоры израильских пилотов, когда они атаковали «Либерти».

Зачем же израильтяне стреляли по американцам?

Им, надо понимать, не понравилось появление шпионского корабля, оснащенного особо чувствительной техникой.

За несколько дней до начала войны на Ближнем Востоке «Либерти» переподчинили Агентству нацио-

нальной безопасности, которое занимается радиоэлектронной разведкой. В Испании на борт сели два переводчика из агентства, знающие иврит. Словом, операция «подслушиваем Израиль» планировалась заранее.

Техника «Либерти» позволяла распознать каждое радиопередающее устройство в армии обороны Израиля. Когда израильский солдат, включив переговорное устройство, что-то сообщал командиру, когда командир израильского танка докладывал командиру роты, разговор записывался, устанавливалась мощность сигнала и местонахождение передающего устройства. Это позволяло американцам составлять точную карту местонахождения чуть не каждого израильского солдата и единицы бронетехники.

Аппаратура «Либерти» перехватывала больше переговоров, чем его экипаж был в состоянии освоить и проанализировать. Поэтому корабль только все записывал и передавал собранную информацию в аналитический центр.

А рядом, на Кипре, находился огромный центр британской радиотехнической разведки, перехватывавший весь поток информации с «Либерти». Видимо, израильтяне испугались, что англичане, их старые недруги, могут поделиться информацией с арабами. Израильтяне и без того подозревали, что ЦРУ снабжает секретной информацией Иорданию, — американцы не хотели, чтобы король Хусейн потерял трон. А вдруг англичане с американцами захотят помочь египтянам? И начнут сообщать им о передвижении израильских войск?

Возможно, страхи были преувеличены. Никакая разведка уже не могла спасти разгромленную египетскую армию, но в горячке боя израильтянам было не до спокойного анализа. В Израиле не хотели рисковать,

поэтому и нанесли удар по «Либерти», чтобы избавиться от шпионского уха у себя под боком.

Офицеры «Либерти» предчувствовали опасность и удивлялись, зачем безоружный корабль отправляют в зону боевых действий.

Вечером пятого июня капитан «Либерти» Уильям Макгонэйгл отправил командующему 6-м флотом адмиралу Уильяму Мартину радиограмму с просьбой прислать эсминец сопровождения и объяснил — «для самообороны корабль располагает только четырьмя пулеметами калибра 12,6 мм и стрелковым оружием».

На следующий день командующий флотом ответил отказом, объяснив, что «Либерти» идет в международных водах, не имеет отношения к конфликту и «не может подвергнуться нападению какой-либо стороны».

Капитан корабля тем не менее установил постоянное боевое дежурство пулеметных расчетов.

Вечером седьмого июня корабль двинулся в сторону Израиля. Воздушная разведка сообщила в центр берегового командования в Тель-Авиве, что «Либерти» изменил курс. Израильские самолеты кружили над кораблем.

В корабельном центре связи американские моряки развлекались тем, что включили систему радиоэлектронного противодействия и посылали на израильские самолеты искаженные сигналы, то уменьшавшие изображение корабля, то сильно его увеличивавшие.

В этот момент американский военный атташе отправил в Вашингтон срочную телеграмму с предупреждением: если «Либерти» еще ближе подойдет к израильским берегам, израильтяне его атакуют. Но отданные на сей счет распоряжения либо попали не по назначению, либо затерялись в глобальной системе связи министерства обороны.

Атташе не зря бил тревогу. Израильские самолеты обстреляли «Либерти». Они уничтожили носовой пулемет и сбили несколько антенн. Через полчаса появились торпедные катера. Они выпустили пять торпед. Одна из них попала в середину корпуса, от взрыва погибли двадцать четыре человека.

Только через час командующий 6-м флотом радировал на корабль:

«Ваше донесение получил. Направляю самолеты для вашего прикрытия. К вам идут надводные корабли. Продолжайте докладывать обстановку».

Еще через час американского военно-морского атташе пригласили в отдел внешних сношений израильского генерального штаба и известили о том, что самолеты и торпедные катера армии обороны Израиля «по ошибке атаковали американский корабль». Атташе доложил в Вашингтон, что израильтяне «приносят глубочайшие извинения и во избежание подобных конфликтов просят немедленно дать сведения о других американских кораблях, находящихся у побережья в районе боевых действий».

Правительство Соединенных Штатов предпочло забыть об этой истории, потому что разведывательный корабль, конечно же, следил за действиями израильских войск. Американцы всегда руководствовались принципом, столь любимым Рональдом Рейганом, который часто повторял: «Доверяй, но проверяй».

Отношения между Соединенными Штатами и Израилем складывались на прагматичной основе. Американцы ценили Израиль как стабильное и надежное государство. К тому же это единственная демократическая страна во всем регионе, то есть предсказуемая в своей политике. Но если интересы двух стран расходи-

лись, то американцы руководствовались собственными, а не израильскими.

А Советский Союз, разорвав в шестьдесят седьмом году отношения с Израилем, окончательно встал на сторону арабских стран. Казалось, Соединенные Штаты промахнулись: поддержав крохотный Израиль, противопоставили себя огромному арабскому миру. А Советский Союз, напротив, сделал правильный выбор, и на его стороне чуть не весь третий мир.

Советским руководителям льстило, когда лидеры и вожди десятков государств клялись им в вечной дружбе и любви. Не жалко было таким хорошим людям за счет государственного бюджета давать кредиты и оружие.

Конечно, были и другие, более приземленные, мотивы, которые руководили советскими чиновниками. Тысячи и тысячи людей отправлялись в эти страны в длительные командировки. Офицеры и специалисты жили там в лучших условиях, чем на родине, и очень прилично зарабатывали. Вернувшись, покупали машины и квартиры. Работа в арабских странах и психологически оказалась комфортной. Приятно было побыть в роли учителя и наставника. Возможно, имело значение и желание самоутвердиться, почувствовать свое превосходство, сыграть роль «просвещенного Запада» в арабском мире, не учиться, а учить более отсталые народы.

Но прошли годы, и выяснилось, что у Соединенных Штатов на Ближнем Востоке союзников немного, но они хранят верность американцам. Арабские друзья Советского Союза оказались не настолько надежными. Они улыбались советским руководителям только до тех пор, пока те давали оружие, кредиты, присылали военных советников.

В разгар октябрьской войны семьдесят третьего го-

да, когда Египет и Сирия с двух сторон атаковали Израиль, в Каир прилетел Косыгин. Египетский президент Анвар Садат обрушился на него с обвинениями:

— Вы дали нам устаревшую технику для наведения мостов через Суэцкий канал! У нас ушло на это пять часов, в то время как у вас есть новая техника, позволяющая сделать это за полчаса. Оружие, которым вы нас снабжаете, нельзя назвать современным! По вашей вине мы отстаем от Израиля. И вы называете это дружественными отношениями?

Тем временем израильтяне нанесли контрудар и переправились через Суэцкий канал. Садату показалось, что в этот день на обычно непроницаемом лице Косыгина читалось злорадство:

— Эта контратака окончательно измотает вас, потому что под ударом оказался Каир.

— Где танки, о которых я просил? — ответил ему вопросом Садат.

— Мы сконцентрировали усилия на Сирии, — объяснил глава советского правительства, — она за один день потеряла тысячу двести танков...

По словам Валентина Фалина, во время октябрьской войны «командование Советской Армии — а вдруг политическое руководство решится! — привело в готовность часть воздушно-десантных соединений». Но Леонид Ильич Брежнев не испытывал ни малейшего желания воевать вместо арабских друзей.

После октябрьской войны Брежнев и Громыко обсуждали, что дальше делать на Ближнем Востоке. Эту беседу записал Анатолий Черняев, заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС.

Брежнев сказал Громыко:

— Надо восстановить дипломатические отношения с Израилем. По собственной инициативе.

Громыко осторожно заметил:

— Арабы обидятся, будет шум.

Брежнев ответил очень резко:

— Пошли они к е... матери! Мы столько лет предлагали им разумный путь. Нет, они хотели повоевать. Пожалуйста, мы дали им технику, новейшую — какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное — в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах — абсолютное. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопили, чтобы мы их спасли. Садат меня дважды среди ночи к телефону поднимал. Требовал, чтобы я немедленно послал десант. Нет! Мы за них воевать не станем. Народ нас не поймет...

Дальше слов дело не пошло. Восстановить отношения с Израилем Брежнев не решился. А не имея отношений с еврейским государством, Советский Союз не мог быть так же полезен арабским странам, как Соединенные Штаты. Те, кто пытался заключить мир, обращались за помощью к Соединенным Штатам, которые поддерживали отношения с обеими сторонами и могли играть роль посредника.

Первым от Советского Союза отказался президент Египта Анвар Садат, который хотел закончить войну и получить назад Синайский полуостров мирным путем.

Семнадцатого июля семьдесят второго года Садат попросил всех советских военных советников в течение недели вернуться домой, а ведь в Египте в тот момент находилось больше двадцати тысяч советских офицеров. В качестве советников они служили во всех воинских частях, начиная с батальона.

Тогда говорили, что Садат — предатель национальных интересов, поэтому заключил мир с Израилем. Но его преемник Хосни Мубарак не стал возвращаться к

дружеским отношениям с Советским Союзом, а тоже предпочел сближение с Америкой.

Вся нерастраченная любовь к арабским друзьям перешла на Сирию, которая ненавидит Израиль и не желает — в отличие от Египта и Иордании — идти на переговоры и мириться с еврейским государством.

Переворот в Дамаске в ноябре семидесятого, когда к власти пришел военный летчик Хафез Асад, устранивший своего предшественника Салеха Джедида (тот умер в тюрьме, просидев за решеткой двадцать три года), в Москве встретили с настороженностью. Но с Асадом быстро поладили. Сирийцы первым делом попросили оружия и получали его в неограниченном количестве. Хафез Асад, пожалуй, лучше других арабских лидеров освоил науку получать от советских руководителей все, что ему было нужно, ничем при этом не поступаясь.

Асад откровенно говорил:

— Меньше чем на миллиард я оружия из Москвы не увожу.

В восемьдесят втором году отношения Сирии и Израиля обострились, возникла угроза новой войны, вспоминал заместитель заведующего международным отделом ЦК Карен Нерсесович Брутенц. Сирия получила дополнительное вооружение из СССР. Советские ракеты САМ-5 были переброшены в Ливан, в долину Бекаа, поближе к Израилю. Израиль пригрозил их уничтожить.

Начальник генерального штаба маршал Николай Васильевич Огарков раздраженно сказал Брутенцу, что «американцы и евреи зарываются», а ведь «наш кулак» в регионе будет «посильнее».

Генерал-лейтенант Василий Иванович Макаров, летчик по военной специальности, служил тогда в гене-

ральном штабе. Он вспоминал, что воздушные бои на Ближнем Востоке заканчивались поражением сирийских летчиков.

Прочитав очередную телеграмму-донесение, начальник главного оперативного управления генштаба генерал Валентин Иванович Варенников требовал разобраться в причинах неудачного воздушного боя, сделать выводы и представить предложения. Иначе говоря, генеральный штаб Советской армии воспринимал боевые действия на Ближнем Востоке как свою войну, фактически участвовал в ней на стороне арабских армий.

Но сирийцы в одиночку не могли противостоять Израилю, сколько-нибудь успешное противостояние требовало прямого советского военного участия.

В июне восемьдесят второго Карен Брутенц, находясь в кабинете Андропова, только что избранного секретарем ЦК КПСС, стал свидетелем напряженных телефонных разговоров Юрия Владимировича с министром обороны маршалом Устиновым, а затем с Громыко.

Маршал Устинов настойчиво предлагал «двинуть в Сирию еще два ракетных полка с войсковым прикрытием». Иначе говоря, военные были готовы открыто выступить на стороне Сирии против Израиля. Андропов осторожно говорил:

— Надо подумать.

До новой войны, к счастью, дело не дошло.

Когда становилось жарко, сирийцы сообщали в Москву, что готовы предоставить Советскому Союзу военно-морские и военно-воздушные базы на своей территории, а взамен просили разместить советские ракетно-зенитные комплексы с советскими же солдатами. Сирийцы понимали, что израильтяне не станут

бомбить районы, где размещены советские военнослужащие. Как только напряжение спадало, сирийцы почему-то забывали о своем обещании насчет баз...

БУМЕРАНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Настало время иными глазами взглянуть на взаимоотношения советского руководства с палестинскими и другими арабскими террористическими организациями.

Сейчас мало кто помнит, что выражение «международный терроризм», которое не сходит с языка президента Путина, российских генералов и руководителей спецслужб, ввела в обиход американская журналистка Клер Стерлинг. Она выпустила в восемьдесят первом году книгу под названием «Сеть террора. Секретная война, развязанная международным терроризмом». Речь шла о сотрудничестве различных террористических организаций. Книга Стерлинг вызвала возмущение в Москве, потому что в ней рассказывалось о той помощи, которую КГБ оказывал террористам.

И она еще не все знала! Сейчас нам известно об этой странице истории много больше. Конечно, Советский Союз не был посаженным отцом ближневосточного терроризма. Но советские спецслужбы (вкупе с коллегами из других социалистических стран) много лет помогали террористам оружием и деньгами, обучали и укрывали на своей территории, потому что они сражались против «империалистов и их прислужников сионистов».

Эта помощь распространялась даже на тех, кого официально клеймили как «раскольников» и «предателей палестинского дела». Только теперь становятся понятны подлинные мотивы этой неразборчивости.

Социалистический мир был идеальной базой для террористических акций. Здесь, за «железным занавесом», они были вне досягаемости полиции, а местные власти проявляли полнейшую готовность к сотрудничеству. Венгрия, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия — палестинские террористы везде пользовались режимом наибольшего благоприятствования.

Руководители секретных служб социалистических стран обучали палестинцев, прежде всего людей Арафата, снабжали их оружием и взрывчаткой, разрешали использовать территорию своих стран для атак на международный империализм и сионизм.

Но отношения Москвы с палестинцами никогда не были безоблачными.

Среди высокопоставленных палестинцев, которые в какой-то степени осведомлены в деталях советско-палестинских контактов, существуют разные точки зрения. Одни безоговорочно благодарят Москву за все, что она сделала для ООП. Другие отзываются весьма скептически.

«Московские лидеры всегда громогласно заявляли, что поддерживают нашу борьбу, — жаловался один из членов руководства ООП журналистам, — *но во время закрытых встреч они вели себя совсем иначе и весьма расчетливы, когда дело доходило до того, чтобы нам что-то дать».*

В Советском Союзе со времен Никиты Хрущева привыкли ориентироваться на Египет. Потом на Сирию. В Москве предпочитали иметь дело с влиятельными странами, от которых зависит ситуация на Ближнем Востоке. К созданию Организации освобождения Палестины в Москве отнеслись подозрительно.

Ее цель, провозглашенная в национальной хартии, — уничтожение Израиля, была близка определен-

ным людям в советском руководстве, но никак не соответствовала государственным интересам. Перманентный арабо-израильский конфликт позволил Москве основательно расположиться на Ближнем Востоке, получить там базы для средиземноморской эскадры, рассчитывать на поддержку арабских государств при голосовании в ООН. Уничтожение Израиля сделало бы советское присутствие на Ближнем Востоке ненужным.

Кроме того, Ясир Арафат не казался серьезным партнером. Он бесконечно лавировал и маневрировал, борясь за выживание. Что он мог дать Москве?

Первой из социалистических стран наладил отношения с палестинцами Китай, который не признавал Израиля. Мао Цзэдуну тоже нужны были какие-то международные контакты и партнеры, желательно, младшие. Ясир Арафат побывал в Пекине в шестьдесят четвертом году. На следующий год там открылось представительство ООП. И оружие палестинцам первоначально предоставлял только Китай, причем не заикался о деньгах и давал больше, чем просили. Проблема состояла в том, что расстояние между китайскими портами и палестинскими базами в Ливане было слишком большим.

В Москву Арафат впервые приехал в шестьдесят восьмом году, тайно, под чужой фамилией, в свите египетского президента Насера. После личного знакомства и секретных переговоров отношение в Москве к Арафату стало улучшаться. В частности, потому, что советские лидеры побаивались, как бы Арафат полностью не попал под влияние Китая. Но бюро Организации освобождения Палестины открылось в Москве только в семьдесят шестом году.

Основная помощь из Москвы пошла после того, как президент Египта Анвар Садат разочаровался в

дружбе с Советским Союзом и в Кремле стали искать новых друзей на арабском востоке.

Когда в восемьдесят втором году в результате военной операции «Мир в Галилее» израильские войска выбили палестинские вооруженные формирования из Ливана, в Иерусалиме обнародовали список трофеев: восемьдесят танков, шестьдесят пять ракетных пусковых установок типа «Катюши», двести гранатометов, сто пятьдесят противотанковых управляемых снарядов, семьдесят тяжелых артиллерийских орудий, двадцать восемь единиц стрелкового оружия, четыре с половиной тысячи тонн боеприпасов...

Это была малая часть того, что Советский Союз поставил Организации освобождения Палестины. ООП располагала немалыми средствами для того, чтобы платить за оружие. Нефтяной бум создал избыток денег в арабском мире, из которых можно было что-то давать и палестинцам. Давала даже Ливия, хотя Муамар Каддафи почему-то не находил денег, чтобы расплатиться за то советское оружие, которое получал сам. Да и среди палестинцев много богатых людей, они жертвовали деньги на общую борьбу.

После разгрома палестинцев в Ливане Москва продолжала помогать Арафату, но его стратегическое значение упало.

Кроме того, против Арафата выступил президент Сирии Хафез Асад, который, почувствовав его слабость, попытался подмять под себя палестинское движение. Он отколол от ООП несколько групп. Москва разрывалась между обязательствами по отношению к Арафату и лояльностью к своему важнейшему союзнику — Сирии.

На истинный характер взаимоотношений Москвы и палестинцев проливают свет документы, которые по-

пали в руки израильтян в восемьдесят втором году и были опубликованы. Среди них запись беседы министра иностранных дел Андрея Громыко с Ясиром Арафатом от тринадцатого ноября семьдесят девятого года.

Громыко говорил, обращаясь к Арафату:

— Мы поддерживаем палестинскую, арабскую позицию. Мы, вне всякого сомнения, поддержим любое ваше предложение в ООН. Вам обеспечена поддержка наших социалистических друзей. Но последний вопрос — и это действительно только вопрос. Когда мы беседуем с американцами о палестинской проблеме, они спрашивают нас: разве можно иметь дело с ООП и соглашаться на создание независимого палестинского государства, если ООП не признает Израиль?.. Рассматриваете ли вы возможность определенных тактических уступок в обмен на признание со стороны враждебного лагеря? Рассматриваете ли возможность признания права Израиля на существование?

Арафат даже на секретных переговорах отвечал союзнику столь же уклончиво, как и на пресс-конференциях:

— Наша позиция — создание совместного государства для евреев и арабов. Нам отвечают: это означает уничтожение Израиля. В семьдесят четвертом году мы заявили, что создадим наше государство на любой части земли, с которой уйдет Израиль, и это наше право.

Громыко не хотел тратить время попусту и холодно закончил беседу:

— Если ваша позиция изменится, я прошу уведомить нас, поскольку избежать этого вопроса невозможно. Я прошу вас подумать об этом.

Если это подлинный документ, то он свидетельствует о весьма непростых отношениях между партнера-

ми, которые на людях демонстрировали самую горячую любовь друг к другу.

Но политические расхождения не мешали сотрудничеству военному. Впрочем, то, что палестинцы именуют военными операциями, принято называть терроризмом.

По некоторым подсчетам, с семьдесят третьего года примерно три тысячи палестинцев прошли военное обучение в Советском Союзе — в Баку, Ташкенте, Симферополе и Одессе.

Между Симферополем и Алуштой находился 165-й учебный центр по подготовке иностранных военнослужащих при министерстве обороны. В восьмидесятом году учебный центр переименовали в Симферопольское военное объединенное училище. Через него прошли восемнадцать тысяч боевиков из развивающихся стран. Учили здесь разведывательно-диверсионной работе — как захватывать склады оружия, подкладывать взрывные устройства, сбивать самолеты...

В брошенной палестинской канцелярии в Ливане израильтяне нашли один из отчетов палестинской военной миссии о поездке в Советский Союз, датированный двадцать вторым января восемьдесят первого года.

В отчете отмечалось, что часть прибывших на учебу палестинских курсантов пришлось отправить назад, потому что они торговали валютой, напивались, отказывались подчиняться советским инструкторам и не хотели изучать то, что полагалось по программе.

Побывавшие в лагерях палестинцы, в свою очередь, жаловались на то, что было слишком много политинформаций и слишком мало практических занятий. Во время боев в Ливане израильские офицеры отмечали, что лишь небольшая часть палестинских отрядов сра-

жалась достаточно умело. Остальные действовали неорганизованно, не умели пользоваться современным оружием и несли большие потери.

Этот отчет содержит крайне любопытную информацию:

«Наша группа прибыла в Симферополь. В группе сто девяносто четыре бойца. Представлены следующие фракции: ФАТХ, Армия освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины — Главное командование, Фронт освобождения Палестины...»

Московские политики всегда утверждали, что Организация освобождения Палестины занимается чистой политикой, террор — дело рук каких-то других, «раскольнических» групп, не контролируемых Арафатом. Но в советских учебных центрах палестинцев учили именно диверсионно-террористической деятельности. И среди курсантов в этих лагерях больше всего было людей Ясира Арафата.

Интересно, что Москва принимала на учебу и террористов из Демократического фронта освобождения Палестины — Главное командование, хотя публично жестокие акции этой группы осуждались.

Впрочем, Армия освобождения Палестины, действующая под руководством сирийского генерального штаба, тоже принадлежит к числу самых непримиримых и жестоких отрядов палестинского движения. Равно как и Народный фронт освобождения Палестины, возглавляемый Жоржем Хаббашем и Вади Хаддадом. Это они организовали большинство угонов самолетов и участвовали в самых кровавых акциях, начиная с расстрела пассажиров в израильском аэропорту Лод.

Двадцать третьего апреля семьдесят четвертого года председатель КГБ Юрий Андропов обратился к гене-

ральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу (этот документ рассекречен):

«Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с членом политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), руководителем отдела внешних операций НФОП Вади Хаддадом.

На встрече с резидентом КГБ в Ливане, состоявшейся в апреле с. г., Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП... В настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного центра в Тель-Авиве и др.

Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций...

Характер отношений с Хаддадом позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вади Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах... Просим согласия».

Согласие было дано. Иначе говоря, советские руко-

водители не только поддерживали международный терроризм, но и стали соучастниками примитивных уголовных преступлений.

Хаббаш и Хаддад были самыми обычными уголовниками. Они совершили несколько крупных ограблений и краж в Ливане, где они обосновались как у себя дома и обзавелись крупной коллекцией бесценных памятников искусства. Когда Вади Хаддад умер, Жорж Хаббаш не знал, что делать со своим богатством. О продаже награбленного где-то на аукционе не могло быть и речи. Даже частные коллекционеры не взяли бы награбленное.

Тогда Хаббаш предложил Москве выгодную сделку: он отдает Советскому Союзу драгоценности, древние монеты, статуэтки, которые специалисты оценивают в несколько миллиардов долларов, а взамен получает оружие и взрывчатку на сумму в восемнадцать миллионов долларов.

Предложение было принято на заседании политбюро двадцать седьмого ноября восемьдесят четвертого года. Этот документ, помеченный грифом «Особая папка. Особой важности», тоже рассекречен. В документе говорится:

«1. Согласиться с предложением Министерства обороны и Комитета государственной безопасности СССР, изложенными в записке от 26 ноября 1984 г.

2. Поручить КГБ СССР:

а) информировать руководство Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) о принципиальном согласии советской стороны поставить ДФОП специмущество на сумму в 15 миллионов рублей в обмен на коллекцию памятников искусства Древнего мира;

б) принимать от ДФОП заявки на поставку специмущества в пределах названной суммы;

в) совместно с Минкультуры СССР осуществить мероприятия, касающиеся юридической стороны приобретения коллекции.

3. Поручить ГКЭС и Минобороны рассматривать заявки Демократического фронта освобождения Палестины на специмущество на общую сумму в 15 миллионов рублей (в объеме номенклатуры, разрешенной для поставок национально-освободительным движениям), переданные через КГБ СССР, и предложения по их удовлетворению, согласованные с КГБ СССР, вносить в установленном порядке.

4. Поручить Минкультуры СССР:

а) принять от КГБ СССР по особому перечню коллекцию памятников искусства Древнего мира;

б) определить по согласованию с КГБ СССР место и условия специального хранения коллекции («золотая кладовая»), ее закрытой научной разработки и экспонирования в будущем. Совместно с Минфином СССР внести в установленном порядке предложения относительно необходимых для этого ассигнований;

в) решать вопросы экспонирования отдельных предметов и разделов коллекции по согласованию с КГБ».

Одну из самых отвратительных террористических операций — захват итальянского пассажирского судна «Акиле Лаура» — осуществил человек, прошедший выучку в Советском Союзе. Это был Абу Аббас, близкий к Арафату человек. Он возглавлял Палестинский фронт освобождения, входивший в ООП.

Его настоящее имя — Мохаммед Зайдан Аббас. Он родился в лагере палестинских беженцев в Сирии. Его родители предпочли уехать из Палестины, когда был создан Израиль, надеясь, что арабские государства быстро уничтожат еврейское государство и они вернутся.

Однако Израиль выжил, а семья Аббасов не захотела жить рядом с евреями.

В Дамасском университете Абу Аббас изучал арабскую литературу, заинтересовался марксизмом и таким образом оказался в ООП. Его приметил Ахмед Джибриль, лидер Народного фронта освобождения Палестины — Главное командование.

Имя Джибриля стало широко известным, когда его люди захватили жилой дом в маленьком израильском городке и убили там восемнадцать мирных жителей. Джибриль заявил, что создает «новую школу борьбы с применением высшей степени революционного насилия».

В семьдесят третьем году Абу Аббас (ему было двадцать пять лет) отправился в Советский Союз получать военную подготовку, и в дальнейшем он поддерживал связи с сотрудниками советской внешней разведки в арабских странах.

Обучение пошло ему на пользу. Он пытался захватывать самолеты и взрывать израильские порты. Летом семьдесят восьмого боевики ФАТХ зафрахтовали греческое судно. В порту Латтакия, где проходят обучение палестинские аквалангисты-диверсанты, сирийцы загрузили на судно ракетные установки советского производства, в Триполи взяли на борт четыре тонны тринитротолуола.

Цель операции: обстрелять ракетами израильский порт Эйлат, стараясь поджечь нефтеперегонный завод. После чего экипаж намеревался покинуть судно на катере, а судно с грузом взрывчатки, направляемое автоматической системой наведения, должно было врезаться в причал. Взятой на борт взрывчатки хватило бы на то, чтобы почти полностью разрушить Эйлат и уничтожить множество мирных жителей.

Но в сорока милях от Эйлата израильский патрульный катер перехватил судно с палестинцами. Террористов судили и приговорили к различным срокам тюремного заключения.

Пойманные палестинцы охотно беседовали с иностранными журналистами. Заместитель начальника группы Хадир рассказал, что учился на военных курсах под Севастополем: подрывное дело, закладка минных полей, взрывы мостов, ведение боевых действий в условиях применения ядерного, химического и биологического оружия.

— Перед поездкой, — рассказывал Хадир, — в нашем лагере в Шатиле мы одолели подготовительный курс по истории и культуре Советского Союза. Нам внушали, что мы должны привыкнуть беспрекословно выполнять приказы советских инструкторов и не вести дискуссии на политические темы.

Боевики ФАТХ приезжали в Советский Союз с паспортами умерших иорданцев и ливанцев, в которых были переклеены фотографии.

— Каждый получил на дорогу двести долларов, — продолжал Хадир, — потому что русские старались всеми средствами раздобыть твердую валюту. Нас предупредили, чтобы мы не занимались контрабандой и спекуляцией. Предыдущая группа на этом и погорела.

В восемьдесят втором году Абу Аббас поссорился с Джибрилем и его сирийскими друзьями, которые пытались взять под контроль всех палестинцев, и пришел к Арафату.

Захватив итальянское судно с туристами, люди Аббаса убили одного из пассажиров — шестидесятидевятилетнего инвалида — только потому, что он был евреем. Президент Соединенных Штатов Рональд Рейган

был настолько возмущен, что приказал применить военную силу для освобождения пассажиров.

Тогда Ясир Арафат заявил, что ООП не имеет никакого отношения к захвату судна, и приказал Абу Аббасу освободить заложников. Позднее стало известно, что Арафат объяснял своим помощникам: «Операция была необходима, потому что заставила весь мир дрожать перед палестинскими воинами».

Абу Аббас нашел приют в Багдаде. Саддам Хусейн финансировал палестинских боевиков. Когда режим Саддама рухнул, Абу Аббас пытался бежать в Сирию, но сирийцы его не приняли. Отработанный материал никому не нужен. В арабском мире старые заслуги ничего не стоят. Спецназ 82-й американской воздушно-десантной дивизии задержал в Багдаде генерального секретаря боевой организации Фронт освобождения Палестины и члена исполкома Организации освобождения Палестины Абу Аббаса...

Личная организация Арафата — ФАТХ — старается не принимать участия в одиозных акциях. Остальные группы, входящие в ООП, считают убийства мирных людей нормальным средством борьбы с «сионистским образованием»:

— Все израильские граждане рассматриваются как солдаты противника и подлежат уничтожению, поскольку их смерть ослабляет Израиль.

Неверно было бы предположить, что советский КГБ, или министерство государственной безопасности ГДР, или спецслужбы других социалистических стран руководили террористическими операциями палестинцев или напрямую в них участвовали, — прежде всего потому, что, за малым исключением, каждая палестинская группа уже имела своего сюзерена — сирийского президента Асада, иракского Хусейна, ливийского ли-

дера Каддафи. Только Ясир Арафат старался сохранить независимость своей организации — ФАТХ.

Сотрудники советской внешней разведки и их восточноевропейские коллеги старались поддерживать тесные контакты с палестинцами не только ради совместной борьбы с сионизмом и империализмом. С палестинскими террористами приходилось держать ухо востро и следить за тем, чтобы они проводили свои акции за пределами социалистического лагеря.

Из отчета, хранившегося в архиве министерства государственной безопасности ГДР:

«По поручению товарища Хонеккера министр государственной безопасности Эрих Мильке договорился с руководящим представителем Организации освобождения Палестины Абу Айядом о помощи и поддержке справедливой борьбы арабского народа Палестины. Товарищ министр заверил представителя ООП, что корабельные подрывные заряды и ручные гранаты будут предоставлены в желаемом количестве».

Мильке просил также передать благодарность Ясиру Арафату за то, что во время советско-американской встречи на высшем уровне в Вене не было предпринято никаких акций против американского президента. Эрих Мильке был признателен Арафату и за то, что ООП согласилась не проводить террористических операций на территории ГДР.

Москва хотела все знать о ближневосточном, исламском терроризме еще и потому, что после вторжения в Афганистан она утратила симпатии исламского мира.

Мусульмане повернулись спиной к былому другу. Теперь уже следовало позаботиться о том, чтобы жертвами палестинцев не стали граждане социалистического блока.

Взращенный совместными усилиями зверь вышел из повиновения. Осенью восемьдесят пятого года Советский Союз обеднел еще на одну иллюзию.

Похищения давно стали стандартным методом борьбы в Ливане, только обычно их жертвами становились американцы, и это называлось борьбой с империализмом.

Тридцатого сентября восемьдесят пятого года палестинские боевики похитили четырех сотрудников советского посольства и торгпредства. Почти двадцать лет спустя об этом рассказал тогдашний резидент советской разведки в Бейруте полковник Юрий Николаевич Перфильев.

К тому времени все более влиятельными в стране становились проиранские группировки, они взорвали казармы американских и французских миротворцев в Ливане. Агрессивнее всех вела себя «Хезбалла» (партия аллаха), которую Перфильев называет просто бандой. Руководили этой бандой из Тегерана.

Двое похищенных были разведчиками: Олег Спирин работал под прикрытием атташе посольства, Валерий Мыриков числился инженером в торгпредстве. Кроме того, в заложники взяли сотрудника консульского отдела Аркадия Каткова и посольского врача Николая Свирского. При захвате Каткова ранили из автомата. Причем это произошло практически рядом с посольством.

Заложников доставили в район, где на стенах висели портреты Хомейни. Они поняли, что оказались в руках проиранских фундаменталистов. Заложников раздели до трусов, поставили на колени.

Брата одного из организаторов похищения случайно убили в междоусобной схватке, поэтому пошли разговоры, что советская разведка уже нашла похитите-

лей и наши мстят. На самом деле ни в посольстве, ни в Москве не знали, кто похитители и как до них добраться.

У раненого Каткова началась гангрена. Бандиты вывезли его в пустынное место — на стадион — и застрелили.

С просьбой о помощи обратились к Ирану, Иордании и Ливии. Все обещали помочь. Никто ничего не сделал.

Ясир Арафат сразу заявил, что он друг Советского Союза и уже заплатил сто тысяч долларов, чтобы советских дипломатов отпустили. Выяснилось, что похищение организовано бывшими телохранителями Арафата.

Это стало ясно, когда похитители через прессу изложили свои требования: Москва должна заставить Сирию прекратить кровопролитие в Ливане, то есть не убивать больше палестинцев. Террористы передали журналистам фотографии всех четырех похищенных с пистолетами у виска.

Посольство и резидентура внешней разведки попросили Москву воздействовать на Сирию, чтобы она прекратила бессмысленные и жестокие операции на севере Ливана вокруг города Триполи, где сирийцы уничтожали палестинцев и исламских радикалов. Президент Хафез Асад выполнил просьбу Москвы.

В какой-то момент заложников решили освободить. Но позвонил Афарат из Туниса и распорядился:

— Никого не освобождать, пока не будет гарантий.

— Чьих?

— Моих.

Этот разговор был перехвачен ливанской контрразведкой, которая с удовольствием показала текст радио-

перехвата советским дипломатам — вот как ведет себя ваш лучший друг.

Впоследствии все стало известно.

Советских людей захватили палестинцы и передали их «Хезболла». Арафат решил воспользоваться удобной ситуацией. Во-первых, добиться, чтобы Москва заставила Сирию прекратить войну против палестинцев. Во-вторых, предстать перед Москвой освободителем. Поэтому он приказал не спешить с освобождением заложников.

Похитившие советских людей бандиты обосновались в лагере палестинских беженцев Шатила. По словам Перфильева, палестинцы жили в Бейруте, как пауки в банке. Они бесконечно конфликтовали между собой.

А из первого главного управления (внешняя разведка) КГБ в бейрутскую резидентуру пришло указание: сделать так, чтобы освобождение заложников было организовано через палестинцев и лично Арафата. Разведчики, сделавшие карьеру на контактах с Арафатом, доказывали своему начальству его полезность.

Полковник Перфильев встретился с духовным лидером «Хезболла» Мохаммедом Хусейном, утвержденным на этот пост Ираном. Перфильев рассказывал, что он фактически пригрозил шейху:

— Великая держава не может бесконечно ждать освобождения заложников. Последствия могут быть непредсказуемыми не только для находящихся в Ливане группировок, но и для тех, кто стоит за ними. Ошибка при запуске ракеты всегда может быть, а Тегеран и Кум не так уж далеки.

Угроза подействовала. Заложников освободили.

Советские люди утратили свой иммунитет от террористических акций. Помощи пришлось искать не у

старых друзей, а у прежних врагов. С началом перестройки это стало возможным. Так, в девяностом году, когда стало известно, что палестинские террористы готовят акцию против советской сборной по футболу, прилетевшей на чемпионат мира в Италию, КГБ обратился за помощью к итальянской контрразведке СИСМИ. Помощь была оказана, советские футболисты избежали худшего.

Пятого сентября семьдесят второго года восемь палестинцев преодолели ограду вокруг Олимпийской деревни в Мюнхене и ворвались в помещение, которое занимала израильская команда. Двух спортсменов убили сразу, остальных взяли в заложники.

Израиль попросил правительство ФРГ принять любые меры для освобождения заложников. Немцы действовали на редкость неумело, и палестинские террористы успели уничтожить одиннадцать израильских спортсменов.

Весь мир говорил об этой трагедии. Молчали только в Советском Союзе; восхвалять действия террористов было неудобно, а критиковать палестинских друзей невозможно.

Спортивный телекомментатор Нина Еремина вспоминала: *«На Олимпиаде в Мюнхене нам пришлось молчать про жуткий захват террористами заложников. Бандиты захватили тогда израильскую команду. Все страны тогда передавали репортажи в прямом эфире. А мы приезжали на место трагедии и делали вид, что тоже передаем, «снимали» выключенной камерой. Это было страшно. Безумно. Там был перерыв на день, объявили траур. Мы с нашим корреспондентом Колей Малявиным тайно пошли в деревню, где это происходило. Я мечтала поскорее уехать домой...»*

Десятилетиями Советский Союз оказывал мораль-

ную поддержку палестинским террористам, доказывая, что они имеют право убивать во имя создания собственного государства. Эти призывы были услышаны. И вот уже многие годы чеченские боевики убивают мирных людей, доказывая, что они ведут национально-освободительную войну. Почему им нельзя делать то, что позволено палестинцам?

Чеченские боевики получили помощь и поддержку от тех, кто столько лет считался лучшими советскими друзьями, — от арабских стран.

В исламском мире не любят, когда задевают единоверцев. Война в Чечне многими была воспринята как попытка Москвы подавить стремление мусульманского населения к самостоятельности. И события в Чечне — для радикальных кругов в исламском мире — это прежде всего восстание мусульман, которые желают жить по своим законам.

Война в Чечне заставила исламскую молодежь в самой России осознать свою принадлежность к мусульманскому миру, почувствовать свое единство со всеми, кто исповедует ислам. Это, говоря сегодняшним языком, новые мусульмане. Причем новое поколение, похоже, выбирает радикальный ислам.

Можно смело говорить о существовании всемирной исламской солидарности. Ведь ислам не признает границ, ислам безграничен. Любая страна, где исповедуется ислам, является родиной любого мусульманина. Вот почему исламисты считают возможным и необходимым приходить на помощь единоверцам по всему миру, в том числе в Чечне.

Проповедовавший в лондонской мечети Абу Хамза аль-Масри был арестован в мае две тысячи четвертого года по обвинению в организации и финансировании

террористических акций в разных странах (см.: «Независимая газета», 2004 г., 1 сентября).

Когда-то он женился на англичанке и смог остаться в Великобритании. Он помогал раненым моджахедам, которые приезжали в Англию лечиться. А затем и сам отправился в Афганистан, где при взрыве мины потерял глаз и руку. В Лондон он вернулся не только радикальным исламистом, но и сторонником создания всемирного халифата.

Он рассказал, что «финансирует операции палестинской молодежи». Кроме того, Абу Хамза призвал единоверцев поддержать чеченских сепаратистов и открыл «исламский лагерь» для подготовки боевиков...

Через несколько часов после взрывов у станции метро «Рижская» в Москве тридцать первого августа две тысячи четвертого года ответственность взяла на себя организация «Бригады Исламбули». В Интернете она поместила извещение:

«Эта героическая акция была совершена в рамках поддержки чеченских мусульман. В будущем мы продолжим нашу борьбу против неверной и трусливой России и презренного Путина, который продолжает убийства мусульман с тех пор, как стал во главе безбожной России. Нашей целью является Россия, и мы начинаем вести против нее кровавую и яростную войну. Русские сами испытают тот же страх и те же страдания, которые они причиняли мусульманам».

Халед аль-Исламбули — это тот самый лейтенант египетской армии, который убил президента Анвара Садата. Его брат, Мохаммед Шавки аль-Исламбули, стал соратником Осамы бен Ладена. Скорее всего — это самозванцы. Но характерно, что исламские радикалы называют Россию врагом. Все усилия поладить с ними пошли прахом.

Во время антитеррористических операций на территории Палестинской автономии израильтяне обнаружили и передали российскому посольству материалы о связях палестинской террористической организации «Хамас» с чеченскими боевиками.

В своих пропагандистских материалах палестинцы заявляют о поддержке боевиков и называют Басаева и Хаттаба героями. Более того, палестинцев призывают к борьбе «на стороне Ичкерии против русских убийц».

Столько денег и сил было потрачено на дружбу с арабскими боевиками — для того чтобы они пришли в нашу страну убивать нас и наших детей?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 5

Часть первая. СИОНИСТЫ СТАНОВЯТСЯ ДРУЗЬЯМИ МОСКВЫ 7

Майский и Вейцман 10
Декларация Бальфура 14
Мнение Дзержинского 24
Филби-старший, Филби-младший и ваххабиты . . . 52
Рузвельт и Трумэн 59
Первые контакты с советскими дипломатами 74
Уманский, Литвинов и Громыко 91
Ввязаться в драку между Америкой и Англией . . . 99
Советский союз приходит на выручку сионистам . 109
Громыко произносит свою знаменитую речь. . . . 124
Оружие для евреев 145

Часть вторая. МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ И ПОЛНЫЙ РАЗРЫВ 159

Авиамост Чехословакия — Палестина 164
Египетская армия атакует Израиль 176
«Да здравствует дружба между СССР и Израилем!» 185
Товарищ Сталин поручает Эренбургу... 194
Антифашистский комитет закрыт 211
История Молотова и его жены 224
Вышинский в роли министра 236
Американского посла просят не возвращаться . . . 274
Взрыв в Тель-Авиве. 285

Часть третья. БУМЕРАНГ. 301

Скандал вокруг египетского посла. 302
Дмитрий Шепилов и Гамаль Абд-аль Насер 311
Война из-за Суэцкого канала 326
Советский Союз и Соединенные Штаты против Израиля. 343

Шепилова сменяет Громыко 354
Между Насером и коммунистами 364
Бен-Гурион просится в Москву 378
Как готовилась шестидневная война. 393
Что советская разведка сообщила Насеру?. 409
Разгром и новый разрыв 427
Послевоенная дипломатия 446
Бумеранг возвращается 457

Леонид Млечин

ЗАЧЕМ СТАЛИН СОЗДАЛ ИЗРАИЛЬ?

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *А. Мусаев*
Корректор *Н. Хаустова*
Ответственный за выпуск *А. Светлова*
OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

ЛР № 065715 от 05.03.1998
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15, к. 4
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
Контактный тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать с готовых монтажей 22.02.2005.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 25,35.
Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 10938.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

Еврейское государство было создано не Соединенными Штатами, а Советским Союзом. Израиль бы никогда не появился, если бы этого не захотел Сталин, в ту пору — лучший друг сионистов. Израиль бы не выжил, если бы Сталин не снабдил его оружием и солдатами в ту пору, когда американские политики менее всего желали появления еврейского государства.

Но ради чего он это сделал? Какие тайные интересы связывал с Ближним Востоком? Почему так быстро переменился к Израилю? И главный вопрос: что принесло нашей стране сближение с арабским миром? Рассекреченные документы Министерства иностранных дел позволяют понять скрытые мотивы советской дипломатии на Ближнем Востоке.

Эксмо

ISBN 5-699-08094-5
52
080946